ЛМ
Ш24
-1-

Б. ШАПОШНИКОВ

МОЗГ АРМИИ

ЛМ
М-24

1927
ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК

ЛМ
Ш 94

355

Б. ШАПОШНИКОВ

МОЗГ АРМИИ

КНИГА ПЕРВАЯ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
6.21.13

ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК
МОСКВА 1927

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
"ПРИБОЙ"
ИМЕНИ
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
ПР. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
60173 М

Главлит № 73.526 Тираж 5.000 экз. 17 л. Заказ № 1646.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Стр.

Мировая война и ее влияние на жизнь общества и военное дело. — Современный характер войны и подготовка к ней. — Цель труда — исследование деятельности генерального штаба. — Генеральный штаб и критика. — Рост значения генерального штаба перед мировой войной. — Мировая война и генеральный штаб. — Необходимость существования генерального штаба. — Метод работы — путь исторический. — Выбор исторического об'екта исследования. — Необходимость выбора примера из мировой войны. — Причины, побудившие остановиться на исследовании австро-венгерского генерального штаба. — Конрад и его труд: «Из моей службы в 1914—1918 г.г.». — Его оценка в нашей литературе.—Трудности предпринятой работы 11

ГЛАВА I. АВСТРО-ВЕНГРИЯ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Территория и население Австро-Венгрии. — Занятие населения монархии. — Экономика страны. — Военная промышленность. — Торговля Австро-Венгрии. Бюджет. — Австрийский империализм. — Внутреннее положение монархии — борьба национальностей. — Рабочее движение. — Государственное устройство. — Буржуазия и чиновничество. — Личность Франц-Иосифа. — Франц-Фердинанд — его характер и взгляды. — Внешняя политика Австро-Венгрии. — Союз с Германией. — Союз и отношения с Италией. — Балканский вопрос. — Австро-Венгрия и Россия. — Австрия и Италия на Балканах. — Безвыходное положение Австро-Венгрии и ее неминуемая смерть. 22

ГЛАВА II АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ АРМИЯ И ФЛОТ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Лагерь Валленштейна — основа армии Габсбургов. — Полководческая боязнь Габсбургов. — Основы спайки австро-венгерской армии. — Революция 1848 года и армия. — Конституция 1867 года и разделение армии. — Основы устройства армии и ее комплектование. — Вопрос языка. — Облик командного состава. — Корпус резервных офицеров. — Управление армией. — Краткие данные об организации армии. — Общий численный состав армии. — Высшие соединения армии.— Дислокация армии. — Увеличение контингента армии. — Бюджетная численность армии в 1905 г. — Армия военного времени в 1905 г. — Штаты и боевая подготовка. — Вооружение и техническое снабжение армии. — Военный бюджет. — Солдатская масса. — Флот Австро-Венгрии. 41

ГЛАВА III. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ

Основание австро-венгерского генерального штаба. — Поражение 1866 года и его следствия для генерального штаба. — Обособленность генерального штаба с 1875 года. — «Организационные постановления 1900 года» и общие функции генерального штаба. — бюрократические связи начальника генерального штаба. — Двойственное подчинение начальника генерального штаба. — Конрад о круге своей работы. — Конрад о тесной связи в работе начальника генерального штаба с министром иностранных дел. — Сущность работы

Стр.

начальника генерального штаба по стратегическому развертыванию. — Структура австро-венгерского генерального штаба и функции его подразделений. — Штатная численность австро-венгерского генерального штаба. — Взаимоотношения генерального штаба с армейскими инспекторами, военными министерствами и флотом. — Войсковой генеральный штаб. — Общая численность генерального штаба в 1905 и 1911 г.г. — Пополнение генерального штаба. — «Устойчивость» в должности начальника генерального штаба. — «Нормальный» день начальника генерального штаба. — «Тяжесть» работы начальника генерального штаба. — Тип австрийского офицера генерального штаба. — «Тесный круг» около начальника генерального штаба. — Энгельс о подборе состава штаба. — Характер работы германского генерального штаба. — Болтливость австрийских офицеров генерального штаба. — Превалирующее значение генерального штаба в подготовке к войне. — «Стратегия государства» и «сверхгенеральный штаб». — Плюсы и минусы в работе австрийского генерального штаба. — Ответственность и тяжесть службы генерального штаба 59

ГЛАВА IV. НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КОНРАД

Взгляд Конрада на личность в истории. — Личность начальника австро-венгерского генерального штаба Конрада. — Военное образование. — Боевой опыт. — Лектор тактики в академии. — Дальнейшая строевая служба. — Назначение начальником генерального штаба—осень 1906 года. — Значение командования строевыми частями для генерального штаба. — Ум Конрада. — Волевые качества Конрада — инициатива и самостоятельность. — Страстность начальника штаба. — Замкнутость его. — Женитьба Конрада и следствия ее. — Военные взгляды Конрада. — Увлечение изучением войны 1870 года и германской военной литературой. — Преклонение перед Мольтке (старшим). — Изучение современной тактики и поверка ее на истории войн. — Конрад на полях сражений последних войн. — Военно-литературные труды Конрада. — Стратегические думы начальника штаба. — Взгляды Конрада на подготовку войск. — «Бой — первостепенное военное действие и его понимание Конрадом. — Способность армии к большим напряжениям. — Взгляды начальника штаба на метод внедрения в армию военных знаний. — Конрад—политик. — Политическая подготовка начальника штаба.— Участие Конрада в политике. — Мнимая его аполитичность. — Взгляды Конрада на внутреннюю политику монархии. — Конрад и внешняя политика. — Франц-Иосиф и Конрад. — Отношения к Конраду Франц-Фердинанда. — Личные канцелярии. — Начальник генерального штаба и совм министров Австро-Венгрии. — Политические деятели монархии и Конрад. — Связи Конрада за границей. — Личная жизнь Конрада 77

ГЛАВА V. ТЕНИ ПРОШЛОГО

Трудность оценки Конрада. — Обращение к классикам и истории. — Шлиффен о полководце. — «Открытие начальника штаба». — Причины «пессимизма» Шлиффена. — Энгельс о гениальных полководцах. — «Коллективный» полководец. — Начальник генерального штаба — скрытый главнокомандующий. — Наполеон о полководце. — «Равновесие ума и характера». — Смелость. — Моральная храбрость. — Работоспособность полководца. — Мысли Клаузевица о полководце. — «Сплав духа с умом». — Место главнокомандующего в правительстве. — Мольтке о полководце и начальнике штаба. — «Полная свобода» полководца, «ответственность» его «перед богом и своею совестью». — Армия — фокус всей жизни государства. — «Полководец» Франции в понятии 70-х годов XIX столетия. — «Полководец» по Шлиффену. — Бернгарди о полководце. — Школа Леваля. — Русские взгляды на полководца. — Гинденбург и Людендорф в рассуждениях о самих себе 93

ГЛАВА VI. ДУМЫ О НАЧАЛЬНИКЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

А. Свечин об «интегральном полководце». — Ум Конрада — «односторонне изучающий». — Конрад—политик. — Самостоятельная политика Конрада. — Отсутствие «политического чутья» у Конрада. — Политика и стратегия в современном освещении. — Военные познания Конрада. — Конрад — «интеллектуалист». —

Стр.

Значение «боевого опыта». — Соразмерность цели со средствами. — Отсутствие у Конрада способности разбираться в людях. — Сильный характер, упрямство и горячность Конрада. — Отсутствие у Конрада «квадрата» Наполеоны. — Работоспособность Конрада. — Его замкнутость и причины таковой. — Работа в массах. — Конрад — «обыкновенный человек», член «коллектива», управляющего войной в целом 112

ГЛАВА VII. АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ В ЛИЦАХ

Конрад о взаимоотношении начальника штаба с командованием. — Взгляды Конрада на важность работы штаба. — Что требуется от сотрудников штаба. — Отношения Конрада к его органам управления. — Внедрение начальником штаба своих взглядов. — Заботы Конрада о физической крепости подчиненных. — Интимный круг начальника генерального штаба. — Персонажи штаба. — Штаб-офицер для поручений при начальнике штаба — Пуц и Кундман. — Заместитель Конрада Хофер. — Начальник оперативного бюро — Мецгер. — Сотрудники оперативного бюро. — Разведывательное бюро и его сотрудники. — Начальник военных сообщений — Штрауб. — Начальники этапного и телеграфного бюро. — Начальник архива — Хоен. — Начальник Военной академии — Краусс 120

ГЛАВА VIII. ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Дореволюционный генеральный штаб Франции. — Наполеон и его штаб. — Возникновение «дуумвирата». — Русский генеральный штаб начала XX века. — Германский генеральный штаб при Мольтке (старшем) — Борьба за власть. — Бои германского генерального штаба на политическом фронте. — Бисмарк о Вальдерзее. — Бисмарк и Капрви. — «Политика — не поле сражения». — «Шпион императора». — Верди-дю-Вернуа. — Борьба генерального штаба на военном фронте. — Подготовка Мольтке сотрудников генерального штаба. — Воздействие генерального штаба на строевое командование в принятии решений в бою. — Шлиффен и его невмешательство в политику. — Шлиффен, как воспитатель германского генерального штаба. — Мольтке (младший) и его работа по подготовке генерального штаба. — «Интимный» круг Мольтке. — Характеристика сотрудников штаба Мольтке. — Людендорф и Штейн. Вальдерзее и Таппен. — «Величие и замкнутость оперативного отделения». — Людендорф о своем штабе. — Французский генеральный штаб после Наполеона. — Гувион-Сен-Сир и его проект о генеральном штабе. — Поражения 1870 года. — Генеральный штаб в начале XX столетия. — «Младотурки» генерального штаба и их атака. — Грандмезон и гибель Мишеля. — Жоффр — начальник генерального штаба и его «главная квартира». — Жоффр в представлении Пьеррфе. — Сотрудники оперативного отделения и их начальник Гамелен. — Начальник первого отделения Бель. — «Гостеприимство» Жоффра 126

ГЛАВА IX. «ОТ НЕГО ВСЕ КАЧЕСТВА».

Коллективное управление войной в целом. — Современный «полководец» в управлении войной. — Необходимость и значение аппарата управления войной. — А. Свечин о генеральном штабе. — Главные обязанности полководца наших дней. — «Авторитет» начальника генерального штаба и «интимные» кружки при нем. — «Авторское право» в генеральном штабе. — Развитие инициативы в сотрудниках генерального штаба. — «Тулон» в работе генерального штаба. — Требования к штабным работникам. — Отношения начальника генерального штаба к подчиненным. — Воспитание начальником генерального штаба своих подчиненных. — Политический кругозор сотрудников генерального штаба. — Развитие волевых свойств у сотрудников генерального штаба. — Работоспособность их. — Молчаливость и скромность генерального штаба. — Общительность. — Тактичность сотрудников генерального штаба. — Характер устных докладов. — Генеральный штаб и строй. — «Более быть, чем казаться». 143

ГЛАВА X. КОНРАД И ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ АВСТРО-ВЕНГРИИ

Клаузевиц о политике и войне. — Ленин о внутренней политике и войне. — Источники политического воспитания Конрада. — Теория Конрада о государ-

стве. — Отношения Конрада к внутренней политике—«принципиальное» невмешательство в нее. — Конрад о связи внутренней и внешней политики Австро-Венгрии. — Политика чувств и идей. — Внутренняя политика монархии в понятии Краусса. — Конрад о силе государства и силе армии. — Условия для создания сильной и боеспособной армии: численность армии, дух ее, организация. — Области внутренней политики, куда вторгался генеральный штаб,—экономика, управление Боснией и Герцеговиной, печать и борьба с разведкой и пропагандой противника. — Усиление армии и меры в этом со стороны Конрада. — Разговор Конрада с военным министром 8 февраля 1908 года, — «воз и ныне там». — Национальная политика монархии и ее влияние на усиление армии. — Хлопоты Конрада об усилении армии. — Письмо Конрада 30 марта 1911 года о мерах оздоровления правительства. — Дух народа и дух армии. — Единство государства и единство армии. — Национальная борьба. — Конрад в венгерском вопросе. — Конрад об единстве армии. — «Родной язык» и единый «служебный» язык. — Конрад в религиозном вопросе. — Генеральный штаб и классовая борьба в монархии. — Стремление Конрада направить внутреннюю жизнь монархии войной— советы начальника германского генерального штаба. — Генеральный штаб и пресса. — Конрад в вопросе об управлении Боснией и Герцеговиной. — Дислокация войск и внутренняя политика. — Линии внутренней политики в «мемуаре» Конрада 1913 года. — Конрад в вопросах укрепления дисциплины в армии. — Командный состав и его положение в армии в понятии Конрада 155

ГЛАВА XI. «ПОИСК» В ИСТОРИЮ

Характер армий Великой Французской Революции. — Связь армии с народом. — Отрыв армии. — «Солдатская» армия Бонапарта. — Прусский ландвер. — Кадровая армия. — Упрек Людендорфа Клаузевицу. — Клаузевиц о войне и внутренней политике. — Мысли Мольтке (старшего) об армии и ее значении в государственной жизни страны, о милиции, о значении воспитания в армии. — Энгельс о войне 1870—1871 г. и прусской военной системе. — Людендорф о внутренней политике. — Мысли Людендорфа из «Воспоминаний» и его труда «Ведение войны и политика». — Выводы Ферстера в книге «Шлиффен и мировая война». — Решительность старика Бернгарди. — Краусс о политике и войне. — Идеи Дюпюи 170

ГЛАВА XII. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА И ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

Экономика и политика. — Учет генеральным штабом влияния экономики на политику. — Внешняя и внутренняя политика, их соотношение между собой и экономикой. — Война — производное экономики. — Внутренняя политика определяет характер войны—мысли Ленина. — Война подытоживает внутреннюю политику. — Армия—отражение государственности. — Политическое лицо армии и внутренняя политика. — Мысли Конрада о политической подготовке военнообязанных до поступлении в армию. — Национальный вопрос и армия. — Социальное движение и армия. — Пресса и генеральный штаб. — Политическая работа в армии. — Единая политика в армии и в стране. — Особые политические органы в армии. — Роль командного состава в политической работе в армии и требования, предъявляемые к командному составу. — Дисциплина. — Дислоцирование армии. — Роль генерального штаба во внутренней политике государства. — Принципиальное невмешательство генерального штаба во внутреннюю политику и его изнанка. — Национальные советы обороны и их роль в ведении войны. — Генеральный штаб получает ориентировку во внутренней политике от государственного органа, подготовляющего и ведущего войну. — Роль особого политического органа в армии. — Генеральный штаб и пресса. — П. П. Лебедев и А. Свечин о значении внутренней политики в подготовке к войне. — «Пророчество» Блиоха о причинах прекращения мировой войны. . 184

ГЛАВА XIII. КОНРАД В ВОПРОСАХ ВООРУЖЕНИЯ И СНАБЖЕНИЯ АРМИИ

Влияние экономики на войну. — Учение Энгельса о влиянии экономической силы на войну. — Основы успеха в войне по Конраду. — Конрад о значении для армии материального снабжения и техники. — Конрад и перевооружение

армии. — Компетенция генерального штаба в вопросе вооружения. — Конрад о развитии артиллерии. — Программа развития артиллерии и препятствия к ее осуществлению. — Хлопоты Конрада. — Бюрократизм военного министерства. — Беседа Конрада с директором завода Скода. — Увеличение числа пулеметов в пехоте и коннице. — Перевооружение пехоты новым образцом ружья. — Конрад в поисках автоматического ружья и его взгляды на перевооружение пехоты. — Хлопоты Конрада о повышении продукции Штейеровского оружейного завода. — Генеральный штаб в вопросе о введении в армию усовершенствованных образцов других технических средств. — Развитие автомобильного дела. — Генеральный штаб и развитие воздушного флота Австрии. — Конрад в вопросе о питании армии во время войны ружейными патронами и снарядами. — Подготовка Францией, Германией и Россией питания патронами и снарядами во время войны. — Конрад в роли судьи виновников снарядного голода. — Конрад и тактика подвоза армии 200

ГЛАВА XIV. ПОДГОТОВКА АВСТРО-ВЕНГРИИ К ВОЙНЕ

Конрад об использовании материальных средств страны для целей войны. — Мобилизация военных заводов. — Мобилизация гражданской промышленности. — Неосведомленность Конрада в заграничном военном рынке, состоянии экономики своей страны и финансовой ее мощи — Действительная финансовая сила Австро-Венгрии. — Подготовка войны в продовольственном отношении. — Генеральный штаб в экономической подготовке войны. — Военный бюджет. — Заботы Конрада об увеличении бюджета. — Конрад о развитии морского флота. — Большая десятилетняя программа Конрада осени 1910 года. — Стремление быть готовым к войне к весне 1912 года. — Рост армий европейских государств и рост их военных бюджетов. — Разбор большой программы Конрада 1910 года. — Рассмотрение военного бюджета в делегациях в феврале 1911 года. — Изолирование Конрада от защиты военного бюджета. — Отношения его с военным министром. — Доклад Конрада у Франца-Иосифа. — Просьба Конрада об отставке. — Совет министров 5 марта и защита Конрадом своей программы. — Последние усилия Конрада провести свою бюджетную программу. — Отношения Франц-Фердинанда к вопросу о военном бюджете и его борьба с «кликой» Эренталя. — Уход в отставку военного министра. — Программа Конрада 1913 г., проект формирования резервной армии и проект реорганизации ландштурма. — Второй бой за военный бюджет. — Совет министров 3 октября 1913 года и урезка испрашиваемых кредитов. — Развитие контингента и военного бюджета европейских государств. — Агитация в прессе Австрии за дальнейшие вооружения 215

ГЛАВА XV. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Экономика в эпоху кабинетных войн. — Влияние экономической силы на войну в эпоху Французской Революции и Наполеона. — Стратегия сокрушения и стратегия измора. — Энгельс о роли полководца. — Клаузевиц о влиянии экономики на войну. — Значение войны 1870—1871 г.г. — Мысли Мольтке (старшего) о характере будущей войны и ее продолжительности. — Приход стратегии измора. — Шлиффен о характере и продолжительности будущей войны. — Ошибки Шлиффена. — Взгляды германского генерального штаба и политических деятелей Германии после 1905 года на продолжительность войны. — «Пророчества» Блиоха о будущей войне. — Современные потуги официальных историков Германии 232

ГЛАВА XVI. ЭКОНОМИКА И ВОЙНА

«Первичное» в войне. — Характер войны. — Положение Клаузевица. — Ошибки в определении характера мировой войны. — Кто определяет характер войны и применение стратегии сокрушения или стратегии измора. — Характер войны и экономика. — Характер будущей войны. — Подготовка войны на экономическом фронте. — Экономический план войны. — Запасы сырья. — Финансовая подготовка. — Транспорт. — Мобилизация гражданской промышленности. — Экономическая мобилизация. — Руководство подготовкой войны на экономическом

Стр,

фронте. — «Экономический генеральный штаб». — «Интегральный генеральный штаб». — Органы государства, а не генерального штаба, руководят подготовкой к войне на фронтах экономическом и политическом. — Задачи генерального штаба в экономической подготовке к войне государства. — Военный план снабжения армии. — Участие в нем генерального штаба. — Деятельность Конрада в военном снабжении австро-венгерской армии. — «Реальный» план снабжения армии. — Военный бюджет. — Его определение до мировой войны и ныне. — Военный бюджет и численность армии. — Военный бюджет и стоимость войны. — Соответствие военного бюджета хозяйственной жизни государства. — Генеральный штаб — «ростовщик». — «Бюджетная численность» вооруженных сил. — Военный бюджет и режим экономии. — Соотношение основных элементов вооруженных сил и военный бюджет. — Рассрочка военного плана по годам. — Составление и утверждение военного бюджета. — Роль в этом генерального штаба . 243

ПОСЛЕСЛОВИЕ. 258

ИСТОЧНИКИ

1. *Auffenberg-Komarow.* — Aus Österreich. — Ungarns Teilnahme am Weltkriege. — Berlin und Wien, 1920.
2. *Bauer.* — Der Grosse Krieg in Feld. Tübingen. 1922. (немец. изданне).
3. *Блиох.* — Будущая война. Т. I-VI. С.-Петербург, 1898 г.
4. *Бисмарк.* — Вильгельм II. Москва-Петроград, 1923 г.
5. *Брокгауз и Эфрон.* — Энциклопедический словарь т.т. I и X. С.-П., 1890 года.
6. *Бронзарт фон-Шеллендорф.* — Служба генерального штаба. С.-П., 1908 года.
7. *Военная Энциклопедия* изд. Сытина, т. I.
8. *Wohlers.* — Die staatsreichtliche Stellung des Generalstabes. Leipzig, 1921.
9. *Вооруженные силы Австро-Венгрии.* — Изд. главного управления генерального штаба. С.-Петербург. 1907 г.
10. *Вооруженные силы Австро-Венгрии.* — Изд. главного управления генерального штаба. Петербург, 1912 г.
11. *Дикс, Артур.* — Война и народное хозяйство по опыту Германии в мировую войну (русск. изд.). Москва, 1926 г.
12. *Добророльский, С.* — Рецензия на труд Конрада «Из моей службы 1906—1918 г.г.» — журнал «Война и Мир» № 12. Берлин, 1924 г.
13. *Зиновьев.* — Австрия и мировая война (брошюра).
14. *Canapne, F.*—Etudes sur la journée du 16 août 1870. Paris (рецензия в сборнике главного управления генерального штаба, выпуск XVII—1913 г.).
15. *Каратыгин.* — Мобилизация промышленности для нужд войны. Москва, 1925 г.
16. *Conrad.* — Feldmarschall. *Aus meiner Dienstzeit 1906—1918 г.* — Band I—IV. Ricola Verlag-Wien-Berlin. 1921—1923 г.
17. *Котляревский, С. А.* — Австро-Венгрия в годы мировой войны. Изд. Москва.
18. *Cramon.* — Unser Österreich-Ungarischer Bundesgenosse im Weltkriege. Berlin. 1920.
19. *Krauss Alfred.* — Die Ursachen unserer Nelderlage. München. 1921.
20. *Кронпринц Вильгельм.* — Воспоминания (русск. перевод). Берлин, 1922 г.
21. *Куль.* — Германский генеральный штаб (русск. перевод). Москва, 1922 г.
22. *Лебедев, П. И.* — Государственная оборона. Москва, 1922 г.
23. *Лукин-Антонов.* — Из истории революционных армий. Москва, 1923 г.
24. *Лукин-Антонов.* — Новейшая история Западной Европы, вып. I. М., 1923 г.
25. *Людендорф.* — Мои воспоминания о войне 1914-1918 г. (русск. перевод). М., 1923 г.
26. *Lüdendorff.* — Kriegführung und Politik. Berlin. 1922.
27. *Макшеев.* — Генеральный штаб. С.-Петербург, 1899 г.
28. *Маниковский.* — Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 г. Москва, 1920—1823 г.
29. *Der Weltkrieg.* — Band I. Reichsarchiw. Berlin. 1925.
30. *Nowak.* — Der Weg zur Katastrophe. Berlin, 1919.
31. *Новицкий.* — Рецензия на труд Конрада «Из моей службы 1914-1918», журнал «Военный Зарубежник» № 28-29.
32. *Ньюбольд.* — Как Европа вооружалась к войне (русск. перевод). Москва, 1923 г.
33. *Павлович.* — Империализм. Москва, 1923 г.
34. *Павлович.* — Борьба за Азию и Африку. Москва, 1923 г.
35. *Pierrfeu-Jean.* — G. Q. G. (главная квартира). Paris.
36. *Пуанкаре.* — Происхождение мировой войны (русск. перевод). Москва, 1924 г.
37. *Риттер.* — Критика мировой войны (русск. перевод). Петроград, 1923 г.
38. *Стратегия в трудах военных классиков.* т.т. I и II. Москва, 1924-1926 г.
39. *Свечин, А.* — История военного искусства. Часть I—III. Москва, 1922-1923 г.
40. *Свечин, А.* — Культурно-классовые типы армий — ж. «Военное Дело». 1919 г.
41. *Свечин, А.* — Стратегия. Москва, 1926 г.

42. *Фалькенгайн.* — Верховное командование (русск. перевод.). Москва, 1923 г.
43. *Foerster.* — Graf Schlieffen und der Weltkrieg. Berlin. 1921.
44. *Freytag-Loringhoven.* — Menschen und Dinge. Berlin. 1923.
45. *Ungarisches* statistisches Jahrbuch. 1915.
46. *Hübners* Otto. — Geographisch - Statische Tabeln. 1906.
47. *Zwehl.* — Erich v. Falkenhayn. Berlin. 1926.
48. *Чернин.* — В дни мировой войны (русск. перевод). Москва-Петроград, 1923 г.
49. *Schwarte.* — Der grosse Krieg 1914-1918. Band I, V, X. 1921-1923.
50. *Эрцбергер.* — Германия и Антанта (русск. перевод). Москва-Петроград, 1923 г.

ВВЕДЕНИЕ

Мировая война и ее влияние на жизнь общества и военное дело. — Современный характер войны и подготовки к ней. — Цель труда — исследование *деятельности* генерального штаба. — Генеральный штаб и критика. — Рост значения генерального штаба перед мировой войной. — Мировая война и генеральный штаб. — Необходимость существования генерального штаба. — Метод работы — путь исторический. — Выбор исторического об'екта исследования. — Необходимость выбора примера из мировой войны. — Причины, побудившие остановиться на исследовании австро-венгерского генерального штаба. — Конрад и его труд: «Из моей службы в 1914—1918 г.г.». — Его оценка в нашей литературе. — Трудности предпринятой работы.

В искусствах практических не следует гнать слишком вверх цветы и листья теории, но держать их поближе почвы опыта.

Клаузевиц — «Война», т. I, стр. XVI.

«Великие войны подобны землетрясению. Многие из явлений войны легко понять тем, которые были очевидцами того разрушения, которое продолжается в течение нескольких лет на пространстве, подвергшемся землетрясению... После великих войн, как и после землетрясения, содрогается конвульсивно весь мир, все политические системы, все человеческие представления» — к таким выводам приходит буржуазный пацифист Нитти.

Это пережитое «землетрясение», к сожалению, еще не разрушило до основания мировое капиталистическое хозяйство, не лишили империализм его удушающих человечество об'ятий Анаконды.

Ныне так же, как в 1914 году, мы находимся на пороге грядущих войн, и нам предстоит пережить еще не одну, может быть, «конвульсию» империализма, пока о нем не будут говорить лишь одни историки, как о существовавшей когда-то системе общественных отношений.

Подобные «землетрясения», однако, не проходят бесследно для человечества, и, как результат их, мы вошли в эпоху новых общественных отношений, в ряд новых «представлений» во всех областях жизни, не исключая, конечно, и области военной.

Всем известны следствия мировой войны для военного дела, и здесь было бы, пожалуй, излишним доказывать, что ныне нужно пристально пересмотреть твердо, было, установившиеся основы военной системы перед империалистической войной, подойти к ним критически и искать новых форм для жизненности этой системы.

Так как, по словам Плеханова, «каждой ступени в развитии производительных сил соответствует своя система вооружения, своя военная

техника, своя дипломатия, свое международное право», то вполне естественен и даже необходим пересмотр всей военной системы под углом зрения новых отношений, складывающихся в современном нам обществе.

Мировая встряска выявила громадное значение *техники* в военном деле, но одновременно показала, что на сцену истории выдвигается и *новый боец*.

Являясь представителем и защитником нового революционного пролетариата, берущего власть в свои руки, «новый боец» отметает старые неподвижные формы военной системы и требует новых, способных ответить тем общественным отношениям, каковые складываются ныне на поверхности земного шара.

Мы уже отметили, что предстоит ряд войн, войн ожесточенных, ибо те противоречия, которые существуют между капиталистической формой мирового хозяйства и нарождающейся новой экономической структурой, настолько велики, что без больших жертв и борьбы не обойтись. Буржуазия не дремлет, и в различных лабораториях, мастерских сидят современные алхимики, ищущие не жизненного эликсира, а изощряющие свои мозги над открытием веществ и орудий, направленных к уничтожению человечества.

Война усложнилась, война — этот былой рыцарский поединок, ныне не является таким простым и деликатным видом общественных отношений. Ныне, более чем когда-либо, по словам Клаузевица «война не забава, война не игра, не риск на выигрыш; не дело свободного вдохновения. Война серьезное средство для достижения важных целей».

Не нужно, следовательно, доказывать, что готовиться к такому виду общественных отношений надо серьезно, с полным напряжением сил и средств всей страны. «Войну нельзя вести, — говорит Бернгарди в своей книге «О войне будущего», — как играют в разбойники или солдатики. Она потребует от всего народа напряжения, длящегося годами, никогда не ослабевающего, если хотят завершить войну победоносно».

Думается, что, готовясь к войне, никто не полагает завершить ее собственным поражением. Предвидя такой результат войны, лучше ее и не начинать, лучше не переживать эту «драму ужасающую и захватывающую». Но раз эта драма неотвратима, — к ней нужно быть готовым, выступить с полным знанием своей роли, вложить в нее все свое существо, и только тогда можно расчитывать на успех, на решительную победу, а не на жалкие лавры Версальского договора, расползающегося ныне по всем швам.

Мы не будем далее доказывать необходимость серьезной подготовки к войне, так как это известно и без нас.

Нашей задачей является рассмотрение деятельности той военной системы, какая должна соответствовать новым отношениям общества, складывающимся вследствие современного развития производительных сил. Однако, должны предупредить, что такая широкая задача была бы для нас не по плечу, и, дабы не вводить в заблуждение открывающего эту книгу, заранее оговоримся, что читатель не найдет здесь исчерпывающих ответов на все вопросы, связанные с современной военной системой.

Нашим скромным желанием является лишь стремление попробовать свои силы в освещении деятельности того организма, который управляет военной системой, связывает ее с остальными видами государственной машины, дает ей жизнь, вдохновляет и ведет ее к победам или поражениям.

Иными словами, мы намерены развернуть перед читателем жизнь того аппарата военной системы, который уже давно именовался *генеральным штабом*, да и ныне не потерял еще этого названия.

Вопрос не новый. Немало страниц исписано по нему как до империалистической войны, так и после нее. Но в то же время вопрос и жгучий для современной нам действительности.

О значении генерального штаба для военной системы много говорить не приходится—ему издавна уже дано наименование *«мозга армии»*. Правильно или ошибочно такое определение генерального штаба — мы пока разбирать не будем, а берем то, что оставлено нам в наследство.

Как то и приличествует «мозгу армии», генеральный штаб до мировой войны являлся вдохновителем всей военной системы того или иного государства. Влияние его во всех армиях было почти неограниченно, и перед словом «генеральный штаб» останавливалась с почтением не одна седая, убеленная опытом голова, боязливо поднималась и на первых же строках обрывалась рука критика. Даже после революции, появившийся труд Лемке «250 дней в царской ставке» был встречен как «суд над генеральным штабом». Высокое учреждение давило своим авторитетом даже после смерти и, несмотря на то, что порою центры этого «мозга» были расшатаны, если почти не парализованы, не замечая того, что вещество давно уже разлагалось, — «мозг» продолжал еще существовать в черепной коробке военной системы — генеральный штаб считался неприкосновенным. Доступ «непосвященным» в это учреждение был затруднен, и, как известно, русский генеральный штаб получил даже в обыденной жизни наименование «черного духовенства». Там, «за монастырской стеной» друиды с белыми аксельбантами творили стратегию, готовили государство к войне, ковали инструмент, именуемый армией, к сожалению, не всюду оказавшийся годным для действительной обстановки. Да не подумает читатель, что мы хотим сказать, что генеральный штаб в большинстве государств играл «в разбойники» или «солдатики». Нет, мы далеки от таких наветов и должны отдать должное каждому «мозгу» по его заслугам.

Мы не собираемся писать историю генерального штаба, даже больше, — не рискуем этого делать, ибо читатель найдет по этому поводу классические труды, а не наши бледные наброски. Из трудов классиков известно, что компетенция генерального штаба должна захватывать лишь армию. Однако, истинная природа войны постепенно расширяла круг его деятельности, и перед мировой войной мы уже считаемся с фактом, когда «мозг армии» выявил стремление вылезть из черепной коробки армии и переместиться в голову всего государственного организма.

Что это так, — мы впоследствии докажем, а пока попросим читателя поверить нам на слово. Империалистические тенденции оказались свойственны и «мозгу армии». Для него уже тесна была его коробка и его вещество расползалось по остальным государственным организмам, видя в них нечто вроде «Марокко» или «Малой Азии». Политика колониальных захватов оказалась заманчивой не только для среды государственных учреждений и верховной власти, но и для генерального штаба.

Генеральный штаб гремел всюду, внося за собой, конечно, милитаризм и маринизм, все более и более давя население тяжестью налогов в прославление кровожадного бога войны, непрерывно и систематично пугая всеми ужасами последней. Нам скажут, что это была его обязанность, может быть, и неприятная — не будем возражать, ибо и сами занимались этим ремеслом. Мы хотим только отметить: в праве ли был генеральный штаб стремиться стать «мозгом государства»? Не уклонился ли он от своих «прямых» обязанностей и не занял ли несвойственное ему положение? Ответ на это попробуем искать ниже — в истории.

Так или иначе, но 1914 год поставил генеральный штаб большинства государств перед серьезным экзаменом и заставил перейти от области подготовки войны к ее ведению. Четырехлетний период взаимоистребления

под непосредственным руководством генеральных штабов привел к перекройке карты не только Европы, но и остальных частей света. С Версальским миром, и рядом других мирных трактатов, на сцене показались побежденные и победители, и в их рядах, конечно, соответствующие генеральные штабы.

«Величайшая судорога» захватила и голову военной системы, в частности ее «мозг» — генеральный штаб. Справедливо или нет — вопрос подлежит особому освещению, — гнев победителей обрушился на последний. Как известно, в порыве негодования версальские победители в число виновников мировой катастрофы включили и германский генеральный штаб, вынеся суровый приговор об его вечном уничтожении. Блестящий германский генеральный штаб — этот образец для всех подобных ему штабов, этот военный кумир мирного времени, оказался не только сброшенным со своего пьедестала, но обращен в небытие.

Следом за германским генеральным штабом сошел со сцены и австро-венгерский.

Так поступлено было с побежденными, но землетрясение периода империалистической войны оставило следы и на головах победителей. Уже в течение самой войны генеральные штабы армий Антанты были взяты под контроль, а с окончанием военных действий ряд реформ выпал и на их долю.

Здесь пока не место вдаваться в подробные рассуждения по этому вопросу, мы вернемся к нему еще впоследствии, а сейчас для нас важно констатировать, что развитие производительных сил наших дней оказало влияние и на генеральный штаб.

Империалистическая война, повлекшая за собой переоценку всех былых ценностей, вынудила пересмотреть роль и существо даже такого высокоавторитетного учреждения, как генеральный штаб, и определить его место в военной системе государства, а равно и его задачи в подготовке государства к войне.

Побежденным странам, за которыми все же, правда, в минимальных размерах, признано право на оборону, победители запретили иметь генеральный штаб, как орган управления армией. Иными словами, считается возможным в современных условиях обороны обходиться без генерального штаба, заставляя армию иметь «мозг» в каком-то другом органе. Насколько это выполнимо и мыслимо для наших дней и не ведет ли это к существованию «скрытого» генерального штаба — это неразрешенный еще вопрос. Повидимому, и жизненность его не верят даже сами инициаторы этого параграфа мирного договора, заключенного в Версале, а тем более те, которые обязаны были подчиниться силе дипломатии Антанты.

Мы гораздо умереннее в своих требованиях и спокойнее в выводах, чем сидевшие за столом в Версале высокорожденные и вылощенные, но в то же время охваченные садизмом пыток дипломаты высококультурных и цивилизованных стран Запада, по отношению к признавшим свое поражение армиям центральных государств Европы. Мы более скромны и не требуем уничтожения «мозга армии», хотя бы армии и побежденной, признавая, что без этого мозга никакая армия жить не может. Не будем спорить о названии, но считаем, что под тем или иным наименованием генеральный штаб, как орган управления, существовать должен.

Доказывать справедливость этого положения составляет одну из задач нашего труда. Мы говорим — одну, так как далее намерены выявить, что же в условиях наших дней должен представлять собою «мозг армии», какое место он должен занять, с одной стороны, в системе управления государством, а с другой, в самой военной системе и, наконец, как должна протекать его работа.

Как видно, рамки нашего труда достаточно широки и, пожалуй, могут оказаться нам не по силам. Боимся, что не выполним того, что намечаем; ужасаемся возможности занестись в своих мечтаниях выше, чем то дано нам познаниями, силами, временем и опытностью, но все же прикосновение наше к работе генерального штаба окрыляет надеждой в достаточной мере справиться с поставленной задачей.

Нас обуревает гордая мысль, что наше перо внесет свою малую долю в освещение этого вопроса большой важности и что раскрывший нашу книгу не потеряет зря времени, прослушав повествование о генеральном штабе.

Но на этом не кончаются наши колебания. Мы подходим к выбору *способа* изложения наших мыслей, к выбору того пути, идя которым могли бы с большей ясностью и поучительностью изложить перед читателем наши мысли о современном генеральном штабе.

Перед нами две дороги — путь теоретический и путь исторического исследования. Не будем скрывать, что к первому мы никогда не были особенно склонны и всегда стремились вращаться в мире действительном, поближе к жизни, стараясь избежать «философических» рассуждений. Так думаем поступить и ныне, пригласив читателя последовать за нами по пути историческому.

Полагаем, что не нужно доказывать всю полезность и необходимость изучения того или иного вопроса в военном деле путем исторических примеров. Клаузевиц говорит, что «гораздо более была бы заслуга того, кто сумел бы учить ведению войны путем одних только исторических примеров» и «пусть тот, кто чувствует влечение взяться за это, снарядит себя на это доброе дело, как на дальнее странствие».

Что история является наилучшей наставницей в делах практических, а к таковым всецело относится военное дело, не подлежит особому оспариванию, и мы бы посчитали преступлением отнимать у читателя время, если бы стали доказывать это.

Мы хотим договориться о другом, а именно — о самом способе использования военной истории в нашем труде. Выше сказано, сколь мало склонности у нас к «философическим» рассуждениям, а потому мы будем вполне последовательными, если отринем мысль использовать военно-исторические примеры лишь как доказательство выдвигаемых нами теоретических положений.

Наше стремление направлено к познанию жизни так, как она складывается в действительности. Мы намерены на конкретном историческом примере проследить жизнь «мозга армии» и из нее сделать нужные нам выводы и поучения для наших дней. Иными словами, обращаемся к так называемому *прикладному* методу изучения военного дела.

Считаем необходимым пояснить, что *мы не намерены останавливаться на конкретном разборе* выбранного нами исторического примера *без ввода поправок за современность*, так как это было бы лишь военно-историческое исследование, но отнюдь не нужное нам прикладное исследование.

Даже пример из ближайшего пережитого нами опыта не может служить непреложным образцом для будущего.

«Каждая война представляется в виде неизвестного моря, полного подводных скал и камней», поучает Клаузевиц и, конечно, для практических выводов о будущей войне нельзя ограничиваться одним истолкованием конкретных примеров, хотя бы из прошедшей только войны, без учета современных условий жизни.

Тот же Клаузевиц советует нам брать примеры из истории близкой нам эпохи, а Мольтке говорит: «Нельзя оставлять без внимания опыт прежних войн, но необходимо помнить, что он не может служить масшта-

бом для настоящего времени. От этих войн отделяют нас десятилетия и даже столетия, в течение которых изменилась как политическая, так и стратегическая обстановка... Поэтому, чтобы достигнуть желательного результата, остается единственное средство, именно — стараться предвидеть ход будущих событий и вникать в современную обстановку».

Это указание нами будет учитываться в процессе нашей работы и нашим искренним стремлением будет неуклонно следовать по этому пути.

Таким образом, мы становимся перед *выбором* того *исторического примера*, который намерены подвергнуть оперированию с целью изучения.

Здесь, как уже выше было отмечено, желательно, с одной стороны, проследить «мозг армии», функциональная деятельность которого достаточно полно описана, а с другой, чтобы этот «мозг» был более или менее близок нам по времени, так как известной исторической эпохе соответствует и мышление этих мозгов. Чем древнее эпоха истории, тем менее полезно будет для нас изучение живших в ней мозгов.

Однако, нужно признать, что в ближайших нам исторических временах мы не найдем подробного описания работы генерального штаба. Это указывает нам на необходимость обратиться к эпохе Мольтке, но как бы она ни подкупала нас по своему подробному освещению, мы все же должны констатировать, что для нашего времени эпоха Мольтке, по его же словам, «не может служить масштабом для настоящего времени». Совсем не хотим сказать, что она мало полезна — нет, эпоха Мольтке еще не потеряла своей свежести, но современное нам развитие производительных сил таково, что Германия времен Мольтке в значительной степени поотстала от жизни наших дней.

Поэтому желательно обратиться к более близкой нам исторической эпохе, и таковой, конечно, будет пережитая империалистическая война, от начала которой нас отделяет уже двенадцать лет. Исследованием исторического примера из опыта мировой войны мы и должны заняться, дабы не вступить на путь отживших или ошибочных выводов. К этой войне генеральные штабы армий Европы усиленно готовились, десятилетиями ковали оружие и готовили инструмент — армию, и в ней же (в войне) генеральные штабы испытали и сладость победы, и горечь поражений, а некоторые нашли и свою смерть.

Двенадцать лет от начала мировой войны — еще небольшой промежуток времени, чтобы можно было получить достаточно полную историю войны, историю различных органов управления и, в частности, историю генерального штаба. «Оффициальные истории» войны только еще начали выходить своими первыми томами, и еще далеко то время, когда по ним можно будет с достаточной полнотой исследовать историю генерального штаба. Архивы различных армий еще таят много драгоценного материала, и когда он будет раскрыт для широкого изучения — это сказать трудно. Живые свидетели гигантской работы в подготовке «величайшей судороги» Европы частично раскрывают в мемуарах тайники своей души, побуждаемые различными к тому причинами, — или самооправданием, или самовосхвалением и редко от чистого сердца. Многие деятели уже сошли с жизненной сцены, унося с собой и все обоснования своих подвигов или промахов. Историку остается лишь разбираться в оставленных ими манускриптах и строить догадки и предположения о тех страстях и волнениях, кои обуревали авторов в момент фиксации на бумаге их предположений и указаний.

В частности, в опубликование документов из истории генеральных штабов вторгаются еще некоторые привходящие данные. Как бы ни была решительна мировая схватка 1914—18 годов, многие работы бывших генеральных штабов еще не потеряли своего актуального значения для наших дней, а потому и не опубликовываются участвовавшими в войне

государствами. Мы указывали выше, что грядущее сулит нам войны, предвидение которых заставляет многие генеральные штабы быть сдержанными в опубликовании своих работ не только в идейной их части, но даже в исполнительной. За примером такой сдержанности ходить далеко не приходится. Достаточно указать, что в то время, как германский генеральный штаб задолго до мировой войны опубликовал работы Мольтке по войне 1870 года, не боясь раскрыть все его планы и предположения и даже детали работы на Западе Европы, тот же генеральный штаб хранил молчание о работах своего начальника по разработке плана войны с Россией. Во всей опубликованной переписке мы находим лишь краткое упоминание, что в 1860 году Мольтке работал над мемуарами о развертывании прусской армии в случае войны с Россией. Только впервые в 1920 году, т.-е. спустя 60 лет, труд Куля — «Германский генеральный штаб» пролил некоторый свет на предположения Мольтке и других начальников генеральных штабов по плану войны с Россией.

Так было раньше, так оно происходит и ныне. Большинство генеральных штабов, участвовавших в мировой войне, хранят обет молчания, и лишь побежденные, в порыве злобы и самооправдания, приподнимают завесу над тем, что делалось «за монастырской стеной».

Стертый Версальским договором с лица земли германский генеральный штаб в целях самооправдания частично публикует свою деятельность, но цельного и связного труда, кроме книги *Куля* о работе генерального штаба в период подготовки к мировой войне, мы не найдем. Что же касается труда Куля, то мудрый генерал в беллетристической форме пытается обрисовать нам деятельность «мозга армии», не раскрывая, однако, вполне его функциональной работы. С тенденцией самооправдания перед нами проходит в труде Куля деятельность генерального штаба, набросанная одними мазками, получить из которых конкретные выводы о достоинствах работы германского генерального штаба расчитывать не приходится. Непосвященный в работу генерального штаба в мирное время может поверить в подлинность тех методов, какими она, по описанию Куля, велась в штабе Вильгельма, но сведущий в этой работе покачает только головой и скажет: «Генерал, честнее было совсем не писать, чем рассказывать вымыслы». Только сопоставлением трудов других, более откровенных сотоварищей Куля по мундиру, можно дополнить его описание работы германского генерального штаба.

Частично опубликованные документы работы германского генерального штаба перед мировой войной, история войны «Рейхсархива» и отрывки из мемуаров бывших деятелей, к сожалению, не дают нам возможности взять основным примером для изучения работу германского генерального штаба — этого высокоценного образца подобных учреждений.

Его счастливый противник — французский генеральный штаб, точно также молчит о своей работе перед мировой войной, и если его деятельность за этот период порою освещается, то лишь отрывочно, эпизодически, сравнительно мало документально и главным образом с критической стороны. Мы не намерены основывать свои суждения на безоговорочном согласии с теми или другими выводами критиков, нас тянет подойти поближе к подлинным документам и самому попытать свои силы в критическом анализе.

Аналогичную позицию с французским генеральным штабом занимает его союзник — английский генеральный штаб.

Что касается русского генерального штаба, то, не скроем, какой это благодарный пример для практического изучения военного дела. Нас сильно прельщает мысль углубиться по первоисточникам в изучение работы этого былого учреждения отошедшей в вечность военной системы.

Но, к сожалению, на это у нас нет времени. Практическая деятельность, с коей мы связаны, ограничивает нас в свободном использовании архивных материалов. Кроме того, мы питаем большую надежду и уверенность, что эту работу проделают за нас старшие по службе в бывшем генеральном штабе лица, к тому же непосредственно проходившие ее в главном управлении генерального штаба, составляя часть мозгового вещества бывшей старой армии. Наша же служба в бывшем генеральном штабе проходила на периферии, заключаясь лишь в передаче непосредственно в войска замыслов русского генерального штаба. Дать истинную, неприкрашенную историю русского генерального штаба — должно быть поставлено себе задачей его бывшими старшими представителями, работающими ныне в Красной армии, дабы последняя, познав все ошибки и промахи сошедшего в могилу генерального штаба старой армии, не повторила их, а, наоборот, учла для своего победоносного развития на мировой арене борьбы.

Частично такая работа уже выполнена Зайончковским в его труде «Подготовка России к мировой войне».

Мы пока еще ничего не сказали о другом покойнике — об австро-венгерском генеральном штабе, и сделали это отнюдь не по забывчивости, а из желания обрадовать немного нашего читателя. Если некоторые из покойников, как, например, германский генеральный штаб, питают надежду «снова пробудиться», то коллега германского генерального штаба, павший вместе с ним — австро-венгерский генеральный штаб, повидимому, потерял всякие виды когда-либо возродиться, как особое учреждение бывшей когда-то армии империи Габсбургов. Мировая война навсегда стерла с карты Европы это давно отжившее государственное образование, и каждому здравомыслящему человеку не приходится думать ни о былой Австро-Венгрии, ни о былой ее армии, а тем более о генеральном штабе последней.

К такому выводу, очевидно, безапелляционно пришел бывший начальник австро-венгерского генерального штаба *Конрад-фон-Гетцендорф*, выпустивший перед смертью в свет классический труд о своей деятельности в роли начальника генерального штаба. «Из моей службы в 1914—1918 гг.» — так озаглавлены эти откровенные мемуары «бывшего» человека. Охваченный желанием самооправдаться, беспощадный не только к своим союзникам немцам, но и к деятелям Австро-Венгрии его дней, *бывший* начальник генерального штаба оставил нам свой труд во славу *бывшей же* австро-венгерской армии.

Конрад заявляет нам, что преследуемая им цель труда заключается в обрисовке событий в их истинном свете, так, как они ему рисовались, и оставляет широкий простор для критики. По заявлению бывшего начальника австро-венгерского генерального штаба, его труд отнюдь не история, а носит «биографический», как он выражается, характер. Иными словами, мы имеем дело снова с продуктом «мемуарной» литературы, однако, резко выделяющейся в положительную сторону темп документами, кои в нем приведены. В этом вся ценность труда Конрада, охарактеризованного германским рецензентом *Кулем* как «*памятник*».

С. Добророльский в своей рецензии на труд Конрада («Война и Мир», № 12) говорит: «Весь его труд в совокупности, пока в виде четырех томов, по солидности работы, по глубине военной мысли вполне достоин незаурядной репутации, которой пользовался фельдмаршал Конрад-фон-Хецендорф и за пределами своего отечества. *Труд его можно приравнять к военно-научным работам старика Мольтке и считать серьезным вкладом в военную литературу*».

Однако, не все рецензенты сходятся во вкусах и иные смотрят на этот труд иначе. Так В. Новицкий в своей рецензии на 4-й том мемуаров

Конрада в «Военном Зарубежнике» № 28-29 дает такую характеристику труда: «Перед нами об'емистый четвертый том, заключающий в себе около тысячи страниц; предыдущие три тома имеют около двух тысяч, итого 3.000 страниц. Если принять во внимание, что четвертый том обнимает собой период времени, продолжительностью лишь в 3 месяца (войны), то следует ожидать, что автор даст нам в ближайшем будущем еще несколько тысяч страниц... А потому, принимаясь с некоторым жутким чувством за чтение этого «гросс буха», читатель уже с места настроен иронически к его содержанию; несколько первых прочитанных им страниц не только укрепляют в нем настроение, но и возбуждают различные недоумения... Автор загромождает свое изложение таким огромным количеством мелочных фактов, незначительных разговоров, приводимых дословно с обоих сторон, и различных документов, полностью включаемых им в текст, что местами с трудом различаешь среди этого бесполезного материала тот ход событий или ту эволюцию идей и настроений, которые он хочет выявить в данное время. В особенности затрудняют чтение и уразумение обстановки эти бесчисленные письма, телеграммы и приказы, приводимые от первого до последнего слова и часто не представляющие никакого интереса для оценки происходящих вокруг событий. И если бы автор поместил все это в приложениях, а в текст включил только сущность каждого документа или процитировал его важнейшую часть, — то его книга значительно выиграла бы от этого».

Несмотря на почтенное и заслуженное имя рецензента, мы никак не можем согласиться с его доводами, ибо ценность труда Конрада усматриваем как раз не в его личных рассуждениях *после* войны, а в этих «бесчисленных письмах, телеграммах и приказах». Конрад старался отдать на суд критики полностью все свои документы, из которых можно почерпнуть и промахи бывшего начальника австрийского генерального штаба. Что касается мелочности приводимых фактов, незначительных разговоров и обилия документов, то полагаем, что рецензенту лучше нас известна работа начальника генерального штаба вообще, без отношения к какой-либо армии, из каких мелочных разговоров и фактов она слагается и каким обилием различных документов сопровождается. Работа начальника генерального штаба современной армии отнюдь не проходит в изречении лишь высоких материй, а довольно *мелочна*, каковой она была даже у самого Наполеона, бывшего и полководцем, и начальником штаба.

Как ни странно, но австрийские критики обвиняют Конрада, наоборот, в отсутствии способности к детальной работе, приписывая ему лишь «парение» в области высоких идей. Того же взгляда на Конрада придерживаются и немцы (Крамон). Таким образом, мы более склонны остановиться на оценке труда Конрада, сделанной Кулем, как «памятника»; не говорим, что он может быть приравнен к трудам Мольтке — это, пожалуй, чрезмерно, но что труд бывшего начальника австрийского генерального штаба является ценным вкладом в военную литературу, — этого отрицать нельзя. Он, действительно, является «памятником», но только использовать этот памятник, как творение искусства, нужно умело. «Чтый, мудрый разумеет» — некогда поучал старый летописец, что позволим себе посоветовать каждому, обращающемуся к чтению труда Конрада, в об'еме 3.000 страниц, прерванного его смертью.

Выше мы указали, что Конрад оставил широкий простор для критиков, правда, тут же довольно прозрачно намекая, что критика должна быть почтенная, научная, а не самовлюбленная, не пророчествующая задним числом. Педантичный и аккуратный немец, свободный от дел и, повидимому, не нуждавшийся в добывании куска хлеба, он подбирал материалы, чтобы затем, с небольшими хронологическими пояснительными встав-

ками, преподносить их читателю, раскрывая, хотя бы и задним числом, свои настроения по поводу тех или иных событий и сопровождавших их бумажных фиксаций.

Увидевшие свет мемуары охватывают деятельность Конрада в должности начальника генерального штаба в мирное время, в преддверии войны, и заканчиваются описанием первой операции, так называемого Люблин-Львовского сражения.

Подробное описание Конрадом работы генерального штаба в подготовке к войне и подкупило нас на этом примере проследить, какова же должна быть работа генерального штаба в мирное время в наши дни.

Замечаем улыбку читателя, что для рассмотрения такого серьезного вопроса мы остановились на исследовании «дефективного» «мозга армии», при чем такой армии, которая уже со времени великой французской революции завоевала всемирную привилегию — «быть вечно битой». В представлении читателя сейчас же вырастают фигуры Меласа, Мака, Бенедека и, наконец, проходит знаменитый гофкригсрат. Стоит ли останавливать внимание на этом «больном мозге», какая польза от его исследования, не будет ли только один вред от изучения отрицательных примеров?! Вот вопросы, которые, естественно, возникают у читающего эти строки.

«Скажи с кем ты знаком — и я скажу, кто ты таков», вещает народная мудрость, и, не скроем, — знакомство с работой австрийского генерального штаба, по указанному только что мудрому изречению, сможет набросить на нас довольно мрачную тень. Наша репутация, как военного, может оказаться сильно испорченной, если бы только мы признавали непреложность всякого рода «народных мудростей». Однако, мы смелы, и каждую, хотя бы и «народную», мудрость расцениваем по своему, не считаясь с тем, «что скажет Марья Алексеевна».

Не будем отрицать, что изучение положительных примеров, тех, где военная слава ярко блещет, более побуждает к подражанию этим великим образцам истории, вдохновляет, а честолюбивого военного практика зачастую приводит в стан горячих поклонников. Но не следует забывать «униженных и оскорбленных», которых обошла судьба и кои на своем жизненном пути испытали лишь одни тернии. Нас не смущает роль повествователя «горечи и печали», ибо в последних мы найдем немало поучительного для наших дней и для будущего. Сознаем, что роль эта — очень тяжелая, так как слава и блеск исторического примера говорят сами за себя, привлекая к себе читателя, хотя бы сам пример и не так ярко был набросан пером. Другое дело — заинтересовать читателя в исследовании тех причин и связанных с ними недостатков, которые повели к военным неудачам. Здесь самый факт последних не прельщает честолюбивое сердце воина, и лишь красочность изложения или обычная жалость к герою повести могут заставить читателя углубиться в изучение деяний незадачливого полководца или же пагубной военной системы.

Отнюдь не можем претендовать на то, чтобы привлечь внимание читателя блестками своего пера — мы далеки от такого самообольщения. Мы взываем, с одной стороны, к его «доброму сердцу» выслушать рассказ о покойном австро-венгерском генеральном штабе, а с другой, приглашаем его убедиться, что и в изучении этого «выродка» может быть почерпнута большая польза для нашей практической работы.

«Хорошим тоном» считалось о «покойниках» не говорить, но мы не сторонники «хорошего тона» в своей жизни, а тем более в литературе, и в данное время наполнены стремлением извлечь пользу и из покойника, чем, по обычаю наших предков, стащить его на кладбище, дать ему там время перегнить, а затем уже заняться раскопками в качестве любителя старины. Предпринимаемая ныне нами операция даст возможность исполь-

зовать ее для практической деятельности, а работа над мумиями ввергнет нас в область археологии, к которой не чувствуем склонности.

Не смеем заверить читателя, что окажемся опытным оператором и не «искромсаем» трупа, будучи не в силах извлечь из него все то, что он может дать. Лавры профессора Павлова в его научных работах над мозгом человека отнюдь не могут быть нами оспариваемы.

Существо нашего исследования относится к «высшей стороне» познания «сути войны», являясь одной из главных основ «теории большой войны». Не скроем, что нас охватывает ряд сомнений и колебаний, неуверенность в своих силах испытать наше перо в изысканиях этой «теории».

Мы всегда с восхищением останавливаемся перед скромностью такого философа войны, как Клаузевиц, который расценивал свой бессмертный труд лишь, как «бесформенную массу идей», как «зерна благородного металла», и надеялся, что, «быть может, явится голова более могучая, которая эти единичные зерна сплавит в один слиток благородного металла». Немало после смерти этой скромной, но подлинно могучей головы находилось честолюбцев, пытавшихся стать выше Клаузевица — таких мы замечали не раз на протяжении нашей жизни и не так давно. Нельзя сказать, чтобы они преуспевали в своем стремлении, становясь зачастую в смешное положение.

Хотя честолюбие свойственно и нам, однако, не в такой мере, чтобы мы могли высказывать претензии на безапелляционность своих суждений в исследовании работы генерального штаба. Заранее предупреждаем, что наши положения могут быть ошибочны, что мы мало опытны в делах военных, а особенно в «теории большой войны».

Нами хорошо усвоено суждение того же Клаузевица о «незрелых критиках», кои думают, что «в этих делах всяк, взявшийся за перо, полагает не подлежащим сомнению, как дважды два четыре, и достойным печати все то, что ему как раз взбредет тогда в голову». «Но если бы он, — продолжает старик, — подобно мне, годами раздумывал о предмете, сличая его постоянно с военной историей, то он, конечно, был бы с критикой поосторожнее».

За нами нет ни долголетнего раздумывания о «предмете» (военном), ни достаточного опыта, ни широкой эрудиции в военной истории, а потому не можем и претендовать, что наш труд вполне удовлетворить того, кто будет перелистывать его страницы.

Поставленная нами себе задача обширна, и по техническим причинам не считаем ее возможной уложить в одну книгу.

Правда, мы слышали, что с «некоторым жутким чувством» принимаются за чтение «гросс бухов» и бывают «с места настроены пропически к их содержанию». Мы не закрываем глаза на то, что наш труд постигнет та же участь, тем более, что он написан пером, кое в наших рецензиях литературными «браво» оценено, как инструмент для создания памфлетов, полных сарказма.

Не мним себя ученым и не придерживаемся особого эпического спокойствия в порядке изложения наших мыслей, ибо у каждого свой жанр не только вести войну, но и владеть пером. В нашем труде читатель не найдет ни эпоса «чистых историков», ни «деликатных» фраз, ни заимствования чужих мыслей, без ссылки на авторов их. Наши страницы набросаны в порыве чувств и волнений, коими мы были охвачены, при их творении.

Если взявший в руки наш труд согласен с нашими предпосылками, то мы приглашаем его последовать за нами, пожертвовав временем, и ему предоставляем судить о всех недостатках и скромных достоинствах наших рассуждений о генеральном штабе.

ГЛАВА I

АВСТРО-ВЕНГРИЯ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Территория и население Австро-Венгрии. — Занятие населения монархии. — Экономика страны.—Военная промышленность.—Торговля Австро-Венгрии. — Бюджет. — Австрийский империализм. — Внутреннее положение монархии — борьба национальностей. — Рабочее движение. — Государственное устройство. — Буржуазия и чиновничество. — Личность Франц-Иосифа. — Франц-Фердинанд — его характер и взгляды. — Внешняя политика Австро-Венгрии. — Союз с Германией. — Союз и отношения с Италией. — Балканский вопрос. — Австро-Венгрия и Россия. — Австрия и Италия на Балканах. — Безвыходное положение Австро-Венгрии и ее неминуемая смерть.

«Огонь выстрелов в Сараеве, точно молния в темную ночь, на мгновенье осветил грядущий путь. Стало ясно, что дан сигнал к распадению монархии» — так образно пишет в своих воспоминаниях бывший премьер австро-венгерской монархии Чернин.

Предчувствие не обмануло этого дипломата, и монархия, как государственное об'единение, сошла со сцены и отошла в область истории. Пройдет еще немного лет, и память об этой, когда то могущественной, монархии все больше будет стираться, уходя в даль веков.

Будущее человечество, конечно, немного потеряло с исчезновением этого остатка мрачного средневековья и едва ли с сожалением будет вспоминать о его былой жизни. Мы сами не хотели бы будить в памяти современников мыслей о бывшей монархии Габсбургов, если бы только не поставленная нами себе задача исследования «мозга армии». Нельзя, конечно, исследовать «мозг», не затронув самого трупа — империи Габсбургов, ибо уклад этого государства отражался на армии, а, следовательно, и на ее «мозговом веществе» — генеральном штабе.

В седой старине зародилась монархия Габсбургов, переживала период возрождения, высшего под'ема своей славы и, наконец, к средине XIX века начала терять блеск.

Мы не собираемся писать истории австро-венгерской монархии, а познакомимся с ее состоянием к началу XX века, и если уклонимся в исторические времена, то только лишь с целью внести ясность в тот или иной вопрос.

На территории в 675.887 кв. километров бывшей империи Габсбургов жил целый конгломерат различных народностей. 47.000.000 немцев, венгров, чехов, славян, румын и других национальностей были включены ходом истории в одно государственное об'единение.

По данным 1900 года *население* по признаку родного языка распределялось, как указано в таблице № 1.

Кроме того, из 1.737000 жителей оккупированных в 1878 году Боснии и Герцеговины было: 690.000 сербов, 350.000 кроатов, 8.200 евреев и 689.000 магометан.

Приведенные данные характеризуют тот разнообразный состав населения, каковой уже с давних времен был отличительным признаком Австро-

Венгрии. Наименование «лоскутной» монархии как нельзя более верно подходило к бывшей империи Габсбуртов.

Нельзя сказать, чтобы все «лоскуты» были равноценны. Монархические принципы построения государства на берегах Дуная не могли, конечно, признать самоопределения каждой из национальностей. В исторической борьбе за это самоопределение лишь венграм удалось отстоять свою самостоятельность и не только вырваться из-под немецкого гнета, но и самим пойти по стопам своих угнетателей. Остальные же национальности были рабами этих двух носителей культур Австро-Венгрии.

ТАБЛИЦА № 1

Национальности	В Австрии		В Венгрии	
	Абсол. числ.	%	Абсол. числ.	%
Немцев	9.171.000	36	2.135.181	11,1
Венгров	—	—	8.742.301	45,4
Чехов	5.955.000	23	—	—
Поляков	4.259.000	16	—	—
Русин	3.376.000	15	429.447	2,2
Словаков	1.193.000	3	2.019.641	10,5
Итальянцев	727.000	3	—	—
Сербов и кроат	711.000	3	2.730.749	14,2
Румын	231.000	1	2.799.479	14,5
Прочих	519.000	—	397.761	2,1
ВСЕГО	26.151.000	100	19.254.559	100

«Промышленный переворот», положивший в XVIII веке начало образованию нового капиталистического общества в странах Западной Европы, медленно проникал в жизнь Австро-Венгрии. Она долго сохраняла свой аграрный характер, предпочитая получать изделия промышленности извне, чем развивать производство их у себя. Однако, промышленность все же властно вторгалась в консервативное общество Австро-Венгрии и хотя медленно, но завоевывала себе все больше и больше места.

По роду занятий, согласно таблице № 2 на стр. 24, на 10.000 жителей оказывалось занятыми в 1900 году:

Приведенная таблица без излишних комментарий характеризует собою экономику Австро-Венгрии. Как видно, промышленность была более развита в австрийской половине государства. Крупное фабричное производство получило развитие, главным образом, в Нижней Австрии, Богемии, Моравии, Силезии и Форальберге, в местностях за то лишенных соли, нефти и топлива. Производство железа сосредоточивалось в Нижней и Верхней Австрии, Штирии, Каринтии, Крайне, Богемии, Моравии и Силезии; машиностроение же по преимуществу в Вене, Венском Нейштадте, Праге, Брюнне и Триесте. В Венгрии промышленность менее развита, однако, и здесь ее продукция постепенно начала удовлетворять запросам местного рынка.

Горное дело как в Австрии, так и в Венгрии постепенно развивалось, вполне обеспечивая промышленность сырьем и топливом. Однако, распределение горных богатств, особенно топлива, не соответствовало промышленным центрам и потому было затруднено снабжение последних топливным материалом.

Земледелие и скотоводство было развито преимущественно в Венгрии, и эта половина монархии являлась ее житницей. Хотя и австрийские земли развивали сильно земледелие, но все же в пищевых продуктах без помощи Венгрии или ввоза из-за границы они обойтись не могли, и Россия с Румынией были не последними поставщиками хлеба для Австро-Венгрии.

Что касается чисто *военной* промышленности, то таковая в Австро-Венгрии, по мере своего развития, постепенно подпадала под власть германского, а затем и английского капитала.

ТАБЛИЦА № 2

	В Австрии		В Венгрии	
	Абсол. числ.	%	Абсол. числ.	%
Земледел. и лесоводств.	5.238 ч.	52,38	6.842 ч.	68,42
Рыболовством	5 »	0,05	1 »	0,01
Индустр. и др. видами промышленности	2.472 »	24,72	1.352 »	13,52
В горном деле	206 »	2,06	85 »	0,85
Торговлей	413 »	4,13	289 »	2,89
На службе путей сообщ.	583 »	5,83	229 »	2,29
Наемным трудом.	—	—	554 »	5,54
Военной службой.	101 »	1,01	79 »	0,79
Чиновников, учителей	330 »	3,30	297 »	2,97
Свободных профессий	41 »	0,41		
Рантье и пенсионеров	318 »	3,18	139 »	1,39
Без определен. занятий	293 »	2,93	133 »	1,33
ВСЕГО.	10.000 ч.	100	10.000 ч.	100

Крупнейшим военно-промышленным предприятием Австрии являлся *завод Скода* в Пильзене (в Моравии). Основанный в 1869 году, как сталелитейный завод, и оставаясь чисто коммерческим предприятием до 1886 года, завод Скода начал свое военное производство с броневых плит для сухопутных укреплений, а затем в 1888 году выпустил свою первую гаубичную установку для 5,9″ мортиры и взял патент на новый пулемет.

В 1889 году Скода начал производство полевой и прочей артиллерии для австро-венгерской армии, и в 1896 году, соорудив новые пушечные мастерские, приступил к производству морской артиллерии. В 1900 году фирма Скода превращается при помощи Кредитного учреждения и Богемского учетного банка в акционерное общество.

В 1903 году поддерживавшаяся и ранее связь с Круппом была закреплена обменом патентами, и Скода фактически превратился в отделение Круппа, поставляя вместе с ним сталь для нашего Путиловского завода.

В 1908 году Скода поставляет уже орудия для испанских военных судов, а в 1912 году совместно с «Хартенбергской патронной компанией» и «Австрийской оружейной фабрикой» получает от Китая заказ на артиллерию и ручное оружие, взамен займа, устроенного ему венскими банкирами. Фирма Скода становится такой же вездесущей, как сам Крупп.

В 1909 году, после боснийского кризиса, завод в Пильзене был значительно расширен и получил казенные заказы на сумму 7.000.000 крон со сроком сдачи к 1914 году. В 1912 году орудийные и механические мастерские были снова расширены, а в следующем году компания заключила с венгерским правительством соглашение о постройке большого орудийного завода в Гиоре, в который венгерская казна должна была вложить 7 милл. крон, а фирма — 6 милл. крон.

Связанная тесно с «Австрийским обществом моторов *Даймлера*», в 1913 г. фирма Скода начала устанавливать на автомобили Даймлера свои тяжелые гаубицы (28 сантиметровые).

Другим крупным австрийским военно-промышленным предприятием была «Каменноугольная и железная компания Витковица» в Моравии, вырабатывавшая броню, орудийные стволы, снаряды, броневые куполы и орудийные установки. Эта компания входила в состав акционерного общества «Никкельный синдикат стальных заводчиков» со штаб-квартирой в Виккерс-Хаузе в Уэстминстере.

Третья крупная фирма — это Австрийская оружейная фабрика в *Штейере*, во главе которой стоял Манлихер. Фабрика снабжала австро-венгерскую армию винтовкой этого наименования. Завод был основан в 1830 году, и в 1867 году была принята его винтовка. В 1869 году было образовано акционерное общество, а в 1878 г. производительность Штейеровского завода уже достигала 500.000 винтовок в год, и на нем работало свыше 3.000 человек. Завод точно также входил в об'единение с «Германской оружейной и снарядной фабрикой» и «Бр. Боллер и К⁰».

В Праге имелся динамитный завод из об'единения Нобеля, широко раскинувшего свои путы в странах Европы.

Наконец, в Фиуме *Армстронг* и *Виккерс* имели завод по изготовлению торпед.

Нет слов, что вступать в какую-либо конкуренцию с мировыми державами промышленность Австро-Венгрии не могла, но, во всяком случае, ее развитие подвигалось быстро вперед. Используя собственные капиталы, синдицируясь с иностранными, тяжелая индустрия габсбургской монархии с каждым годом вставала на ноги, и, если бы только не затруднения во внутренней политике, развитие промышленности было бы быстрее, чем это оказывалось на самом деле.

Из сказанного о развитии промышленности явствует, что в Австро-Венгрии, с одной стороны, образовывался класс крупных капиталистов, а с другой, наростал пролетариат.

Что касается *торговли*, то Австро-Венгрия, по данным 1912 года, в мировом масштабе торговала всего на 5.600 милл. марок, что составляло 3,3⁰/₀ всей мировой торговли. Наибольший товарообмен совершался с Германией, Англией, Италией, Соединенными Штатами Америки и затем с балканскими государствами (Сербией, Румынией, Болгарией и Грецией). Необходимо отметить, что торговля с последними наталкивалась на сопротивление, оказываемое венгерскими аграриями, видевшими в развитии товарообмена с заграницей подрыв собственного благосостояния. Были введены особые запретительные и высокие пошлины, которые, с одной стороны, помогали развитию венгерского земледелия, однако, с другой, удорожали стоимость продуктов, создавая нередко кризисы и ставя Австрию в зависимость от

Венгрии, не говоря уже об озлоблении против Дунайской монархии, создававшемся в соседних славянских странах.

Бюджет Австро-Венгрии образовался из четырех бюджетов: общеимперского, австрийского, венгерского и боснийского. Общеимперский бюджет предназначался, главным образом, на содержание общеимперской армии, общеимперских правительственных учреждений и на покрытие расходов, связанных с оккупацией Боснии и Герцеговины. Согласно конституции, Австрия и Венгрия уплачивали определенные долги в общеимперский бюджет, при чем взнос Австрии в значительной мере превышал венгерский.

По сравнению с другими державами Европы, бюджет Австро-Венгрии в миллионах франков, как показано на таблице № 3, был таков:

ТАБЛИЦА № 3

СТРАНЫ.	1907 год	1913—14 г.
Австро-Венгрия	3.000	4.500
Германия	5.905	7.125
Франция	3.833	5.473
Англия	5.000	6.050
Италия	1.945	3.320
Россия	4.950	7.150

Таким образом, только одна Италия имела бюджет меньший, чем Австро-Венгрия, прочие же державы обгоняли бывшую империю Габсбургов.

Рост бюджета не соответствовал развитию производительных сил Австро-Венгрии, вследствие чего государственный долг наростал с каждым годом и в 1911 году выражался суммой в 18.485.000 крон, что на одного жителя составляло 359 крон. По тяжести государственного долга, правда, Австро-Венгрию обогнали в этом году Франция, Италия, Германия, и только в Англии и России население менее было обременено долгом. Однако, если учесть, что каждый француз и немец имели больший доход, чем подданный Австро-Венгрии, то станет ясным, что габсбургская империя форсировала силы своего населения. Какие были причины этому, мы пока раскрывать не будем, так как вернемся к этому вопросу еще дальше.

Мы не имеем права делать дальнейшие поиски в область экономической статистики, так как уклонились бы от нашей задачи. Изложенное нам необходимо, как база для дальнейших суждений о Дунайской империи.

Разноплеменный состав ее населения и медленное развитие производительных сил говорят за то, что этому государству был не по плечу *империализм* его европейских соседей. Если можно говорить об *австрийском* империализме, то лишь как о системе со слишком ограниченными мечтаниями и целями, далекими от захвата тех колоний, борьба за которые велась прочими великими европейскими державами, а в частности, союзниками — Германией и даже Италией.

Австрийский империализм, как таковой, разбрасывал свои сети лишь на близь расположенные Балканы и крайним его стремлением был выход к Эгейскому морю, а затем попытки получить гавани в Малой Азии. О большем австрийские империалисты и не мечтали. Несмотря на то, что австрийская промышленность с каждым годом все тверже и тверже

становилась на ноги, представители ее оказывались не только заинтересованными в широкой экспансии своих союзников немцев, но и побаивались ее, они были удовлетворены и своим местным рынком. Так, представители австрийской железоделательной промышленности оказывались очень заинтересованными в своем внутреннем рынке, так как цены на железо и сталь в Австрии на 100 процентов дороже, нежели в Германии. Венгерские аграрии боялись не только германского засилья, но и стремились ограничить ввоз продуктов земледелия и скотоводства из соседних Румынии и Сербии Если австро-венгерские капиталисты и готовы пойти за своими германскими собратьями, сознавая, что в этом им достанется лишь второстепенная доля, то только потому, что иного выхода нет, что от политики экспансивной своей союзницы и они получают кос-какие барыши.

Таким образом, если был свободен еще внутренний рынок, если дома еще оказывалось много доходов для капиталистов Дунайской империи, т.-е. иными словами, если не было налицо стимулов для агрессивной политики вне страны, то казалось бы, империя Габсбургов должна быть «обетованной» страной мира, а не тем горящим факелом, зажегшим мировой пожар, каким она оказывалась в действительности.

Активная политика Австро-Венгрии имела под собой иное: «династически-принудительный конгломерат центробежных национальных осколков» — Австро-Венгрия представляла собой «самое реакционное образование в центре Европы». Окруженная национальностями, родственными, входящим в состав империи, Австро-Венгрия, для спасения своего единства, в своей внешней политике предпочитала избранный ею путь порабощения соседних малых государств, но не могла согласиться на свой распад. В этом и выражается так называемый *австрийский* империализм. Не в поиски за золотым руном в далеких странах пускались аргонавты с берегов Дуная в военные экспедиции, а за округлением своих границ, за включением в свой состав тех самостоятельных национальностей, которые своим наличием смущали верноподданных Габсбургов, нарушая покой последних.

Его давно уже не было дома — внутри государства, и, таким образом, для Австро-Венгрии внешняя политика оказывалась теснейшим и непосредственным образом связана с внутренней.

В виду изложенного, мы считаем себя обязанными бросить взгляд на *внутреннее соотношение сил* в Дунайской империи.

Некогда блаженные и спокойные времена для династии Габсбургов, браками расширявшей свои владения по обоим берегам Дуная, к средине XIX века миновали, и «мои народы», как называл Франц-Иосиф конгломерат своих подданных, пришли в движение. Брачные узы перестали оказывать свое магическое действие, и в 1848 году вспыхнула венгерская революция с идеей национального самоопределения. Подавленная с помощью русских, Венгрия не успокоилась в своей борьбе, и к 1867 году добилась самостоятельности.

По конституции этого года на берегах Дуная, вместо бывшей Австрии, оказалась дуалистическая (двуединая) Австро-Венгрия, с особым венгерским парламентом, а затем и армией. Одержав победу, Венгрия не остановилась в своих требованиях, и последующие годы, вплоть до мировой войны, наполнены внутренней парламентской борьбой. В иные годы борьба эта принимала ожесточенный характер на всех фронтах — политическом, бытовом, экономическом и т. д. Одним словом, венгры ни на один день не прекращали своей борьбы за самостоятельность вплоть до 1918 года, когда произошло уже фактическое выделение Венгрии, как самостоятельного государства.

Побежденные носители австрийской идеи — *немцы* видели свое спасение лишь в воссоединении с сильной Германией. Когда-то прочный оплот для династии Габсбургов, некогда господствовавшее в государстве племя, его становой хребет, ныне выродился в *австрийскую ирреденту*. Вместо связующей силы — немцы являлись силой центробежной, удерживаемой лишь самой Германией, считавшей более выгодным иметь в наличии австро-венгерскую монархию в целом, нежели включать в себя лишних 10.000.000 единоплеменных едоков. Увеличение клерикального юга Германии на архиклерикальных австрийских немцев ослабляло бы позицию протестантского севера в германском союзе и, наконец, в хозяйственном отношении было выгоднее для немцев Ширее иметь хороший таможенный союз с дунайскими немцами, чем видеть в них конкурентов в составе самой Германии.

В таком положении оказывались две главенствующие в Австро-Венгрии национальности. Остальные народности были поделены между ними. Однако, такой дележ мало был приятен для лишенных права на национальное самоопределение. Борьба за автономию с об'явлением конституции 1867 года завязалась в обеих половинах государства. В Австрии чехи боролись с немцами, поляки с русинами, итальянцы стремились присоединиться к Италии.

В Венгрии шла длительная и упорная борьба венгров с кроатами, словаками, сербами, румынами.

Наконец, в оккупированной в 1878 году Боснии и Герцеговине было явное недовольство сербов режимом оккупантов и тяготение к самостоятельной Сербии.

Одним словом, центробежные национальные тенденции с каждым годом, по мере развития производительных сил на территории угнетенных народностей, развивались все сильнее и сильнее, создавая затруднения в государстве и грозя так или иначе вылиться в вооруженное столкновение с династией.

Внутреннее положение Австро-Венгрии было чревато большими опасностями, что не было секретом для любого здравомыслящего государственного деятеля Дунайской империи.

Различно только мыслились ими пути к улучшению: одни видели необходимость преобразования государства путем внутренних реформ, как это было сделано в Германии, другие, опираясь на опыт той же Германии, стремились к созданию государства с такими границами, которые включали бы все самостоятельные одноплеменные государства в единое соединение — Дунайскую империю Габсбургов. Представители второго течения и являлись теми австрийскими империалистами, о которых было сказано выше.

«Успокоение» монархии путем внутренних реформ понималось в смысле об'явления автономии для отдельных народностей с одновременной группировкой таковых в крупные родственные об'единения. Таким образом, на смену дуализму шел *триализм*, т.-е. об'единение Австрии, Венгрии и Словакии из славянских племен. Однако, такое деление встречало сопротивление среди немцев и венгров, боявшихся выпустить из своих рук опекаемых славян. Так, венгерский премьер Тисса никому не позволял трогать «моих сербов», как он выражался, подчеркивая этим права венгерской короны на входившие в состав ее земель славянские народности. Наконец, трудно было вообще помирить и самих славян между собою, не говоря уже о румынах и итальянцах, судьба которых и при новом разделении государства сулила прежнюю зависимость от тех или иных иноплеменных владык.

Пути государственных мужей с берегов Дуная второй группы шли по внешним линиям, и поэтому мы пока оставим их.

Подходя к истории Европы XIX и XX столетий, мы обязаны осветить положение той движущей силы, каковая во всех государствах в начале XX столетия выступала на авансцену — это *рабочее* движение.

С развитием промышленности в Австро-Венгрии нарастал рабочий класс, вырастала социал-демократия, все более и более втягивавшаяся во внутреннюю борьбу, клокотавшую в государстве. Однако, вместо того, чтобы вести рабочий класс по пути революционного интернационализма, австро-венгерская социал-демократия бросила его в об'ятия буржуазного национализма, горевшего борьбой, и сама вступила в эту борьбу за интересы национальностей.

Однако, несмотря на всю ту борьбу, которую вели отдельные национальности в Австро-Венгрии, последняя, как государственное об'единение, продолжала все же существовать. Было ясно, что жизненный путь ее с каждым днем укорачивается, но для этого необходимы были удары извне по дряблому телу Дунайской империи, внутри же все пока выливалось в ожесточенную парламентскую борьбу, сопровождаемую иногда баррикадами и ружейной стрельбой в крупных населенных пунктах государства.

По конституции 1867 года обе половины государства (Австрия и Венгрия) имели свои самостоятельные представительные учреждения, свои самостоятельные министерства и свои армии. Босния и Герцеговина имели также свой самостоятельный сейм. Каждая из «половин» выделяла делегации, которые поочередно имели заседания в Вене или Будапеште, решая общеимперские вопросы.

Общеимперскими учреждениями были признаны армия и министерства иностранных дел и финансов, содержавшиеся за счет общеимперского бюджета.

Во главе всей государственной машины стоял Франц-Иосиф, являвшийся до некоторой степени той связующей силой, которая до поры до времени не давала механизму империи отойти в вечный покой.

Как полагается для всякой буржуазной конституции, и в конституции Австрии существовал «§ 14», дававший право верховной власти проводить те или иные мероприятия в желательном для нее направлении.

Национальный сепаратизм разжигал ненависть не только в массах, но проникал и в верхи *буржуазных классов* монархии. Правда, вокруг двора образовывался, если можно так выразиться, своеобразный интернациональный круг правящей придворной клики, но и в нем господствовали те же центробежные национальные федералистические стремления. Как бы ни был буржуазен и высок по своей знатности и происхождению венгерский сановник Дунайской империи, но он прежде всего оставался венгром. Равным образом к тому или иному общеимперскому министру определенной национальности другие национальности относились с подозрением, видя нередко в проектах министра умаление прав и интересов своей нации.

Но как бы ни увеличивались разногласия в верхах буржуазии, она, однако, еще крепко стояла на ногах. Наличие большого числа крупных помещиков в Венгрии, Галиции, образование круга крупных промышленников, развитие банков и т. д. пополняло ряды крупной буржуазии, видевшей в сохранении монархии пока единственные пути для своего развития.

Вслед за этой крупной буржуазией шла та громадная армия *чиновников*, которая являлась характерным признаком бывшей Габсбургской монархии. Эта армия бюрократов, живших за счет государства, в три раза превышала все военные силы Австро-Венгрии, а по исчислениям Краусса в его книге «Причины наших поражений»: «каждый пятый или шестой человек был чиновником. Половина доходов Австрии шла на содержание

чиновников, которые в армии видели опаснейшего противника для своего существования». Повсюду, где только возможно, эта чиновничья армия шла против вооруженных сил империи, доказывая всю тяжесть расходов, связанных с содержанием армии.

Армия паразитов вела упорный бой за свое существование, при чем в более мелких своих слоях она заражалась тем же национальным сепаратизмом, присущим всему населению. Со стороны ответственных государственных деятелей бывшей монархии можно было не раз услышать жалобы на тот национальный федерализм, который проводился мелкой интеллигенцией, учителями и т. п. представителями мелкой буржуазии.

Об *общей массе населения* говорить много не приходится. Ее материальное благостояние было далеко неудовлетворительно. Правда, в областях, в которых развивалась промышленность, как, например, в Богемии и Моравии, положение населения улучшалось, но все же недостаточно. Причинами неудовлетворительного материального положения масс считались те узы, которые накладывала конституция 1867 года на национальное самоопределение, те стеснения, в рамках которых нельзя было говорить о каком-либо быстром развитии производительных сил страны.

Как всегда бывает в подобных случаях, ища выхода из создающегося положения внутри государства, взоры многих, и прежде всего самого Франца-Иосифа, искали сверхъестественную личность, *государственного мужа,* который спас бы разваливающуюся империю.

«Мое несчастье, что я не могу найти *государственного деятеля*», говорил Франц-Иосиф.

Но несчастье заключалось, по мнению Краусса, не в недостатке таких государственных людей, а прежде всего в натуре самого Франца-Иосифа, не терпевшего самостоятельных лиц, людей с открытым взглядом и собственным мнением, людей, знавших себе цену и державшихся с достоинством. Подобные личности не подходили для австрийского двора. В нем пользовались любовью только «лакейские натуры», как свидетельствует о том Краусс.

Говоря об Австро-Венгрии, нельзя пройти мимо личности *Франца-Иосифа,* служившего до некоторой степени цементом для этого государственного об'единения. Несмотря на ту национальную борьбу, которая велась в стране, личность этого престарелого представителя габсбургской династии среди населения пользовалась известной популярностью. Последняя заключалась не в достоинствах Франца-Иосифа, а скорее в привычке к нему, в оценке его, как существующего фактора исторической необходимости.

Сказанное может повести к заключению, что Франц-Иосиф мало влиял на течение дел в Дунайской империи. Однако, это не так. На протяжении долгого своего пребывания главой государства, Франц-Иосиф не выпускал из своих рук руля государственной машины. Правда, внешние и внутренние бури не раз грозили вырвать из его рук это орудие управления, но он упорно держался за него, плывя то против, то по течению.

В тяжелом внутреннем кризисе после только-что закончившейся венгерской революции 1848 года, вступив на престол Габсбургов молодым человеком, Франц-Иосиф сразу же окунулся в жизнь, полную тревог и опасностей.

Застав еще период абсолютизма в государстве, Франц-Иосиф с первых же шагов должен был испытать крушение его (абсолютизма) и превращение страны в конституционное государство. Жизнь заставляла приспособляться к новым формам; Франц-Иосиф не отшатнулся от них и пошел по новому пути настолько, насколько этого требовали неумолимые обстоятельства. Признав победу венгров и сделавшись дуалистическим

монархом в 1867 году, Франц-Иосиф был далек от какого-либо перехода к иным формам правления. Конституция 1867 года была последней его уступкой. Верный ей, предпоследний Габсбург не мог примириться с какой-либо дальнейшей автономией иных национальностей, кроме венгров: идея триализма была чужда для Франца-Иосифа.

Оставаясь верным монархическим заветам своих предков, Франц-Иосиф с каждым годом своего царствования все дальше и дальше уходил от развивавшейся в Европе жизни. Крупные шаги империализма, социальное движение — все это было не для высокодержавного монарха на Дунае. «Его народы» должны были с чувством уважения и преданности думать о своем истинном повелителе, который, в свою очередь, не должен нарушать монархический этикет и итти «в народ», как это пытался делать его союзник Вильгельм. Консервативный этикет из повседневного уклада жизни переносился и на управление государственными делами. Здесь также должен был соблюдаться этикет: каждый мог говорить только в круге своей деятельности, но не больше.

Как человек с далеко не сильной натурой, с консервативным укладом мыслей, Франц-Иосиф, однако, не переоценивал свои силы и не чуждался энергичных людей, ведших за него борьбу во внутренних делах государства. Одного он не мог простить таким людям—это нарушения придворного этикета и верности династии Габсбургов. При выполнении этих требований монарха, самостоятельные и с сильной волей государственные деятели могли проводить свою политику, не боясь потерять доверие престарелого Габсбурга.

Консерватор по убеждениям, Франц-Иосиф оставался им и в отношениях к людям. Лицо, получившее его доверие, нескоро покидало свой высокий государственный пост, хотя бы и не соответствовало своему назначению. Наоборот, люди, чем-либо антипатичные императору, несмотря на все их достоинства и качества, не могли расчитывать на успешную свою государственную деятельность.

Таким образом, в свидетельство Краусса мы должны внести некоторую поправку в том смысле, что если «лакейство» было признано Франц-Иосифом, как форма выражения верноподданничества, то только лишь, как форма, а по существу дела, в определенных для каждого должностного лица рамках, им допускалось и свободное высказывание мыслей и защита выдвигаемых положений.

Немец по рождению, Франц-Иосиф оставался им и во внешней политике государства, несмотря на ряд поражений в войне с Пруссией и другими германскими государствами. Те внешние удары, которые выпали на долю Австрии в первый период жизни Франца-Иосифа, заставили его до некоторой степени потерять веру в военное могущество Дунайской империи. Надвигавшееся мировое побоище, казалось, подавляло его: в этой войне должна была исчезнуть монархия, и Франц-Иосиф упорно отклонял всякие выступления, которые могли бы повести к катастрофе. Ставка на «мир» была более желательна для современного Абдул-Гамида, нежели бряцание оружием; искусные дипломатические победы более прельщали своей бескровностью, нежели обманчивый и рискованный ход военного счастья. И если Австрия явилась зачинщиком мировой войны, то не нужно забывать, что сараевское действо было направлено против Габсбургов, в защиту которых Франц-Иосиф готов был даже обнажить меч, хотя и не питал особо нежных чувств к будущему своему преемнику.

Последний, в лице *Франц-Фердинанда*, уже несколько лет входил в управление государством, обещая в будущем произвести перелом во внутренней жизни Австрии и ее внешнем положении.

Отличаясь нервной натурой, озлобленной с детства на двор и стоявших во главе управления государственных деятелей, особенно венгерцев, часто третировавших будущего управителя государством, Франц-Фердинанд обладал неуравновешенным темпераментом. Порой веселый и оживленный, а зачастую резкий в обращении с окружающими, престолонаследник с детских лет замкнулся сначала в самом себе, а затем в своем семейном кругу.

Чуждый всякой попытки искать популярности, слишком презиравший человечество, чтобы дорожить или считаться с его мнением, Франц-Фердинанд наводил ужас и страх на входивших к нему с докладами министров и иных причастных к управлению государством лиц. Раздражительный, невыдержанный клерикал, Франц-Фердинанд особенно презирал все то холопство, которое было свойственно австро-венгерской государственной машине. Однако, с людьми, не терявшимися и твердо отстаивавшими свои мнения, Франц-Фердинанд делался другим и охотно выслушивал их.

Будущее обещало Австрии сурового правителя, если бы сама история не повернула колесо в другую сторону и «величайшая судорога» не смела не только Франца-Фердинанда, но и Австро-Венгрию, как государственное об'единение.

Испытав на себе тяжесть венгерских домогательств, не видя в системе дуализма спасения для Дунайской монархии, Франц-Фердинанд искал такового в коренном преобразовании государства на принципах федерализма.

Отношение его к венгерской половине выливалось в одну фразу: «Они (венгры) мне антипатичны, хотя бы просто из-за языка», — так говорил Франц-Фердинанд, отчаиваясь в попытках изучить венгерский язык. Усвоенные с детства личные антипатии к венгерским магнатам были перенесены Франц-Фердинандом на весь венгерский народ. Обладая политическим чутьем, он понимал весь тот вред, который нес с собой не только венгерский сепаратизм, но, главным образом, политика славянского угнетения, проводимая упорно мадьярами.

Отсюда, естественно, вытекало постоянное желание эрцгерцога помочь румынам, кроатам, словакам и другим национальностям освободиться от венгерского засилья.

Такая политика Франц-Фердинанда в венгерском вопросе не оставалась тайной для Венгрии, платившей той же монетой злобы и ненависти потомку Габсбургов.

Политика федерализма Франц-Фердинанда не встречала сочувствия прежде всего в самом Франце-Иосифе, как уже было выше сказано, застывшем в рамках конституции 1867 года. Как разномыслие во взглядах на внутреннюю политику, так и личные отношения отделяли друг от друга этих двух представителей Габсбургского дома. Если, по мнению наследника, он значил для императора «не больше последнего лакея в Шенбрунне», то с другой стороны, Франц-Иосиф также определенно выявлял свою точку зрения на все новшества своего племянника. «Покуда я правлю, никому вмешиваться не позволю», — резюмировал старый император всякие доводы о каком-либо переустройстве государства. Создавшееся отчуждение между родственниками еще более углублялось услужливыми людьми, в которых, конечно, не было недостатка в бюрократической машине Австрии.

Несмотря на резкий отпор дяди, племянник не думал сдавать своих позиций и отходить от управления страной. «Мне когда-нибудь придется отвечать за ошибки, совершенные теперь», — говорил Франц-Фердинанд, считая своей обязанностью везде и всюду вникать в государственную

жизнь. Таким образом, создавалось два центра управления, две верховных власти — настоящая и будущая, зачастую оказывавшиеся на противоложных полюсах, между которыми и приходилось лавировать тонким бюрократам государственной машины страны. Последняя, и без того требовавшая капитального ремонта, от всех этих трений еще больше скрипела, еще более замедляла свой ход, грозя окончательной поломкой.

Внешняя политика Франц-Фердинанда как внутри страны, так и за границей, связывалась с представлением о милитаризме Дунайской монархии. Наследник престола считался лидером военной партии Австрии. Нет слов, что ему не чужд был так называемый австрийский империализм; в мечтах эрцгерцог оказывался снова владельцем Венеции и других областей бывшей австрийской Италии. Быть может, мечтания заносили бы его еще и дальше, если бы не сознание, что без исправления внутренней жизни самой Австро-Венгрии, без создания сильной армии рано еще думать об активной внешней политике. За его спиной, прикрываясь его именем, действительно работала военная партия, с каждым годом все более и более раздувающая факел войны, но сам Франц-Фердинанд, если не был чужд агрессивности, то до поры до-времени считал необходимым ее ограничивать.

Признавая во внешней политике необходимым условием сохранение независимости двуединой империи, Франц-Фердинанд стремился ограничить ее союзы только теми, которые вели к указанной цели. Чуждый как внутри государства, так и во внешней политике пангерманской идеи, он стремился мирным путем устранить столкновения Австрии и России на Балканах, считая идеалом союз Германии, Австрии и России. Нужно отметить, что нередко личные антипатии, основанные зачастую на семейных отношениях к тому или иному двору иностранного государства, вторгались во внешнюю политику в представлении Франц-Фердинанда. В наиболее близких отношениях с эрцгерцогом оказывался Вильгельм II, рассчитывавший, повидимому, впоследствие найти в Франц-Фердинанде послушного себе вассала. Трудно предсказывать будущее, но едва ли наследник австрийского престола, оказавшись на последнем, слепо пошел бы за повелителем с берегов Шпрее.

Выше уже было сказано, что для Австро-Венгрии *внешняя политика* оказывалась теснейшим и непосредственным образом связана с внутренней. Действительно в последней заключались все руководящие линии для внешней политики.

В средине XIX столетия на западе и в центре Европы внешняя политика Австрии получила удар за ударом, последствиями которых были потеря Италии и передача гегемонии в союзе германских государств Пруссии.

Австрия оказывалась отныне лицом к лицу с двумя новыми государствами: об'единившейся Италией и Северо-германским союзом.

Большая часть владений Австрии и северной Италии вошла в состав нового итальянского королевства и только незначительные области, населенные итальянцами, остались в пределах Австрии. Надежда вернуть потерянное не покидала политиков Франца-Иосифа, и 1866 год, казалось, благоприятствовал этому, если бы не решительное поражение на полях Кениггреца. Италия была спасена силой прусского оружия и удержала свои завоевания 1859 года.

Не решившаяся вступить в войну 1870 года на стороне Франции, удержанная от этого враждебной позицией России, Австрия упустила благоприятный случай посчитаться с двумя своими бывшими врагами — Италией и Пруссией. Отныне ее политика выходила на новую дорогу сближения с этими обоими государствами.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА

Заключив в 1879 году союз с Германией, Австрия в 1882 году с присоединением Италии оказалась в составе Тройственного союза.

Задумывая «кровью и железом» добиваться об'единения Германии под гегемонией Пруссии, будущий ее канцлер Бисмарк видел в Австрии опасного противника на юге. Доведя дело до разрешения его вооруженной рукой в 1866 году, Бисмарк одержал победу, но... не хотел совершенно добивать Дунайскую империю. Она нужна была ему для будущего. Устранив непосредственную опасность в лице Австрии, Бисмарк все же считался с ней, как с могущим искать реванша врагом. Необходимо было дать новые направляющие линии политики Австрии, которые отвлекли бы ее от Запада, да кстати и посодействовали тому же в отношении России.

Победитель под Кеннигрецем вскоре после заключения мира довольно прозрачно намекнул австрийской дипломатии на возможность найти утешение за потерянные итальянские области и за поражение под Кеннигрецем на Балканском полуострове. Вот где было будущее Австрии, по мнению Бисмарка, и что пришлось по вкусу и дипломатии Франца-Иосифа. Нечего говорить, что этим ходом Бисмарк достигал и другой выгоды, а именно: повернув Австрию лицом к Константинополю, он туда же обращал и Россию, точно также отвлекая ее от западных дел. Отныне Австрия, сильная Австрия, должна была оказывать серьезные услуги германской дипломатии.

В 1872 году при свидании австрийского и германского императоров уже была решена оккупация Боснии и Герцеговины, а в 1879 году после Берлинского конгресса, когда Россия значительно охладела в своих симпатиях к Германии, между обоими немецкими государствами был подписан договор, связавший эти государства.

На основах этого договора и развивались до последних дней отношения между Германией и Австрией. Правда, в своей политике национального об'единения Бисмарк долго не решался порвать с Россией, ведя двойную игру между Веной и Петербургом. Однако, жертвовать Австрией из-за прекрасных глаз России Бисмарк отнюдь не хотел, и заключенный в 1879 году союз, превратившийся скоро в тройственный, сохранял свою силу и жизненность. Втянутая в балканскую политику, Австрия также нуждалась теперь в содействии сильной Германии, и как ни неверен был порою союз с нею, как ни живы были еще воспоминания о ранах 1866 года, как ни ясна была роль подручного в этом союзе для Австрии,—она все же считала его для себя теперь существенно необходимым.

С переходом Германии к империалистической политике, в которой Австрия оказывалась заинтересованной сравнительно мало, союзники не разочаровались друг в друге. Для Германии Австрия нужна была, как авангард для ее проникновения на восток,—в Малую Азию, как противовес русской политике на Балканах, а для Австрии союз с Германией давал поддержку, которая нужна была в той же балканской политике, на путь которой Австрия вступила уже давно. Несмотря на то, что иной раз, с развитием торговых сношений Германии с балканскими государствами, интересы ее существенно сталкивались с торговыми интересами Австрии, союз продолжал существовать попрежнему. Если прочность его и вызывала сомнения у какой-либо стороны, то таковой была Австрия, другая же сторона, при существовавшей политической кон'юнктуре, была уверена в своей Дунайской союзнице. Действительно, несмотря на попытки английского короля Эдуарда VII внести брешь в союз и вырвать Австрию из об'ятий Германии, Франц-Иосиф остался верен договору 1879 года и отклонил предложения дипломатии.

Связав свою судьбу с Германией, Австро-Венгрия с ней же вошла и в империалистическую политику западных государств Европы, если и не принимая в ней активного участия, то, как союзница Германии, готовая поддержать ее на пути будущего вооруженного столкновения. Взаимоотношения Австрии с Францией и Англией строились, с одной стороны, на урегулировании балканского вопроса, а с другой, на поддержке Германии в ее мировой политике.

С 1882 года оказавшись в союзе с *Италией*, своим бывшим врагом, Австро-Венгрия имела с ней более точек соприкосновения, чем с остальными западно-европейскими государствами.

Войны 1859 и 1866 годов, как уже было отмечено выше, не разрешили национального об'единения итальянцев, и в Австрии осталось значительное число говорящих на итальянском языке со страстным желанием оказаться вместе со своими одноплеменниками. Так создалась итальянская ирредента.

Уже на Берлинском конгрессе в 1878 году Италия стремилась получить Триент за уступку Австрии Боснии и Герцеговины, но итальянской дипломатии пришлось отложить мечту об этом на долгие годы, ограничившись пока надеждами на приобретение Туниса, поддерживаемыми в этом благоприятными уверениями Англии. Однако, Тунис уже притягивал к себе более сильную Францию, заручившуюся к тому же в этом согласием той же Англии и Германии.

Владения «больного человека», каковым давно была признана Турция, после Берлинского конгресса подлежали дальнейшему разделу и захвату главными государствами Европы.

В 1881 году Тунис был уступлен Франции, и обиженная Италия нашла необходимым в своей политике опереться на средне-европейские государства, войдя в 1882 году в состав Тройственного союза, который в те времена не имел, казалось, особых притязаний, кроме как на Балканах, на африканские владения султана и, таким образом, не стал бы чинить особых препятствий римскому правительству в его африканских авантюрах.

Обострившиеся отношения Италии с Францией соответствовали вполне как видам Бисмарка, так и Англии, которая видела в возрождающейся Италии хорошего спутника против той же Франции.

Итальянская ирредента, несмотря на вступление Италии в Тройственный союз в 1882 году, служила большой помехой в отношениях новых союзников — Австрии и Италии. Правда, в это время внимание итальянской дипломатии было отвлечено другими целями—на смену политики национального об'единения шла империалистическая политика,— и итальянцы должны были не упустить дележа африканских владений Турции.

В 1877 году австрийский премьер Андраши, разбирая с итальянским премьер-министром Кристи причины конфликтов, возникающих между этими государствами, выставил, как одну из них, стремления итальянских ирредентистов и заметил: «удивительно, как эти люди не понимают, что при помощи грамматики не делают политики», т.-е. что современная политика на деле вовсе не определяется одними стремлениями к национальному об'единению, иными словами, суть не в том, чтобы пользоваться одной грамматикой.

Согласившись с такой точкой зрения, Кристи с своей стороны указал: «мы были революционерами, чтобы создать Италию, мы стали консерваторами, чтобы сохранить ее». Под словом «консерватор» Кристи разумел сторонника империалистической политики, на путь которой Италия уже тогда вступила, мечтая о завладении Тунисом.

Таким образом, до поры до времени итальянский ирредентизм потерял свою остроту, итальянское правительство хотело использовать Австрию, как своего союзника.

До конца 90 годов Италия оказалась повернутой фронтом к Франции, и в сношениях этих государств все время происходили дипломатические конфликты, повлекшие за собой даже таможенную войну. С момента начала сближения Англии с Францией политика Италии также переменила свой курс: взаимоотношения Италии и Франции снова начали улучшаться, закончившись тайно заключенным в 1901 году итало-французским договором, по которому Франции предоставлялась свобода действий в Марокко, а Италии — в Триполи.

С этого года итальянская политика приняла активный характер против Турции, а вслед за ней и против Австрии, как заинтересованной в делах на Балканском полуострове. Неминуемым следствием начавшегося выпадения Италии из Тройственного союза было развитие итальянского ирредентизма в западных областях Австрии и подготовка Италии к возможному вооруженному столкновению с монархией Габсбургов.

Другим очагом борьбы Италии с Австро-Венгрией оказывались Балканы, а вместе с ними и Адриатическое море, преобладание на котором было одной из важных целей итальянской политики.

На *Балканах* скрещивались интересы Австрии, России и Италии, а также и других государств Европы.

Как известно, Австрия и Россия с XVIII века в балканской политике сторожили друг друга: каждый шаг вперед одной—вызывал ответное движение другой.

При Николае I идея дележа наследства «больного человека», каковым признавалась тогда Турция, все более и более резко оттачивалась, закончившись Крымской войной.

К 1876 году балканский вопрос снова обострился. Выше было отмечено, что с 1866 года повернутая фронтом на Балканы Австрия считала отныне свою балканскую политику наиважнейшей в своих внешних отношениях с соседними государствами. Ревнивым взором австрийские дипломаты следили отныне за каждым шагом России на этом полуострове.

В 1875 году славянское движение на Балканах вспыхнуло снова, вылившись в ряд восстаний в Боснии и Герцеговине против магометанских помещиков, руководимых католическими патерами не без поддержки, конечно, со стороны Австрии и даже Германии. Австрийское правительство выступило перед «концертом» европейских государств с проектом реформ. Но сам «концерт» потерпел неудачу, а между тем идея раздела Турции снова заострилась. Летом 1876 года Александр II отправился для личных переговоров в Вену, в результате чего явилось письменное соглашение об образовании самостоятельных славянских государств на Балканах, о компенсации России Бессарабией и в М. Азии, а Австрии предоставлялось право оккупировать Боснию и Герцеговину.

Разразилась русско-турецкая война 1877—78 г.г., окончившаяся под стенами Константинополя; Австрия оккупировала Боснию и Герцеговину, а Россия пошла в Каноссу — в Берлин на конгресс, руководимый «честным маклером» Бисмарком.

Военные успехи России были понижены в своей ценности, Балканы перекроены, и в список врагов русская дипломатия с 1879 года, кроме Англии, внесла прежде всего Австрию, а за ней и «честного маклера» с его государством.

Но не в «обиде» русских славянофилов и русского царизма скрывалось все «зло» Берлинского конгресса 1879 года.

Созданное на Берлинском конгрессе 1879 г. балканское равновесие было полно противоречий, подобно современному Версальскому договору.

Разделенные на части искусственными этнографическими границами, балканские народы продолжали стремиться к дальнейшему национальному освобождению и об'единению. Линия национальной политики самостоятельной Болгарии естественно направлялась на населенную болгарами Македонию, оставленную Берлинским конгрессом под властью Турции. Сербия, за исключением Новобазарского Санджака, была незаинтересована в Турции; ее естественные и национальные интересы целиком лежали по ту сторону австро-венгерской границы: в Боснии и Герцоговине, в Кроации, в Славонии, в Далмации. Национальные устремления Румынии направлялись на северо-запад и восток: на венгерскую Трансильванию и русскую Бессарабию. Грецию эти устремления, естественно, толкали как и Болгарию, против Турции.

Таковы были результаты «честного маклерства» Бисмарка, который не думал вносить успокоение на Балканы. Для него, наоборот, нужен был непотухающий балканский костер, который, привлекая к себе как Россию, так и Австрию, оставлял бы им минимум возможностей вмешиваться в западно-европейские дела.

Для самой Австро-Венгрии было нежелательно образование сильного славянского государства на Балканах, и если венская дипломатия согласилась на раздел Турции, то только при условии образования мелких славянских государств, которые не могли бы нарушить покоя на берегах Дуная. Образованные конгрессом в Берлине мелкие государства славян на Балканах были не страшны сильной Австрии, и все искусство ее политики должно было заключаться в том, чтобы: 1) не дать им усилиться, а 2) старым, изведанным путем дипломатических интриг включить ближайшие из них в состав Дунайской империи, проповедуя среди них ту же идею национального об'единения, но только в обратном порядке.

Эта новая программа для австрийской дипломатии начертана рукой того же «мудрого» Бисмарка. Пример «великой» Германии должен быть воспринят и Австрией. Последняя могла оставить в покое сербскую династию, не посягать на формальную государственную целость Сербии, но все же включить ее в состав Австро-Венгрии, как это сделала Пруссия с мелкими государствами.

Этот путь настолько хорошо был усвоен австрийской дипломатией, что она, вступив на него, не покидала уже его вплоть до мировой войны с той разницей, что размеры его расширились, и в состав будущей Дунайской империи должны были войти самостоятельная Румыния и такая же самостоятельная Польша.

Пока что прежде всего следовало не давать Сербии усиляться территориально, не давать ей развиваться экономически — путем получения гавани на побережье Адриатического моря. Одним словом, не следовало из Сербии создавать славянского «Пьемонта», который притягивал бы к себе австрийских славян. Внутренняя политика диктовала и указывала цели для внешней.

Кроме того, «золотой мечтой» австрийских империалистов был план расширения австрийской территории до Эгейского моря, превращение Салоник в австрийский порт и достижение полного господства над восточным побережьем Средиземного моря. Опасность такой экспансии была велика: она наталкивалась на сопротивление России, Италии и балканских государств. Приходилось выжидать, а пока не следовало позволять Сербии овладеть Новобазарским Санджаком и старыми сербскими землями в долине Вардара.

Стараясь путем военного режима проглотить оккупированную Боснию и Герцеговину, варясь в котле собственных внутренних боев отдельных национальностей, Австро-Венгрия в своей балканской политике стремилась: 1) сохранить установленное в Берлине в 1879 году положение на Балканах и 2) завоевать симпатии вновь образованных славянских государств.

В этих своих стремлениях монархия Франца-Иосифа прежде всего встретила сопротивление со стороны русского царизма, потерпевшего поражение в 1879 году, но не терявшего надежды снова дипломатически овладеть балканскими государствами. Борьба за влияние в этих государствах русской и австрийской политикой велась упорно до начала XX столетия, при чем русская дипломатия не раз терпела поражение. Заботливые венские дипломаты в 1885 году, остановив успехи болгар против сербов, расширяли все более и более влияние в Сербии и Болгарии, насадив туда своих «высокодержавных» креатур.

Но в то же время не в видах австрийской дипломатии было уничтожение Европейской Турции, и Дунайская империя принимала на себя роль защитника «больного человека» от могущих последовать ударов со стороны национально возрождающихся балканских славянских государств. По словам австрийского с.-д. Бауера, Австрия стала «врагом их свободы и их национального об'единения, она выступила, как контрреволюционная сила, как покровительница социальной и политической реакции».

В 1853 году Маркс в статье по восточному вопросу писал: «мы видели, как европейские политики в своей закоренелой глупости, окостеневшей рутине и наследственной косности с испугом отворачиваются от всякой попытки ответить на вопрос, как быть с Европейской Турцией. Могучим импульсом для стремления России к Константинополю служит как раз то, при помощи чего ее хотят от него удержать: пустая и совершенно неосуществимая теория сохранения status quo (старого положения)». После Берлинского конгресса удержать вновь образованные славянские государства путем сохранения status quo на Балканах было «закоренелой глупостью» австрийской дипломатии, чем пользовалась дипломатия русского царизма, кстати, не оставлявшая мечтаний о Константинополе.

Выступая «в роли душительницы национальной революции южного славянства», Австрия сеяла ветер и бурю на Балканах. Вспыхнувшее вскоре восстание в Македонии в 1903 году вызвало обычные «проекты» реформ, выдвинутых европейскими государствами. Не закончились ли бы эти «проекты» мировой свалкой тогда же — сказать сейчас трудно, ибо история отложила свое решение, бросив Россию в дальневосточную авантюру и открыв широкое поле деятельности на Балканах для австро-германской дипломатии. Нередко австрийские империалисты, с печалью на лице, говорят, что с отставкой Андраши (1879 год) Австрия фактически не вела совсем той самостоятельной внешней политики, приличествующей «великой» державе. К началу XX столетия австрийская дипломатия возвратилась на путь активной внешней политики, не подозревая, что это было началом ее конца — смертью всей империи Габсбургов.

Выше было отмечено, что в своей *балканской* политике Австрия встречала сопротивление и Италии, которая также пред'являла свои права на турецкое наследство не только в Африке, но и на Балканах.

Лишь узкая полоса Адриатического моря отделяет торговые порты Италии от западного побережья Балкан, представляя собою хороший путь для проникновения итальянских товаров на Балканы через Дураццо и Валону. Овладев восточным побережьем Адриатического моря, Италия превратила бы его в итальянское «озеро», закрывая австрийским торговым судам дорогу между Отранто и Валоной, создавая на Балканах не только торговую, но и политическую конкуренцию.

Таким образом, задачами австрийской политики было естественное стремление воспрепятствовать итальянской экспансии на Балканах и прежде всего в Албании. За эту территорию начинается ожесточенная борьба двух союзников, но не мечом и огнем, а «мирными» средствами. Дунайская монархия выпускает в Албанию могущественное средство — католическую церковь, стремящуюся захватить в свои руки не только религиозное мировоззрение вновь обращенных в католицизм албанцев, но школьное и больничное дело. Италия, в свою очередь, открывает школы для албанцев-магометан, крупные торговые компании приобретают земли в гаванях, строят железные дороги, организуют судоходство на Скутарийском озере, открывают банки. Насколько итальянцы вытесняли австрийцев из Албании, показывает процентное отношение участия в торговле Скутари двух австрийских пароходных обществ — «Австрийского Ллойда» и «Рагузского» и одного итальянского «Апулия» (таблица № 4).

ТАБЛИЦА № 4.

Года	«Австрийский Ллойд»	«Рагузское»	«Апулия»
1901	46	40	14
1903	45,8	27,7	26,5
1905 . . .	8,9	14,9	56,7

Как видно, борьба в Албании была тяжелой для Австрии и, повидимому крест и молитва австрийских патеров с трудом боролись с торгашами Аппенинского полуострова, а албанцы оказывались более «реальными» политиками, чем о том думали в Вене.

Не будем возражать против того, что наш очерк состояния Австро-Венгрии в начале XX столетия бледен и не дает ясной картины положения этого государства. Об этом можно было бы исписать несколько томов, но это не входит в задачи нашей книги, которая преследует цель иную. Мы старались сжато начертать отправные данные о монархии Габсбургов, которые могли бы послужить для суждения о затрагиваемом нами предмете — успели в этом или нет, сказать не можем.

Выше отмечалось, что некие австрийские дипломаты с грустью констатировали факт, что со времен Берлинского конгресса Дунайская монархия уже не вела активной политики, приличествующей «великой» державе.

Приходится согласиться не с грустью этих «старомодных» дипломатов, а с тем, что Австрия и не могла вести новой «империалистической» политики.

Главной причиной этого прежде всего было ее внутреннее состояние и та политика, с помощью которой Австрия пыталась урегулировать жизнь внутри государства. Центробежные стремления отдельных национальностей, превратившиеся с годами в ярко выраженную вражду между ними, отнюдь, конечно, не могли способствовать процветанию империи Габсбургов. С ростом производительных сил на территориях отдельных национальностей вражда между ними лишь крепла, а пример их соседних, свободных от гнета Габсбургов единоплеменников, быстро шагавших по пути экономического развития, еще более направлял их думы и мысли за рубеж Австрии.

Мало было государственных людей в Австрии, которые бы, в порыве кипевшей национальной вражды, признавали, что единственный выход для временного спасения государства — это широкая автономия для отдельных национальностей, перестройка страны на федеративных началах. Конечно, это было не решение, а лишь отсрочка, последнее средство спасения от неминуемого разгрома.

Если идеи триализма укладывались в голове наследника Франца-Фердинанда, то они были чужды представителю верховной власти — Францу-Иосифу, упорно стоявшему на конституции 1867 года. Вместо широких реформ и признания национальной автономии внутри государства, как исторического факта, правительство Габсбургов предпочло итти путем контрреволюционным, старым излюбленным путем абсолютизма, замаскированным в конституционные формы.

После политической смерти Империи ныне кое-кто из переживших ее лиц в Австрии, как, например, Краусс, в своей книге «Причины наших поражений», договаривается до истины, что «сильная и активная политика (внешняя; *Б. Ш.*) может быть проводима государством, здоровым внутри. Сила и здоровье государства покоятся на его внутренних соотношениях. Только государство, в котором существует внутренний порядок, может преследовать активные политические цели и за своими пределами». Мудрые слова... но после времени!!

Австрия болела внутри, экономически отставала от своих союзников — Италии и Германии, и будущих врагов — Франции и Англии, и активная политика империализма, бешено развиваемая этими государствами, была ей не по плечу, как ни мечтали о ней венские дипломаты.

Силою вещей вся внешняя политика Австрии зато сосредоточилась в том месте, откуда ей грозил смертельный удар — это на Балканах. Ожесточенный характер борьбы против национальной автономии внутри страны был перенесен австро-венгерскими дипломатами и иными людьми, стоявшими у власти, в политику на Балканах. Здесь, по их представлению, Австрия должна была победить или рухнуть в небытие. Эти беспокойные поля европейского полуострова сконцентрировали на себе все усилия Австро-Венгрии. Брошенная на них интригами Бисмарка, Дунайская империя, очертя голову, с горячим желанием хотя бы здесь оказаться «великой» державой, шла на верную гибель. Темен и мрачен был ее путь.

«Куда идешь, Австрия?!» — так вопрошал предостерегающий голос даже некоторых из ее сынов, вроде австрийского посла в Константинополе Паллавачини. Но... его уже никто не слушал... «Австрийские империалисты», если можно так назвать второсортных империалистов Европы, в своей активной политике на Балканах видели путь спасения. Иного выхода не было!

«Здание монархии, которое он (Франц-Фердинанд) хотел подпереть и укрепить, было до такой степени гнилостно, — пишет Чернин, — что не могло вынести солидной перестройки, и, если бы война не разрушила его извне, революция, вероятно, расшатала бы его изнутри — больной едва ли был в состоянии вынести операцию».

Когда-то делившая в Берлине в 1879 году наследство «больного человека» — Турции, Австрия отныне сама оказывалась «больным человеком» и при том настолько безнадежным, что его не могла спасти операция внутри государства, а тем более такая серьезная операция, как война на внешнем фронте.

Путь Австро-Венгрии был предначертан... Он вел... в пирвану!!

ГЛАВА II

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ АРМИЯ И ФЛОТ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Лагерь Валленштейна—основа армии Габсбургов. — Полководческая боязнь Габсбургов. — Основы спайки австро-венгерской армии. — Революция 1848 года и армия. — Конституция 1867 года и разделение армии. — Основы устройства армии и ее комплектование. — Вопрос языка. — Облик командного состава. — Корпус резервных офицеров. — Управление армией. — Краткие данные об организации армии. — Общий численный состав армии. — Высшие соединения армии. — Дислокация армии. — Увеличение контингента армии. — Бюджетная численность армии в 1905 г. — Армия военного времени в 1905 г. — Штаты и боевая подготовка.—Вооружение и техническое снабжение армии. — Военный бюджет. — Солдатская масса. — Флот Австро-Венгрии.

Австрийские историки к концу XV столетия относят зарождение австро-венгерской армии, но основные свои черты, сохранившиеся до времени ее исчезновения с мировой сцены, эта армия приобрела в лагере Валленштейна.

Здесь военный гений Валленштейна создал тип «цесарской» армии, так именовавшей себя до последних своих дней. В мрачные дни тридцатилетней войны в лагере этого полководца формировалась и закалялась в непрерывных боях «его» армия, армия профессионалов-солдат, собранная из стекавшейся из разных уголков Европы «вольницы». На основах религиозной и политической терпимости, но с признанием крепкой военной дисциплины и полного подчинения воле своего гениального полководца была создана военная система Австрии.

«Слово свободно, послушание слепо», — вот основной лозунг для армии Валленштейна, действительно «слепо» верившей в своего вождя и готовой по его приказу пойти хотя бы и против своего «цесаря» из дома Габсбургов. Несмотря на всю гениальность, Валленштейн оказался политически опасным для Габсбургов, и наемный кинжал очень скоро лишил армию ее вдохновителя.

Пример Валленштейна остался в памяти Габсбургов, старавшихся в дальнейшем, не принимая на себя командования армией, не вверять таковое и выдающимся военным деятелям, без известных ограничений их прав. На сцену появился знаменитый гофкригсрат, о мрачной деятельности которого и вреде для армии не приходится много распространяться, как о военном явлении, известном всем. Даже полководцы, связанные кровью с Габсбургами, как, например, эрцгерцог Карл, не могли заслужить их доверия и кончали свою жизнь в почетном изгнании в своих именнях.

Некоторые из наших современников, как, например, бывший военный министр и командующий 4-й армией Ауффенберг в отсутствии полководческих качеств у представителей дома Габсбургов видят причины упадка самой армии. Между тем, на армию верховная власть не обращала долж-

ного внимания, и все предложения о реформах, выдвигаемые генералами этой армии, не находили надлежащего отклика в государстве.

С этим можно согласиться лишь до известной степени, ибо основная причина была не в отсутствии военной доблести у представителей дома Габсбургов, она коренилась в самом укладе жизни этой профессиональной армии.

Политическая и религиозная терпимость, вышедшая из лагеря Валленштейна, и отсутствие какой-либо связующей национальной силы долго сохранялись у «цесарской» армии, создав ее своеобразный корпоративный уклад жизни, отличавшийся удивительной устойчивостью. Под знамена этой армии собирались самые разнообразные элементы, и единственной силой, соединявшей их, была та военная жизнь, которая существовала в армии. Здесь все было перемешано: и язык, и политические убеждения (монархист уживался рядом с республиканцем), и религия, но одно было общее — это военная карьера, работа профессионала, жизнь казармы. Вот круг, за который не выходили стремления членов всех рангов и ступеней «цесарской» армии.

Когда эрцгерцог Карл, будучи полновластным вершителем судеб австрийской армии в период 1806—1809 годов, предупредил реформы Шарнгорста, попробовав внести в свою армию понятие об отечестве и опереться на ополчение, то армия сдала и начала нести одно поражение за другим. Возвращение к старому укладу жизни, которое умный полководец быстро провел, вызвало в армии ликование, дало ей устойчивость и даже намеки на победы над армией самого Наполеона.

Тяжелый удар нанесла армии революция 1848 года, вызвавшая в народах империи стремление к национальному объединению. 21 батальон и 10 гусарских полков, комплектовавшихся венграми, перешли на сторону революционеров.

При содействии русских войск национальная венгерская революция была разбита, революционеры подверглись жестокой расправе австрийской реакции: в городе Араде было вынесено 100 смертных приговоров офицерам-венграм, прочие были разжалованы, 1.750 человек отправлены на каторгу и 50.000 венгерских гонведов влиты в австрийские полки.

Однако, мрачная реакция готовила себе будущие поражения, и в 1859 и 1866 годах «цесарская» армия снова терпит военные неудачи от армий, борющихся за те принципы национальности, которые так жестоко преследовались в Австрии, но которые уже не могли исчезнуть из жизни народов страны и даже самой армии.

Революция 1848 года внесла все же новое в армию Валленштейна. Конституция 1867 года фиксировала существование особой венгерской армии — *гонведа*, армии национальной, хотя и входившей составным звеном в общую систему вооруженных сил Габсбургской империи. Брешь была пробита. Наряду с «цесарской» армией появляются две величины — австрийский и венгерский ландверы. Как бы ни сильны были принципы военного единства, вынесенные из лагеря Валленштейна, однако, национальное объединение, ставшее вообще вопросом для Австро-Венгрии, также вошло в армию. Медленно, но верно просачивалась национальная автономия в ряды вооруженных сил монархии Габсбургов и не встречала уже такого упорства в самой армии, как во времена реформ эрцгерцога Карла.

Нами допущена маленькая экскурсия в область истории австро-венгерской армии, дабы лучше разобраться в ее облике, с каким она вошла в XX столетие. Ниже мы не будем, по понятным причинам, давать исчерпывающего «описания вооруженных сил» Австро-Венгрии, так как это не входит в наши задачи. Наше изложение военной системы австро-

венгерской империи преследует лишь цели общего знакомства с армией и ее особенностями.

Военно-сухопутные силы Австро-Венгрии состояли: 1) *из общеимперской армии;* 2) *австрийского ландвера;* 3) *венгерского ландвера или гонведа;* 4) *босно-герцеговинских войск.* Эти силы составляли первую линию, второй линии не было, и, наконец, третью линию образовывали: 1) австрийский *ландштурм* и 2) венгерский *ландштурм.*

Армия комплектовалась на основах всеобщей воинской повинности и по территориальной системе.

Общий срок службы—12 лет, из которых: под знаменами 3 года, в резерве 7 лет, в ландвере под знаменами 2 года и 10 лет в резерве ландвера.

Кроме того, существовал *особый резерв* для общеимперской армии и ландверов: продолжительность пребывания — 10 лет для активной армии и 2 года для ландвера, продолжительность пребывания в резерве ландвера — 12 лет для зачисляемых непосредственно в него.

Все прочие граждане призывного возраста, не попавшие в общеимперскую армию или ландвер, а также отслужившие срок в указанных войсках, в возрасте от 19 до 42 лет, обязаны были состоять в списках *ландштурма.*

В босно-герцеговинских войсках служба продолжалось только 12 лет: 3 года под знаменами и 9 лет в резерве, особого резерва и ландштурма не было.

Общеимперская армия пополнялась из всех округов государства, а ландвер (австрийский и венгерский) и босно-герцеговинские войска из округов комплектования соответствующей половины империи и Боснии и Герцеговины.

Для пополнения армии, как указано выше, была принята *территориальная* система, при которой каждая часть войск комплектовалась из одного и того же района. Благодаря принятию этой системы комплектования, удавалось достигать того, что многие отдельные части армии имели свой определенный национальный облик. Так, из общего числа 102 пехотных полков — 35 были славянских, 12 немецких, 12 венгерских и 3 румынских, остальные полки были смешанного состава.

В подобной армии, конечно, остро стоял вопрос о *языке.* Для общеимперской армии и австрийского ландвера и ландштурма служебным и командным языком был немецкий, в венгерском ландвере (гонведе) — мадьярский и наконец, в кроатском ландвере, входившем в состав гонведа, служебным и командным языком являлся кроатский. При обостренной национальной борьбе вопрос о языке был одним из пунктов спора. Неудовольствие со стороны народностей, язык которых не был признан служебным и командным, нарастало с каждым годом, служа поводом для углубления горевшей национальной вражды. При признанных трех привилегированных языках, конечно, уставное законодательство также должно было применяться к ним: уставы и наставления выходили на этих трех языках. Если в лагере Валленштейна была в этом отношении допущена терпимость, то политика последних Габсбургов оказывалась в резком противоречии, основываясь на правах конституции 1867 года, установившей это трехязычие в армии. Дальнейшей эволюции верховная власть и большинство государственных деятелей как гражданских, так и военных, не мыслили, отставая от идущей вперед жизни.

Связующим звеном этой «лоскутной» армии являлся *командный состав.* В общеимперской армии и австрийском ландвере унтер-офицерский состав комплектовался преимущественно из немцев, что давало известную спайку армии, но, с другой стороны, вызывало и неудовольствие других нацио-

ностей. В венгерском и кроатском ландвере унтер-офицерский состав подбирался из соответствующих национальностей.

Носителем идеи «цесарской» армии являлся ее *кадровый офицерский состав*, сохранявший и на рубеже XX столетия традиции армии Валленштейна. Собранное в своей подавляющей массе из разных концов, народностей и классов населения кадровое офицерство являлось тем связующим цементом, на котором покоилась вся эта скрипевшая по всем швам военная система. Носитель идеи Габсбургской монархии — кадровый офицер ее армии, в общем еще оставался замкнутым в кругу своей чисто военной жизни, видя всю цель своего существования в военной карьере. Как традиционная спайка офицерства, сохранилось обращение на «ты», хотя зачастую личные симпатии далеки были от этого товарищеского и дружеского разговорного обычая. Замкнутый карьерист, австро-венгерский офицер был достаточно хорошо подготовлен в военном деле, увлекался им, но по злому року судьбы нес в себе и неизжитые еще грехи своих отцов, видевших больше поражений армии, чем ее побед. Традиционность была сильным и в то же время слабым местом этого корпуса командного состава. С одной стороны, она давала ему военную спайку, а с другой, тормозила его интеллектуальное развитие.

Ныне австрийские историки слагают хвалебные гимны кадровому офицеру «цесарской» армии, видя в нем источник всех тех побед, которые в последнюю мировую войну когда-либо осеняли знамена армии Габсбургов. До некоторой степени это так, но... это досадное «но», в начале XX века в корпусе кадровых офицеров австро-венгерской армии, однако, не было былой спайки армии Валленштейна: в него проникала, хотя и медленно, национальная вражда и его заедал, главным образом, карьеризм. Для армии такого государства, в котором бюрократическая машина довлела над жизнью страны и в которой пышно распускались присущие ей зависть, протекция и другие атрибуты подлинного чиновничества старого времени, пройти бесследно эта бюрократическая обстановка не могла. «Носитель идеи габсбургской монархии» в армии — ее кадровый офицер, впитывал в себя те же свойства, кои были у любого чиновника гражданского ведомства. Широкое поле для протекции, интриг, «склочничества» открывалось в командном составе армии Валленштейна XX столетия. Всевозможное «чванство» находило благодатную почву в офицерском корпусе армии Габсбургов. О выдвижении вперед способных говорить не приходилось, веротерпимость Валленштейна была забыта, и зачастую назначение на высший пост зависело от религиозных убеждений кандидата: с засильем клерикалов, протестант не мог надеяться на достижение высоких мест. Постройка расшатывалась изнутри.

Что касается ее фасада, то носитель идеи габсбургской монархии — кадровый командный состав ее, испытывал ненависть не только со стороны стремящихся избавиться от гнета империи отдельных национальностей, но и со стороны армии чиновников и даже высшей власти страны. Не раз упоминавшийся нами Краусс повествует о том, что офицерский состав, даже высший, не пользовался вниманием и уважением в бюрократической машине страны. Молодые гражданские чиновники, быстро выдвигавшиеся, вследствие всяких ухищрений, на высокие посты, зачастую третировали таких лиц, как корпусные командиры.

Одним словом, оторванный от масс населения, чуждый солдатской массе, болевший внутренними неурядицами, цемент «цесарской» армии — ее кадровый офицерский состав, на рубеже XX столетия являлся не таким прочным, каким он был в давно прошедшие времена и каким его хотелось видеть доживающей свои последние дни монархии Габсбургов.

Наряду с кадровыми офицерами с каждым годом нарастал другой командный состав — *корпус резервных офицеров*, чего не знала раньше армия Валленштейна, что противоречило ее построению и что было необходимостью для армии наших дней.

Этот командный состав, вышедший из недр населения и живший интересами масс, вносил с собой ту национальную рознь, которая была налицо в различных уголках монархии Габсбургов. Резервные офицеры не только не были «носителями идеи монархии Габсбургов», но оказывались верными проводниками в армию идеи национальной автономии, идеи, с каждым годом все больше углублявшейся. Поэтому мы не удивляемся тем жалобам «старомодных» австрийских историков, какие слышим из их уст, на корпус резервных офицеров. В лагере Валленштейна это было слишком необычным явлением, и с ним никак не могла помириться старая традиция.

По справедливости, нужно отметить, что жалобы этих историков далеко неосновательны — резервный офицер был далек от открытого боя с династией Габсбургов и, наоборот, также покорно складывал свою голову за интересы не только чуждые, но даже враждебные ему. Во имя защиты буржуазных интересов, буржуазные сыны, кои и составляли корпус резервных офицеров, безропотно готовились к мировой бойне, и лишь в процессе ее встали на сторону революции.

Конституция 1867 года, создавшая дуализм в империи Габсбургов и разделившая армию, децентрализовала также и *управление в ней*.

Высшая военная власть находилась в руках императора и короля Австро-Венгрии, но исполнительная была разделена, в соответствии с делением армии, на три части и, кроме того, в качестве органа, ведающего Боснией и Герцеговиной в назначении контингента и утверждении бюджета для войск этих областей принимал участие общеимперский министр финансов.

Общеимперская армия с ее резервом управлялась общеимперским военным министром, австрийский ландвер — министром народной обороны Австрии, и венгерский гонвед — министром народной обороны Венгрии.

При императоре состояла *военная* канцелярия, а затем такая же была образована и при наследнике Франц-Фердинанде. Эти военные канцелярии, не являясь самостоятельными учреждениями, подготовляли к докладу поступающие на рассмотрение высшей военной власти дела. Ниже будет видно, какую роль играли военные канцелярии, здесь же только отметим, что эти наросты и на без того сложной системе управления, при той нездоровой бюрократической атмосфере, какая окутывала не только армию, но и все здание монархии, были болезненным явлением, еще более усложнявшим ход вещей.

Наконец, налицо была высшая инспекция армии с функциями инспектирования подготовки армии, осуществляемая через трех генерал-инспекторов, ответственных только перед высшей военной властью.

Общеимперский военный министр, являясь лицом, ответственным перед высшей военной властью и делегациями, возглавлял собою военное министерство, в котором сосредоточивалось все управление общеимперской армией и военным флотом.

Военное министерство разделялось на пять отделов, из которых четыре ведали сухопутной армией, а пятое — флотом. Охватывая управление всей жизнью армии и флотом, военное министерство имело, кроме того, и вспомогательные органы. К таковым нужно отнести: 1) начальника генерального штаба; 2) инспекторов по родам войск, по обозу, ремонтированию, по военно-учебным заведениям; 3) начальника санитарных войск;

4) начальника корпуса военных врачей; 5) полевой викариат и главный военный суд.

Начальник генерального штаба «всех вооруженных сил» хотя и подчинялся непосредственно высшей верховной власти, однако, являлся вместе с тем вспомогательным органом военного министерства в вопросах обороны, входящих в круг ведения генерального штаба.

Здесь мы не будем вдаваться в рассмотрение положения генерального штаба в стране и в армии — это будет сделано на своем месте. Можно только отметить, что двойственность в положении генерального штаба могла служить благодарной почвой для конфликтов.

Местное военное управление осуществлялось через систему 15 корпусных округов и Зарский военный отдел (Дальмация), на которые была разбита территория монархии Габсбургов.

Управление *ландвером* (австрийским и венгерским) осуществлялось через особые министерства народной обороны, главнокомандующих этими ландверами, корпусных командиров общеимперской армии и войсковые штабы ландверных войск.

Дуалистическая система государства, перенесенная на управление армией, создавала ряд трений в военной машине. Представителями интересов армии и флота являлись: общеимперских армии и флота — военный министр и командующий морскими силами, выступавшие перед делегациями; министры ландверов проводили свои нужды через соответствующие парламенты и, наконец, по босно-герцеговинским войскам бюджет находился у общеимперского министра финансов.

Если учесть национальный сепаратизм двух половин монархии, из которых каждая прежде всего заботилась о своем ландвере, то станет понятным то трудное положение, в каком оказывалась чисто «цесарская» армия. Зачастую ландвер был лучше обеспечен, чем общеимперская армия, для которой туго проходили как увеличение численности, так и ассигнования.

Бюрократизм, свойственный всей стране и внедрившийся также в армию, при децентрализированном военном управлении расцветал в нем пышно и способствовал увеличению расходов на бумагу, топтанию на месте, письменным и словесным турнирам представителей того или иного учреждения в составе одного военного ведомства.

Мы не имеем права вдаваться в подробности *организации* вооруженных сил австро-венгерской армии, но считаем необходимым напомнить отправные данные к 1906 году.

К этому времени:

Пехота насчитывала в общеимперской армии 102 пех. полка, 4 тирольских пех. полка в 4 батальона и 26 егерских батальонов; 4 босно-герцеговинских полка по 4 б-на. 1 босно-герцеговинский егерский б-н; 35 австр. ландверн. полков, из которых 1 в 4, 34 по 3 батальона; 26 венгерск. ландверн. полков, из которых 10 по 4, 18 по 3 батальона; 1 самост. ландверн. рота (Фиуме).

Конница — в общеимперской армии — 42 полка по 6 эскадронов; австр. ландвер — 6 полков по 6 эск. и отдельный дивизион в 3 эск.; венгерск. ландвер — 10 полков по 6 эск. и в военное время 30 эск. ландштурма.

Полевая артиллерия — 14 корпусн. арт. полков по 4 батр. из 8 ор., 42 дивизион. арт. полка по 4 батр. из 8 ор., 8 кон. дивизионов по 2 батр. из 6 оруд., 1 горный дивизион из 3 батр. по 4 орудия.

Крепостн. артилл. — 6 полков по 3 бат-на каждый, 3 отд. б-на и 5 кадров для осадн. гаубичн. дивизионов.

Технические войска — 15 пионерн. батальонов из 5 рот в мирное и 7 в военное время; 4 понтонных бат-на (в каждом мост в 53 метра); 1 теле-

графн.-железнодорожн. полк в 3 б-на в военное время формирует 12 ж.-д. рот, отделение полевых жел. дорог и телефонное отделение.

Обозные войска — 15 обозных дивизионов.

Санитарные войска—27 санитарн. отделений в мирн. время.

Общий численный состав:

а) *в мирное время* — 382.000 человек, 62.226 лошадей, 1.144 запряженных орудий, 676 батальонов, 352 эскадрона, 224 ездящих, 16 конных, 14 горных батарей, 72 крепостн. арт. роты, 18 технических рот;

б) *в военное время* — 676 батальонов, 352 эскадрона, 224 ездящих, 16 конных батарей, 30 горных батарей, 18 крепостн. бат-нов, 5 осадн. гаубичн. дивизионов и 18 бат-нов технич. войск. *Кроме того*, 106 маршевых бат-нов для пехотных и стр. полков, 26 маршевых рот для егерских бат-нов, 10 резервн. батарей и 42 резервн. эскадрона. Австрийский и венгерский ландштурм.

Штатный состав

Рота	По мирн. времени		По воен. времени	
	Офицер.	Солдат.	Офицер.	Солдат.
Общеимперская армия:				
нормальн.	4	93	4	259
усилен.	4	129	4	259
Австр. ландвер. . . .	3	54	4	259
Гонвед	4	51	4	259

Штатный состав

Эскадрон	Мирного времени			Военного времени		
	Офиц.	Солд.	Лошад.	Офиц.	Солд.	Лошад.
Общеимперская армия	5	166	140	5	172	173
Австр. ландв.	5	73	67	5	172	173
Гонведа	4	65	33	5	172	173

Высшие соединения существовали:

15 корпусов из 2 общеимперск. и 1 ландверн. пехотн. дивизий, 1 корп. артил. п., 1 пионерн. бат-н, 1 арт. парка, 1 телеграфн. отделения, 1 телефон. отделения, 1 инженерн. парка, 1 полев. госпиталя, 1 продовольств. колонны, 1 полев. хлебопекарни, 1 обозного парка и 1 обозн. эскадрона.

46 пех. дивизий в 2 бригады, от 12 до 15 батальонов, 3 эскадрона, 1 дивиз. арт. полк, 1 арт. парк, 1 сан. отряд, 1 телефон. патруль, 1 продовольств. колонна, 1 полев. хлебопекарня, 1 обозный эскадрон. Боев. состав от 12 до 15.000 чел., 450 всадников, 32 орудия.

Горная дивизия из 3—4 горных бригад, 1—2 эскадронов, 1—3 горных батарей, пионерной роты и других вспомогательных частей. Боевой состав 9.000—15.000 чел., 150—300 всадников, 20—28 орудий.

ТАБЛИЦА № 5

Арм. корпус	Пехотные дивизии				Кавалерия		
	Общеимп.	Австр. ландв.	Гонвед.	Всего	Дивизий	Отд. бригад	Всего
I корпус . . . Краков	5 Ольмюц 12 Краков	46 Краков	—	3	Кав. див.	—	1 к. д.
II корпус . . . Вена	4 Брюн 25 Вена 47 Вена	13 Вена	—	4	Кав. див.	—	1 к. д.
III корпус . . Грац	6 Грац 28 Лайбах	22 Грац	—	3	—	—	—
IV корпус . . Буданешт . .	31 Б. Пешт 32 Б. Пешт	—	40 Б. Пешт 41 Печ.	4	—	4 кав. бр. 2 ланд. к. бр. Б. Пешт 3 ландв. Печ.	3 кав. бриг.
V корпус . . . Пресбург . . .	14 Пресбург 33 Комори	—	37 Пресбург Нитра	3	—	16 кав. бр.	1 кав. бриг.
VI корпус . . Кашау	15 Мишкольц 27 Кашау	—	39 Кашау-Сатмар Немети	3	—	6 кав. бр.	1 кав. бриг.
VII корпус . . Темешвар . .	17 Гросвардейн 34 Темешвар	—	23 Сегедин	3	—	7 кав бр. 1 ланд. бр. Сегедин 4 ландв. Дебречин	3 кав. бриг.
VIII корпус . Прага	9 Прага 19 Пильзен	21 Прага	—	3	—	—	—
IX корпус . . Иозефштадт .	10 Иозефшт. 29 Терезиенштадт	26 Лейтмериц	—	3	—	9 кав. бр.	1 кав. бриг.
X корпус . Перемышль .	2 Ярослав 24 Перемышль	45 Перемышль	—	3	Кав. див. Ярослав	—	1 див.

Арм. корпус	Пехотные дивизии				Кавалерия		
	Общеимп.	Австр. ландв.	Гонвед	Всего	Дивизий	Отд. бригад	Всего
XI корпус . Львов . . . (Лемберг) . .	11 Львов 30 Львов	43 Львов	—	3	Кав. див. Львов Кав. див. Станиславов	—	2 див.
XII корпус . . Германштадт .	16 Германштадт 35 Клаузенбург	—	38 Клаузенбург	3	—	12 кав. бриг.	1 кав. бриг.
XIII корпус . Аграм . .	7 Эссег 36 Аграм	—	42 Аграм	3	—	8 кав. бриг. 13 кав. бриг.	2 кав. бриг.
XIV корпус . Инсбрук . . .	3 Линц 8 Боцен	44 Инсбрук	—	3	—	—	—
XV корпус . . Сараево . . .	1 Сараево 18 Мостар	—	—	2	—	—	—
Округ . . . . Зара	4 и 5 горн. бр.	—	—	2 горн. бр.	—	—	—
Всего: .	31 и 2 горн. бр.	8	7	46 и 2 горн. бр.	5 кав. див.	12 кав. бриг.	5 кав. див. 12 отд. кав. бр.

5 кав. дивизий из 2 бригад каждая, 1 конного артдивизиона, 1 санитарного отряда, 1 артпарка, 1 телеграфн. отделения, 1 продовольств. колонны, 1 обозного эскадрона — всего 24 эскадрона, 4 конных пионерн. взвода и 2 конных батареи. Боевой состав 3.600 сабель, 12 орудий.

Каждая из 88 пехотн. бригад была в составе 3—6 б-нов.

Каждая из 12 горн. бригад была в составе 3—5 б-нов 1 горн. батареи.

Каждая из 18 кав. бригад общеимп. армии была в составе 2 кав. полка 12 эск., 2 кон. пионерн. взвода.

4 гонвед кав. бригад 2 по 3 полка и 2 по 2 полка.

4 ландвер австр. кав. бриг. 1 в 2 полка и 3 по 1 полку и дивизиону.

Дислокация армии (таблица № 5).

Современное развитие миллионных армий требовало увеличения *ежегодного контингента* мирного времени. Однако, таковое в Австро-Венгрии шло медленным путем. Контингент устанавливался на 10 лет, и за его увеличение шла упорная парламентская борьба, в которой сказывалось все то недоверие, какое в массах накапливалось против «цесарской» армии.

Для 1905 года контингент включал в себя: для общеимперской армии 103.000 человека (из которых 2.800 чел. для флота), для австрийского

ландвера 15.050 и для венгерского ландвера 12.500 чел. — всего 130.650 чел., или 0,28% населения.

Как шло усиление ежегодного контингента в Австро-Венгрии показывает таблица № 6.

ТАБЛИЦА № 6

Года	Государства			
	Австро-Вен.	Германия	Франция	Россия.
1894	126.000	257.000	271.000	285.700
1904	130.000	259.000	257.000	336.000
1905	130.000	261.000	253.000	475.346

Таким образом, против своего главного противника — России, Австрия безусловно отставала в увеличении своего ежегодного контингента.

Насколько службой мирного времени было обременено население, показывает таблица № 7, взятая для 1905 года.

ТАБЛИЦА № 7

Государства	Население	Ежегодный контингент	% от населения
Австро-Венгрия . . .	47.000.000	130.650	0,28
Германия	60.000.000	261.000	0,40
Франция [1]	39.000.000	253.000	0,64
Россия	145.000.000	475.000	0,32

Даже России, с ее богатым приростом населения, Австро-Венгрия уступала в тяжести воинской повинности для населения, не говоря уже об остальных центральных странах Европы.

Бюджетная численность армии мирного времени Дунайской империи для 1905 года показана таблицей № 8.

ТАБЛИЦА № 8

Части армии	Офицеров	Солдат	Лошадей
Общеимпер. арм. . .	21.900	300.000	62.000
Австр. ландвер . . .	3.400	33.000	3.200
Венг. ландвер . . .	2.800	28.000	3.600
Босно-герцегов . . .	400	6.800	40
Всего . . .	28.500	367.800	68.840
		Около 400.000 чел.	

[1]) Без колоний.

По отношению к населению и в сравнении с остальными государствами для 1905 года бюджетная численность армий приведена на таблице № 9.

ТАБЛИЦА № 9

Государства.	Население	Бюджетная числ. армии	%
Австро-Венгрия . . .	47.000.000	400.000	0,84
Германия	60.000.000	609.000	1,00
Франция	39.000.000	607.000	1,60
Россия	145.000.000	1.200.000	0,80
Италия	33.000.000	278.000	0,81

Отставая в развитии армии мирного времени от Франции и Германии, Австро-Венгрия шла нога в ногу с Россией и Италией, но, если учесть абсолютное численное превосходство русской армии, то нужно признать, что военное напряжение Австрии далеко не соответствовало ее будущей роли в союзе с Германией.

Армия *военного* времени для 1905 года насчитывала военнообязанных:

Общеимперской армии	900.000 чел.
Австрийского ландвера	160.000 »
Венгерского »	160.000 »
Резерва	500.000 »
Ландштурма	2.000.000 »
Всего	3.700.000 чел.

Из этого числа лишь 1.200.000 чел. могли считаться обученными, прочие же имели плохую подготовку или же не имели совершенно таковой.

Общий запас военнообязанных в армии Габсбургов составлял 8% всего населения, подравниваясь в этом с Германией, но последняя имела действительно обученных около $4^1/_8$ миллионов против 1.220.000 австрийской армии.

То 10% напряжение населения в военное время, которое военная теория устанавливала еще до мировой войны, не достигалось Дунайской монархией, тогда как ее ближайшие соседи и вероятные противники, как Италия, Сербия и Черногория, превосходили указанную цифру.

Вышеизложенное о численности и организации армии говорит за то, что, не используя весь свой призывной контингент, вследствие малой бюджетной численности мирного времени, Дунайская империя не выплачивала в полной мере страховки на будущее, оставляя в стране большой процент необученных военнообязанных граждан, которых в дни тяжелых испытаний пришлось бы использовать в качестве бойцов, но бойцов, не подготовленных заранее. Они могли бы служить скорее пушечным мясом или трофеем для противника.

Горизонт будущего монархии был покрыт военными тучами, которые все сгущались и сгущались. Это не было секретом ни для кого. Для защиты существования страны требовалась большая армия, требовались в мирное время и соответствующие кадры для ее развертывания. Откинув систему «скрытых кадров» и положив иметь уже в мирное время налицо

все части военного времени, высшее военное управление страны, укладываясь в рамки бюджета, пошло на уменьшение штатного состава частей.

Нами для иллюстрации были приведены штаты роты и эскадрона, которые с наглядностью показывают, что *вести обучение при таких штатах*, учтя еще обыкновенный ежедневный расход людей, *было очень трудно*, и части основных родов войск далеко отставали в этом от требований современной боевой подготовки.

Но и эти малые штаты оказывались под угрозой дальнейшей урезки. С началом XX века военная техника начала быстро развиваться, что, конечно, не могло не учитываться любой европейской армией. Отставать в техническом улучшении армии не приходилось, а это требовало образования кадра военных специалистов, не говоря о замене самой материальной части более усовершенствованной. Накопление этого кадра могло итти или путем увеличения ежегодного контингента, или же путем внутренней реорганизации, т.-е. за счет существующих штатов войск. Первый путь решительно отвергался правительствами на берегах Дуная, а второй прежде всего, конечно, обрушивался на пехоту и конницу. Однако, как только что было сказано, последние сами были урезаны до крайности, и дальнейшая реорганизация внутри их грозила еще худшим их обучением и подготовкой к бою.

Нужно помнить, что каждая организация имеет свои определенные рамки целесообразного существования, и чрезмерные сокращения могут повести к разрушению самой организации.

Принятая военная система в Австрии не была достаточно обеспечена на военное время наличием высших командных штабов, которые должны были призываться к жизни только при мобилизации.

Нами указаны лишь основные недостатки организации и малой бюджетной численности австро-венгерской армии в мирное время, но и из них явствует, что организм армии требовал переустройства, чтобы выдержать ту будущую встряску, которая его ожидала.

Не все оказывалось благополучным *в вооружении и техническом снабжении армии*. На очереди стоял вопрос о перевооружении пехоты лучшим образцом ружья, который начал вводиться в армии, но, как это ни странно на первый взгляд, сначала в обоих ландверах. Если вспомнить, что последние считались армиями «народа», что они были «собственностью» каждой из половин страны, то мы сразу найдем разгадку этому факту. Общеимперской, «цесарской», армии должны были доставаться крохи, ибо она была «цесарской», а не «австрийской» и не «венгерской».

Сталебронзовые орудия полевой и горной артиллерии также подлежали замене, дабы не отстать от европейских армий, которые оказались уже далеко впереди в смысле введения у себя полевой скорострельной и тяжелой полевой артиллерии. В этом вопросе приходилось считаться лишь с ограниченностью денежных отпусков, так как тяжелая индустрия страны могла выполнить заказы армии, лишь бы были на это средства да не препятствовало правительство в развитии военной промышленности, как это имело место с заводом Скода в Венгрии.

Тяжелая военная индустрия в Австро-Венгрии, как мы отмечали уже в предыдущей главе, была в таком состоянии, что могла смело удовлетворять не только потребность своей армии, но искала сбыта своей продукции иностранным армиям. Однако, военное министерство пока-что, вместо массового заказа определенного образца, ограничивалось малыми заказами, не вставая на путь широкого перевооружения армии. Причина этому ясна — недостаток средств военного бюджета, ибо они требовались и на обеспечение армии техникой: телеграфом, телефоном, полевыми железными дорогами, автомобилями, аппаратами воздухоплавания, мостовым

имуществом, полевыми кухнями и т. д. Всего этого было далеко не в избытке в армии Дунайской монархии.

Между тем, кругом в Европе шли лихорадочные вооружения, всюду вводились новые системы оружия, появились новые технические средства, но в Австрии все это шло медленным темпом, с запозданием — всегда свойственным этой стране.

В соответствии с распределением государственного бюджета на четыре самостоятельных бюджета, так же исчислялся и *военный бюджет* (таблица № 10).

ТАБЛИЦА № 10

Бюджет	1904 г.	1905 г.	В 1905 г. больше
	В кронах. (Рубль—2,5 кроны)		
Военного министерства (общ.-имп. арм. и фл.)	352.000.000	353.000.000	1.000.000
Босно-герцег. войск	7.500.000	7.500.000	—
Австр. ландв.	63.600.000	64.700.000	1.000.000
Венг. ландв.	41.800.000	42.600.000	800.000
Всего	464.900.000	467.800.000	2.900.000

От государственного бюджета военный бюджет для 1905 года, как видно из таблицы № 11, составлял:

ТАБЛИЦА № 11

Разделение бюджетов	Общий бюджет	Военный бюджет	% воен. бюджета от общ.
	В кронах		
Общеимперский бюджет (сюда входит и бюджет босно-герцег. войск)	384.000.000	360.500.000	93
Бюджет Австрии	1.777.000 000	64.700.000	4
Бюджет Венгрии	1.259.000.000	42.600.000	3,4
Всего	3.420.000.000	467.800.000	13

Таким образом, Австро-Венгрия на военные расходы тратила в 1905 г. 13% всего своего бюджета, тогда как ее союзница Германия уплачивала военную страховую премию в 18% всего своего бюджета.

Приведенная выше таблица № 11 показывает и напряжение обоих половин Австро-Венгрии в развитии их собственных ландверов. Несмотря на весь сепаратизм венгров, нужно отметить, что они далеко неохотно

шли на военные жертвы для усиления и улучшения своего гонведа, который в будущем должен был составить ядро их самостоятельной армии свободного венгерского государства.

Между тем, с каждым годом расходы на вооруженные силы росли во всех государствах Европы и, конечно, Австро-Венгрия не могла составлять в этом исключения. Не оглядываясь далеко назад, мы проследим рост этих расходов и обременение им населения только за пятилетие в начале XX столетия. Таблица № 12 (взята нами из Военной энциклопедии, изд. Сытина, т. VI, стр. 576—577) показывает военные расходы в миллионах германских марок и население в миллионах душ.

ТАБЛИЦА № 12

Государства	1903 г.			1904 г.			1905 г.			1906 г.		
	Население	Воен. расх.	На 1 душу насел. мар.	Население	Воен. расх.	На 1 душу насел. мар.	Население	Воен. расх.	На 1 душу насел. мар.	Население	Воен. расх.	На 1 душу насел. мар.
Австро-Венгрия .	46,6	410	8,81	47	421	8,95	47,4	516	10,88	47,8	431	9,23
Германия	58,8	872	14,84	59,7	854	14,30	60,6	929	15,32	61,5	998	16,23
Италия	32,9	327	9,95	33,1	344	10,40	33,3	343	10,30	33,6	371	11,03
Россия	139,7	1004	7,19	141,5	1044	7,41	143,0	1069	7,47	144,5	1034	7,16
Франция	39,10	811	20,68	39,15	797	19,68	39,20	853	21,87	39,30	940	23,93

Таким образом, за указанное пятилетие военные расходы, как показывает табл. № 13, возросли.

ТАБЛИЦА № 13

Государства	Рост воен. расх. в %	В средн. на 1 душу насел. в год марок.
Австро-Венгрия	9	9,31
Германия	3,5	15,15
Италия	18	10,06
Россия	6,7	7,35
Франция	2	21,45

Вслед за Италией Австро-Венгрия больше всех крупных государств Европы в начале нашего столетия увеличила свои военные расходы, несмотря даже на то, что такое государство, как Россия, в это время вело войну.

Увеличение колоссальных военных бюджетов Германии и Франции шло медленным темпом, но напряжение было уже таково, что они ложились тяжелым бременем на население. По тяжести военного налога за указанными государствами шла Италия, которую, в свою очередь, догоняла

Австро-Венгрия. Таким образом, по тяжести военных расходов последняя оказывалась на четвертом месте, однако, если учесть платежную способность населения граждан австро-венгерской монархии и других упомянутых западно-европейских стран, то нужно признать, что военный налог в 9,31 марки на человека для Дунайской империи был тяжел. Те 13% общего бюджета, которые тратились Австро-Венгрией на военные нужды, не уступали 18%, расходуемым Германией на те же надобности. Поэтому всякое увеличение военных расходов, а таковое, как мы видели выше, в Австрии в начале XX столетия шло усиленным темпом, должно было болезненно отзываться на общем экономическом состоянии страны. Австрия подходила к пределу своей платежеспособности, переход за который был возможен только при наличии внешних займов, или сулил полное банкротство. «Сила в настоящее время — это армия и военный флот», писал Энгельс, а то и другое стоят «чертовски много денег», которых не было в излишке у Австро-Венгрии, а потому и «сила» ее оказывалась ограниченной в своем развитии.

Выше уже была дана характеристика командного состава Армии, которую здесь дополним только в нескольких словах обрисовкой *облика солдатской массы*.

Та внутренняя борьба, которая шла в стране между отдельными национальностями, находила, конечно, отзвук и в широких слоях армии — в ее солдатской массе. С образованием национальных школ еще более углублялись противоречия в населении, а, следовательно, и в той части его, которая шла в армию. Монархия, как государственное об'единение, еще признавалась массой, но до первых ударов, которые должны были потрясти это расшатавшееся и подгнившее здание. Сознание принадлежности к единой «цесарской» армии не так уже прочно было в ее солдатах, как в былые времена, и в отдельных ее частях все более и более развивались центробежные национальные силы. С 1867 года венгры, завоевав право на свой ландвер, неуклонно шли по пути углубления этой идеи. Венгерский солдат дрался прежде всего за интересы Венгрии, а затем монархии Габсбургов, как таковой. К началу XX столетия и остальные народности страны проникались такими же устремлениями.

Как боевой материал, солдаты австро-венгерской армии были также пестры, как и вообще ее состав.

В общем, армия имела хорошо подготовленный командный состав, правда, с уклоном к теоретической подготовке, чем к развитию решительности и воли. Подготовка рядовой массы страдала, вследствие слабости кадров мирного времени, как то было отмечено выше. Много военнообязанных получали очень короткую военную подготовку или совершенно ее не получали.

Такое явление было чревато последствиями в военное время, когда в слабые кадры мирного времени должен был влиться большой поток слабо обученных резервистов и ландштурмистов. Не говоря о политическом настроении армии, ее боевые качества должны были оказаться на недостаточно высокой ступени своего развития. Былой армии лагеря Валленштейна предстояли тяжелые испытания.

До сих пор мы вскользь упоминали *о военном флоте* бывшей монархии Габсбургов.

Несмотря на то, что Австро-Венгрии, казалось, была чужда колониальная морская политика, однако, волна маринизма, охватившая Европу на рубеже XIX и начала XX столетий, захлестнула и Дунайскую империю. Являясь береговым государством и встречая соперничество в Адриатическом море в лице развивающегося итальянского флота, который грозил не только морской торговле Австрии, но создавал военную опасность

и для ее берегов, монархия считала себя вынужденной развивать морские военные силы, чтобы в этом отношении не отстать от Италии. Военное счастье не покидало австрийский флот в его борьбе с итальянским в 1859 году, и правительство Дунайской империи не допускало и впредь мысли о невозможности борьбы со своим «кровным» врагом.

Нельзя пройти мимо того, что империалистические тенденции кое-кого из государственных людей Австро-Венгрии толкали на путь морской политики и за пределами Адриатического моря. В первой главе уже было отмечено, что внешней политике правительства Франца-Иосифа отнюдь не были чужды идеи овладения гаванями в Эгейском море и на берегах Малой Азии. Для осуществления этих проектов нужен был сильный военный флот.

Развитие его было к тому же на руку тяжелой индустрии Австро-Венгрии, могущей получить большие заказы и прибыль от такой политики. Поэтому морская программа развития флота не только приветствовалась крупной буржуазией страны, но последняя побуждала даже к этому правительство, находя среди него отличную поддержку в лице наследника Франц-Фердинанда, заветной мечтой которого было иметь сильный военный флот.

Лавры германского Вильгельма в морском строительстве, очевидно, не давали спать предпоследнему Габсбургу. Кстати сказать, такие морские вожделения Австро-Венгрии были в интересах ее союзницы — Германии. Соперничество на море с Англией, усиливающейся французским, а может быть, и итальянским флотом, которые позволили бы англичанам ограничиться оставлением малых сил в Средиземном море и сосредоточением главных сил против германского флота, направляло мысли германского командования на необходимость развития австрийского флота. Сильный флот Австро-Венгрии, особенно в соединении с итальянским, что все же не исключалось, смог бы: 1) помешать перевозке французских войск из Африки; 2) грозить английским колониям и берегам Франции; 3) в случае войны с Россией, при участии в войне и Турции на стороне центральных держав, появиться в Черном море и угрожать русским берегам. Все это заставило бы будущую Антанту отвлечь как сухопутные силы для защиты своих берегов, так и большое число судов английского флота в Средиземное море, обещая победу германскому флоту в Северном море.

Вот вкратце та военная морская политика, которая должна была проводиться Австро-Венгрией, как союзницей Германии, пришедшаяся к тому же на-руку и тяжелой индустрии страны.

Но, как известно, развитие военного флота требует прежде всего денег, а их-то как раз было не особенно много в кошельке Габсбургов: не хватало на улучшение сухопутной армии, а не только на создание морских гигантов, чего требовала современная морская война. Изыскивая средства на морские вооружения, нужно было: 1) или увеличить бремя военного налога на население, 2) или пойти на урезку кредитов для сухопутных военных сил. Ниже мы увидим, какой путь был выбран, а теперь бросим беглый взгляд на военный флот Австро-Венгрии.

Не вдаваясь в историческое развитие флота, мы приводим его состояние к 1907 году (таблица № 14).

Кроме того, в состав флота входили 32 миноносца и другие мелкие боевые суда.

На Дунае имелась особая флотилия в составе 6 мониторов и 6 миноносок.

По сравнению с судами других держав, военный флот Австро-Венгрии отличался малой водоизместимостью, но образцовой постройкой, которая производилась в Триесте на частной верфи.

ТАБЛИЦА № 14

Наименование судов.	Год постр.	Водоиз-мещение в тоннах.	Скорость хода в мор. мил.	Вооружение.
Линейные корабли.				
Эрцгерц. Фердинанд . .	1905		20,8	
» Фридрих . . .	1904	10,600	20,5	IV-24 см., XII-19 см., XII-7 см., VI-4,7 см.
» Карл	1903		20,3	
Бабенберг	1902			
Арпау.	1901	8,300	20	III-24 см., XII-15 см., X-7 см., VIII-4,7 см.
Габсбург	1900			
Вена	1895			
Будапешт	1896	5,600	17	IV-24 см., VI-15 см., XII-4,7 см. и II-3,7 см.
Монарх	1895			
Всего 9 судов . .				
Броненосн. крейсера.				
Св. Георг	1903	7,400	22	II-24 см., V-19 см., IV-15 см., IX-7 см., VIII-4,7 см.
Имп. Карл VI	1898	6,300	20,8	V-24 см., VII1-15 см., XVI-4,7 см.
Имп. Мария-Терезия . .	1992	5,270	19,4	II-19 см., VIII-15 см.. II-7 см., XIV-4,7 см.
Всего 3 корабля .				
Брониров. крейсера.				
Асперн	1899			
Чигетвар	1899	2,350	20	VIII-12 см., VIII-4,7 см.
Цента	1897			
Имп. Елизавета	1890	4,000	19	VIII-15 см., XVI-4,7 см.
Имп. Франц-Иосиф I.	1889			
Всего 5 кораблей.				

Личный состав флота был очень хорош, укомплектованный главным образом из далматинцев, природных моряков, здоровых, крепких и неприхотливых людей.

Командный состав хорошо подготовлен, но на своих высших должностях отличался довольно преклонным возрастом.

Главной базой военного флота служила гавань *Пола*, на южной оконечности полуострова Истрии. Опорными пунктами для флота являлись, кроме того, Катарро, Лисса, Зара, Спалато и другие.

Главными коммерческими портами были Триест и Фиуме.

Австро-венгерский военный флот не имел своего военного морского министра, и во главе морского ведомства стоял начальник морского отдела военного министерства. Однако, хотя отдел и входил в состав военного министерства, начальник морского отдела был в сущности совершенно самостоятелен, имея непосредственный доклад у Франца-Иосифа и являясь по бюджетным вопросам докладчиком и ответчиком перед представительными учреждениями государства. Взаимоотношения начальника морского отдела с начальником генерального штаба будут рассмотрены ниже.

На этом мы кончаем знакомство с армией Валленштейна в том виде, в каком она оказалась в начале XX столетия. Нами набросаны только ее общие формы, которые отнюдь не претендует на полноту, что и не составляет нашу задачу.

Полагаем, что и из сказанного можно сделать заключение, что тот инструмент войны, который имелся в руках правительства и дипломатии с берегов Дуная, в значительной мере нуждался в усовершенствовании, чтобы служить, по образному выражению Клаузевица, подлинным «боевым мечом», а не «парадной шпажонкой», выходить с которой на поединок было бы довольно опасно.

Сознавали ли австрийское правительство и дипломатия, что в их руках была именно «парадная шпажонка», которая уже не раз в XIX столетии сдавала в кровавой схватке, заставляя монархию Габсбургов переносить и физические раны, и все иные последствия поражения?! Увидим это из последующего изложения.

Грозный призрак мировой схватки уже бродил по полям Европы, все больше и больше сгущались военные тучи на горизонте, а барометр упорно шел на бурю... Душно было в Европе и пахло кровью...

ГЛАВА III

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ

Основание австро-венгерского генерального штаба. — Поражение 1866 года и его следствия для генерального штаба. — Обособленность генерального штаба с 1875 г. — «Организационные постановления 1900 года» и общие функции генерального штаба. — Бюрократические связи начальника генерального штаба. — Двойственное подчинение начальника генерального штаба. — Конрад о круге своей работы. — Конрад о тесной связи в работе начальника генерального штаба с министром иностранных дел. — Сущность работы начальника генерального штаба по стратегическому развертыванию. — Структура австро-венгерского генерального штаба и функции его подразделений. — Штатная численность австро-венгерского генерального штаба. — Взаимоотношения генерального штаба с армейскими инспекторами, военными министерствами и флотом. — Войсковой генеральный штаб. — Общая численность генерального штаба в 1905 и 1911 г.г. — Пополнение генерального штаба. — «Устойчивость» в должности начальника генерального штаба. — «Нормальный» день начальника генерального штаба. — «Тяжесть» работы начальника генерального штаба. — Тип австрийского офицера генерального штаба. — «Тесный круг» около начальника генерального штаба. — Энгельс о подборе состава штаба. — Характер работы германского генерального штаба. — Болтливость австрийских офицеров генерального штаба. — Превалирующее значение генерального штаба в подготовке к войне. — «Стратегия государства» и «сверхгенеральный штаб». — Плюсы и минусы в работе австрийского генерального штаба. — Ответственность и тяжесть службы генерального штаба.

В первых двух главах были обрисованы облики как самого государства, так и его военной системы. Из них видно, с какими трениями приходилось работать государственной машине дуалистической Австро-Венгрии. С неменьшим скрипом вращались колеса и военной машины. Тот же дуализм, уснащенный бюрократизмом, усложнял военное управление армией и флотом, ставя препоны их развитию и совершенствованию в военном деле.

Излагая сущность устройства австро-венгерской армии, мы вскользь коснулись ее «*мозга*» — *генерального штаба*, теперь же ставим себе задачей углубиться в его исследование, так как это составляет основную цель нашего труда.

Австрийские историки возникновение генерального штаба относят к началу XVIII столетия, когда крупным военным полководцем Евгением Савойским был учрежден «генерал-квартирмейстерский штаб» в качестве органа, руководившего военными операциями.

Собственно генеральный штаб составляли: генералитет, свита императора и генерал-квартирмейстерский штаб, вместе взятые.

Дальнейшее развитие генерал-квартирмейстерского штаба привело к введению штабных должностей в войсках, к образованию кадетского корпуса в Винер-Нейштадте (1869 г.), переименованного впоследствии в Военную академию. До 70 годов XIX столетия генеральный штаб был невелик по своему составу, образуя 5 отделение военного министерства.

Поражения 1866 года вызвали критику устройства и деятельности генерального штаба, который был признан одним из виновников пережитых государством военных неудач. Критика была направлена главным образом не против существования генерального штаба, как необходимого органа управления армией, а лишь против пополнения его на особых основаниях и быстрого продвижения по службе. Как противовес кастовому составу генерального штаба, выдвигалось предложение о комплектовании его из состава строевых офицеров, а затем продвижение состоящих в генеральном штабе по службе наравне со своими строевыми сверстниками. «Основными постановлениями» 1871 года вопросы эти были решены в пользу строя. Однако, в 1875 году генеральный штаб снова был выделен, как особый орган, при чем ему до некоторой степени была придана независимость от военного министерства.

Дальнейшими законоположеними обособленность генерального штаба все более и более упрочивалась. С 1900 года генеральный штаб распространял свое влияние не только на общеимперскую армию и флот, как это было до сих пор, но и на оба ландвера.

В общем, к началу XX столетия австро-венгерский генеральный штаб получил определенный и устойчивый облик, близко подходя к германскому генеральному штабу, но имея и свои особенные черты.

Общие функции генерального штаба, как мозга армии, очерчены в «Организационных постановлениях» 1900 года, которые в этой части гласили нижеследующее:

«Во главе генерального штаба состоит генерал, которому присваивается наименование «*начальника генерального штаба всех вооруженных сил*» и который подчинен непосредственно императору».

«Начальник генерального штаба является в то же время вспомогательным органом общеимперского военного министра; как таковой направляет к нему свои предложения; однако, имеет право по вопросам, составляющим круг ведения генерального штаба, через военного министра входить с докладом к императору и делать свои предложения».

«На нем лежат все оперативные работы и подготовительные работы на случай войны; он обязан, в виду этого, принимать участие во всех военно-политических вопросах, по составлению расписания войск, мобилизации, крепостной обороны, железнодорожных и других средств сообщения, а также во всех вопросах, касающихся боевой готовности армии, особенно же во всех вопросах организационных, вооружения и снаряжения, во всех вопросах высшего военного законодательства и инструктирования и, наконец, в подготовке больших маневров».

Таким образом, из оглашенного текстуально положения прежде всего мы должны отметить, что на начальнике генерального штаба лежали обязанности: 1) в вопросах военно-политических и 2) в вопросах чисто военных.

Участие его в решении вопросов военно-политических ставило генеральный штаб в непосредственное соприкосновение с общеимперским министром иностранных дел, а по вопросам внутренней политики с министрами-председателями обеих половин монархии.

Что касается обязанностей в круге ведения чисто военных дел, то здесь начальник генерального штаба имел общение с общеимперским военным министром, с двумя военными министрами ландверов и, наконец, с министром финансов по делам Боснии и Герцеговины. Кроме того, в виду номинальной зависимости флота от общеимперского военного министра, генеральному штабу приходилось по морским вопросам иметь суждения непосредственно с начальником 5 отдела (морского) военного министерства и командующим морскими силами.

Не будем пока вдаваться в детали всех этих сложных бюрократических связей начальника генерального штаба — это сделаем ниже.

Итак, первый абзац положения о «*начальнике генерального штаба всех вооруженных сил*» говорит о *непосредственном* его подчинении высшей власти в империи. Такое подчинение придавало «мозгу армии» именно то значение, которое отвечало бы правильному функционированию этого вещества в черепной коробке военной системы. Иными словами, от высшей власти в государстве генеральный штаб должен был получать как руководящие указания для своей работы, так и сам, в порядке инициативном, входить к ней с докладами и предложениями, обеспечивающими готовность государства к войне. При таком понимании «непосредственного» подчинения высшей власти в монархии, генеральный штаб становился в положение государственного органа 1 класса, выходя из недр военного министерства, т.-е. превращался бы в «сверхгенеральный штаб» — так модный ныне на западе Европы, да и находящий у нас немало сторонников. Мы пока не будем вдаваться в разбор правильности этой теории, ибо к ней еще не раз вернемся, тем более, что превращение генерального штаба в такой орган было не в традиции как Габсбургов, так и самой армии Валленштейна, а тем более венгерской половины государства.

Второй абзац положения сразу же «ставил» генеральный штаб на то место, какое, по понятиям австро-венгерской монархии в целом ему приличествовало. Генеральный штаб *одновременно* с «*непосредственным*» подчинением императору оказывался и «*вспомогательным* органом» общеимперского военного министра, делая через него свои предложения, доклады и т. д. Если к этому прибавить, что начальник генерального штаба не являлся ответственным ни перед делегациями, ни перед обоими парламентами, перед которыми защитниками военных интересов выступали все три военных министра по принадлежности, и если учесть, что по делам ландверов, босно-герцеговинским и военного флота генеральный штаб тоже в сущности являлся «*вспомогательным* органом», так как все эти вопросы не входили в компетенцию общеимперского военного министра, то положение «*подручного*» всех вышеуказанных лиц, в какое ставился генеральный штаб, будет обрисовано с достаточной полнотой.

Из «непосредственно» подчиненного высшей власти государства начальник генерального штаба превращался в «подручного» нескольких учреждений, правда, хотя и с широким кругом обязанностей, но и с правом для «хозяев» критики и отклонения предложений, поступающих к ним от генерального штаба.

Можно заранее сказать, что такое *двойственное* положение генерального штаба сулило ряд конфликтов, каковые в действительности и существовали и с которыми ознакомим при рассмотрении работы генерального штаба.

Начальник генерального штаба Конрад иначе и не рассматривает свою деятельность в мирное время, как «*непрерывный бой*», который ему пришлось вести несколько лет, то обороняясь, то наступая против всего чиновничьего аппарата, в коем не было недостатка в дуалистическом государстве на берегах Дуная. Победы, но и горькие поражения выпадали на долю этого высшего представителя генерального штаба армии Валленштейна. В минуты откровения Франц-Иосиф чистосердечно заявил своему, на бумаге «непосредственно» подчиненному, начальнику генерального штаба «всех вооруженных сил», сколько интриг велось против него со всех сторон. Немудрено. Интриги следовали не только от «всех вооруженных сил» имерии, которых было, по меньшей мере, пять, но и со стороны гражданского чиновничьего фронта, коему не было числа.

Выше нами в абзаце третьем положения о начальнике генерального штаба был очерчен круг деятельности генерального штаба, как он уста-

навливался законом. Для того, чтобы яснее обрисовать затем самое построение центрального аппарата генерального штаба в австро-венгерской армии, мы позволим себе привести личные взгляды самого начальника генерального штаба на круг его работы.

Конрад их определяет так: «наиважнейшими работами генерального штаба и ответственнейшей обязанностью начальника генерального штаба в мирное время являются так называемые *конкретные военно-подготовительные работы*».

«Собственно говоря, *вся в совокупности мирная работа* всех вооруженных сил должна быть *подготовительной работой к войне* и ничем иным быть не может. Но все же она разделяется на *общую* подготовительную деятельность, т.-е. ту, которая не имеет в виду исключительно определенную войну на том или ином фронте, а ставит своей целью общее развитие всего военного организма, и на *конкретную*. которая направлена к подготовке совершенно определенной войны; эта последняя деятельность и составляет *конкретные военно-подготовительные работы*».

«Главной задачей *общей подготовки* к войне является создание боеспособной, хорошо снабженной, по возможности многочисленной и отличной армии в то время, как *конкретная* подготовка должна твердо определить, какие силы армии — все или частично — вводятся в дело на определенном фронте, чем и предопределяются те работы, которые должны быть для этого проделаны. Последние должны итти возможно дальше, чтобы достигнуть автоматической работы после отдачи краткого телеграфного приказа о мобилизации».

«*Общая подготовка* распространяется на увеличение боевых сил, на обмундирование их, снабжение и вооружение, на организацию вообще, на воспитание и подготовку, дух и дисциплину, подготовку отличных офицеров и унтер-офицеров, на развитие техники, всевозможного рода военных средств, в особенности ручного оружия, орудий и снарядов, санитарных средств, обоза, продовольственных и других запасов, конского запаса, укомплектование людьми, лошадьми и снабжение различного рода запасами, на юридическое обслуживание армии, на общие мобилизационные подготовительные мероприятия и прочее».

«*Конкретные* военно-подготовительные работы главным образом состоят в том, что для каждой возможной войны твердо устанавливается какие силы необходимы, как они специально должны быть снабжены, где и как собраны (Aufmarsch)».

Таким образом, по принятой у нас терминологии, *общая* военная подготовка должна составлять военную часть плана в целом, а *конкретные* военно-подготовительные работы соответствуют нашему понятию о *стратегическом развертывании*. Это последнее, по мнению Конрада, составляет наиважнейшую и наиответственнейшую часть работы генерального штаба, влияние которого, однако, должно быть распространено и на *общую* военную подготовку, т.-е., иными словами, на всю военную часть плана войны.

Но если *конкретные* военно-подготовительные работы должны вестись непосредственно генеральным штабом, то в работе по *плану* войны в большей его части исполнителями обязаны были быть прочие органы военного управления, а генеральный штаб оказывался для них лишь «мозговым» центром, дающим импульс для жизни и работы этих органов.

Учитывая внешнее и внутреннее положение государства и его экономическое развитие, Конрад приходил к убеждению, что Австро-Венгрия не могла быть готова к войне на все случаи, а поэтому, по его словам, «ни в одном государстве взаимная связь между общими, в особенности же конкретными приготовлениями к войне, и внешней и внутренней политикой, не была так ощутительна, как в Австро-Венгрии».

«Начальник генерального штаба и министр иностранных дел, — продолжает Конрад, — должны были поддерживать тесный контакт в работе. Министр иностранных дел должен был ориентироваться начальником генерального штаба о размерах военных сил, в соответствии с чем и вести внешнюю политику, и совместно с начальником генерального штаба по временам ясно устанавливать, для каких определенных фронтов должны быть произведены конкретные военно-подготовительные работы».

«Министр иностранных дел должен принять за правило не вести политику в тех направлениях, которые могли бы сулить вооруженное столкновение с более могущественным государством или союзом государств. Он должен понять, что военная подготовка связана с длительным сроком и не может быстро меняться. Это требовало от политика дальновидности, ясных и определенно поставленных целей, и подлинный государственный деятель должен был следовать этому. Обстоятельства могли сложиться так, вследствие положения монархии, что образовывался новый фронт в то время, когда стратегическое развертывание фактически уже начало осуществляться на других фронтах, или уже открыты военные действия, и эти случаи должны быть также предусмотрены конкретной подготовкой».

Работы по стратегическому развертыванию заключались в следующем: «коль скоро возникала необходимость разработать тот или иной определенный фронт, начальником генерального штаба лично отдавалась директива с указанием числа назначенных на фронт сил, их боевого расписания (Ordre de bataille), района их сосредоточения (Aufmarschen), способа этого сосредоточения и мер, необходимых для прикрытия сосредоточения (Alarm), назначения личного состава (Hoheren Personalien), наконец, всех специальных особых мероприятий, в особенности тех, кои вызывались снабжением. В дальнейшем эти директивные указания прорабатывались в деталях».

На этом мы остановим наш поиск в детализацию работы генерального штаба и обратимся к рассмотрению *структуры* его центрального органа.

При начальнике генерального штаба состояли: его заместитель, штаб-офицер генерального штаба для поручений и личный ад'ютант. Эти лица составляли тесный кружок около начальника генерального штаба и вместе с начальником оперативного бюро были наиболее осведомлены о всех думах, предположениях, радостях и печалях своего начальника. Последний всем делился с ними, и штаб-офицер генерального штаба обязан был конспективно записывать все те разговоры и устные доклады, которые вел начальник штаба, хотя бы и в отсутствие его. Нам неизвестно, обладал ли сей порученец тайнами стенографии, но безусловно в архиве начальника генерального штаба накапливалось много документов, которые ныне своим количеством пугают кое-кого из рецензентов. Может быть, такой способ фиксирования своих деяний и бюрократичен, и расчитан на собирание материалов на всякий случай, но что он имеет за собой известное положительное основание, — этого также отрицать нельзя. Рекомендуется же записывать распоряжения, отдаваемые по телефону, почему же не фиксировать важный служебный разговор? Может быть, техника придет на помощь будущим деятелям не только военным, но и всяким иным, предоставив в их распоряжение аппараты, записывающие всякие переговоры автоматически; пока наши требуют специальных для этого манипуляций.

Начальнику генерального штаба *подчинялись*:

а) Управление генерального штаба.

б) Военно-географический институт.

в) Военный архив.
г) Военная академия.
д) Железнодорожный и телеграфный полк.

Управление генерального штаба состояло из следующих бюро:

1. *Административное*, ведающее личным составом всего генерального штаба и хозяйственными делами управления с общей для него журнальной частью.

2. *Оперативное* ведало всей оперативной работой по плану войны, составляя различные подсчеты по директивам начальника генерального штаба совместно с разведывательным бюро и бюро военных сообщений о вероятных вариантах сосредоточения противника, ведя работы по составлению боевого расписания, инструкций по прикрытию сосредоточения и, наконец, по важнейшей части плана войны — стратегическому развертыванию. На обязанности этого же бюро лежала разработка всех вопросов по инженерной обороне государства, для чего состав его был усилен специалистами (артиллеристами и инженерами), которые прорабатывали специальные артиллерийские и инженерные вопросы, прежде всего проекты атаки долговременных укреплений противника, разведка которых велась ими же совместно с разведывательным бюро. Вопросы организации также были одной из функций оперативного бюро, равно как разработка уставов и инструкций по тактическим и оперативным вопросам и составление проектов больших маневров входили в круг ведения этого бюро.

Кроме того, вся переписка с министерством иностранных дел велась начальником генерального штаба через оперативное бюро.

Очерченный круг ведения оперативного бюро с достаточной ясностью показывает всю ответственность и в то же время его полноту. Оно выполняло важнейшую часть работы по плану войны и, в соответствии с этим, намечало основания для организации войск и их боевой подготовки, ибо нельзя, конечно, ни на минуту представить себе обратного порядка, когда бы организационные вопросы и подготовка войск находились в зависимости от каких-либо иных данных, а не от плана войны, сочетаемого, конечно, с той ступенью экономического развития, на которой находилась страна.

3. *Отчетное бюро* ведало полевыми поездками, военной игрой, различными испытаниями и командировками офицеров генерального штаба со специальными заданиями.

4. *Военно-географическое бюро* имело своей задачей составление военно-географических описаний Австро-Венгрии и сопредельных с нею стран.

5. *Разведывательное бюро* вело разведку иностранных армий, оказывая содействие оперативному бюро в его работах по плану войны, а также имея общее наблюдение за борьбой с разведкой противника в своей стране.

6. В задачи *бюро железнодорожных сообщений* входила подготовка железных дорог к работе по плану войны, включая сюда и водные перевозки. Участвуя совместно с оперативным и разведывательным бюро в разработке возможных вариантов перевозок противника, следя за состоянием и развитием его сети, железнодорожное бюро при работах по собственному плану рассматривало план строительства железных дорог, давало по нему заключения, входило со своими проектами улучшения сети, учитывая оборону государства, ведало подготовкой дорог к мобилизации, имея на них свой аппарат в лице линейных комендантов, заведующих воинскими перевозками в корпусных районах и управления морскими перевозками в Триесте.

7. *Телеграфное бюро* ведало службой связи.

8. *Этапное бюро*, возникшее уже при Конраде, совместно с оперативным бюро разрабатывало все вопросы по плану войны, связанные с подготовкой этапного района, организацией подвоза, организацией управления занятыми у противника областями и использованием их в видах снабжения.

В этих восьми бюро, составляющих управление генерального штаба, концентрировалась вся работа по плану войны в своей идейной, основной части. Что же касается деталей работы, то таковые проводились в иных многочисленных органах военного министерства и министерствах обоих ландверов. Результаты детальной проработки включались в общую работу генерального штаба, дополняя и отливая в одно монолитное творение план войны.

ТАБЛИЦА 15

Года.	Генералы.	Штаб-офицеры.	Обер-офицеры.	Причисленных.	Прикомандированных	Чиновников	Служителей	Всего.	Примечание.
В 1905 году [2]) .	2	17	32	1	28	2	8	90	[1]) 3 офиц. инженерного штаба, без служителей число которых неизвестно.
В 1911 году [2]) .	2	26	36	3	50	6	—	126 [1])	[2]) Неучтены еще письмоводители.

Как уже было отмечено выше, кроме управления генерального штаба, начальнику его были подчинены:

1) *Военно-географический институт*, выполнявший задания по составлению и обеспечению армии нужными картами. Институт разделялся на пять отделений: геодезическое, с'емочное, картографическое, техническое и административное. Во главе института находился генерал генерального штаба.

2) *Военный архив* ведал обработкой и хранением военно-исторического материала и разделялся на 4 отдела: военно-исторический, рукописей, картографический и библиотеку.

3) *Военная академия* имела задачей подготовку офицеров для дальнейшей службы в генеральном штабе.

4) *Железнодорожный и телеграфный полк*, являясь строевой частью и служа кадром для развертывания железнодорожных войск и войск связи, был подчинен начальнику генерального штаба, как строевому командиру.

Считаем необходимым привести *штатную* численность Большого генерального штаба миллионной армии, дабы иметь ясное представление о «мозге» армии. В этом отношении безусловно необходимо, с одной стороны, не загружать штат ненужным балластом, а с другой, и не сделать «мозг» мало работоспособным, урезав его отдельные центры в количестве сотрудников.

Исследуя для этого «Описание вооруженных сил Австро-Венгрии», издания 1906 года и 1912 года русского генерального штаба, мы устанавливаем, что управление генерального штаба, без непосредственно подчиненных начальнику штаба военно-географического института, военного архива, Военной академии и жел. дор. и телеграфного полка, насчитывало, как указано выше — в таблице № 15.

Таким образом, за 6 лет штат увеличился на 36 человек, т.-е., иными словами, более, чем на 33%. Такое увеличение штата вполне понятно: 1) в связи с увеличением численности армии, 2) с развитием военной техники и 3) с усложнившимися условиями подготовки к войне. Как видно, штат в 126 человек можно считать не преувеличенным. Обращает на себя внимание большое число прикомандированных, но это об'ясняется именно желанием дать опыт в работе, а равно и испытать готовившихся к переводу в генеральный штаб окончивших Военную академию.

В указанный штат еще не причислены военные агенты (атташе) в иностранных государствах, коих, по данным 1911 года, числилось 11 штаб-офицеров и 2 обер-офицера и которых по роду их службы, собственно говоря, следует считать в составе управления генерального штаба.

Что касается прочих, подчиненных начальнику генерального штаба учреждений, то штаты их, по данным 1911 года, были таковы:

Военно-географический институт числил в своем составе: 1 генерала, 18 штаб, 116 обер-офицеров и 156 чиновников, из которых генерального штаба был только начальник института.

Военный архив: 1 генерала (нач. архива), 1 штаб, 2 обер-офицеров генерального штаба (в составе военно-исторического отделения) и 27 штаб- и обер-офицеров.

Военная академия в своем штате имела генерального штаба 15 человек, остальной состав был не генерального штаба.

Как уже отмечалось выше, работы по плану войны не замыкались в одном управлении генерального штаба, а распределялись между многочисленными органами военного управления, с которыми генеральный штаб имел общение.

К таковым органам относятся:

1) *Армейские инспектора*, будущие командующие армиями, которые по заданиям начальника генерального штаба прорабатывали конкретную задачу в пределах их армейских рамок из плана войны на том или ином фронте. Подчиненные высшей военной власти, армейские инспектора лишь в порядке проработки указанных заданий поддерживали контакт с начальником генерального штаба, будучи в остальном совершенно самостоятельными от него.

Здесь мы пока намечаем общую картину работы генерального штаба, а о подробностях поговорим ниже.

2) *Военное министерство.* Как известно из положения, генеральный штаб являлся вспомогательным органом общеимперского военного министра. Нами уже обращалось внимание на эту двойственность в положении, которая, конечно, отражалась и на работе. Начальник генерального штаба со своим аппаратом обязан был влиять на все стороны подготовки к войне, и поэтому, беря на себя принципиальную часть возникающих вопросов в *общей* подготовке к войне, он возбуждал перед военным министерством ряд вопросов, требуя справок, проработки тех или иных предложений и ответов по ним. Не всегда военное министерство шло навстречу своему «вспомогательному» органу, а *личные* недоразумения между военным министром и начальником генерального штаба сейчас же находили отклик и во взаимоотношениях подчиненных органов. Конрад не раз высказывает сожаление в своих мемуарах и даже приводит разговор с начальниками отделов военного министерства, темой которого служила та критика предложений генерального штаба, которая не раз велась в стенах отделений военного министерства.

Ближе всего генеральному штабу приходилось работать с теми отделениями военного министерства, которые ведали вопросами организации,

мобилизации и тактической подготовки армии. В виду важности работы этих отделений, во главе их стояли также офицеры генерального штаба.

Здесь мы должны отметить разделение работы по организационным и мобилизационным вопросам между двумя органами управления, ибо не во всех армиях это было так, да и ныне вопрос еще не считается решенным.

Не раз уже указывалось, что в этих вопросах только *принципиальная* часть входила в круг работы генерального штаба, самая же техника работы, детализация, принадлежала военному министерству. Как организация армии, так и ее мобилизация, кроме идейной ее стороны, требуют большой мелочной работы, которая не должна загружать «мозг армии». Нам кажется, не нужно особых доказательств того, что требование от мозга переваривать мелочную работу ведет лишь к его переутомлению, а может быть, даже и к параличу. В частности, в организационных вопросах разработка штатов, вопросы казарменного размещения и другие мелкие вопросы не требуют для проработки особо квалифицированных работников и могут исполняться лицами без высшей специальной подготовки, даже чиновниками, как это было проведено в германском военном министерстве. То же можно сказать и о войсковой мобилизации, требующей точной работы по раз установленным образцам. А. Свечин в своей «Истории военного искусства», обсуждая этот вопрос, справедливо пишет: «Среди различных «специальностей» генерального штаба появилась новая — мобилизационная. Необходимо, однако, помнить, что эта крайне важная административная работа далеко еще не объемлет военного искусства в целом. В малограмотной русской армии 1812 года были в большом почете люди, умеющие ситуировать, и Клаузевиц поражался, как русские могли назначить на ответственный пост генерал-квартирмейстера главнокомандующего полковника Мухина, выделявшегося из других офицеров, как лучший ситуатор. У французов после 1870 года мобилизационным вопросам было придано такое значение, что получилось засилье мобилизаторов в генеральном штабе. Переводчик Клаузевица на французский язык задавал вопрос, — не является ли в начале XX века мобилизация такой же угрозой военному искусству, какой была ситуация в начале XIX века, и не будет ли такой же ошибкой противопоставление Шлиффену мобилизатора, какой было противопоставление Наполеону ситуатора».

К сожалению, вопрос этот не разрешен в первой четверти XX века, и нам приходилось сталкиваться в своей деятельности с обоими противопоставлениями. В этом отношении генеральные штабы перед мировой войной придерживались двух точек зрения: германский, а за ним и австро-венгерский генеральные штабы оставляли за собой лишь общее руководство мобилизацией, передавая всю детальную работу в военное министерство; наоборот, французский и русский сосредоточивали все мобилизационные вопросы в руках генерального штаба — оба с целью поднять мобилизацию. «Обожжешься на молоке, станешь дуть и на воду» — к таким выводам пришло французское командование, передав хромавшую после 1870 года на все четыре ноги мобилизацию в руки генерального штаба. Ну, а русским, конечно, нельзя было отставать от своих «хозяев».

По справедливости, мы должны отметить, что мобилизация не попала в германский генеральный штаб во многом оттого, что во главе военного министерства стоял Роон, подготовивший успешную мобилизацию 1866 и 1870 годов, и трудно было бы вырвать из рук военного министра, доказавшего победами на полях сражений результаты своей работы, начальнику генерального штаба мобилизацию в целом. К чести Мольтке, а затем и его последователей, нужно отнести, что они и не делали

попыток к этому, а разумно оставили мобилизацию в недрах военного министерства. За германским генеральным штабом последовал и генеральный штаб Австро-Венгрии — поражения 1866 г. не заставили его свернуть на ложную дорогу, что случилось с французами и от чего они не отказались и до сих пор.

3) *Министерства народной обороны* обоих ландверов также имели общение с генеральным штабом по вопросам организации, мобилизации и расквартирования ландверных войск.

4) *Военный морской флот,* как выше уже было отмечено, был де-факто самостоятелен, хотя и входил в состав общеимперского военного министерства. В виду этого, наименование начальника генерального штаба, как такового, для «всех вооруженных сил» ограничивалось малым соприкосновением с деятельностью военного флота. Конрад в своих воспоминаниях отмечает, что контакт с флотом был только в разрешении вопросов береговой обороны, так как они проходили по бюджету для сухопутной армии и осуществлялись при содействии береговой артиллерии, входившей в состав армии. Кроме того, связь с флотом поддерживалась в разработке совместных маневров сухопутных войск и морских сил.

Наоборот, как увидим ниже, генеральному штабу приходилось оказываться в оппозиции развитию военного флота в ущерб интересам армии.

5) Наконец, в виду того, что война по природе своей есть акт общественных отношений, то непрерывная связь генерального штаба в своей деятельности с министром иностранных дел понятна без дальнейших пояснений, а затем и необходимость тщательной ориентировки в вопросах внутренней политики и экономической жизни страны.

До сих пор говорилось лишь о деятельности управления генерального штаба по плану войны и не было ничего сказано о *войсковом генеральном штабе.* Выше было отмечено, что: 1) генеральный штаб являлся особым корпусом и 2) что наряду с генеральным штабом в Вене существовал еще *войсковой* генеральный штаб, т.-е. офицеры генерального штаба, находящиеся при войсках: в штабах корпусов, дивизий, бригад и других войсковых и местных военных учреждениях.

Войсковой генеральный штаб зародился уже при эрцгерцоге Карле и в дальнейшем был учрежден не только в общеимперской армии, но и в обоих ландверах. В наши задачи не входит подробно останавливаться на функциях и работе войскового генерального штаба, поэтому мы ограничимся здесь лишь общим подсчетом всего корпуса генерального штаба.

Таковой насчитывал (таблица 16):

ТАБЛИЦА 16

Годы.	Генералов.	Штаб-офицер.	Обер-офицер.	Причисленных	Прикоманд.	Всего.
1905	5	186	213	217	32	653
1911	6	170	116	155	32-?	529

Таким образом, генеральный штаб за шестилетие, если принять, что число прикомандированных не увеличилось, подвергся сокращению.

Пополнение генерального штаба производилось: 1) путем выпуска из Военной академии и 2) из особых корпусных школ.

Мы не будем здесь подробно касаться как руководства начальником генерального штаба военно-учебными заведениями, пополняющими генеральный штаб, так и прохождением службы в генеральном штабе, ибо это сделаем в соответствующих главах.

Выше уже приводилось мнение Конрада, что его деятельность представляла собою не что иное, как непрерывный бой, так как слишком тяжела была обстановка для деятеля, который в основание своей работы клал прежде всего движение вперед. Наше дальнейшее повествование о деятельности австрийского генерального штаба покажет, насколько зачинщиком в ежедневных стычках бывал сам генеральный штаб, а также в какой мере ему приходилось вынужденно принимать эти бои.

Несмотря на такое направление работы, однако, положение начальника австрийского генерального штаба было довольно устойчиво и со времени учреждения этой должности ее занимали лишь два лица; предшественник Конрада — Бек, занимал должность начальника генерального штаба в течение 25 лет.

Трудно сказать, что содействовало развитию такой редкой «*сменяемости*» начальников генеральных штабов: с одной стороны, в этом можно видеть личное влияние Франц-Иосифа, человека консервативного в своих взглядах, привычках и в отношениях к людям, с другой стороны, может быть, подражание своим союзникам-немцам играло известную роль. Во всяком случае, следует отметить эту несменяемость, как положительный фактор в работе генерального штаба. Австрийские начальники штабов куда были счастливее, чем их русские или даже французские коллеги, которые засиживались на своих местах столько времени, что, не успев ознакомиться с делом, быстро уходили в «абшид» (отставку), говоря языком петровской эпохи. Что пользы от такой чехарды было мало, это, конечно, лучше нас известно читающему эти строки.

Очерченный круг деятельности начальника генерального штаба был настолько обширен, что требовал от него напряженной работы не только в кабинете, но и в поле, что видно будет из нашего дальнейшего повествования.

Здесь мы остановим внимание на мелочи: как протекал *нормальный* день начальника австрийского генерального штаба. В своих воспоминаниях Конрад так его обрисовывает: «Утром (утро за границей вообще считается с 7—8 часов утра; *Б. Ш.*) я проезжал свою лошадь, затем отправлялся в штаб. До 11 часов утра был прием посетителей и должностных лиц других учреждений и ведомств, являвшихся по служебным делам. После 11 часов начинались исключительно доклады начальников бюро генерального штаба. Из них последним с докладом являлся начальник оперативного бюро, так как вопросы круга его ведения требовали очень продолжительного времени для разрешения».

Мы не знаем, когда заканчивал свой день Конрад, но, судя по его деятельности вообще, таковой кончался очень поздно. К такому нормальному распределению времени нужно добавить доклады начальника генерального штаба Франц-Иосифу, которые происходили не реже 2 раз в месяц, а в напряженное время бывали чуть не ежедневно, не считаясь, конечно, со временем. Такие же доклады наследнику Францу-Фердинанду. Личное общение с министром иностранных дел также было очень частым, порой на дню не один раз. Различные командировки на полевые поездки, маневры, личные рекогносцировки, поездки на стрельбища, где испытывались новые орудия, и т. д., и т. д.

День был заполнен с избытком, его не хватало даже для серьезной проработки некоторых вопросов. Краусс в своей книге «Причины наших поражений» приводит свой разговор с Конрадом относительно уделения

большего внимания работам по этапной службе и подготовке к ней офицеров генерального штаба. На предложение Краусса ввести военные игры специально с разработкой вопросов тыла, что составляло, по мнению Краусса, обязанность генерального штаба, начальник его отвечал: «Для этого у меня нет времени». На указание Краусса, что Конрад, как начальник генерального штаба, должен на это найти время, Конрад снова повторил: «У меня нет времени». На такую важную отрасль службы генерального штаба в современной войне у Конрада не было времени.

Не будем отрицать того, что бюрократический режим, прочно свивший себе гнездо в Австро-Венгрии, отнимал много полезного времени, а также не оставались без последствий направленные со всех сторон интриги, которые приходилось парировать, запасаясь всевозможными документами.

Одним словом, перед нами старая и хорошо известная по любым воспоминаниям былого высокочиновного человека картина условий работы не в одной только Австро-Венгрии, но и в иных буржуазных странах. Известная часть сил и времени затрачивалась не только непроизводительно, но и во вред делу, внося неровность в отношения с окружающими, нервозность в работу, создавая излишнее трение в и без того скрипевшей машине военного управления габсбургской монархии.

Как расценивал тяжесть своей службы начальник генерального штаба, послушаем лучше всего самого Конрада. Уволенный от должности начальника генерального штаба в декабре 1911 года после пяти лет пребывания в ней за разногласия с министром иностранных дел Эренталем и назначенный армейским инспектором, Конрад рассказывает: «Я был рад, что, оставляя так мало привлекательную должность начальника генерального штаба, снова мог вернуться к войскам. Конечно, я не буду скрывать, что был рад и личной свободе. Отныне я мог распределять свою служебную деятельность по своему желанию, мог производить по своему выбору служебные поездки, был в состоянии, не считаясь со временем, проезжать своего коня, мог также посвящать время матери, детям, друзьям и знакомым». «Это была передышка после пяти лет!» восклицает начальник австрийского генерального штаба.

Ровно через год назначенный вновь на должность начальника генерального штаба, Конрад, учитывая то тяжелое положение, в каком оказывалась Австро-Венгрия, не обрадовался своему назначению. Получив приказ об этом, Конрад открывает нам, что «Опять судьба своей тяжестью вторгнулась в мою жизнь!». «Неохотно я расстался с моим постоянным кругом деятельности», заканчивает Конрад, описывая свой перевод на новую, вернее, старую должность по генеральному штабу.

Может быть, иные скажут, что это не что иное, как проявление малодушия со стороны Конрада, но после знакомства с этой личностью, что мы считаем обязанными сделать в следующей главе, едва ли можно обвинить этого человека в слабости духа. Высказанное Конрадом мы считаем именно честно данной им оценкой должности начальника генерального штаба в монархии Габсбургов, которая для твердого, самостоятельного во взглядах, инициативного человека отнюдь не была усеяна розами.

Да и не у одного только начальника австрийского генерального штаба была такая дорога, полная труда и работы. Мы боимся расширить рамки нашей книги и увлечься описанием работы начальников штабов других государств, но, думаем, позволено будет указать хотя бы на Германию, где начальник генерального штаба, более, чем где-либо, забронированный от всяких интриг,—и тот, как Шлиффен, сидевший с 6 ч. утра на коне, непрерывно работавший затем в течение всего дня, после лишь 2 часов

ночи гасил лампу, отходя в область Морфея. Даже такой жизнерадостный и женолюбивый начальник генерального штаба, как известный всем Сухомлинов, и тот говорит в своих воспоминаниях о тяжелой работе в должности начальника генерального штаба. Правда, на славянские и романские натуры эта сизифова работа все же меньше оказывала влияния, вследствие их большей легкости в отношении к делу, но за то бывала и чревата последствиями.

Может быть, нам не следовало предупреждать событий и говорить так подробно о «нормальной» работе начальника генерального штаба, а изложить это, как вывод из всего написанного ниже, так как преждевременно можно напугать читателя, примером чего может служить В. Новицкий, усумнившийся в полезности труда из-за одного лишь четвертого тома воспоминаний Конрада. Не претендуем, если убоявшийся вместе с нами окунуться в детали работы начальника генерального штаба, закроет эту книгу. Но тот, кто хочет ознакомиться с ней или даже мечтает быть в будущем начальником генерального штаба, а мечтать, конечно, никому не возбраняется, должен знать заранее о том тернистом пути, который начертан для этой должности. Если судьба сулит ему вступить на эту дорогу, то пусть он не обольщает себя житейскими радостями, а с сознанием громаднейшей ответственности взвалит на свои плечи тяжелую ношу.

Теперь бросим *беглый взгляд* на работу Большого генерального штаба в Вене. К сожалению, свидетели, показания коих в этом мы могли использовать, кроме повествований самого Конрада, немногочисленны и кратки в своих выводах. Мы опираемся на свидетельство не раз упоминавшегося нами Краусса и германских представителей при ставке австро-венгерской армии Крамона (его книга — «Наш австро-венгерский союзник») и Фрейтаг-фон-Лорингофена (его труд — «Обстоятельства и люди, как они мне казались»).

Не вдаваясь в детальную характеристику вообще австро-венгерского генерального штаба, мы все же должны отметить его основные черты. Выше был дан облик офицера былой армии Валленштейна на рубеже XX века, который был также свойственен, конечно, и представителям ее генерального штаба. Последние были теми же «носителями» идеи габсбургской монархии, теми же офицерами армии Валленштейна, интересы которых главным образом были сосредоточены внутри этой армии.

Карьеризм, свойственный вообще командному составу австрийской армии, при наличии особого кастового сознания принадлежности к генеральному штабу, создавал в последнем ярко выраженный тип, зараженный в избытке чванством. Представители генерального штаба армии Дунайской империи отличались обычной «веселостью», свойственной вообще жителям этого государства. Но нужно признать, что, несмотря на это, они были хорошо теоретически подготовлены в военном деле. На теорию обращалось большое внимание, что и составляло коренную ошибку, так как не развивалась сила воли, ответственность в принятии решений. «Австрийский генеральный штаб всегда страдал преувеличенной теоретичностью в то время, как фронтовая служба была ему чужда, и всякое стремление к самостоятельной работе часто подавлялось приказаниями свыше», — пишет в своих «Воспоминаниях» Людендорф.

В результате такой подготовки генеральный штаб отрывался от войск, не знал их, не говоря уже об общественной жизни. Последняя расценивалась «мозгом армии» в большинстве, как источник удовольствий, которых было так много в веселой Вене.

В следующих главах мы отрекомендуем персонально некоторых из представителей генерального штаба, здесь же считаем себя обязанными

отметить, по свидетельству Крамона, что генеральный штаб австро-венгерской армии отличался работоспособностью, неутомимостью в ней, за долгие годы совместной работы в управлении генерального штаба сплотился в тесный кружок, особенно это заметно было в оперативном бюро. Такое заявление Крамона как-будто не вяжется с тем, что сказано было о карьеризме, но из нижеследующих строк будут ясны причины и следствия.

Краусс, говоря о развитии протекции в общественной жизни Австрии, указывает, что от этого не была свободна и армия. Вокруг таких высоких персон, как военный министр и начальник генерального штаба, образовывались особые группы, заботящиеся исключительно о своем благополучии.

Выдающиеся личности, конечно, были не только далеки от таких группировок, но преднамеренно со стороны последних держались в тени, были удаляемы ими, чтобы не принести вреда стоящим на высоких постах бездарным личностям. Краусс особо отмечает эту болезнь генерального штаба, где она приобретала характер инфекции.

Нужно отметить, что Краусс, как бывший кандидат на пост начальника генерального штаба может быть и пристрастным в своих суждениях, но и сам Конрад не скрывает того, что вокруг него был *тесный круг людей*, с которыми он делился всем. Если учесть, что бывший начальник австрийского генерального штаба не отличался уменьем распознавать людей, то мы будем недалеки от выводов Краусса. Конечно, здесь не место распространяться о вреде штабов, подбираемых по «семейному» или «приятельскому» и другим признакам. Говоря про то, что в Крымскую кампанию у англичан «правильно организованного штабного корпуса не существует: каждый генерал образовывает свой штаб из своих родственников и приверженцев из полковых офицеров, независимо от специальных знаний», — Энгельс приходил к совершенно неоспоримому выводу, что «подобный штаб хуже, чем отсутствие какого-либо штаба».

Итак, не подлежит никакому сомнению, что управление генерального штаба в Вене, иными словами, Большой генеральный штаб, пополнялся на основах протекции. Правда, этим страдало подобное же учреждение в Петербурге, да и в иных столицах Европы. Вена не была в этом законодательницей мод.

Нам неизвестно нормальное распределение дня рядового работника австрийского Большого генерального штаба. Нет сомнения, что в штабе производилась большая работа, если и не по полезности, то по затрате сил и времени. За это ручаемся, учитывая тот бюрократический режим, который вообще был свойственен монархии Габсбургов. Со стороны трудно судить о работе Большого генерального штаба, но Конрад свидетельствует о ней, как о значительной и тяжелой.

Чтобы дать понятие об этой работе, мы позволим себе познакомить с ней в германском Большом генеральном штабе.

Куль в своем труде «Германский генеральный штаб» так говорит о ней: «По самому роду деятельности Большой генеральный штаб в мирное время не был особенно на виду. О его работе широким кругам было известно только по императорским маневрам или по изданиям военно-исторического отделения, трактовавшим опыт войны и то, что могло быть полезным войскам. Тем не менее, то, что созревало в тиши этой работы Большого генерального штаба, имело громадное значение для войны». Перечисляя затем подробно работы генерального штаба по плану войны и другие, аналогичные указанным нами выше для австрийского генерального штаба, Куль продолжает: «Многие думали, когда видели офицеров генерального штаба около 10 часов утра входящими в здание Королевской площади и выходящими оттуда около 3—4 час. пополудни, что этим

кончалась их служба. На самом же деле она начиналась только дома, куда прибывали толстые папки, развозимые после обеда по квартирам».

«Офицеры генерального штаба были всецело поглощены своей работой и ни для чего другого у них не оставалось времени. Отдыхом, наряду с кратковременными отпусками, являлись в летнее время только полевые поездки и маневры».

Мы совершенно не хотим сказать, что для офицера австрийского генерального штаба жизнь протекала так же и что у него «ни для чего другого не оставалось времени». Он работал, и работал много, но по свойственной ему «веселости» не избегал удовольствия после службы посидеть в знаменитых венских кафе в течение долгих часов, почитать газеты, а затем поговорить и о служебных делах, вплоть до обсуждения планов войны, так секретно разрабатывавшихся. Из кафе эти планы выносились на улицу, и, например, Краусс был ознакомлен с планом войны против Сербии одним знакомым ему офицером при встрече на улице, который, в свою очередь, слышал его при обсуждении в кафе. Излишне, конечно, говорить о недопустимости подобных разговоров в местах, совершенно не предназначенных для этого. Сдержанность в разговорах и молчание должны быть свойственны представителям генерального штаба более, чем кому-либо. Мольтке-старший в этом подавал хороший пример, заслужив даже эпитет «молчальника». Эти качества не были свойственны большинству представителей генерального штаба с берегов Дуная.

В настоящей главе нами брошен лишь общий взгляд на австро-венгерский генеральный штаб, и поэтому делать какие-либо определенные выводы мы пока воздержимся. Считаем, что таковые будут более выпуклы, когда нам удастся представить детальнее работу этого «мозга армии».

Ниже мы поставим только отправные вехи для нашего исследования. Нельзя признать здоровым явлением, что в государстве существуют учреждения, не соответствующие той ступени развития производительных сил, на которой в данное время находится это государство. Однако, с таким явлением приходится в действительности считаться. Сплошь и рядом в буржуазных государствах, каким была Австро-Венгрия, такие учреждения продолжают жизнь, являясь «живым трупом». Процесс разложения, хотя медленными, но верными шагами идет вперед, и для смерти такого учреждения нужны или время, или некоторое насилие, которое бы покончило с этим живым покойником.

Последних немалое число было в монархии Габсбургов, да и она сама была ничем иным, как живым мертвецом на карте Европы. С каждым годом такой взгляд на нее усваивался все более и более не только в революционных кругах, но и в среде буржуазных политиков других европейских стран и даже самой Австрии.

С одной стороны, расцвет бюрократизма, а с другой — центробежные силы отдельных народностей этого государства клали свою печать на весь государственный строй Австро-Венгрии, на ее машину управления как всей страной, так, в частности, вооруженными силами.

Таким образом, Большой генеральный штаб в Вене должен был являть собою образец одного из отмирающих учреждений монархии. Нет сомнения, что он и был таковым. Не мог его уклад жизни и работы уходить далеко от общего состояния остальных государственных учреждений, и если, как увидим ниже, генеральный штаб старался всплыть наверх, пытался бороться, вести бои, то зачастую все его удары, по признанию самого же начальника генерального штаба, бывали ничем иным, как ударами по воздуху.

Мы видели, что номинально он подчинялся высшей государственной и военной власти, а в действительности оказывался вспомогательным органом «всех вооруженных сил».

Как вспомогательный орган, генеральный штаб не нес ответственности перед представительными учреждениями, да и в составе самого правительства начальник генерального штаба оказывался лишь на роли консультанта.

Между тем, на нем лежала подготовка к войне, как о том говорило положение, и считалось возможным при такой позиции генерального штаба оставлять на нем эту первейшую и важнейшую из его обязанностей. Да и сам генеральный штаб находил это вполне нормальным, ибо такие взгляды на свои обязанности существовали во всех почти генеральных штабах Европы и не были присущи только одному из его представителей с берегов Дуная.

Из истории генерального штаба хорошо известно, что главенство в подготовке к войне генеральный штаб, даже в Германии, завоевал не сразу, а вел довольно деятельную борьбу и с военным министерством, и даже с канцлером. Бисмарк, конечно, не зря привешивал ярлык «полубогов» представителям германского генерального штаба во главе с Мольтке. Генеральный штаб шел в гору и входил во вкус при этом путешествии. Правильно было или нет такое восхождение генерального штаба — это вопрос другой. Империалистическая война явилась кульминационным пунктом в стремлении к захвату власти генеральным штабом не только в военном ведомстве, но даже в государственной жизни.

«Полубоги», однако, так и остались «полубогами», не превратившись в подлинных богов и дожив до времени, когда началось их свержение. Ныне нам известно, что подготовка к войне и сама война есть дело прежде всего самого государства, а не одного только его придатка — генерального штаба. На арену литературы и даже жизни вышли «новые стратегии» — «стратегия государства» и иные со сложными наименованиями из довольно древних времен.

Мы вообще признаем *одну стратегию* ибо, если пуститься в ее классификацию, то можно договориться до таких абсурдов, до такой схоластики, над которой, по выражению Клаузевица, «будут глумиться дельные выдающиеся военные».

После мировой встряски даже для «полубогов» стало ясно, что войну ведет все государство в целом, что оно должно в полном составе своего организма готовиться к войне и т. д. Одним словом, дошли до истины, которая хорошо была известна во времена седой древности.

Ныне, по определению А. Свечина, «стратегия — это искусство комбинаций подготовки к войне и группировки операций для достижения цели, выдвигаемой войной для вооруженных сил. Стратегия решает вопросы, связанные с использованием как вооруженных сил, так и всех ресурсов страны для достижения конечной военной цели».

Отсюда логичен вывод, что подготовка к войне должна выйти из рук генерального штаба и передана в более высокие учреждения в стране. Теоретически это и признано вводом нового термина — *стратегия государства*. Но практически генеральный штаб не желает выпускать «стратегию», хотя бы и «государства», из своих рук.

В войне, как таковой, снова видят прежде всего ее военную сторону — отсюда и наименование «новой стратегии» — «стратегией государства». Ну, а раз на сцену появилась стратегия, то святцы в руки генеральному штабу.

Не говоря об этом отчетливо и открыто, генеральный штаб выступил с проповедью о необходимости создания «сверхгенерального штаба» в виде различных комиссий изучений и т. д. «Полубоги» сдали свои

позиции, но не совсем. Прикрывшись вхождением в эти учреждения представителей других ведомств и даже возглавив их высшей государственной властью, «полубоги» оставили за собой техническую и оперативную часть работы этих вновь созданных учреждений, т.-е., иными словами, призвали к жизни «сверхгенеральный штаб», предоставив просто генеральному штабу должность подручного.

Мы боимся, что увлеклись рассказом о престиджитаторстве современного генерального штаба, а поэтому, обещав вернуться еще раз к этому вопросу, мы закончим следующим выводом: кому «в праздничный день» в рамки понятия стратегии желательно укладывать все понятия о войне, возведя стратегию в высший ранг — стратегии государства или императорики, — пусть это проделывает, но передавать дело подготовки и ведения войны в руки одного хотя бы и «сверхгенерального штаба», нарочито для этого созданного, — недопустимо, даже и для веселого настроения «праздничного дня». Война есть один из видов общественных отношений и должна оставаться таковой, являясь делом всего государства в целом, работой всего его государственного организма, а не одних квалифицированных представителей его вооруженных сил.

Почитали необходимым высказать свой определенный взгляд на этот вопрос, чтобы яснее разобраться в дальнейшем в роли генерального штаба в подготовке к войне.

От нас вправе требовать об'яснения тому, как же будет увязываться работа всего государственного механизма по подготовке к войне. Мы, правда, не дали ответа на этот вопрос, но просим позволить нам высказать его ниже при разборе конкретных случаев.

Сейчас же вернемся в Вену. Здесь Большой генеральный штаб ни официальным положением, ни самой государственной и военной структурой управления не призывался к обязанностям современного сверхгенерального штаба. Он должен был быть вспомогательным органом военного министерства в обороне страны и входить в работу других ведомств настолько, насколько того требовала военная деятельность. Начальник генерального штаба — военный консультант для правительства и специалист в подготовке оперативной части войны.

Нужно отметить, что на военное время начальник генерального штаба переходил на должность начальника штаба ставки, а не являлся в мирное время скрытым главнокомандующим. Так было юридически, но де-факто в мирное время начальник генерального штаба вел всю работу по подготовке к войне за будущего главнокомандующего, представляя его интересы. Поэтому, если рассматривать круг ведения генерального штаба с теоретической точки зрения, то нужно подходить к ней в об'еме обязанностей главного командования или, говоря по современному, проводя стратегию главного командования и ту часть из стратегии государства, которая должна быть отнесена к деятельности главного командования.

До некоторой степени «непосредственное подчинение» высшей государственной власти начальника генерального штаба давало последнему возможность представлять собою интересы главного командования, но двойственное его положение в системе военного управления было и источником конфликтов на этой почве. Нам думается, что при функциональном рассмотрении деятельности генерального штаба мы более понятно уясним себе значение и роль генерального штаба в современной структуре военного управления и жизни страны, а потому выше и просим позволения отложить окончательное суждение о высших органах управления подготовкой к войне.

Нами развернута в настоящей главе схема построения генерального штаба, из которой видно, что частные задачи, возлагавшиеся на генераль-

ный штаб, прорабатывались в особых бюро, при чем все, более или менее тесно связанные с оперативной идеей, как вопрос об инженерной обороне государства, вопрос организации армии, обучение войск и руководство большими маневрами, — все это было об'единено в одном оперативном бюро.

Далее мы находим *непосредственное подчинение* начальников бюро начальнику генерального штаба, при котором состоит лишь его заместитель, но без определенного руководства теми или иными бюро. Такую схему подчиненности нужно признать наиболее жизненной, так как, в особенности в оперативной работе, чем меньше ступеней будет налицо, через которые преломляется сама идея, доходя до исполнителя, тем лучше будет она сохранена в своей сущности. Действительно, начальник оперативного бюро стоял, конечно, несравненно ближе к начальнику генерального штаба, чем заместитель последнего. Как увидим ниже, даже сущность всех докладов у Франца-Иосифа и принятые по ним решения, даже личные радости или обиды начальника генерального штаба были всегда известны начальнику оперативного бюро, бывшему, таким образом, в курсе всех событий и предположений начальника генерального штаба. В других генеральных штабах армий Европы между начальником генерального штаба и исполнителями — начальниками отделений, существовали промежуточные инстанции в виде генерал-квартирмейстеров, помощников начальника штаба и т. д. Мы склонны признать более совершенной австрийскую структуру, чем порядок подчиненности со служебной надстройкой. Единственно, что можно было бы возразить против непосредственного подчинения начальников бюро начальнику штаба — это большое число докладчиков у последнего, но мы не поклонники четвертичной системы Наполеона, и признаем, что одному лицу может быть подчинено и более, чем 4 человека.

Нам могут сказать, что автор сам указывал, насколько был загружен начальник австрийского генерального штаба, оказывавшийся не в состоянии уделять время разработке важных вопросов, как, например, подготовке к тыловой службе в армии. Мы подчеркиваем, что эту загруженность нужно во многом отнести к тем боям, которые вел начальник генерального штаба на всевозможных чиновничьих фронтах бюрократической машины Австро-Венгрии. Нами было показано, что неменьшей тяжестью отличалась и работа начальника генерального штаба германской армии, даже такого размаха, как Шлиффен. Читать романы начальник генерального штаба, как это проделывал Мольтке, может только в ходе фактической мобилизации и сосредоточения армий, образцово им подготовленных, а в период подготовки их едва ли у него будет время для «легкого» чтения, а тем более «легкого» времяпрепровождения, в особенности в современных условиях, когда темп политической жизни и вместе с ней и военной значительно ускорился по сравнению с началом XX века.

Мы бегло отметили, что такая же тяжелая и ответственная работа лежит и на остальных сотрудниках Большого генерального штаба, и их путь тернист, если только честно шагать по нему, а не сворачивать в веселые кафе, как это было свойственно отдельным индивидуумам из австрийского генерального штаба. Забегая вперед, мы ниже будем указывать, что представитель «мозга армии» не должен отрываться от жизни страны и сидеть только «в казарме», мы будем горячо протестовать против этого, но контакт с общественной жизнью мы мыслим себе не в удовольствиях, а в серьезной работе в других областях общественной жизни и уразумении хода последней как в настоящем, так и в установлении прогноза на будущее.

«Большим» людям много дается, но с них и много спрашивается...

ГЛАВА IV

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА—КОНРАД

Взгляд Конрада на личность в истории. — Личность начальника австро-венгерского генерального штаба Конрада, — Военное образование. — Боевой опыт. — Лектор тактики в академии. — Дальнейшая строевая служба. — Назначение начальником генерального штаба — осень 1906 года. — Значение командования строевыми частями для генерального штаба. — Ум Конрада. — Волевые качества Конрада — инициатива и самостоятельность. — Страстность начальника штаба. — Замкнутость его. — Женитьба Конрада и ее следствия. — Военные взгляды Конрада. — Увлечение изучением войны 1870 г. и германской военной литературой. — Преклонение перед Мольтке (старшим). — Изучение современной тактики и поверка ее на истории войн. — Конрад на полях сражений последних войн. — Военно-литературные труды Конрада. — Стратегические думы начальника штаба. — Взгляды Конрада на подготовку войск. — «Бой — первостепенное военное действие» и его понимание Конрадом. — Способность армии к большим напряжениям. — Взгляды начальника штаба на метод внедрения в армию военных знаний. — Конрад — политик. — Политическая подготовка начальника штаба. — Участие Конрада в политике. — Мнимая его аполитичность. — Взгляды Конрада на внутреннюю политику монархии. — Конрад и внешняя политика. — Франц-Иосиф и Конрад. — Отношения к Конраду Франц-Фердинанда. — Личные канцелярии и генеральный штаб. — Начальник генерального штаба и сонм министров Австро-Венгрии. — Политические деятели монархии и Конрад. — Связи Конрада за границей. — Личная жизнь Конрада.

«Не единичные личности творят историю, но, наоборот, последняя создаст людей», — так скромно повествует ныне в своих воспоминаниях бывший начальник австро-венгерского генерального штаба Конрад. Прошедшая мировая война, закончившаяся крушением монархии Габсбургов, поразила своей встряской ум верного слуги этой монархии, и ныне он смотрит на свой пройденный путь, на все свои действия, как на независимые от его воли.

Таким образом, рассматривая деятельность генерального штаба Дунайской империи, казалось, можно было бы и не останавливаться на знакомстве с отдельными его представителями. Слов нет, что этот «мозг армии» отражал в себе не только характерные черты армии, но также и господствующих классов всей страны.

Известно, что определенные экономические отношения создают и соответствующую психологию людей. Поэтому мы не можем стать на точку зрения бывшего начальника генерального штаба и отказаться от знакомства с отдельными индивидуумами австро-венгерского генерального штаба и в первую очередь с самим Конрадом. Если он, как выше указывалось, определял характер своей деятельности, как непрерывный бой, то, повидимому, он был далек от «непротивления злу», а стремился в своей работе переломить психологию окружающей его высокочиновной среды, провести свои предположения и мероприятия в том духе, в каком они ему мыслились единственно верными и отвечающими слагавшейся тогда обстановке.

Поэтому мы позволяем себе отрекомендовать отдельных персонажей австро-венгерского генерального штаба, оставляя пока в стороне их деятельность. Должны отметить, что писание справедливых аттестаций — вещь довольно трудная, и мы не склонны заверять, что ниже даваемые характеристики будут вполне беспристрастны. К тому же, у нас возникает сомнение в уместности помещения их сейчас, без знакомства с деятельностью аттестуемых лиц, что будет нами подробно сделано ниже. Может быть, было бы целесообразнее, если бы мы оставили эти характеристики на конец, сделав их, как вывод из всего описания работы начальника генерального штаба и его ближайших сотрудников. Однако, для ясности изложения работы генерального штаба, мы предпочли теперь же представить эти мозговые центры, дабы были понятны основные линии их работы. Не будем возражать, если последующее повествование внесет корректив в наши аттестации и если мы ошибемся в своих предпосылках. Стремление наше — предостеречься от них, но сказать, что это безусловно будет нами соблюденно — мы не беремся.

Итак, приступаем к знакомству с лицами «мозга» австро-венгерской армии. Мы хотели бы на это время превратиться в «раешника», и не скроем, что бесхитростный рассказ его куда был бы полезнее, чем скучная обрисовка личностей, сошедших уже со сцены, но, к сожалению, эта форма изложения нами не усвоена и мы волей-неволей вынуждены начать с обычного повествования.

Прежде всего рекомендуем самого *начальника генерального штаба Конрада*. Кое-кто считает его Мольтке (старшим) для австро-венгерской армии. Мы предостережемся от такого скороспелого вывода, но не будем отрицать и того, что Конрад являлся далеко незаурядной личностью среди военных персонажей эпохи империалистической войны.

Родившись 11 ноября 1852 года в немецкой аристократической семье, Конрад в 1871 году кончает военное училище в Вене (Терезианскую Военную академию в Виннер-Нейштадте) и начинает свою офицерскую службу в 11 егерском батальоне.

В период с 1874 по 1876 год Конрад проходит курс Военной академии (генерального штаба) и в 1878 году в чине обер-лейтенанта проделывает поход во время оккупации Боснии и Герцеговины. Продолжая служить на южной границе, Конрад в 1882 году командируется в секретную поездку по Сербии, в которой близко знакомится с жизнью этой страны.

В 1882 году Конрад ротным командиром принимает участие в подавлении инсургентского движения в южной Далмации.

Участие в этих двух боевых операциях: 1) дало возможность Конраду близко ознакомиться с южной границей государства; 2) исчерпало весь его боевой опыт, оставив, как увидим ниже, следы на военном его мышлении и 3) отразилось на его понимании политических задач Австрии на юге, которые отныне для Конрада сделались делом первостепенной важности.

С 1883 года по 1887 год Конрад находится в должности начальника штаба 11 пехотной дивизии (в Львове), а в 1888 году мы снова встречаем Конрада в стенах Военной академии в качестве лектора тактики, в каковой должности он пребывает до 1892 года.

В 1892 году Конрад возвращается в строй для цензового командования батальоном (в 93 пех. полку) и затем назначается командиром пехотного полка. Осенью 1903 года Конрад уже в должности начальника 8 пехотной дивизии (в Инсбруке — в Тироле), постепенно продвигаясь на пост командира корпуса.

Однако, судьба решает иначе, и осенью 1906 года Конрад назначается начальником генерального штаба.

Таким образом, только через 35 лет службы в офицерских чинах, на 54 году от рождения, Конрад призывается на пост начальника генерального штаба. Для нашего скоротечного времени такое продвижение по службе нужно признать очень и очень запоздалым, но для отошедшей в область истории эпохи подобная служебная лестница была нормальной.

Из 35 лет службы Конрад только 12 лет провел вне строя (2 года Военной академии, 4 года начальником штаба дивизии и 6 лет лектором тактики), все же остальное время посвящено им исключительно службе в строевых частях. Это обстоятельство высоко ценится самим Конрадом, и он не раз с гордостью заявляет о своем строевом опыте. Нет сомнения, что долголетняя служба в строю принесла пользу начальнику генерального штаба, но не в такой мере, как он это думает. Главное обвинение, которое бросается критиками этому высшему представителю генерального штаба, заключается в том, что он был далек от войск, не знал их жизни и не понимал ее. Очевидно, Конрад незаметно для самого себя уподоблялся тому мулу знаменитого полководца Евгения Савойского, который проделал много, много походов, но не сделался от этого полководцем. Да не подумают, что с нашей стороны отрицается вся полезность строевой службы для генерального штаба. Отнюдь нет. Наоборот, мы считаем необходимым и даже обязательным службу генерального штаба в строевых частях, но службу осмысленную и дающую действительно опыт для деятельности генерального штаба, а не одно щеголяние долголетним пребыванием в строю. Строевая служба дает представителю генерального штаба не только знакомство с войсками, но опыт в вождении их, вырабатывает в нем характер начальника, самостоятельность и ответственность в принимаемых решениях — качества высокой ценности для работника генерального штаба и особо ему необходимые. Таким образом, казалось бы, долгое пребывание на строевых должностях обеспечит представителю генерального штаба самое важное в его работе, но, с другой стороны, не нужно забывать, что сама деятельность генерального штаба требует также времени для приобретения опыта в ней, а потому необходимо и ей уделить должное внимание. Этот живой вопрос в своем разборе завел бы нас далеко, мы отвлеклись бы от знакомства с Конрадом. Обещаем вернуться к нему на своем месте, а сейчас берем извинение у начальника генерального штаба за то, что своим рассуждением мы заставили его ждать.

Перед нами человек с выдающимся умом. Большинство современников, сталкивавшихся близко с Конрадом, безоговорочно признают в нем широкое развитие умственных способностей. Людендорф рекомендует нам его, как «духовного руководителя операций австрийской армии» и считает «умным, необычайно эластичным, умственно выдающимся генералом». «Он был полководцем с редким богатством замыслов и всегда стремился к поддержанию в австрийской армии стремления к победе, что навсегда останется его заслугой», — так думает Людендорф.

Представитель германской армии при австро-венгерской ставке Крамон также считает Конрада образованным человеком, достойным государственным деятелем. Однако, его умственные способности проявлялись главным образом в кабинетной работе, в широких замыслах, которые часто разбивались о суровую действительность и неуменье Конрада углубиться в практическое осуществление своих богатых идей.

Даже до некоторой степени занимающий враждебную позицию по отношению к Конраду австрийский генерал Краусс и тот признает за ним ясный и светлый ум, богатство замыслов, но также нежелание и отсутствие времени для детальной проработки зарождающихся планов и предположений.

Известный сподвижник Людендорфа Бауэр считает Конрада умным, ясно взвешивающим обстановку человеком, оперативные идеи которого носили в себе что-то величественное.

Одним словом, отказать бывшему начальнику австрийского генерального штаба в наличии у него незаурядных умственных способностей нельзя. Другое дело, насколько ум был в равновесии с другими свойствами, необходимыми для военного деятеля высокого ранга. Это отсутствие равновесия, повидимому, толкнуло Риттера в его статье «Стратегический обзор операций австро-венгерской армии в августе и сентябре 1914 года» («Война и Мир» № 15) на вывод, что «в нем (Конраде) мы не находим трезвого, холодного, рассудительного ума; ясная оценка обстановки у него была затуманена националистическими чувствами и стремлениями». Мы не согласны с таким заключением немецкого писателя и усматриваем в нем то же поверхностное углубление в характер Конрада, какое было у последнего в детализации работы.

Считаем, что в лице Конрада мы сталкиваемся с человеком умственно высоко развитым, с индивидуальным мыслителем, мало уделяющим внимания «мелочам» (детализации в работе) в своей деятельности.

Мы отмечали, что развитие умственных способностей в ущерб волевым свойствам было присуще всему офицерству армии Габсбургов, и поэтому, Конрад не являлся исключением из общего правила, а бюрократический уклад жизни страны еще более способствовал выработке из него кабинетного работника, парящего в высоких сферах мышления и не спускающегося до «мелочей», до детальной проработки своих предположений. При той бюрократической жизни высокого чиновничества, полной интриг и внутренних боев, каковая была в Австрии, для начальника генерального штаба не оставалась времени для углубления своей чисто военной работы.

Нельзя сказать, чтобы *волевые качества* не были развиты у Конрада. Наоборот, мы прежде всего должны отметить у него широкую *инициативу*, что он сам считал необходимым атрибутом для работы в должности начальника генерального штаба.

Затем стремление к *самостоятельности* в работе, к открытому высказыванию своих мнений всем и каждому, не исключая и Франца-Иосифа, перед которым трепетала не одна «душа» австрийского бюрократа — все это было присуще Конраду и даже болезненно им усваивалось. Эта «самостоятельность» проводилась начальником австрийского генерального штаба всюду в его работе как в области внешней и внутренней политики, так и в чисто военной деятельности. Борьба за «престиж» в австро-германском союзе, которую вел Конрад, являвшаяся одним из видов стремлений его к самостоятельности, не раз доставляла несколько горьких часов и даже дней в отношениях друг с другом союзников, что отмечается большинством немецких писателей. В области внешней политики борьба за самостоятельность одно время даже привела Конрада к уходу с поста начальника генерального штаба, а в военных делах эта же борьба создавала ряд конфликтов с Франц-Фердинандом, военным и другими министрами.

О таком самостоятельном характере Конрада свидетельствует ряд близких к нему военных лиц, а Чернин в своих воспоминаниях, говоря о лицах, которые, интригуя, прятались за спиной Франц-Фердинанда, не включает в их число Конрада. «Среди тех, кто прятался за эрцгерцогом, никогда не было начальника генерального штаба Конрада. Этот никого не выдвигал перед собой. Он самолично и открыто защищал перед всеми то, что считал необходимым» — справедливо говорит Чернин. «Самостоятельность» в суждениях и действиях была для Конрада долгом, кото-

рый он твердо и неуклонно выполнял, считая это высшей своей обязанностью.

Такую «прямолинейность» характера Конрада приходится объяснить его развитыми волевыми качествами, резко выделявшими его среди австрийского генерального штаба. Вернее, ему присущи были энергия, настойчивость и, пожалуй, даже упрямство в преследовании намечаемых целей.

Конрад умел любить и ненавидеть со всем пылом своей натуры; в людях он видел или сторонников своих идей, или же смертельных врагов — иной классификации окружающих он не признавал. Как бывает свойственно людям с таким развитием волевых качеств, Конрад отличался близорукостью в распознавании характера и способностей стоявших вокруг него лиц. Этот недостаток резко подчеркивает Краусс в своем труде «Причины наших поражений».

Таким образом, мы не только не собираемся отрицать характеристику Конрада, данную ему Риттером, но дополним ее тем, что волевые качества Конрада брали иногда верх над его умом, и последний зачастую затуманивался элементом *страстности*, вносимым начальником генерального штаба в тот или иной вопрос. Не нужно забывать, что Конрад был *южный* немец, по своему характеру более чувствителен и страстен, чем немец с берегов Шпрее. Не отсутствие трезвого ума у Конрада находим мы, а сплошь да рядом нарушенное равновесие между умственным развитием и теми чувствами, которые обуревали начальника штаба в его работе, каковая, по его же словам, была не чем иным, как непрерывным боем.

Вступивший в него Конрад был *замкнутой натурой*. Ограниченный круг знакомства, редкие посещение ресторанов и обедов в товарищеском кругу, семейная жизнь вдовца и тяжелая служебная ноша на плечах, а также то осадное положение, которое приходилось выдерживать начальнику генерального штаба в его деятельности, наложили отпечаток на характер Конрада.

Крамон описывает его, как ушедшего в себя человека, любившего долгие часы гулять в одиночестве, говорившего, например, за обедом в Ставке очень мало, не курившего, почти ничего не пившего, быстро евшего и регулярно опаздывавшего к началу обеда. Одним словом, Конрад создавал вокруг себя напряженную атмосферу и, казалось, что этот человек лишь по необходимости появлялся в общественном месте. Правда, из уст самого Конрада мы знаем, что и ему были не чужды мирские удовольствия, которых лишала его должность начальника генерального штаба и о возвращении к которым он мечтал после данной ему отставки в 1911 году. Мы не усматриваем в этом противоречия, так как не лишаем человеческих слабостей и такие замкнутые натуры, как Конрад. Наоборот, на них эти слабости оказывают даже большее влияние, чем на людей, пользующихся всеми «благами» жизни. Стремящиеся к достижению последних, ушедшие в себя люди мечтают об этом до болезненности и, наконец, махнув рукой, со всей страстностью пускаются в плавание по житейскому морю. Так, сосредоточенный в самом себе Конрад, долго вдовевший, не выдержал, и в 1916 году вторично женился, создав этим одну из причин своей отставки. Мы отнюдь не хотим восхвалять безбрачие и отмечаем это лишь как характерный факт для самого Конрада. Несмотря на всю занятость службой, на свой мрачный и необщительный характер, Конрад оказался незабронированным от женских влияний — слишком долга была мировая война для отшельника генерального штаба.

Снова повторяем, что не находим чего-либо неестественного в поступке Конрада, так как жизнь, конечно, брала свое, и если за женитьбу был брошен упрек начальнику генерального штаба, то не за самый факт,

а за выбор жены,—по своему общественному положению не подходившей «ко двору» и к тому же еще разведенной. Известно, что как сам Наполеон, так и его маршалы имели очень много жен в своих многочисленных походах и, повидимому, наличие женщины не может оказать тлетворного влияния на военные доблести человека — была бы лишь в этом соблюдена разумная мера. В этих видах мы не склонны бросать камень осуждения и в героя нашей повести.

В следующих главах мы подробно ознакомимся как с политическим, так и военным созерцанием Конрада, здесь же лишь для полноты обрисовки этой фигуры ограничимся основными его мыслями по указанным вопросам.

Начнем с рассмотрения *военных взглядов Конрада*, которые, естественно, более всего развивались им, проводились в литературных работах и во всей его 35-летней служебной деятельности.

Выпущенный из военного училища 1 сентября 1871 года молодой Конрад с громадным интересом принялся за изучение закончившейся только-что франко-прусской войны. Изучение этой войны, главным образом по немецким источникам, послужило основным камнем в военном мышлении будущего начальника генерального штаба. Вообще, прусские военные авторы были в предпочтении у Конрада и, по его словам, труды Богуславского, Шерфа, Хельмута, Мея, Телленбаха, Верди-дю-Вернуа, Кюне, а впоследствии Хенига, Натцмера и многих других открыли Конраду новые пути в изучении ведения боя и подготовки к нему отдельных бойцов и мелких войсковых соединений.

Нет ничего удивительного, что образ Мольтке-старшего привлекал к себе все существо Конрада и служил для него примером в его дальнейшей деятельности в должности начальника генерального штаба. С восторженными внутренними переживаниями Конрад, осенью 1913 года, приглашенный на германские маневры, возлагал венок на гроб великого прусского фельдмаршала. Все мысли последнего, как увидим ниже, хорошо усваивались Конрадом, старавшимся провести их в австро-венгерскую армию.

Уже с первых шагов своей военной деятельности Конрад, под влиянием немецкой военной литературы проповедывавший наступление мелкими частями в бою с хорошей огневой его подготовкой, увидел, что австрийский пехотный устав, построенный на массовой штыковой атаке в глубоких колоннах, является устарелым. Молодой командир взвода, каким был Кондрад, забрасывает этот устав, и убедившись, что германские способы наступления отнюдь не являются доступными лишь для развитых германских солдат, переносит эти способы ведения боя и в свой взвод.

Пребывание в академии (с 1874 по 1876 г.) углубляет усвоение Конрадом современной тактики, особенно пехотной. По окончании академии, Конрад продолжает с большим интересом свое тактическое образование, широко знакомясь с литературой по франко-прусской войне, а затем по русско-турецкой 1876—1877 г. по германским источникам и по русским, из последних, главным образом, по трудам Куропаткина и Пузыревского.

Поход 1882 года против инсургентов в южной Далмации боевым опытом закрепляет теоретические познания Конрада.

В последующие годы Конрад продолжает изучение тактики и боевой подготовки пехоты по опыту новейших войн (1870—71, 1876—77 и сербо-болгарской 1886 года).

Назначенный в 1888 году лектором тактики в Военной академии, Конрад перед началом курса посещает поля сражений войны 1870—71 г., а в 1889 году об'езжает поля сражений русско-турецкой и сербо-болгарской войн.

«Изучение на местности с книгой и картой в руках полей сражений явилось для меня богатым источником для расширения моего тактического кругозора, особенно выявилось для меня громадное значение огневого удара при атаке укреплений при осмотре полей сражений русско-турецкой войны (Плевна, Горный Дубняк, Телиш)», пишет в своих воспоминаниях Конрад.

Таким образом, военная история с поездкой по полям сражений оказалась первоисточником военных познаний молодого профессора тактики, а впоследствии начальника генерального штаба.

Одновременно с чтением лекций по тактике как в Военной академии, так и в высшей стрелковой школе, начинается литературная деятельность Конрада. Первый его труд «К изучению тактики» выпускается в 1891 году, затем следует сборник «Тактических задач», изложенный прикладным методом. Командуя полком, Конрад пишет «Введение в изучение тактического устава», а с 1900 года по 1906 год выпускает «Боевую подготовку пехоты», получившую широкое распространение не только в Австрии, но и в Германии и переведенную также на иностранные языки. В 1903 году попутно Конрад пишет «Пехотные вопросы и опыт Бурской войны».

Перечисленные нами литературные труды дают возможность ориентироваться в военных взглядах австро-венгерского начальника генерального штаба, которые, как он сам подтверждает, были руководящими в его деятельности. Хотя эти труды и касаются главным образом области тактики, но Конрад на простых тактических принципах строит и свое стратегическое мышление.

Горячий поклонник германской военной мысли Конрад, конечно, не обошел и первоисточник ее—учение о войне Клаузевица, но в толковании его Мольтке-старшим. Может показаться странным эта наша предпосылка, но делаем ее мы потому, что, например, в понимании связи политики и стратегии германский фельдмаршал оказывался на точке зрения, далекой от понимания Клаузевица.

Вождение войск, что обычно принято называть *стратегией*, по мнению Кондрада, не есть какое-либо особое тайное знание, а обычные действия, основанные на простейшем принципе — *принципе боя*. По существу, стратегические действия протекают на тех же основаниях, как и обыкновенный поединок, но только в нем принимают участие не отдельные борцы, а армии, насчитывающие в своих рядах миллионы.

«Война не более, как широко раздвинутый поединок», — учил Клаузевиц, и начальник австро-венгерского штаба только перефразирует это понятие, перенося его на современные массовые армии.

Доказывая, что в обороне нельзя найти решения, Конрад видит таковое только в наступлении.

Сравнивая войну с поединком, Конрад указывает, что, как дуэлянт должен знать в совершенстве свою шпагу, так и современный полководец обязан в деталях изучить свое оружие — массовую армию, находящуюся в его распоряжении. Он должен знать и уметь управлять этим оружием, применяемым на основании общих принципов, как и в обыкновенном бою, ему должны быть знакомы не только принципы управления, но и техника такового.

В другом месте Конрад отмечает, что *современная война — настолько сложное военное явление*, что только коллективное согласованное усилие по ее ведению может обеспечить успех. Каждый боец имеет на войне свои определенные обязанности и должен их выполнять. Если при нахождении в боевых линиях на первом месте выступает мужество, то в деятельности высших органов управления должны господствовать самостоятельность, напряженная и полная ответственности работа.

Конец войны зависит от многих причин, и не первое место среди них занимает гений полководца. Прежде всего, по опыту Бурской войны, Конрад пришел к убеждению, что *успех* или *неудача кроются в самом народе, ведущем войну*. Никакое гениальное руководство, отлично подготовленная и вооруженная армия не в состоянии заменить слабость духа в народе, отсутствие в нем воли к победе. Сильным духом народом воодушевляется его армия, и последняя идет к победе. Слабость государства определяется не отсутствием у него сильной армии, а именно внутренней, а следовательно, и внешней его слабостью. Сильный Рим имел сильные победоносные легионы, и с падением Рима увяла слава его легионов.

Таким образом, *война есть дело государства, и победа зависит от внутреннего его состояния, а также и от той внешней политики, которая ведется государством*. Конрад не забывает заветов Клаузевица, что «война есть продолжение политики, но только другими средствами», но дает этому поучению толкование в духе Мольтке-старшего. «Политика, к сожалению, неотделима от стратегии: политика пользуется войной для достижения своих целей и имеет решающее влияние на ее начало и конец, при чем она оставляет за собой право во все время повысить свои требования или довольствоваться меньшим успехом... Полководец никогда не должен руководствоваться одними политическими побуждениями, а на первый план ставить успех на войне».

Выше мы видели, что Конрад считал необходимым получать руководящие линии для составления планов войны от внешней политики и, как будет не раз указано впоследствии, Конрад все время считал войну одним из средств политики. Последняя же, по его мнению, должна пользоваться войной в правильно выбранный момент. Конрад не мыслит себе какую-либо активную политику, которая бы не опиралась на вооруженную силу, не имела бы всегда в своем распоряжении готовые для войны средства. Иные средства политики для достижения положительных целей менее действительны, и начальник генерального штаба предпочитает преимущественно войной разрешать высокие проблемы внешней политики государства. «К сожалению», и для него политика неотделима от стратегии, но у политики всегда должна быть мысль об обращении к войне, а потому все политические и иные мероприятия государства должны быть направлены к достижению военного успеха. В этих видах генеральный штаб, ответственный за подготовку и ведение войны, должен близко входить и во внешнюю политику государства. Завет Клаузевица, что «во всяком случае военное искусство политике не указ» — не находил отклика ни у Мольтке, ни у Конрада — оба с «сожалением» мирились с зависимостью стратегии от политики, ограничивая влияние таковой началом и концом войны. Конрад шел в своих выводах дальше, находя, что и начало войны должно зависеть прежде всего от военных интересов, о чем мы скажем ниже.

В своих многочисленных документах Конрад резко проводит свои взгляды на внешнюю политику и отнюдь не думает, как это он заявлял, получать от нее руководящие линии, а скорее сам предписывает их. На этом важном вопросе мы дальше остановимся.

Одним словом, во взглядах на отношения политики и стратегии мы имеем дело не с оригинальными мыслями, не с классическим толкованием этого вопроса по Клаузевицу, а с общим течением военной мысли перед мировой войной, питаемой философствованием Мольтке-старшего, в русле которого следовал и наш герой. «Полубоги» в Вене стремились подражать таким же неземным существам в Берлине, да и в иных столицах европейских государств.

Развитие массовых армий в конце XIX столетия, как залог успеха на войне — значение «*числа*» в победе — было поколеблено Бурской войной в на-

чале XX столетия. Изучая пристально все новейшие войны, Конрад тотчас же посчитал нужным извлечь поучения из войны в южной Африке.

Предостерегая в своем труде «Пехотные вопросы и опыт Бурской войны» от скороспелых выводов, Конрад не склоняется на сторону превосходства милиции, а признает необходимость существования постоянной армии, как кадров для развертывания армий военного времени.

Признавая, что все сражения, начиная с 1870 года, выигрывались превосходством в силах и, как решительной формой сражения, охватом противника с обоих флангов, Конрад все же подвергает некоторому сомнению то значение «числа» в победе, которое придают ему современные военные. Нет слов, что техника XX столетия дает подвижность и силу огня современным массовым армиям такую же, как и малым армиям Наполеона, но не следует переходить предела в погоне за «числом» в ущерб «*качествам*» армии. «Число» имеет на войне значение, но относительное. При группировках же враждебных государств в Европе, начавших слагаться в XX веке, нельзя, конечно, оказаться в превосходных силах против враждебной коалиции.

Сущность успеха заключается не в погоне за «числом», а в создании *боеспособной* действующей массовой армии, сильной числом, но и хорошо подготовленной. Эта армия должна быть укомплектована действительно отличным людским элементом, который был бы способен к боевым действиям, а не людьми, кои только разлагали бы всю армию, увеличивая число дезертиров, тылов и т. д., т.-е., говоря другими словами, являлись бы тяжелой гирей на ногах этой брошенной для победы армии.

Без сомнения, все военнообязанные государства должны быть использованы для войны, но с подразделением при подготовке: «для действующей армии» и «для вспомогательной службы».

Военнообязанные государства подразделяются на годных к военной службе и непригодных к ней.

Первая категория военнообязанных должна пополнить: а) действующую армию; б) войска и учреждения тыловой службы; в) вспомогательную службу (различные специалисты, письмоводители и т. д.).

Назначенные для службы в действующей армии получают подготовку в постоянных войсках, зачисляемые в тыловую службу в этапных войсках и предназначенные для вспомогательной службы проходят короткое военное обучение без оружия.

Непригодные к военной службе военнообязанные уплачивают или денежный налог, или, по своей бедности, освобождаются от такового.

Таким разделением военнообязанных в государстве Конрад намерен был создать боеспособную массовую армию.

Это стремление к «качеству» войск, особенно пехоты, родного для Конрада рода войск, привело его к признанию необходимости надлежащей *подготовки войск к войне*, чему посвящен не один из перечисленных нами выше трудов Конрада. По понятным причинам мы остановимся лишь на общих положениях, выдвигаемых Конрадом.

Указывая в своей «Боевой подготовке пехоты» на то, что успех на войне зависит от различных причин, Конрад из них в первую линию выдвигает вооружение современным оружием и уменье им владеть, а затем тактическую подготовку войск, соответствующую современной боевой обстановке.

Доказывая необходимость хорошей боевой подготовки войск в мирное время, Конрад считает это делом чести всех начальников, которые должны гордиться отлично подготовленной частью. «Бой есть первостепенное военное действие», учит Клаузевиц, и Конрад, следуя заветам старика, прежде всего требует *подготовки войск к бою*, как решительному акту войны. Эта подготовка характеризуется: выработкой в войсках уменья быстро

маневрировать в бою, использовать местность и складывающуюся обстановку, уменьем вести действительный огонь, ослаблять действие огня противника, постановкой его в невыгодное тактическое положение и, наконец, достижением результатов с меньшими потерями.

В современных условиях ведения боя Конрад считает *необходимой хорошую подготовку самостоятельного бойца и подготовку мелких тактических единиц*, — на что должно быть обращено особое внимание. Основанием для нее, как уже выше указано, должен служить бой с его современной физиономией, а отнюдь не увлечение плацпарадными хитростями. Свободная от формализма подготовка к бою, однако, должна преследовать внедрение в обучаемых известных форм боя, так как чувство опасности, связанное с боем, требует известной *автоматизации действий в бою*. По мнению Конрада, эта форма боя должна выливаться в следующее: начальник должен быстро уяснить каждое свое положение, принять соответствующее решение и затем со всей энергией проводить его в жизнь; когда цель достигнута, начальник снова оценивает положение и снова принимает решение, проводя его энергично в жизнь. Таким образом, бой распадается на ряд отдельных задач, решение которых должно следовать быстро и безостановочно, что требует не только уменья, но энергии и характера двигать вперед войска, обычно теряющие боеспособность, и ведет к искусству ведения боя.

Только при такой системе ведения боя, свободной от формализма, пехота, по мнению Конрада, может выиграть бой, развивающийся на местности, которая отнюдь не является плацом для учений. Современная пехота *ведет* бой, а не производит в нем уставные эволюции.

Как чрезвычайно важный фактор современной войны, Конрад отмечает ту *способность армии к большим напряжениям*, которая может потребоваться на войне и к каковой войска обязаны быть подготовленными. Однако, Конрад, верный заветам Мольтке, ставит непременным условием знание командным составом пределов тех требований, которые могут быть предъявлены войскам в их боевой работе. Нельзя перенапрягать сил людей, а поэтому ставя задачу в подготовке войск, нужно отдать себе ясный отчет, выполнима ли она, затем во время выполнения войсками задачи следить за проявленным напряжением. Если войска после перенесенных трудов бодры и веселы, следовательно, предел не был перейден. Подготовка войск к напряженной работе имеет большое воспитательное значение, так как укрепляет волю, способность к самопожертвованию — одним словом, делает войска боеспособными. Переносящие во время мирной подготовки большое напряжение войска дают уверенность, что и на войне они окажутся на должной высоте.

Таковы основные взгляды Конрада на боевую подготовку войск.

Что же касается *метода внедрения военных знаний в армию*, то начальник австрийского генерального штаба отдавал все преимущества *прикладному* методу, широко его популяризируя во время своей долголетней деятельности на командных постах. Уже в молодые годы, увлеченный работами Верди-дю-Вернуа в этой области, Конрад внес прикладной метод в свою преподавательскую деятельность в стенах Военной академии, составил сборник задач по тактике и в дальнейшей своей службе, особенно в должности начальника генерального штаба, широко им пользовался при военных играх, полевых поездках и других занятиях с командным составом.

Изложенное нами выше о военных взглядах Конрада отнюдь не является исчерпывающим, и мы познакомимся в дальнейшем детальнее с этим полководцем наших дней.

Считаем необходимым пока остановиться на том обвинении, которое бросается известным уже Крауссом начальнику генерального штаба. Этот начальник Военной академии признает в Конраде лишь *специалиста по*

тактике, который хорошо изучил только эту сторону военного дела, а в стратегическом мышлении, если не был слаб, то, во всяком случае, не увлекался им и расценивал таковое с тактической точки зрения. Заниматься оперативной подготовкой армии Конрад не любил, да и не имел времени. Краусс говорит, что во время посещения Военной академии Конрад вяло слушал и разбирал вопросы оперативного характера, но как только дело касалось батальона или роты, начальник генерального штаба весь преображался, оживлялся, сам принимался руководить занятиями — одним словом, был в своей сфере.

Нет сомнения, что *тактика мелких единиц*, которой долгое время занимался Конрад как в преподавательской, так и в практической деятельности, была его коньком, но что область стратегии была также доступна ему в неменьшей мере, чем тактика, это свидетельствуют Людендорф, Бауэр, Крамон и другие его современники. Мы не видим особых промахов со стороны Конрада в его любви к тактике, так как в последней он проводил новые для его времени идеи. Если стать на точку зрения Краусса, то высшие начальники должны витать только в облаках стратегии. Не будем доказывать, что подобные полеты зачастую приводят к строительству воздушных замков, к выработке чистых теоретиков — это известно и без нас. Знать стратегию нужно, но и без тактики обойтись нельзя, да к тому же ныне тактика и стратегия так переплетаются в военном деле, что вносить какую-либо грань в их разделение по существу дела вредно. Увлечение выработкой в себе одного стратегического мышления, признание его главенствующим в голове старшего начальника наложило бы запрет на участие последнего в выработке новых тактических приемов и, следуя за Крауссом, мы должны бы это предоставить среднему комсоставу. Что это не так, показывает переживаемая нами действительность, когда «новой» ротой были заняты умы не одних комвзводов, комбатов и комполков, а и высших начальников. Так ныне это протекало во всех армиях. Правда, некоторые из современников считают это «унтер-офицерским» делом, но мы расцениваем его выше и относим к обязанностям любого из старших начальников. В этих видах упрек Краусса Конраду нами считается несправедливым, как и его уверение в ложном пристрастии Конрада в горной войне к высотам, в ущерб долинам, об'ясняемом Крауссом тем, что Конрад долго служил на итальянской (горной) границе и частенько, в качестве туриста, посещал горы. Без сомнения, известный уклад жизни сказывается и на путях, по которым идет мышление, но не в такой мере это было у Конрада.

Нужно сказать, что вопрос о «чистых тактиках» в подготовке командного состава армии является в наши дни злободневным. Как известно, командующий 2-й германской армией в Марнской операции Бюлов являлся ярким представителем «тактика-командира». Получив широкую известность в мирное время своей блестящей подготовкой корпуса на Ютеборгском плацу к «чисто тактическим» действиям, Бюлов был окружен ореолом будущего полководца, считаясь в германской армии серьезным кандидатом на пост начальника генерального штаба. Сначала тактика, потом стратегия — были его кредо, и он не мог понять, что тактика должна быть на службе у стратегии. Действительность современной войны жестоко покарала за такое умаление оперативного мышления не только самого Бюлова, но и всю германскую армию в сражении на Марне. Бюлов проявил себя хорошим тактиком и плохим руководителем операции. С его именем связана первая неудача германской армии, и немецкая литература осуждает этого отличного корпусного командира мирного времени.

Выше мы отметили, что в современной войне нет грани между тактикой и стратегией и что ныне между ними вводится *оперативное искусство*,

окончательно стирающее какие-либо границы. В современной операции тесно переплетаются между собой стратегия и тактика.

Исходя из сказанного, мы приходим к выводу, что *современный командир должен быть подготовлен хорошо как тактически, так и оперативно.* Это минимальное, что нужно требовать от него. А. Свечин в своей «Стратегии» приходит к выводу: «как ни важны тактические требования, предъявляемые к высшему командованию, мы предостерегаем от увлечения тактическими специалистами на высоких постах, так как основная деятельность высшего командования имеет совершенно отличный характер». С этим положением, конечно, нужно согласиться, ибо, чем выше начальник, тем более он должен быть погружен в тайны этой военной дисциплины. Нам всем известен современный принцип «демократизации стратегии». «Солдат становится полководцем — говорит нам Людендорф. — Для достижения дружной работы огромных масс на тянущихся сотни верст фронтах необходима серьезная стратегическая подготовка частных начальников... Командирам корпусов в обстановке маневренной войны сплошь и рядом приходится принимать ответственные решения, дающие операции тот или иной стратегический уклон...»

...«Необходимость усилий по поднятию уровня стратегического мышления комсостава всюду является признанной... Стратегия не должна являться латынью, делящей армию на посвященных и непосвященных». К таким справедливым выводам приходит А. Свечин в своей «Стратегии».

Если стратегия, как учение о войне в целом, должна быть обязательно осознана высшим начальником, то стратегию театра военных действий — *оперативную* деятельность войск, должны знать и понимать все командиры. Это должно ныне считаться основным требованием для командного состава.

На этом мы обрываем знакомство с Конрадом «в военном мундире», а познакомимся с ним, как с *политическим деятелем*, при чем снова предупреждаем, что не будем вдаваться в детали, а лишь установим вехи.

Бывший начальник австрийского генерального штаба не раз признается нам, что политической подготовки он не получил, и его взгляды на политику вырабатывались чтением главным образом исторической литературы, знакомством с историей национальностей монархии, знакомством на практике с жизнью этих национальностей в различных уголках государства, куда забрасывала служба Конрада, и, наконец, общением с политическими деятелями Дунайской империи.

Нужно учесть, что все это было, конечно, «легально», как и подобает для чиновника Австрии, а потому иная политическая литература и общение с иными политическими партиями, нежели с теми, кои были признаны государственной властью, для Конрада были недоступны. Да он и не стремился к изучению, считая их «опасными» для жизни государства.

Выйдя из господствовавшего буржуазного класса, Конрад всецело жил его интересами и всемерно отстаивал их в своей жизни и деятельности.

В своих суждениях о политике государства Конрад главным образом исходил из общегосударственных интересов, конечно, в том понятии, которое складывалось у него, хотя он и не раз заявляет нам, что был чужд политики, что со вступлением в должность он с неохотой должен был погрузиться в нее, что в глубине своей души он оставался «солдатом», т.-е. аполитичным. Однако, бывший начальник генерального штаба живо интересовался политическими вопросами, внося в обсуждение элемент страстности и вызывая нарекания за это, вплоть до потери места начальника генерального штаба и до просьбы не оказывать влияния на слабовольного министра иностранных дел Берхтольда. Политика широко захватывала Конрада.

Конечно, в своих политических взглядах он далек был от того, чтобы признать экономику «первичным» не только во внутренних отношениях граждан, но и во внешней политике, но и нельзя отрицать, что экономические интересы им не учитывались.

Конрад справедливо отмечает, что нельзя отчетливо говорить о внешней политике государства, не учитывая внутренней.

В последней начальник австрийского генерального штаба был прежде всего типичным и убежденным «носителем» идеи монархии Габсбургов, как целого и неделимого организма. В лоскутной монархии, по мнению Конрада, все лоскуты должны вдохновляться прежде и превыше всего идеей «государства», ставя на второй план свои национальные интересы. В понятии «государства», как в фокусе, должны были сосредоточиться все стремления сынов Дунайской империи. Все центробежные стремления отдельных национальностей, всякие шаги социал-демократии — все это должно было быть урезано, как вредное для единства государства. Идеалом для Австро-Венгрии должны были послужить Германия и Северо-Американские Соединенные Штаты, в которых различные народности уживались друг с другом, считая себя прежде всего «немцем» или «американцем».

В своем стремлении создать из Габсбургов «короля-солнце» Конрад шел даже дальше самих Габсбургов. Предлагая остановиться на твердом и решительном управлении конституционным государством, Конрад выдвигал диктатуру, видя в ней чуть ли не единственный путь для спасения монархии. Даже для Франца-Иосифа, застывшего после 1867 года в рамках конституционного дуализма, такие мысли начальника генерального штаба казались чересчур смелыми и ошибочными. Одним словом, Конрад являлся представителем крайне правых течений во внутренней политике на берегах Дуная. Нечего, конечно, говорить, что это учитывалось различными национальностями монархии и, например, венгры платили монетой злобы и недоверия представителю генерального штаба.

Мы боимся, что наше категорическое выявление ультра-централистских взглядов Конрада на государство может привести к выводу об отрицании им какой-либо автономии для различных национальностей, входивших в состав монархии. Спешим оговориться, что понятие об автономном управлении отнюдь не чуждо начальнику генерального штаба, но только в таких размерах, чтобы от этого не было ущерба для цельности и единства империи Габсбургов. Короче говоря, автономия признавалась Конрадом, но, скорее, как неизбежное зло, нежели определенная политическая линия.

Должны отметить, что какого-либо второжения извне во внутренние дела монархии Конрад, конечно, не признавал, до болезненности отстаивая самостоятельность государственной жизни Австро-Венгрии.

Более подробно о взглядах Конрада на внешнюю политику мы поговорим ниже, а теперь позволим себе набросать лишь концепцию их, дать итоги, как они мыслились самому начальнику генерального штаба.

После выхода Австрии в 1866 году из Германского союза, по мнению Конрада, ее «исторической» задачей являлось об'единение западных и южных славян, приобщение их к европейской культуре. Под эгидой Габсбургов потомки монголо-татар — славяне, должны были воспринять высокую культуру, для чего необходимо погасить их ненависть к немцам и мадьярам, дабы возможно было образование сильного государственного об'единения. Таким образом, культурное и экономическое развитие Австро-Венгрии требовало открытия путей на Балканы и могло только закончиться в Малой Азии.

Вот мышление Конрада в области внешней политики, и если мы вспомним изложенное нами в главе I о развитии этой политики в Австро-Венгрии к началу XX века, то, не делая ошибки, сможем зачислить начальника генерального штаба в стан «империалистов» дуалистической монархии.

Конечно, одной Австро-Венгрии такие задачи были не по плечу, нужна была поддержка, и таковая прежде всего мыслилась Конраду в лице Германии, союз с которой он считал альфой и омегой не только для себя, но и для министерства иностранных дел. От этого союза, по его мнению, выиграли обе стороны, и прочность его ничем и никогда не могла быть поколеблена.

Другое дело Италия. Чуть ли не от рождения воспылав ненавистью к этому вековому врагу Габсбургов, Конрад все время подогревал ее и готов был стереть с лица земли это государство. Конечно, Конрад отдавал себе отчет, что Италия стояла на пути расширению Австрии на Балканах, но к этому примешивались еще личные отношения. Долго служа на итальянской границе, начальник генерального штаба близко столкнулся с так называемой итальянской ирредентой, которая и оставила глубокий след в Конраде. Мы уже выше отмечали, что сам по себе он был натурой, в которой ум не уравновешивал страсти, что он мог или любить, или ненавидеть. Вот это и сказалось ярче всего на отношениях к Италии. Раз зачисленная в списки врагов (нужно отметить, не без основания), Италия никогда уже не могла заслужить доверия начальника генерального штаба, и разгром итальянской армии был его заветной мечтой.

Другой союзник — Румыния, пользовался большими его симпатиями, так как он нужен был в войне с Россией, и на союзе с Румынией Конрад настаивал до тех пор, пока сама Румыния не склонилась на сторону Антанты.

Нечего говорить, что на путях к разрешению «исторической» задачи Австро-Венгрии стояла прежде всего Россия, которая также числилась в списке врагов и не только одной Австрии, но и Германии. Рано или поздно, но с Россией предстояло помериться оружием, и Конрад не верил поэтому ни в какие иные победы над ней, как только кровью.

Столкновение с Россией, с одной стороны, а с другой, — возможность военного конфликта Германии с Францией, при котором Австрия обязана была выступить на стороне своего союзника, и определяли всю европейскую политику Австро-Венгрии.

С этой точки зрения Конрадом расценивается как политика других европейских государств, так определяются линии для внешней политики Австрии.

Хотя начальнику генерального штаба и не по душе было разбираться в вопросах внешней политики, однако, он пристально следил за ними во всех государствах не только Европы, но и Азии, поскольку они имели то или иное отношение к общим направляющим линиям внешних сношений Австро-Венгрии.

Мы обещали не углубляться в настоящей главе в этот вопрос, а потому обрываем его и переходим к иным сторонам личности Конрада.

Должность начальника генерального штаба приводила его *в общение с многими людьми* как Дунайской империи, так и за ее пределами.

Подчиненный непосредственно высшей государственной власти в лице Франца-Иосифа, Конрад в сношениях с ним выявлял всегда верноподданические чувства, которые не были напускными, а вытекали из убеждений Конрада в достоинствах и правах монархического принципа, как формы правления. Всегда корректный, дисциплинированный и строго соблюдающий весь сложный этикет венского двора, начальник генерального штаба, однако, не стеснялся выражать открыто свои мнения, хотя бы они и были не по вкусу Габсбургу. Конрад сам рассказывает, как порой, при чтении его докладов, бесстрастное лицо Франца-Иосифа кривилось от гнева, в нем было видно сильное возбуждение, но старый император умел владеть собой, привыкнув часто выслушивать горькую правду, и доклады кончались без особых инцидентов. Даже последний доклад Конрада перед увольнением его в 1911 году от должности из-за разногласий с министром иностранных

дел, прошедший под знаком «немилости», как выражается Конрад, и тот не оставил особого следа в отношеннях этих двух людей. Для нас неважно высокое благоволение Франца-Иосифа к Конраду, но мы считаем своим долгом отметить самостоятельность последнего, по природе царедворца, в условиях средневекового этикета мрачного венского двора. Немногие из современных Конраду государственных мужей обладали таким гражданским мужеством.

Последнее находило у начальника штаба гораздо больше испытаний в общении с наследником Францем-Фердинандом, характеристика которого нами дана выше. Облеченный властью армейского инспектора, а в случае войны — вероятный главнокомандующий, Франц-Фердинанд считал своей обязанностью входить во все детали подготовки страны к обороне.

Ценя вначале Конрада, как выдающегося военного, способствуя назначению его начальником генерального штаба, Франц-Фердинанд скоро начал отходить от своего будущего начальника штаба на войне. Два резких инцидента между Францем-Фердинандом и Конрадом, в одном из которых последний был заподозрен в непочтительности к высокой особе наследника и в отсутствии надлежащей для католиков богомольности, а во втором в стремлении затушевать перед Вильгельмом персону наследника, еще более способствовали охлаждению этих двух людей.

Самостоятельному Конраду приходилось лавировать между двумя «самостоятельными» правителями народов Дунайской империи и, конечно, такое плавание не всегда было без штормов и почти близилось к аварии. Нет сомнения, что со смертью Франца-Иосифа Конрад безусловно потерпел бы кораблекрушение, что действительно и произошло в 1917 году с приходом к власти Карла.

Выдержанный в придворном этикете, Конрад сносил обиды повелителя, но не сходил со своей дороги и порой упорно проводил перед Францем-Иосифом свои предложения, касающиеся даже деятельности самого наследника.

По обычаю, не одного венского двора, за этими двумя высокими фигурами стояли их начальники личных канцелярий, оказывавшие большое влияние на проходившие через них дела. Сии обычаи были свойственны и Петербургу.

Волей-неволей поддерживая с этими посредниками хорошие отношения, используя их для предварительной ориентировки не только в направлении тех или иных дел, но, пожалуй, даже в разведке того или иного настроения у высоких Габсбургов, Конрад, однако, сознавал весь вред подобных институтов и откровенно об этом докладывал Францу-Иосифу. Ему же Конрадом лично представлялись наиболее важные доклады по плану войны, а Франц-Фердинанд получил категорический отказ от начальника генерального штаба на просьбу посвятить в план войны начальника личной канцелярии наследника. Конрад был непреклонен.

Далее чаще всего начальнику генерального штаба приходилось сталкиваться с общеимперским военным министром, министром иностранных дел и затем с другими министрами государственной машины Австро-Венгрии. В общении с этими людьми, ставившими порой Конрада на роль простого военного консультанта, начальник генерального штаба и вел тот непрерывный бой, о котором мы упоминали выше. Настойчивый в своих требованиях, стремившийся во что бы то ни стало провести свои взгляды на те или иные вопросы, Конрад не стеснялся вступать не только в жестокий словесный турнир, по свидетельству Краусса, но даже не виделся с военным министром, которому до некоторой степени также был подчинен. Здесь фигура Конрада вырисовывалась во весь рост — «самостоятельность» — был лозунг для этого «полубога» с берегов Дуная, предпочитавшего пасть

в борьбе, но не сделать уступки своим врагам. Нет сомнения в том, что как бы ни были справедливы требования начальника генерального штаба, такие отношения с равными ему, но власть имущими лицами, создавали еще большие трения в военной машине, за рулем которой стоял Конрад.

Неответственный перед представительными учреждениям государства, начальник генерального штаба входил в общение с *политическими деятелями* страны постольку, поскольку последние считали нужным по службе или из дружеских отношений обращаться к Конраду. Конечно, при таких условиях начальник генерального штаба погружался в недра политики в направлениях, соответствовавшим его личным взглядам, был далек от иных партий и группировок, считая их враждебными цельности монархии и, будучи страстной натурой, зачислял их в сонм врагов.

Поддерживание военных и политических связей Конрадом не ограничивалось пределами одной Австро-Венгрии, но выходило и за них. Прежде всего необходимо отметить частое личное общение и переписку с начальником германского генерального штаба, свидания с начальниками итальянского и румынского генеральных штабов. Наконец, личное общение с Вильгельмом, румынским Карлом, канцлером Бюловым и другими политическими фигурами Германии, а также Румынии вводило Конрада в широкий круг творцов политики Европы начала XX столетия. Со всеми из указанных лиц начальник австрийского генерального штаба был прямолинеен в своих политических и военных предложениях и пользовался среди них известным авторитетом, расцениваемый в то же время, как представитель военной партии Дунайской империи.

Выше нами отмечались отрицательные качества Конрада, а именно: его неумение выбирать людей и образование вокруг себя интимного кружка. Сам Конрад открывает нам, что в отношениях с подчиненными он предоставлял полную свободу в работе, поощрял каждое проявление инициативы и требовал от своих помощников тщательной, детальной и энергичной работы. Позднейшее наше знакомство с его ближайшими помощниками до некоторой степени подтвердит эти доводы начальника генерального штаба, хотя незнание людей было и оставалось его коренным недостатком.

Нами также было приведено распределение служебного дня Конрада и его мысли по поводу ухода с поста начальника генерального штаба, которые говорят о том, что его личная жизнь отличалась замкнутостью, посещением родных и небольшого круга знакомых. Для веселой Вены того времени такой образ жизни начальника генерального штаба мог считаться аскетическим, тем более, что ему отнюдь не следовали хотя бы министр иностранных дел и иные представители военной и гражданской машины управления, не говоря уже о рядовых работниках того же генерального штаба. С одной стороны, такой аскетизм Конрада нужно об'яснить его характером, а с другой, — в достаточно большей мере, конечно, самой службой, усложняемой к тому же бюрократизмом, свойственным империи Габсбургов. Этим мы и ограничим вторжение в личную жизнь начальника генерального штаба, пусть она останется его частным делом.

Наша попытка обрисовать образ Конрада оказалась многоречивой и может быть даже излишне подробной. Мы сожалеем об этом, но не считаем возможным прервать хотя бы поверхностное знакомство с этой личностью, не сделав вывода, что же представляет собою этот человек.

ГЛАВА V

ТЕНИ ПРОШЛОГО

Трудность оценки Конрада.—Обращение к классикам и истории.—Шлиффен о полководце. — «Открытие начальника штаба». — Причины «пессимизма» Шлиффена. — Энгельс о гениальных полководцах.—«Коллективный» полководец.—Начальник генерального штаба — скрытый главнокомандующий. — Наполеон о полководце. — «Равновесие ума и характера».—Смелость.—Моральная храбрость.—Работоспособность полководца.—Мысли Клаузевица о полководце.—«Сплав духа с умом».—Место главнокомандующего в правительстве. — Мольтке о полководце и начальнике штаба. — «Полная свобода» полководца, «ответственность» его «перед богом и своею совестью».—Армия—фокус всей жизни государства.—«Полководец» Франции в понятии 70 годов XIX столетия. — «Полководец» по Шлиффену. — Бернгарди о полководце.—Школа Леваля.—Русские взгляды на полководца.—Гинденбург и Людендорф в рассуждениях о самих себе.

Познакомившись в предыдущей главе с начальником австро-венгерского генерального штаба Конрадом и распростившись с ним, мы начинаем разбираться в полученных впечатлениях, которыми и намерены поделиться, злоупотребив терпением перелистывающего эти страницы.

Сделать оценку соответствия Конрада посту начальника генерального—штаба очень трудно. Мы отказываемся взять эту смелость на себя и позволим перебрать в своей памяти то, что говорят классики о людях, которые занимали или должны занимать столь высокие посты. Конечно, перебирать всех классиков по затронутому вопросу мы не собираемся—это заняло бы много места, да и отвлекло бы в сторону.

Наше намерение простирается не дальше того, чтобы наметить отправные данные для суждения о такой крупной личности, как начальник генерального штаба. Мы берем заранее извинение, что напомним несколько истин, которые и без нас отлично известны читателю.

В своей статье «Полководец» Шлиффен говорит, что «Война является лишь средством политики. Чтобы это средство оказалось действительным, нужна подготовительная работа государственного человека... Следовательно, полководец должен быть и выдающимся государственным человеком, и дипломатом. Кроме того, он должен иметь в распоряжении те огромные суммы, которые поглощает война».

«Удовлетворить всем этим требованиям может только монарх, который располагает совокупностью всех средств государства. Следовательно,—приходит к выводу Шлиффен, — полководец должен быть монархом».

Однако, наступил кризис в наличии полководцев-монархов, и он остро сказался тогда, «когда на троне наследственной монархии оказались лица, не считавшие себя способными или призванными стать во главе войска и все же хотевшие или долженствовавшие вести войну. Они оказались вынужденными доверить одному из генералов выгоднейшую прерогативу монарха. Обойтись без затруднений было нелегко. Генерал должен побеждать. Но если он побеждал слишком часто и выявлялся полководцем,

то достоинство монарха оказывалось в опасности... Угроза этого соперничества уже однажды вложила в руки Саула копье, чтобы пригвоздить конкурента к стене».

Выход наметился в 1813 году, когда при одном из командующих союзных армий, действовавших против Наполеона, оказался дельный *начальник штаба*. «Этот полководческий дуумвират добился самостоятельности, увлек за собой вождей остальных армий и сделал возможным поражение непобедимого, но уже стареющего мирового завоевателя».

«Открытие роли начальника штаба,—по мнению Шлиффена,—привело к восстановлению положения: «король является предводителем на войне». Монарх больше не выступает в поход зрителем, являющимся помехой для генерала, назначенного главнокомандующим, а сам берет на себя роль полководца, но *имеет при себе начальника штаба*, который ему докладывает обстановку и вызываемые ею требования». Говоря о разрешении полководческой проблемы в Пруссии, Шлиффен указывает: «в 1866 году король сам возглавляет созданную им же его собственную армию. При нем находятся политик и начальник генерального штаба. Ни один из этой тройки не соединяет в себе всех данных, требующихся для полководца: но каждый обладает в большем или меньшем количестве теми качествами, которые создают полководца, и имеет возможность дополнять остальных двух».

Так Шлиффен рисует нам зарождение начальника штаба, как одной из составных частиц общего целого, именуемого *полководцем*. На сцену мировой истории выдвигается принцип расчленения полководца, система *триумвирата*, которая в наши дни переходит в систему *коллективного* управления.

Выше нами была брошена фраза, что начальника генерального штаба в мирное время необходимо рассматривать, как будущего главнокомандующего. Считаем себя обязанным это пояснить.

Редакция к «Стратегии в трудах военных классиков», в которой помещена цитированная нами выше статья Шлиффена, предлагает: «уметь читать между строк и понимать, что Шлиффен насмехается над фатализмом, видит бессилие монархов справиться с лежащими на них задачами, боится за тот замещающий полководца комитет из Вильгельма II с его слабым политическим советником и Мольтке-младшим, которому придется осуществлять составленный ими план войны. Значение личности не исчезает в полководческом коллективе,—хотя один из его членов должен быть отмечен печатью гения. Шлиффен его не видит ни у кого из своих заместителей—и глубокий пессимизм проникает всю статью».

Последовав советам редакции, мы углубились в чтение между строк, которое нам кое-что подсказало. Статья «Полководец» написана Шлиффеном уже в отставке, в которую он ушел не по своей воле, и ясно, что известную долю пессимизма сего автора нужно отнести к горечи оставшегося не у дел вельможи. Выше этого он и не поднялся, выискивая причины появления триумвирата, которые заключались главным образом в опасении Вильгельма II, как бы, читая между строк, гений Шлиффена не составил ему конкуренции и не заставил подражать Саулу. Мы охотно признаем опасения Шлиффена быть пронзенным библейским копьем, но все же причины расчленения полководца видим не в этом, а в самой сущности войны, которая есть не что иное, как общественно историческое явление, задевающее все стороны жизни.

При современных условиях полководец, сколько ни стой «перед алтарем Ваала», посвящаясь в полководцы; или не похищай «священного огня», подобно Наполеону, «сыну революции, который, как второй Про-

метей, сам похитил огонь с неба», как пишет об этом Шлиффен, все же *полководцем* в старом его понимании с единоначалием, как необходимым атрибутом, не сделается.

В этих видах мы бы не рекомендовали каждому честному гражданину становиться на пути, рекомендуемые Шлиффеном. Говоря о том, что: «вооружение, состав, организация, тактика и стратегия прежде всего зависят от достигнутой в данный момент ступени развития производства и от путей сообщения»,—Энгельс приходит к убеждению, что «не свободное творчество разума» гениальных полководцев действовало в этом направлении преобразующим образом, но изобретение улучшенного оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев, самое большее, ограничивается тем, что приспособляет ведение борьбы к новому оружию и новым борцам». Вот чем определяется влияние отдельной личности, полководца, в чисто военном деле, не говоря уже о том, что война не охватывается одной стратегией или тактикой.

С развитием экономической жизни страны такое разложение личности полководца, превращение ее в коллектив, должно было наступить неизбежно. Оно пришло с первых же лет мировой войны, когда даже триумвират оказался несостоятельным, а не только какой-либо похититель полководческого огня. Подобные личности пытались занять всецело своей персоной место «современного полководца», как, например, Людендорф, и были сброшены оттуда ничем иным, как той же экономической силой.

Таким образом, мы не намерены трактовать главнокомандующего, как полководца библейских времен, а понимаем его в современных условиях, как одного из членов коллектива, руководящего войной.

Считаем ясным без доказательств, что этот коллектив создается отнюдь не для ширмы, скрывающей гений главнокомандующего, а для действительного руководства войной, и как бы ни иронизировал Шлиффен над современным ему комитетом, таковой был естественной необходимостью. Раз это так, то думается, что гениальность может быть присуща каждому из членов коллектива, а не одному только его военному представителю. Если признать, что гений вошел в Мольтке-старшего, то по справедливости должны указать, что и Бисмарк оказался замешанным в похищении с неба огня, только не военного, а дипломатического, вследствие чего и оказался в состоянии померяться силами с таким «полубогом» как начальник германского генерального штаба.

В триумвирате, который перед войной был признан законной формой управления, по установившемся понятию, все же роль полководца, главнокомандующего, должна была составлять принадлежность монарха или того лица, преимущественно из представителей династии, на которое будет возложено командование вооруженными силами во время войны. Таким образом, на время последней начальник генерального штаба являлся снова ничем иным, как начальником штаба, но не главнокомандующим, и только во Франции и Италии он становился им фактически. Однако, при главнокомандующем-императоре, одновременно представлявшем собою и высшую гражданскую власть, роль начальника штаба значительно менялась, переходя от преподания советов к фактическому руководству операциями. В мирное же время, когда гражданская жизнь еще более отвлекала будущего верховного главнокомандующего от военных дел, единственным фактическим ответчиком за последние являлся начальник генерального штаба, как должностное лицо, ведающее и отвечающее за подготовку страны к обороне.

Будучи, таким образом, вторым главнокомандующим, а во Франции и фактическим на время войны, начальник генерального штаба должен

был обладать всеми качествами, необходимыми для полководца, так как работа в условиях подготовки войны требует тех же умственных и моральных сил, как и во время ведения боевых операций. На этом основании мы сравнили начальника генерального штаба с будущим главнокомандующим и, рассматривая последнего с теоретической стороны, будем относить изложенное в равной мере и к начальнику генерального штаба.

Есть в наше время военные исследователи, кои начинают свою работу с древнейших времен военной истории и доходят до «рациональной» стратегии. Мы боимся последовать их примеру, ибо «к сожалению, писатели очень склонны ссылаться на события древних времен», говорит Клаузевиц. «Оставим в стороне вопрос, какую роль играет тут тщеславие и шарлатанство; с своей же стороны, не видим в большинстве честного желания убедить и поучить, а потому считаем все подобные намеки не более, как узорчатыми заплатами, наложенными на вопиющие прорехи», поучает философ войны. Поэтому, оставив в покое Ганнибалов, Александров Македонских и других прославленных полководцев древности, обратимся к сему сорту людей ближайших нам времен.

Начнем с «сына революции» — Наполеона, который был обвинен Шлиффеном в таком преступлении, как в похищении «священного огня». Приводить все мысли маленького капрала о полководце мы отнюдь не собираемся, ибо отвлеклись бы слишком в сторону, а потому ограничиваемся лишь основными.

Несмотря на столь удачно совершенное, по мнению Шлиффена, посвящение в полководцы, Наполеон, однако, не сознавался и говорил: «Война — дело серьезное, в котором можно умалить свою репутацию и значение своей страны. Если быть рассудительным, то надо сознать и уяснить: создан ли я для войны или нет». Очень хороший совет не только для генералов наполеоновской эпохи, но и для наших дней.

Похитив огонь, Наполеон не думал отрицать значение «гения» в полководческом искусстве, но на одинаковую ступень ставил и опытность.

Дорога в полководцы, по мнению Наполеона, открыта не для одних только гениев, но и для людей, которые подзаймутся военной историей и из нее познают сущность войны. «Познание высшей стороны войны приобретается только опытом и изучением истории войн, веденных великими полководцами», учит маленький капрал. Однако, история дает лишь отправные данные для познания войны, а отнюдь не готовые рецепты. «В книгах пишут, что Фридрих или Наполеон смолоду изучали походы Цезаря и Евгения и тем подготовили себя к своему великому призванию полководца. С точки зрения науки, — говорит Шлихтинг в своем труде «Основы современной тактики и стратегии»,—подобная басня не выдерживает никакой критики. Великие деяния этих военных людей, конечно, могли воспламенить воинственно настроенную фантазию таких читателей, но едва ли они послужили пригодными основаниями для их собственных подвигов».

Так или иначе, но известный массаж для ума Наполеон безусловно признавал необходимым, а такие области военного дела, как «тактика, перестроения, инженерные и артиллерийские науки», предложил изучать по учебникам, «как изучается геометрия», т.-е наука точная. В полководце основным свойством им считалось *равновесие ума и характера*. «Первое качество, возвышающее генерала над посредственностью, есть *равновесие ума и характера, или мужества*. Что же касается характера и ума, то они должны представлять собою *квадрат*. Если преобладает в нем мужество, то он во исполнение своих соображений ошибочно пойдет

далее своих намерений; и, наоборот, ему не достанет предприимчивости и смелости для проведения планов своих действий, когда ум его господствует над характером или мужеством». В другом месте Наполеон указывает: «первое качество главнокомандующего — обладать холодным рассудком, способным к восприятию правильных впечатлений, неспособным никогда разгорячаться или помрачаться, подвергаться опьянению от хороших или дурных вестей».

К тому, что мы уже высказали о равновесии ума и характера, добавим слова самого Наполеона: «Я убежден, что для того, чтобы быть хорошим генералом, надо не только иметь большой талант, но также большие знания. Глазомер и быстрота решения у великих полководцев доказывают только, что они необычайно близко освоились с необходимыми им знаниями».

Умственное развитие полководца, по мнению Наполеона, должно быть выше, чем обыкновенных боевых начальников. По этому поводу Наполеон пишет своему брату: «Ваше письмо слишком умно, чего не нужно на войне, где необходимы точность, сила характера и простота». Не будем забывать, что это относилось к генералу времен Наполеона, но в наши дни и для подчиненного начальника, кроме указанных качеств, на войне необходимо умственное развитие, ибо, по словам Людендорфа, ныне «солдат становится полководцем».

Необходимым качеством полководца Наполеон признавал *смелость* и указывал, что все войны, веденные великими полководцами, изобличают это в последних, но смелость полководца, конечно, иная, чем смелость рядового боевого начальника. «Храбрость у главнокомандующего, говорил он, различна от храбрости начальника дивизии и от храбрости капитана гренадерской роты». Для полководца Наполеон требовал такой храбрости, «которая в неожиданных случаях не стесняет свободы ума, соображений и намерений». Известно, какой личной храбростью отличался Мюрат. «Всю жизнь он провел в войнах, он герой, хотя и ограниченный человек», говорил про него Наполеон, и в письме к жене Мюрата отмечал: «Ваш супруг очень храбр на поле сражения, но слабее женщины или монаха, когда не видит неприятеля. У него нет совсем моральной храбрости». Наличие этой *моральной храбрости* и должно отличать истинного полководца.

Полагаем, что незачем напоминать о том, какой работоспособностью обладал сам Наполеон, как было занято его время почти одними служебными делами. В этом отношении маленький капрал оставил нам достойный подражания образец, заявляя: «Если кажется, что у меня на все имеется готовый ответ и ничто меня не захватывает врасплох, то это следствие того, что прежде, чем что бы то ни было предпринять, я долго обдумываю и предусматриваю все, что может произойти. Это не гений мне внезапно, по секрету, подсказывает, что я должен сказать в обстоятельствах, которые для других являются неожиданностью; нет, это есть результат моего образования и моих размышлений. Я всегда работаю».

Этим маленьким знакомством со взглядами полководца, бороздившего Европу по разным направлениям, мы позволим себе ограничиться, и обратимся теперь к его современнику, противнику по оружию, а затем философу войны—*Клаузевицу*.

Трудно в сжатом виде дать облик полководца в обрисовке его Клаузевицем, необходимо проникнуться взглядами этого человека вообще на деятельность военную, чтобы верно схватить его мысли о полководце, а потому мы не даем гарантии в безошибочном толковании положений философа войны.

«Для отличной деятельности на войне требуется снизу и до верху особого рода гений. Впрочем, история и потомство признают гениями только тех, которые блестели в первом ряду в звании полководцев», говорит Клаузевиц и об'ясняет это: «причина та, что требования от ума и духа тут действительно сразу сильно возрастают».

Таким образом, гениальность, по мнению Клаузевица, должна быть свойственна каждому военному, да и не только военному, так как «каждого особого рода человеческая деятельность требует особых свойств душевных и умственных, иначе она не может быть доведена до артизма (искусства). Где свойства эти высказываются в особой степени и заявляют о себе действиями необычайными, дух, их вызвавший, называется гением».

Под словом «гений» Клаузевиц подразумевает «очень высокую способность ума (духа), направленную к известному делу» и «для того, чтобы уразуметь суть его, необходимо включить и иметь в виду всю совокупность сил умственных и душевных, направленных к военной деятельности. Всю сумму их следует считать *сутью военного гения*. Мы сказали *всю совокупность*, всю сумму, потому что военный гений не вмещается в одном лишь проявлении души... Гений не есть просто высшая степень одностороннего таланта; он, напротив того, состоит из гармонического *сочетания различных сил*, из коих иная может первенствовать, но ни одна не должна стать поперек другим».

Указав на то, что «для высшего военного гения требуются большие умственные силы», что у него «уму, так сказать, приходится стоять под ружьем без срока и отдыха», что «война требует *выдающихся умственных способностей*», философ войны сейчас же отмечает: «война — это область опасности, а потому *отвага* будет первенствующим достоинством воина».

«В состав сложной атмосферы, в которой живет и вращается война, входят четыре начала, а именно: *опасность*, *телесное напряжение*, *неизвестность и случай*. Понятно, что требуется немало сил душевных и умственных для того, чтобы с успехом подвигаться в столь отягощающей стихии. Силы эти, смотря по видоизменениям обстоятельств, среди коих они проявляются на войне, именуются *энергией*, *твердостью*, *уверенностью*, *силой души* и *силой характера*».

Все эти качества, необходимые для всякого военного вообще, для полководца необходимы в особенности, так как «требования от ума и духа тут действительно сразу сильно возрастают».

«Для того, чтобы блестяще довести до желанного конца целую войну или хотя бы одну кампанию, необходимо глубоко вникнуть в высшие государственные соотношения. Война и политика сливаются тут вместе, и полководец становится мужем государственным» — к таким выводам приходит философ войны и утверждает: «что полководец делается государственным мужем, но все же должен оставаться и полководцем. Он, с одной стороны, обнимает все государственные соотношения и, с другой, — вполне сознает, чего именно может достигнуть доверенными ему средствами».

«Тут встречается чрезвычайное разнообразие всевозможных соотношений, приходится принимать в расчет многие неизвестные величины и мерять их только законом вероятности. Если полководец не способен схватить все это своим умом, то ему никак не сладить с путаницей всевозможных воззрений».

«От высших сил душевных требуется тут такая цельность, такая способность решать вопросы, которые обыкновенный ум с трудом только добывает на свет ценой изнуряющей работы. Но и эта высшая деятель-

ность ума, этот взгляд гения, не оставит следа на скрижалях истории, если не будет поддержан силой души и характера».

«Одно сознание истины бессильно, чтобы подтолкнуть на дело; от *знать* далеко до *хотеть*; почти также далеко, как от *знания* до *уменья*; можно сознавать положение и все-таки не решиться на дело; точно также можно знать, что надо действовать, и все-таки не уметь взяться за дело. На дело подталкивает чувство. *Самым надежным двигателем будет*, если так можно выразиться, *сплав духа с умом*, с которым мы познакомились выше под наименованием: решимости, твердости, устойчивости и силы характера».

«Если бы в заключение поставить вопрос,— говорит Клаузевиц,— какого рода ум более всего соответствует военному гению, то мы, опираясь на суть дела и опыт, ответим, что вверяли бы судьбу наших братьев и детей, честь и целость отечества скорее уму пытливому, чем творческому, скорее об'емлющему, нежели односторонне изучающему, наконец, предпочтем холодную голову горячей».

Очертив те умственные и душевные качества, которые требуются от полководца, Клаузевиц, однако, требует развития знания войны: «Всякое человеческое занятие требует предварительного запаса известных представлений; но эти представления в большинстве не врождены человеку, а приобретены им, составляя его знание».

«Представления будут неодинаковы, приноравливаясь к должности начальника; в низших ступенях они касаются предметов более мелких и ограниченных; на высших — более крупных и обширных. Бывают полководцы, которые не блистали бы во главе каваллерийского полка; бывает и обратно».

«Оставив даже в стороне трудности, которые побеждаются отвагой, утверждаем, что и работа умственная проста и легка только в низших ступенях; но трудность усиливается в высших, так что *умственная работа главнокомандующего принадлежит к самым трудным, какие когда-либо задавались человеческому разуму*».

Далее Клаузевиц определяет размер знаний для полководца. По его мнению, «полководцу нет надобности быть ни ученым, ни историком, ни публицистом, но ему должна быть знакома и верно им оценена высшая государственная жизнь, господствующее направление, затронутые интересы, насущные вопросы и действующие лица. Нет надобности, чтобы он был большим наблюдателем, способным разбирать человеческие характеры до мельчайшей тонкости; но он должен знать нрав, способ мышления, достоинства и недостатки тех, коим ему придется приказывать. Полководцу нет дела до устройства повозки, запряжки орудия; но он обязан верно оценить успех марша колонны войск при различных обстоятельствах. Все эти познания не могут быть добыты наспльственно, путем научных формул; они вырабатываются единственно созерцанием дел и верной оценкой наблюдаемого в жизни, когда на то хватает врожденного таланта».

«Итак, особое свойство знания, требуемого для высокой военной деятельности, заключается в том, что оно приобретается созерцанием, т.-е. *изучением и размышлением*, но только при условии особого рода таланта. Однако, знание приобретается не одним только созерцанием и изучением, но *и жизненным опытом*, путем того же таланта, душевного инстинкта, который из-под внешних жизненных явлений умеет добыть везде дух всякого дела, подобно тому, как пчела добывает мед из глубины цветочных лепестков».

«Итак, — заключает философ войны, — нет никакой надобности прибегать ко лжи, или убогому педантизму для того, чтобы спасти духовное

достоинство военной деятельности. Ограниченный человек никогда не был отличным полководцем, но случается весьма часто, что служившие с большим отличием на низших ступенях, на высших оказались ниже посредственности, потому именно, что не хватало им духовных способностей».

«Тот, кто должен управлять войной, обязан изучить только то, что касается войны. Последний вывод неизбежен, всякий же иной не заслуживает доверия», — говорит Клаузевиц и далее выясняет, что при анализе средств теория войны идет настолько далеко, насколько необходимо выяснить влияние этих средств при употреблении их в дело.

«Дальность боя и действие огнестрельного оружия весьма важны в смысле тактики; но устройство самого оружия вовсе ее не интересует, хотя эффект оружия и основан на его конструкции. Военачальник не занимается изготовлением средств; он не распоряжается серой, селитрой, углем и металлом для изготовления оружия и пороха; он получает все нужное в готовом виде; как само оружие, так и его действие, для него величины уже данные. Стратегия пользуется картами, не задаваясь тригонометрическими измерениями. Она не занимается вопросами, как должно быть устроено и управляемо государство; как должен быть воспитан народ для того, чтобы обеспечить военные его успехи. Теория берет государство с его учреждениями и отношениями такими, какие они есть на деле; она только указывает встречаемые важные особенности, которые могут оказать на войну заметное влияние».

Указав на упрощение таким путем области военных знаний, Клаузевиц продолжает: «Для подготовки армии, способной вступить в поле и успешно действовать на войне, требуется масса познаний и уменья; но все это действует еще до применения на войне, сливаясь в немногие крупные результаты точно также, как различные притоки в одну большую реку, доходящую до моря».

Упростив познание войны, философ ее убеждает нас, что «только этим способом можно понять, почему именно так часто оказывались на войне замечательными начальниками и даже полководцами люди, деятельность которых до того обращена была на совершенно иное. Это же выясняет, почему отличные полководцы никогда не выходили из рядов многоведающих, а тем менее из ученых офицеров; они, напротив того, в прежнем своем положении не отягощались излишним бременем знания. Потому справедливо издевались над теми смешными педантами, которые воспитание будущего полководца полагали необходимым, или хотя бы полезным, начинать с изучения всех мелочей».

Мы считали себя обязанными познакомить с этими суждениями Клаузевица, так как ниже приводимые нами теории других авторов будут несколько иные, да и современное представление о полководце несколько разнится от указанного Клаузевицем. Для главнокомандующего наших дней нельзя откидывать те знания, которые не включал в стратегию Клаузевиц как из общеизвестной жизни, так и из области техники. Философ войны стремился к тому, чтобы не перегружать мозг полководца знаниями, которые не имеют прямого касательства к войне. С этим можно согласиться и теперь, но раз, по его же словам, «война расплывается во все почти стороны, не находя себе определенных рубежей» и если полководец должен охватить «государственную жизнь», «господствующее направление», «затронутые интересы» и т. д., то в наши дни его знания должны также «расплываться во все стороны», но только «находить определенные себе рубежи», не погружаясь в мелочи, а особенно в педантизм учености. Полагаем, что в этом не расходимся с почтенным стариком, ибо он сам утверждает, что каждой исторической эпохе должно отвечать свое военное искусство, а историческая эпоха определяется нами ничем иным, как изве-

стной ступенью развития производительных сил. Без понимания этого развития и происходящих из него изменений в жизни общества вообще и в военном деле в частности полководец в наши дни отнюдь не может почитаться таковым и едва ли даже будет «блистать во главе кавалерийского полка».

Чтобы покончить со взглядами Клаузевица на роль полководца, мы должны остановить внимание на нижеследующем.

Говоря, что «военное искусство в высшей своей точке становится политикой, но политикой, заменяющей дипломатическую переписку кровавыми сражениями, — Клаузевиц указывает: Опираясь на изложенное, утверждаем, что было бы неосновательно и даже вредно такое подразделение, по коему крупное военное событие или план для него не могли бы подвергаться *чисто военному обсуждению*, точно также не имеет смысла (как это делают кабинеты) привлекать к обсуждению людей военных с тем, чтобы они дали свое *чисто военное* заключение. Но еще бессмысленнее то, если полководцу передадут имеющиеся боевые средства с тем, чтобы он, сообразуясь с ними, составил для войны или кампании план чисто военный. Да и постоянный опыт учит, что несмотря на большое разнообразие и развитие нынешнего дела войны, главные его направляющие всегда назначались *кабинетами*, т.-е. ведомством, технически говоря, *не военным, а только политическим*. Это вполне соответствовало природе дела».

Считая необходимым, «чтобы правящие политическими сношениями в известной мере понимали дело военное», Клаузевиц далек от того, «чтобы полагать, что лучшим государственным министром будет зарывшийся в бумагах военный или ученый инженер, или даже дельный в поле военный; а именно, в тех случаях, когда сам монарх не есть вместе с тем свой государственный министр. Точно также не полагаем, чтобы главным долгом монарха было знание военного дела. *Главное тут — крепкая светлая голова и сильный характер*, что же касается до понимания военного дела, то можно его пополнить так или иначе».

Одно из таких средств и рекомендуется Клаузевицем: «Там, где муж государственный не соединен с военным в одном лице, — остается одно хорошее средство, а именно: *сделать главнокомандующего членом кабинета* для того, чтобы он мог участвовать в главнейших его действиях; но это в свою очередь возможно тогда только, когда кабинет, т.-е. само правительство, находится близко поля действий для того, чтобы решать дела без заметной потери времени». Но Клаузевиц предостерегает: «Весьма опасно присутствие в кабинете другого какого-либо военного, вместо самого главнокомандующего. Редко поведет это к здравым, дельным мероприятиям».

На этом мы кончаем с личностью полководца, как она обрисована признанным полководцем — практиком Наполеоном, и его современником — философом войны Клаузевицем. Оба они трактуют определенную эпоху военного искусства, на закате которой их образ полководца уже начал, как мы видели выше, превращаться в дуумвират — полководца и его начальника штаба, а затем, с появлением на сцену истории Мольтке и Бисмарка, в триумвират, дошедший до наших дней.

С именем Мольтке-старшего у нас связано представление о переходе в управлении от *единоначалия к триумвирату*. Однако, если вдуматься в положения германского фельдмаршала, то окажется, что «коллективное» управление им признавалось лишь, как жестокая необходимость. Полководец, по мнению Мольтке, должен обладать полной мощью единоличного решения, а так как «*к сожалению*» *в военное дело вторгается политика*, то истинным полководцем может быть только монарх. Вот концепция суждений Мольтке о «коллективном» управлении и роли в нем полководца.

Чтобы не быть голословными в этих утверждениях, мы обратимся к самому Мольтке.

«Бывают полководцы, не нуждающиеся в совете, которые все взвешивают и решают самостоятельно; окружающим надлежит только исполнять их предначертания. Но это звезды первой величины, появляющиеся едва ли в каждом столетии, — говорит фельдмаршал, и продолжает так: в большинстве случаев полководец не пожелает обойтись без совета лиц, способных, в силу своего образования и опыта, оценивать обстановку верно. Но из всех мнений только *одно* должно приобрести решающее значение».

«Главнокомандующему должно быть предложено на собственное благоусмотрение только *одно это* мнение и лишь *одним* уполномоченным на это лицом. Пусть полководец выберет его не по списку старшинства, а руководствуясь полным личным к нему доверием».

Решительно восставая против различных советов при главнокомандующем, Мольтке говорит: «Самым несчастным полководцем, однако, является тот, который имеет над собой еще контроль, когда он должен давать отчет по первому требованию о своих предположениях, планах и намерениях: этим контролем является представитель высшей власти в главной квартире или же телеграфная проволока в тылу».

«При такой системе должна разбиться всякая самостоятельность, всякое быстрое решение, всякий смелый риск, без которого нельзя вести ни одной войны. Только полководец с полной мощью может принять смелое решение».

«Издали опасно давать даже хорошие приказания. Если при армии нет высшей военной власти, то полководец должен иметь полную свободу действий. *Нельзя вести войну, сидя за письменным столом*; вопросы, требующие немедленного решения, могут быть приняты лишь на месте в зависимости от обстановки».

«Поэтому, раз война об'явлена, главнокомандующему должна быть дана *полная свобода* действовать по собственному его усмотрению. *Выбор главнокомандующего представляет вопрос чрезвычайной важности*, который, к сожалению, во многих случаях решается не по заслугам, а по личным соображениям. *Тяжелая ответственность лежит на нем* — перед богом и своей совестью; в сравнении с этим ответственность перед правительством исчезает. Командующий армией в своих действиях, успех которых никогда не обеспечен, так же, как и государственный деятель, руководящий политикой, не должен бояться судебной ответственности. Он несет совсем иную ответственность перед богом и своей совестью за жизнь многих тысяч людей и за благо государства. Он теряет нечто большее, чем свободу и состояние».

«И поэтому всюду истинным главнокомандующим является монарх, который, будучи по теории неответственным, в действительности несет самую тяжелую ответственность, — ибо кто делает большую ставку, чем он, когда дело касается короны и скипетра».

Таким образом, фельдмаршал довольно прозрачно вырисовывает те *личные* побуждения, кои должны охватывать полководца при его управлении. Далеко в них от истинной ответственности за взятое на себя дело, все заключается в том, как бы не потерять «корону и скипетр». Но фельдмаршал мало верит в полководцев «первой величины», и на сцену около главнокомандующего появляется *одно лицо*, которое должно, конечно, воплощаться в начальнике генерального штаба.

Чтобы проследить взаимоотношения этих двух персон, мы обратимся к описанию боевого дня в 1870 году в германской ставке, которое дает Мольтке.

«В 1870 году дни проходили следующим образом: если не было боев или походных движений, то регулярно в 10 час. утра делался доклад у короля, на котором начальник генерального штаба армии, сопровождаемый генерал-квартирмейстером (лицом, ведающим тылом; *Б. Ш.*), обязан был доложить все полученные им сведения и донесения и на основании их делать новые предложения. При этом присутствовали председатель военного совета, военный министр, и в то время, когда главная квартира III армии находилась в Версале, также кронпринц, но все они были только слушателями. Тогда король требовал от них справок относительно того или другого вопроса, но *никогда он не спрашивал у них советов, касающихся операций или предложений, сделанных начальником генерального штаба армии*».

«Проекты начальника генерального штаба предварительно обсуждались им совместно со штабными офицерами; затем король подвергал их весьма подробному рассмотрению. С военной проницательностью, при всегда верной оценке стратегического положения, он указывал на все опасения, могущие встретиться при испытании, но, в виду того, что на войне всякий шаг сопряжен с опасностью, все проекты эти оставались без изменения».

Указав на то, что «король Вильгельм был настоящим полководцем, Мольтке приходит к выводу: монарх, в распоряжении которого находится государство со своими вспомогательными средствами, только тогда по праву становится во главе армии, если он в состоянии быть вождем своих войск и принять на себя тяжелую ответственность за все, что бы ни случилось на войне. Если эти предположения не оправдаются, то его присутствие должно всегда парализующе действовать на армию... Руководить операциями может только *одна единая воля*».

Думаем, что без лишних наших доводов ясны как роль «истинного» полководца-монарха, так и «одного лица» — начальника генерального штаба, предположения которого, хотя бы и с оговорками, но всегда принимались, а ответственность должна была лежать на короле. Недурное положение для начальника генерального штаба, который не ограничивался тем, что только «в операциях» его положения не подвергались критике, но даже в целом ведении войны вступал в конфликт с Бисмарком. Это вполне понятно, ибо, по мнению Мольтке, «политика, к сожалению, неотделима от стратегии» и «для хода войны руководящими являются, главным образом, военные соображения, политические же лишь поскольку они не требуют ничего с военной точки зрения недопустимого. Полководец же никогда не должен руководствоваться одними политическими побуждениями, а на первый план ставить успех на войне. Как политика воспользуется победами или поражениями, полководца это не касается — это исключительно ее дело».

Мы пока не будем вдаваться в разбор мыслей Мольтке о политике и стратегии, ибо сделаем это на своем месте. Сейчас для нас важно лишь установить его точку зрения на полководца.

Как видим, полководец должен почти подчинить себе политику, да не только политику, но всю остальную жизнь государства. Указывая на то, что наличие Германии — залог мира, Мольтке с откровенностью заявляет, что стремление к мирной политике «может быть проведено при опоре на армию, всегда готовую к войне. Если бы недоставало этого огромного махового колеса, то государственная машина остановилась бы, дипломатические ноты нашего министерства иностранных дел не имели бы надлежащего веса». «Армия самое важное учреждение в стране, так как только благодаря ей могут существовать все остальные учреждения; всякая свобода, политическая и гражданская, все, что создано культурою, финансы и государства процветают и гибнут вместе с армией».

«Для ведения войны, — поучает нас фельдмаршал, — по сравнению с прошлым понадобились теперь еще новые вспомогательные средства. Теперь не обойтись без помощи науки и техники во всех их видах. Все должны действовать сообща, чтобы выйти победителями в великой борьбе народов. Но этого еще недостаточно, чтобы все эти силы соединились... Каждый склонен несколько преувеличивать значение своей деятельности, и многие забывают, что их деятельность является только средством, но не целью. В мирное время подобные ошибочные взгляды легче парализовать и они не будут иметь большого значения, но в быстротечной войне уже малейшая наша ошибка может вызвать неудачу. Поэтому для успешного ведения войны *техника и наука должны быть не союзниками, но вассалами военного управления*».

Таким образом, в армии, как в фокусе, должна сосредоточиться жизнь всего государства, а так как во главе армии стоит полководец, а за ним начальник генерального штаба, являющийся фактическим полководцем, то последним и должна регулироваться вся жизнь государства. Так мы понимаем Мольтке, если только не ошибаемся. До триумвирата довольно далеко!!?

Германский фельдмаршал в своих «Военных поучениях», к которым мы до сих пор обращались, не даст нам такого ярко набросанного облика полководца, как это сделал Клаузевиц.

Однако, мы знаем, что полководец не должен бояться судебной ответственности, ибо гораздо выше ответственность его перед «богом и собственной совестью», что он может потерять «корону или скипетр», атрибуты довольно существенные, по мнению Мольтке. Полководец должен принимать смелые решения, но «ошибочно думать, что можно заранее составленный план войны провести с начала до конца. Первое столкновение с неприятельскими вооруженными силами создает, в зависимости от его исхода, всегда новую обстановку; многое, что ранее имелось в виду, становится невыполнимым, и многое, на что прежде нельзя было рассчитывать, делается возможным. Полководец должен верно оценить изменившуюся обстановку, сделать на ближайшее время необходимые распоряжения и энергично привести их в исполнение».

В другом месте Мольтке пишет: «Полководец никогда не упускает из вида своей главной цели и не смущается неизбежными частными отклонениями от нее, но он не может заранее определить с достоверностью тот путь, каким он надеется достичь этой цели». Указав на «покрытую мраком неизвестности» обстановку на войне, Мольтке продолжает: «и все же ведение войск не является делом слепого произвола. Все эти случайности, в конце концов, одинаково приносят пользу или вред как одной, так и другой стороне; поэтому полководец, мероприятия которого, если и не самые успешные, но все же целесообразные, имеет еще шансы достичь своей цели. Ясно, что для этого недостаточно одних теоретических познаний; война дает возможность развивать ум и закалять характер до достижения в этом отношении полного совершенства; важным подспорьем может служить подготовительное военное образование, а также военно-исторический и жизненный опыт».

Считаем, что последние три качества для полководца будут гораздо нужнее, чем его страх «перед богом и собственной совестью».

Было бы излишне говорить, что за самим Мольтке, как полководцем, укреплены его громадная работоспособность, его ум, его широкое развитие как военное, так и общее, его скрытность и молчание, а также и известная доля интриганства. Будущий фельдмаршал в зрелых уже летах вступил на дорогу, начертанную для полководцев, медленно подходя к ней кружными путями «жизненного опыта». Как подобает честному немцу,

он не занимался похищением «священного огня» с неба, подобно Наполеону, а своими отличными, по понятию аристократов, манерами и уменьем танцовать составлял себе известность. К сожалению, философ войны Клаузевиц почему-то не предусмотрел этого пути для будущего полководца, гораздо более приличного, чем занятие хищениями. Сам же Шлиффен, повидимому, из чувства преклонения перед своим предшественником по должности начальника генерального штаба, умолчал о нем. Пожалуй, для Мольтке иного пути и не было, ибо по своей-то натуре он не являлся «сыном революции», как Наполеон. Но если нужно выбирать дорогу в полководцы, то мы бы скорее встали на путь, которым пошел Наполеон, хотя он резок и предосудителен, нежели прибегать к помощи ног для своей славы.

Иным путем шло выдвижение полководцев во Франции, где процветал культ «солдата», выражавшийся в личной храбрости и известной грубости среди маршалов III империи. Франция оставалась на признании необходимости полной мощи для полководца, выдвигая в последнем, главным образом, его волевые качества и его военный опыт, щедро черпавшийся в различных колониальных экспедициях.

«Коллективное» командование — плод измышления германских мозгов, не признавалось французской военной мыслью до второго года мировой войны, но затем пробило себе дорогу, более торную, чем у центральных держав.

Как бы ни было, но за ширмой монарха в роли полководца в Германии должен был выступить начальник генерального штаба с наличием в себе всех данных для этой высокой должности.

До Шлиффена германская военная мысль жила заветами Мольтке-старшего и не выдвигала новых положений. Поэтому мы обратимся к известной уже статье Шлиффена «Полководец» и посмотрим, чем должен отличаться истинный главнокомандующий.

«Если начинающий свою карьеру полководец, — пишет Шлиффен, — полагается единственно на свое божественное предназначение, на свой гений, на поддержку и покровительство высшей силы, то его победа будет плохо обеспечена. Напряженной работой подготовляется полководец к своему высокому призванию; его духовные и умственные силы должны возвыситься до полной ясности».

«Но как много знаний требуется от полководца! — восклицает Шлиффен и продолжает: — он должен не только уметь привести войско к победе, он должен его создать, вооружить, снарядить, обучить, обмундировать и прокормить. Возможно, конечно, что найдутся и другие лица, которые возьмут на себя эти задачи, но едва ли им удастся угодить полководцу. Полководец не может стать во главе любой армии. Он должен иметь собственное войско».

«Однако, войска, хотя бы и самого лучшего, недостаточно, чтобы вести войну. Война является лишь средством политики. Чтобы это средство оказалось действительным, нужна подготовительная работа государственного человека. «Следовательно, *полководец должен быть и выдающимся государственным человеком и дипломатом. Кроме того, он должен иметь в распоряжении те огромные суммы, которые поглощает война*».

Показав затем работу полководца по ведению войны, Шлиффен приходит к заключению: «*все же условием настоящих и прошлых успехов является истинный полководец*» и предрекает: «В 1866 и 1870 г.г. полководец был представлен в виде триумвирата, и этот опыт удался, но это вовсе не значит, что ему всегда надлежит удастся».

Современник Шлиффена, певец германского милитаризма, Бернгарди, в своем труде «Современная война», появившемся в свет до мировой войны, даст следующий облик полководца.

«Военное искусство не может существовать без свободы, — говорит Бернгарди,— и поэтому необходимость сознательной свободы действий в определенных границах пред'являет к полководцу такие требования, удовлетворить которым могут лишь немногие, а между тем от выполнения их зависит судьба армии и государства. Общее содержание этих требований распространяется на самые разнообразные области и вызывает к работе все способности и силы человека».

«Возьмем сначала область практического управления войсками, — продолжает Бернгарди, — мы увидим, что лишь полное знание средств, с которыми ведется война, позволит полководцу осуществить свою стратегическую волю. Если он не освоился с материальными условиями ведения войны, то он рискует оказаться в их зависимости и, следовательно, потерять некоторую долю своей свободы».

«Между тем, в этих вопросах практического уменья речь идет о самых простых требованиях от полководца, о знаниях и способностях, приобретаемых непрерывными занятиями, размышлениями и практическими упражнениями. К предметам совершенно иного порядка относятся требования, пред'являемые к его умственной и нравственной личности».

«Полководец должен приступить к своей задаче свободным от предрассудков и предубеждений, от боязни людей и от оков эгоизма, от подчинения собственным страстям и слабостям, от боязни ответственности и риска; он должен самоотверженно служить только делу и быть в состоянии перенести физические и нравственные напряжения. Его задача принимает две формы: предположений и действий; эти формы, конечно, взаимно обусловливают и дополняют друг друга, но они предполагают совершенно различные виды работоспособности. При разработке планов играет роль по преимуществу умственная личность полководца, а при действиях — нравственная, и тем не менее умственная мощь и нравственная сила должны все время поддерживать и дополнять друг друга. Сохранение полководцем душевного равновесия и ясного суждения настолько важно, что его надлежит признать необходимейшей основой военного искусства. Однако, бесконечно трудно удовлетворить этим требованиям среди тысячи затруднений, ежечасно представляющихся полководцу».

«Прежде всего, необходимо понять общую политическую обстановку, правильно оценить средства борьбы свои и неприятельские и совместно с руководителями государственной политикой наметить военную цель, необходимую для достижения цели политической. Затем нужно разработать план войны, правильно оценить лиц, призванных руководить действиями, а также и неприятельских начальников, их намерения и особенности. Вся эта работа по преимуществу умственная, но и она требует значительной твердости характера для отклонения разнообразных требований, неприемлемых с военной точки зрения».

«Эти требования обнаруживаются уже в мирное время при подготовке к войне, которая в известном смысле должна быть отнесена к области стратегии. Финансовые затруднения, общественное мнение, неправильная оценка политической обстановки, филистерство, материалистическое понимание жизни, наконец, враждебные государству партии в самом народе — все это со всех сторон теснит организатора войны и старается отвлечь его внимание от строгих требований военной необходимости. С другой стороны — мирные и парадные забавы с серьезным орудием войны, ложные взгляды на инженерную оборону государства и ведение войны, попустительство и уступка враждебным войне интересам слишком часто приводили к пренебрежению военным делом, ослаблению боевой готовности армии и вовлечению государства в тягчайшую катастрофу».

Говоря о тех трудностях, которые возникают перед полководцем во время стратегического развертывания, Бернгарди перечисляет их: «Здесь взывают о помощи провинциям, которые было бы выгоднее в военном отношении на время отдать врагу; там нужно использовать железнодорожную сеть, при чем кажущаяся выгода на самом деле в области стратегии и тактики превращается в невыгоды; дают себя знать политические и династические влияния, личное честолюбие и зависть старших начальников и все те слабости, которые присущи человеку — и все это нередко приводило полководца на путь, совершенно непримиримый с его военной совестью».

«Полководцу чрезвычайно трудно отделаться от всех этих побочных влияний, тем более, что весьма часто они стараются опираться на внешний авторитет официальных лиц и кажущуюся справедливость. *Только твердый характер и ясный ум могут провести в борьбе взглядов, желаний и требований чисто военные идеи, создающие успех*, который только и сможет устранить все препятствия и удовлетворить все желания».

«Те же требования и препятствия, которые приходится преодолевать при составлении плана войны, — говорит Бернгарди — дают себя нередко знать и при ведении ее».

«Не поддаться этим влияниям, ни убийственному пессимизму, ни чрезмерному оптимизму, сохранить при всех обстоятельствах спокойное равновесие души, которое только и способствует ясности суждения и решительности действий, и тем не менее сохранить силу воли и мышления, позволяющую добиваться высших результатов, проявлять высшую смелость и сохранить инициативу в победе и поражении — все это предъявляет высшие требования силе духа и нравственной и умственной свободе полководца».

«Лишь при наличии этой свободы он может остаться на должной высоте, и в счастьи и в несчастии сохранить разносторонность и изменчивость решений, не позволяющую действовать по предвзятым воззрениям, а умеющую в каждом отдельном случае применить такие средства, которые при данных условиях обеспечивают победу».

«Мы находимся на границе области, не поддающейся научному исследованию и вклинению в теорию военного искусства и, несмотря на это, имеющей весьма существенное влияние на ведение войны. Это—область высшей целесообразности, обусловливаемой не военными успехами, а народно-психологическими, нравственными и всемирно-историческими моментами».

«Мы признаем, — заканчивает Бернгарди свой облик полководца, — что во всех действиях на войне, решающей судьбу народов и государств, *нужно руководиться высшими соображениями* и что полководец может вполне свободно исполнять свои обязанности только в том случае, если поднимется высоко над толпой и научится наравне с государственным деятелем, достойным этого имени, смотреть на вещи и оценивать их в национальном и всемирно-историческом освещении. Лишь при этом условии он сможет познать истинную сущность войны и вести ее целесообразно в высшем смысле этого слова».

Так работала военная мысль на берегах Шпрее, по другую же сторону Рейна она получает уклон, а именно — в сторону интеллектуализма.

«*Свободное военное искусство*!— восклицает Леваль. — Да ведь это умозрительная стратегия, искусство комбинаций, а *механизм* — это часть позитивная или научная».

«Война ведется не только в мозгу, как это думают некоторые люди. Мозг скорее является органом разрабатывающим, чем творческим. Мозгам надо доставить всевозможные данные, а последние являются позитивными.

Разум, суждение и индукция перерабатывают эти данные, в результате чего выходит комбинация, проект операции (часть умозрительная). Затем чтобы уяснить, насколько эта идея осуществима в жизни, необходимо вмешательство расчета (позитивная часть)».

«В зависимости от фазы изменяются сущность и условные задачи. В области теории господствуют разум и воля: действие здесь имеет преимущественно духовный характер. Это — искусство с сопровождающими его неожиданностями, произволом, порывами и беспредельностью».

«Затем надо покинуть эти высоты, где господствует полная свобода, и спизойти на землю, где все является сплошным препятствием, перейти от воображаемого к действительному, привести в движение отдельные единицы, импульсировать массы, преодолевать сопротивление, удовлетворять все требования, предвидеть, расчитывать. Здесь искусство блекнет, и на сцену выступает наука со всей своей точностью и позитивизмом».

«Поэтическая сторона войны постепенно сходит на-нет, — выводит Леваль. — Ее блестящее очарование уступает место механизму. Искусство отворачивается от идеального и все больше и больше уклоняется к реализму; это следствие, вытекающее из техники».

По мнению Леваля, «много говорят о гении... Гений, несомненно, является природным дарованием, так как предпосылками его являются широкая интеллектуальность и очень всесторонний ум...» Отсюда вывод: «Одних природных дарований недостаточно для создания военного вождя. Сторонники врожденных идей тщетно стремятся поставить вновь на первый план вдохновение. Вдохновения больше нет, если оно вообще когда-либо существовало»... «Знание теперь полезнее, чем когда бы то ни было. Широкое распространение новых изобретений все больше стремится сгладить моральные различия между нациями: превосходство окажется за наилучше вымуштрованными, за более искусными, за лучше обученными: но весы судьбы, конечно, всегда чутко отзовутся, если на одну из чашек будет положен гений вождя».

Успехи Мольтке Леваль об'ясняет именно бо́льшим наличием научности, чем искусства: «Фельдмаршал Мольтке проявил гораздо больше научности, чем искусства, машинизация у него преобладала над замыслом».

«*Организация и командование важнее всего*, — писал Бональ. — *Одних военных добродетелей недостаточно*. Нужно, чтобы, кроме них, были крупные интеллигентные силы, которые продолжительное время работали бы по доброму методу и в благоприятствующей им среде».

Идея «*военного мандарината*» заполняла галльские умы, об'ясившие свои неудачи 70 года безграмотностью в военном деле их маршалов III империи, стремившихся основать свои действия на волевых качествах полководца.

Мы не коснулись русских взглядов на полководца; они с легкой руки Леера, несли в себе предпочтение интеллектуализма, а такие мыслители, как Драгомиров, оказывались пророками в пустыне. Правда, нужно сказать, что интеллектуализм, особенно у русских, не прививался, и русские полководцы не прочь были выдвинуть на первое место «вдохновение», ибо оно не утруждало мозгов в предварительной работе—преимущество, очень важное для русских генералов. Вернее сказать, русская военная мысль не имела устойчивых взглядов на роль и значение полководца в современных условиях и с любовью культивировала идею Суворова: «Полная мочь избранному полководцу», тем более, что она хорошо обеспечивала «военных мандаринов», каковыми были русские полководцы перед мировой войной, да и во время ее.

На протяжении последней на нашей памяти прошло много различных «военных мандаринов» — интеллектуалистов и волюнтаристов, и ныне

большинство из них, потеряв свои отличительные шарики, порой раздумывают о том, что требуется от полководцев наших дней, и делятся своими думами с нами.

Кое-какие из этих дум, особенно тех мандаринов, которые оказались на обломках крушения, мы позволим предложить читателям нашей повести. Искать сейчас правды в заявлениях полководцев, оставшихся еще в славе, полагаем трудным по мотивам личного характера этих людей.

Итак, обратимся к знаменитой «*паре*» *мандаринов*, кои особо претендовали на роль великих людей — Гинденбургу и Людендорфу.

Эти «государственные мужи» наших дней откровенно нам заявляют, что политикой особенно они не интересовались.

«Политическими деятелями и партиями я никогда не интересовался», говорит нам Людендорф, но в то же время и открывает, что это, собственно, касалось тех партий, которые говорили «о соглашении, вместо того, чтобы подымать боеспособность нации». «Правительство и партии большинства сошлись между собою и внутренно отклонили меня с моим солдатским мышлением».

«Ясно, что я нашел больше последователей среди тех партий, которые, подобно мне, считали соглашение, в виду разрушительных стремлений врага, невозможным, и поэтому выступали за максимальное проявление энергии в ведении войны. Я никогда не обращался к ним, но они мне доверяли. Это было меньшинство правой ориентировки. Поэтому те другие заклеймили меня именем «реакционера», хотя я думал только о ведении войны».

«Я ни «реакционер», ни «демократ», — продолжает известный начальник штаба. — Во время войны моя цель была такой: величайшая энергия в ведении войны и упрочение военной и равноценной ей сельско-хозяйственной жизненной возможности для будущего Германии».

Оказывается, недоброжелатели и друзья втягивали Людендорфа в «партийные разногласия», а его протесты оказывались тщетными, ибо «правительству удобно было найти громоотвод», который в сущности руководился «прямым солдатским мышлением».

Мы отлично знаем, что это далеко обстояло не так, как рисует нам Людендорф, пытавшийся взять в свои руки управление всей страной. Что ему для этого не хватило — также известно; он не был «государственным мужем», а лишь после войны занялся изучением вопросов, кои оказывают влияние на войну не меньше, чем чисто военные факторы.

«Руководимый прямым солдатским мышлением» Людендорф открывает нам, что «управление фронтом, забота об армии и о поддержании боеспособности родины стояли на первом месте среди всех работ. Военно-политические вопросы будущего шли только во второй линии». Ныне мы знаем, что дала первая линия, а вторая, незнакомая первому генерал-квартирмейстеру, не могла ей оказать уже поддержки. Между тем, немецкие же мозги Клаузевица думали на этот счет так: «никто не начинает войны (или, по крайней мере, действуя разумно, не должен бы начинать) не сказав себе: «Чего он желает достичь войной и чего в самой войне». «Первое — это цель войны», учит Клаузевиц, «а последнее — цель, поставленная войне».

Патрон Людендорфа Гинденбург в своих воспоминаниях, более слабых в литературном отношении, вторит своему начальнику штаба.

«И во время моей деятельности на высших командных постах на Востоке, и после моего назначения начальником генерального штаба армии, у меня не было потребности заниматься вопросами современной

политики больше, чем это было безусловно необходимо. Правда, в условиях позиционной войны я считал невозможным для военного командования совершенно отмежеваться от политики».

«Со мной согласятся, что резкой границы между политикой и военным руководством нет,—открывает нам Гинденбург. — Они должны еще в мирное время согласовать свои действия. Во время войны, которая поглощает все их силы, они должны дополнять друг друга».

Такие взгляды на политику и стратегию были в сущности у всех полководцев мировой войны, и когда в той или другой армии правительство, политические партии большинства, хотели взять в свои руки управление страной, то они встречали резкий отпор своих «военных мандаринов».

В наши задачи не входит давать оценку указанных выше германских мандаринов, что сделал лучше нас в Германии Дельбрюк в отношении Людендорфа. Доказывая политическую безграмотность этого злобного тевтона, профессор истории приходит к выводу, что «*самые крупные стратеги в большей мере оказывались государственными деятелями*». Что же представлял собою Людендорф в «первичном» всех общественных отношений — экономике. Дельбрюк дает нам ответ устами другого деятеля, экономиста: «нами правит сошедший с ума кадет», с тупым отчаянием сказал мне как-то на повороте в 1917—18 г.г. один из близко стоявших у решения этих (экономических) дел». Повидимому, этот деятель был не из числа «правых», которым был и остается любезен «сошедший с ума кадет».

Как ни соблазнителен путь критики деяний и мыслей Людендорфа, мы не имеем права становится на этот путь, так как он отвлечет нас от поставленной себе задачи. Мы бросим беглый взгляд лишь на его суждения о военных качествах полководца.

Признав «войну — грубым ремеслом», первый генерал-квартирмейстер после жестоких уроков уяснил себе сущность этого явления в жизни человечества, не сойдя, правда, со своего ремесленного взгляда на него.

«Во всех отношениях армия и народ, по моему глубочайшему убеждению, должны представлять собою одно целое», поучает он ныне.

«Ведение войны требует не только воли и дальновидности, — говорит Людендорф, — но и овладения всем могучим военным аппаратом, что достигается и удерживается только железным прилежанием. Сюда надо прибавить еще одно: понимание психики войск и особенностей врага. Это уже не вырабатывается, а лежит, как многое другое, в самой индивидуальности человека. При решении сложных боевых задач необходимо уметь считаться и с неожиданностями. Но самое главное — это взаимное доверие и вера в победу, которые соединяют войска и полководцев».

Война материализовалась. Такой волюнтарист, каким был Людендорф, и тот признает, что «уголь имеет для ведения войны такое же значение, как и нефть», что «уголь и железо составляют основу всякой военной промышленности», что сельское хозяйство также важно для ведения войны, как и военная промышленность.

Поэтому «полководческая пара», по заявлению Людендорфа, «стремилась избегать всяких безбрежных планов» и «во всех мероприятиях исходила исключительно из военных требований».

Война давила своей грандиозностью таких людей, кои «руководились простым солдатским мышлением», и сам Людендорф не раз в этом признается.

«Много испытаний приходится на долю полководца, — заявляет он. — Профаны просто смотрят на войну, как на арифметическую задачу с определенными величинами, на самом деле, она все, что угодно, только

не это. Это борьба великих неизведанных физических и душевных сил, особенно тяжелая для той стороны, которая борется в меньшинстве. Приходится считаться с различными характерами и субʻективными свойствами людей и только воля руководителя является регулирующей величиной в этом хаосе».

«Только глава государства или государственный деятель, решающийся на войну, если он делает это с чистым сердцем, переживает то же, или еще больше, чем полководец. Но все же для него вопрос заключается в одном крупном решении, тогда как от полководца эти решения требуются ежедневно и ежечасно. От него постоянно зависит благополучие сотен тысяч людей, даже целых наций. Для военного ничего не может быть более великого, но и более тяжелого, как стоять во главе армии или целого народного войска».

«Каждый начальник обязан заниматься подготовительными размышлениями. Он не имеет права жить сегодняшним днем, так как от него страдают и военные действия, и войска. Железная действительность заботится сама о том, чтобы намерения, в которых сила войск не соответствует силе сопротивления врага, не превращались в жизнь».

«Война так грандиозна, — заключает Людендорф, — и дает такой широкий простор блестящему творчеству, что *один человек не может* выполнить всех предʻявляемых ею требований».

Таким образом, полководец расчленяется даже при военном руководстве войной.

«При моей чудовищной перегруженности работой и моей тяжелой ответственности, я мог терпеть вокруг себя только самостоятельных прямых людей, от которых я требовал, чтобы они откровенно высказывали свое мнение, что они иногда очень основательно и делали. С глубокой верой в собственные силы, стойко и прочно стояли около меня мои сотрудники. Они были самоотверженными и в то же время самостоятельными помощниками, проникнутыми высочайшим сознанием долга. Право решения, разумеется, принадлежало мне, так как ответственность, которую я нес, не допускала колебаний. Война требовала быстрых действий. Но в моих решениях не было своеволия, и когда я уклонялся от предложений моих сотрудников, я никогда их не оскорблял. В этих случаях, а также, когда происходил обмен мнений, я старался, не впадая в неясность, признавать воззрения, не совпадавшие с моими».

Правда, по свидетельству Гофмана, ближайшего помощника Людендорфа на Востоке, последний неискренен в своих заявлениях, и в 1918 году Гофман, уже начальник штаба главнокомандующего на Востоке, разойдясь во взглядах с Людендорфом на условия Брестского мира, много претерпел неприятностей от ставки, придя к заключению, «что и большие люди бывают мелочны».

Мы не будем вдаваться в личную жизнь Людендорфа. Он был служебно общителен, а «в общем я держался совершенно замкнуто, так как я слишком хорошо знал людей», — откровенничает он.

На этом мы кончаем нашу экскурсию для знакомства с теоретическим обликом полководца.

Из этого беглого знакомства, без излишних доказательств, видно, насколько был прав Наполеон, который советовал «сознать и уяснить: создан ли я для войны или нет». Очень и очень хороший совет и для наших дней, и мы горячо рекомендовали бы ему следовать не только кандидатам в полководцы, но и вообще всякому военному деятелю. Правда, иной может переоценить свои силы, но все же и для него такой внутренний анализ будет полезен, заставив задуматься над своими действиями и тем, что недостает для пополнения необходимых качеств и познаний.

ГЛАВА VI

ДУМЫ О НАЧАЛЬНИКЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

А. Свечин об «интегральном полководце». — Ум Конрада — «односторонне изучающий». — Конрад — политик. — Самостоятельная политика Конрада. — Отсутствие «политического чутья» у Конрада. — Политика и стратегия в современном освещении. — Военные познания Конрада. — Конрад — «интеллектуалист». — Значение «боевого опыта». — Соразмерность цели со средствами. — Отсутствие у Конрада способности разбираться в людях. — Сильный характер, горячность и упрямство Конрада. — Отсутствие у Конрада «квадрата» Наполеона. — Работоспособность Конрада. — Его замкнутость и причины таковой. Работа в массах. — Конрад — «обыкновенный человек», член «коллектива», управляющего войной в целом.

В предыдущей главе мы более или менее подробно останавливались на теории о «полководце», так как положения ее нам будут необходимы не только, чтобы разобраться в личности Конрада, но и при дальнейшем исследовании службы генерального штаба вообще.

Мы не будем утруждать читателя изложением *своей* теории о полководце, ибо считаем, что классики за нас сказали все и гораздо авторитетнее, нежели бы мы стали излагать, вернее, пересказывать их мысли. Нами будут лишь отмечены некоторые мысли современности.

Вернемся к бывшему начальнику австрийского генерального штаба. Наше первое с ним знакомство не может, конечно, быть исчерпывающим, но полученное впечатление позволяет дать Конраду некоторую оценку.

Мы рассматриваем начальника генерального штаба, как «полководца», но не в старом понимании, а лишь как «мужа государственного», как члена «коллектива», который руководит войной. Набросанное нами выше свидетельствует, что мы далеки от передачи «полной свободы» в руки «полководца» в руководстве войной.

Нужно сказать, что в нашей военной литературе по этому вопросу уже имеются вполне здоровые мысли. А. Свечин в «Стратегии», говоря об «интегральном полководце», приходит к выводу, что «войну ведет верховная власть государства; слишком важны и ответственны решения, которые должно принимать руководство войной, чтобы можно было доверить его какому-либо агенту исполнительной власти».

«Наши представления о руководстве извращаются применением термина «верховный главнокомандующий», — продолжает он, — мы связываем его с лицом, которому подчиняются действующие армии и флот и которое объединяет всю власть на театре военных действий. В действительности такой главнокомандующий не является верховным, так как ему не подчинено руководство внешней и внутренней политикой и всем тылом действующих армий, поскольку ему не принадлежит вся власть во всем государстве. Стратег-главнокомандующий представляет лишь часть руководства войной... Полная мощь избранному полководцу — это устаревшая, впрочем, никогда не отражавшая какой-либо действительности формула».

Признавая необходимость объединения руководства войной на фронтах «политической, экономической и вооруженной борьбы», А. Свечин находит, что «такая задача по плечу лишь руководящей головке господствующего класса, олицетворяющей в себе наивысшую в государстве политическую компетенцию, осуществляющую верховную власть... Коллектив этой головки является интегральным полководцем».

Мы слышали, что и Клаузевиц видел в главнокомандующем полководца без приставки «верховный», а потому нами начальник генерального штаба и рассматривается как «стратег-главнокомандующий, представляющий лишь часть руководства войной».

Теория с непреложностью говорит о необходимости у полководца *равновесия ума и характера*, при чем как тот, так и другой должны быть в высокой степени развиты, выделяя полководца среди прочих военных деятелей.

Что касается умственных способностей Конрада, то они, безусловно, отличали его не только среди генералов австро-венгерской армии, но и начальников генеральных штабов других армий Европы. Ум полководца, по мнению Клаузевица, должен быть более пытливым, объемляющим, нежели творческим и односторонне изучающим. В первом свойстве ума — в пытливости, мы не можем отказать Конраду, но что касается широты его, то, схватывая более или менее верно военные явления, начальник австрийского генерального штаба в постановке политического прогноза не поднимался выше остальных бюрократов Дунайской империи. В этом отношении ум Конрада был именно «односторонне изучающим», мало соответствовавшим той высокой должности, которая занималась героем нашей повести.

С молодых лет Конрад усиленно занимается изучением военного дела. Широкое знакомство с историей последних войн, вплоть до посещения полей сражений, извлечение из этих войн опытных данных, постоянное размышление о войне — все это способствовало развитию умственных способностей начальника австрийского генерального штаба. Нельзя сказать, что Конрад понял и предугадал характер будущей мировой войны, — нет, в этом он не дошел до величия полководца, но что и здесь он был не ниже остальных начальников генеральных штабов иных армий, а может быть и превосходил их, сомнений быть не может.

Конрад признается нам, что он с неохотой втянулся в политическую жизнь, предварительной подготовки к которой у него не было. В этом, конечно, мы видим естественное последствие воспитания военных деятелей конца XIX века, подкрепленных к тому же взглядами Мольтке. Но, раз вступив на путь политики, Конрад смело шел вперед, выявляя в своих суждениях мысли знаменитого германского фельдмаршала. Для Конрада политика, «к сожалению», также была неотделима от стратегии, поэтому все стремления начальника генерального штаба направлялись к обезвреживанию политики. Получая указания свыше о работе в контакте с политикой, сам об этом часто повторяя, Конрад фактически стремился вести *самостоятельную* политику, наиболее отвечающую, по его понятиям, военному положению государства.

Мы не можем засвидетельствовать, что политические взгляды начальника австрийского генерального штаба верно схватывали, как «государственную жизнь, господствующее направление, затронутые интересы и насущные вопросы» Австро-Венгрии, так и «государственные сношения» ее с остальными государствами. Они не поднимались выше понятий убежденного монархиста, пугавшего крайностями во внутренней политике даже Франца-Иосифа и не менее смущавшего всех политических деятелей не только в Австрии, но и за границей своим воинственным настроением.

Как у Мольтке, так и у Конрада вся жизнь сосредоточивалась только в войне и в армии. Понимание войны Клаузевица было чуждо этим милитаристам. Мы не можем найти этому оправдания даже в известной политической безграмотности начальника австрийского генерального штаба, признаваемой им самим, так как философ войны не требовал от полководца учености, но верного политического чутья. Это не было дано Конраду, почему он в политических суждениях оказывался простым подголоском правых партий, а не истинным государственным деятелем, каковым должен быть полководец.

Нам могут сказать, что этого можно было не требовать от Конрада, так как по системе триумвирата политическая жизнь должна представляться не полководцем, а канцлером или министром иностранных дел, или же самим монархом. Как апостол Мольтке, Конрад верно следовал его ученью о триумвирате и толковал его в том же духе, как и германский фельдмаршал. За ширмой триумвирата у Конрада скрывалась широкая военная власть над политикой. Мы видели, как все теоретики германского толка, начиная с Мольтке, преподносят нам это могущество полководца, и лишь Клаузевиц опережал их, признавая коллективное управление войной и выставляя монарха, как необходимый атрибут успешного ее ведения. От монарха Клаузевиц требует только: «крепкую, светлую голову и сильный характер».

Не приходится говорит, что триумвират решительно провалился, как система управления войной, в империалистическую войну. Уже в течение ее на сцену выступил «коллектив» руководства войной.

Указанный нами философ войны определял и функции главнокомандующего в этом «коллективе». Признавая, что полководец должен быть «мужем государственным», Клаузевиц требовал, чтобы все же прежде всего он оставался «полководцем», т.-е. военным деятелем. Характер его работы должен быть направлен к познанию военной сущности войны, не упуская из вида и остальных ее сторон. Истолковывая это положение, потомки Клаузевица по крови, немцы с берегов Шпрее, а за ними и Конрад, дошли до толкования военной диктатуры в ведении войны, так показательно провалившейся на нашей памяти. «Мандарины генерального штаба» были далеки от истинного познания высшей стороны войны и расплатились за это своими головами.

А. Свечин в своей «Стратегии» объясняет это тем, что «господство политики над стратегии»... «всегда вызывает сомнение в тех государствах» которые представляют организованное государство уже отживающего класса, находящегося в положении исторической обороны, режим которого подгнил и который вынужден вести нездоровую политику, жертвовать интересами целого для сохранения своего господства... Стратегия естественно стремится эмансипироваться от плохой политики, но без политики, в безвоздушном пространстве, стратегия существовать не может; она обречена расплачиваться за все грехи политики».

По мнению автора, «господство политики над стратегией» «не подлежит никакому сомнению, когда творцом политики является юный класс, идущий к широкому будущему, историческое здоровье которого отражается и в форме преследуемой им здоровой политики».

Нет сомнения в том, что «здоровая политика» ведет за собой и «здоровую стратегию, но «эмансипация» таковой вызывалась иными причинами. Если мы возьмем войну 1870 года, то нельзя отрицать, что Бисмарк проводил «здоровую политику», что война способствовала развитию производительных сил Германии, что немцы в своем стремлении к объединению были до некоторой степени «юным классом». Однако, нам хорошо известно, как Мольтке стремился «эмансипироваться» от этой политики,

которая, повидимому, почиталась им «больной», и очень «сожалел», что стратегу приходится считаться с политикой. Мы будем недалеки от истины, если скажем, что генеральный штаб считал единственно «здоровой» политикой — «его» политику и ничью иную, что речь шла о подчинении политики стратегии, что вообще «политика — ошиум для стратегии», как об этом заявлял Леваль.

Если ныне буржуазные государства находятся в состоянии «исторической обороны», то они ни одной минуты не хотят передать политику в руки стратегов, взяв в шоры мировоззрение генерального штаба и если последний под видом «сверхгенерального штаба» стремится удержать свои прежние позиции, то это его последние усилия.

Таким образом, к сожалению, мы не в праве зачислить Конрада, как поклонника теории Мольтке, в ряды «государственных мужей», среди которых должен был бы находиться полководец.

Теперь обратимся к *военным познаниям* бывшего начальника генерального штаба. Выше отмечено. что он путем долголетнего изучения военной истории, путем своего малого боевого опыта и продолжительной строевой службой старался уяснить себе сущность современной войны.

В этой области мы наблюдаем работу его пытливого ума, стремившегося об'ять характер будущей войны в целом, пытавшегося найти новые пути к ведению войны и боя.

Поверяя добытые познания из книг на опыте, делая сам необходимые выводы, выступая с пером в руках на защиту своих положений, проповедуя их с кафедры в Военной академии, Конрад старался не только расширить свои познания, не только развить свой ум, но и перенести эти знания в толщу армии. Иными словами, он готовил «свое собственное войско».

Было ли это только по силам начальнику генерального штаба — это вопрос другой.

Так или иначе, но приведенные нами выше взгляды Конрада на войну, на ее ведение государством, на современную боевую подготовку войск, на необходимость знания армии для правильного управления ею, изобличают в нем *военного деятеля с широкой теоретической подготовкой*, стоявшего на правильном пути мышления. Некоторые из его взглядов не потеряли свежести и до наших дней.

В виду этого, мы присоединимся скорее к мнению Людендорфа и других свидетелей-современников, признающих у бывшего начальника австрийского генерального штаба широкий военный ум, чем согласимся с мнением Краусса, считающим его узким тактиком.

Нет слов, что кафедра тактика, а за ней строевая служба, оставили след в Конраде и он действительно более увлекался тактической стороной боя, но здравого стратегического мышления его лишить нельзя. Тактика также должна быть в обиходе у полководца, как и высокие стратегические замыслы. Мы слышали горячую проповедь Левалем позитивной стратегии и думаем, что знание полководцем «геометрии» военного дела — тактики, далеко не бесполезно.

Отстаивая и широко проповедуя прикладной метод изучения военного дела, Конрад, однако, более был склонен к развитию в военном деятеле *знаний*, нежели *характера*. В этом начальник австрийского генерального штаба не оказался в силах побороть, а скорее даже углублял царившее в армии стремление к широкому развитию военных познаний в ущерб выработке сильной воли и характера. Теоретически необходимость последних им безусловно признавалась и даже сам прикладной метод должен был бы послужить к укреплению их, но побороть сложившийся уже уклад в армии было трудно. Конрад плыл по течению...

Это предпочтение знания в военном деле у начальника генерального штаба Дунайской армии, несмотря на преклонение его перед германской военной мыслью, перед видными ее авторитетами, дает нам повод зачислить его в ряды «интеллектуалистов», безраздельно властвовавших к западу от Рейна.

Такому переходу Конрада в ряды ученых «головастиков», по образному выражению А. Свечина, способствовал тот малый боевой опыт, который выпал на его долю, и к тому же на низших командных должностях. Два незначительных похода — вот и весь боевой стаж, которым мог руководствоваться Конрад, продвигаясь по служебной лестнице в полководцы. Оставался один путь познания высшей стороны войны — ее изучение на исторических образцах, которым и последовал начальник генерального штаба, не избежав при этом увлечения научностью. Правда, боевой опыт — еще не все. Драгомиров характеризовал Мольтке в 1867 году: «генерал Мольтке принадлежит к числу тех сильных и редких людей, которым глубокое теоретическое изучение военного дела почти заменило практику». Можно не иметь последнюю, но правильно понимать сущность войны и уметь ее вести, доведя до победного конца. Многие из сверстников Конрада оказывались еще в худшем положении, например, Людендорф, но все же победа выпадала и на их долю. Поэтому мы отнюдь не намерены вводить непременной данной для будущего полководца — опыт войны, но считаем его полезным, регулирующим книжное изучение такого явления, как война. Тому, за кем этого опыта нет, гораздо труднее удержаться на правильном пути к познанию высшей стороны войны, но все же для него эти пути не заказаны.

Как из положений теории, так и рассуждений Конрада мы видели, что современный полководец должен «знать армию» и даже «создавать» ее. Такое познание не основывается, конечно, на одном ближайшем знакомстве с войсками, а достигается: 1) непосредственной службой в строевых частях и 2) личным об'ездом войск, инспектированием их и руководством на маневрах. Нами отмечалось, что строевая служба должна входить обязательными ступенями в служебную лестницу кандидата в начальники генерального штаба. Конрад с гордостью отмечает свое долголетнее пребывание в строевых частях, которое должно было дать ему возможность изучить армию Габсбургов. Однако, как свидельствует Краусс, а также другие современники Конрада, именно у него отсутствовало это знание инструмента войны, так как все его оперативные замыслы, великолепные по идее, разбивались прежде всего о собственную армию. Сам начальник генерального штаба теоретически требовал соразмерности замыслов с силой войск и никто другой, как он же, нарушал это, увлекаясь романической стороной ведения войны. Если полководец обязан соразмерять цель со средствами, то в этом мы не можем усмотреть у Конрада качеств, приближающих его к сонму великих людей.

Клаузевиц указывал, что «нет надобности, чтобы он (полководец) был большим наблюдателем, способным разбирать человеческие характеры до мельчайшей тонкости; но он должен знать нрав, способ мышления, достоинства и недостатки тех, коим ему придется приказывать». Другие теоретики повторяют это, добавляя необходимость уменья разбираться и в характерах неприятельских вождей. Бывший начальник австрийского генерального штаба, по мнению современников, не был знатоком людей, и впоследствии горько разочаровывался в выдвигаемых им кандидатах, не оправдавших себя на полях сражений. Нами отмечалось, что личные симпатии, родственные связи и привязанности играли не последнюю роль в оценке людей у Конрада, что, с одной стороны, объясняется особыми чертами характера его, а с другой, и той разлагающей обстановкой среди

господствующего класса и верхов армии, каковая была в Дунайской империи. Если философ войны не требовал от полководца мелочного познания характера подчиненных, а лишь определения их основных качеств, рисующих их пригодность к военной деятельности, то в Конраде мы скорее найдем именно стремление основываться на мелочных свойствах людей, нежели, учитывая основные положительные черты, мириться с человеческими слабостями.

До сих пор мы исследовали умственное развитие бывшего начальника генерального штаба, но таковое не есть еще патент в полководцы, так как последнему должен быть свойственен и *сильный характер*. Теория пред'являет к последнему высокие требования, выявляя необходимость энергии, твердости, уверенности, смелости и силы.

При знакомстве с бывшим начальником австрийского генерального штаба была отмечена его самостоятельность в суждениях и действиях. Он сам говорил о необходимости энергии и инициативы в работе, что и было присуще ему. Настойчивый в своих докладах и требованиях к подчиненным, Конрад обладал необходимой смелостью и силой характера, но эта смелость порой стесняла свободу ума, соображений и намерений. Ведя на своей должности «непрерывный бой», Конрад настолько увлекался самым процессом его, что готов был драться ради искусства, но не целесообразности. Болезненное чувство «престижа» проникало все существо начальника генерального штаба, и только перед Габсбургами этот преданный им слуга сгибал шею, вынося терпеливо раны, наносимые его самолюбию. Только эти властители заставляли Конрада заглушать в себе болезненное самолюбие, которое в отношении к остальным выявлялось настолько резко, что мы выше отмечали наличие тех двух лагерей, на которых начальник генерального штаба разделял окружающих его — друзей и врагов.

Все сказанное говорит о том, что перед нами энергичная, настойчивая натура с достаточно сильным характером, но в то же время пылкая и упрямая. Эти последние черты настолько были развиты, что затемняли иногда ум Конрада, делая его рабом своих чувств. Одним словом, это была «горячая» голова, которой Клаузевиц у истинного полководца противополагал «голову холодную».

Верный учению Мольтке, бывший начальник генерального штаба не боялся никакой судебной ответственности, повидимому, так же, как германский фельдмаршал, считая себя в ответе лишь «перед богом и собственной совестью». Не хотим прививать современным полководцам боязнь ответственности за свои действия. Наоборот, утверждаем, что в этом ими должна проявляться смелость и готовность дать всегда отчет в своих действиях, что у них должна быть любовь к ответственности, что ответственность должна вызывать в них лишь чувство радости, но мы решительно отрицаем тех кумиров, перед которыми они, по мнению Мольтке, должны отчитываться. Они ответственны исключительно перед правительством, их поставившим.

Итак, *равновесие ума и характера*, которое должно изобличать полководца, мы не замечаем в бывшем начальнике австрийского генерального штаба в той мере, какая необходима была ему по его высокой должности.

Если мы последуем теории Бернгарди, выше нами очерченной, то увидим, что в замыслах, где должен господствовать ум, там Конрад был силен, но и то порой страстность врывалась в его расчеты. Что же касается проведения замыслов в жизнь, то здесь «горячая» голова начальника штаба частенько заносила его выше меры — полководцу Габсбургов не хватало надлежащей выдержки, и он был далек от того «квадрата», который рекомендовал маленький капрал для великих генералов.

Я всегда работаю», говорил Наполеон; то же с полным правом может сказать про себя и Конрад, всецело отдавшийся своим тяжелым обязанностям.

Мы начали бы ломиться в «открытую дверь», если бы приступили к доказательствам необходимости у начальника штаба большой работоспособности. Современное военное дело настолько усложнилось, настолько быстро шагает вперед, что необходимость итти нога в ногу с ним вынуждает к усиленной работе. Сутки современного начальника генерального штаба не имеют излишествующих часов, а, наоборот, в них чувствуется недостаток, ибо нагрузка велика. Слов нет, что от такой нагрузки не далеко и до перегрузки, а затем переутомления и неврастении, а поэтому для начальника штаба очень важно нормализовать свою работу, может быть прибегнув и к системе НОТ, необходимо поддерживать свое тело и дух, не доводя их до истощения. Мы не хотим давать рецептов нормальных дней начальника генерального штаба, ибо у таких «высоких» людей должен быть свой «жанр» не только вести войну, но и работать.

Нам не хотелось бы вторгаться в личную жизнь начальника генерального штаба и мы остановимся только на одном — это на его *замкнутости* от окружающих. Как видели выше, эта замкнутость была свойственна не ему одному, ее признавал в себе Людендорф, такими же ушедшими в себя людьми были Жоффр, Фалькенгайн и другие современные Конраду полководцы, не говоря уже про Мольтке (старшего) и Шлиффена.

Это указание на замкнутость характера у современных вождей, пожалуй, можно признать, как необходимое свойство «военных мандаринов» только что пережитой эпохи, если бы не было к нему естественного об'яснения. Людендорф откровенно заявил, что к замкнутости его вынуждали сами окружающие, которым он «знал цену». Клубок интриг, сплетен, вечная склока — вот та атмосфера, в которой приходилось жить полководцам недавнего прошлого. Незачем напоминать про интриги Мольтке и Бисмарка и описывать те, кои царили в различных армиях перед мировой войной и во время ее — они отлично известны без нас. «Военный мандарин», кроме выполнения своих прямых обязанностей, оказывался вынужденным еще оберегать свое высокое место, во время парировать интригу, справляться о здоровье кандидатов на его место, дабы также их во время удалить со своего пути, как это проделывал Жоффр, да и иные из современных ему вождей обоих лагерей. Одним словом, самая прозаическая действительность накладывала печать молчания на уста великих мандаринов наших дней.

Мы совершенно не хотим сказать, что современный полководец должен являться развеселым малым, что называется «душа на распашку». Нет, он обязан быть сдержанным в своих суждениях и обращении с окружающими, но в то же время и не чуждаться последних, не вносить с собою ту напряженную атмосферу величия, отравленную недоверием к близстоящим людям, какую мы наблюдали всюду в империалистическую войну. Авторитет полководца должен держаться не на замкнутости, а на его внутренних качествах, выделяющих его среди окружающих. В былые времена повелители восточных стран считали необходимым возможно меньше показываться народу, дабы, создавая и поддерживая в последнем легенды о «божественном» своем происхождении, еще более укрепить свою власть. Ныне авторитет создается не отчуждением от масс, а, наоборот, широкой работой в их толще. Поэтому замкнутость не только не полезна, но, наоборот, вредна для современного военного вождя. Век военных мандаринов уже миновал...

Мы приносим извинение за наше подробное знакомство с личностью Конрада, заставившей нас вспомнить и теорию. Просим снисхождения к нашей попытке разобраться в современном полководце, которая, признаем, может быть, слаба и страдает излишними длиннотами и повторением. Мы снова

повторяем, что наш труд не претендует на то, чтобы быть «заповедями» для полководца — начальника генерального штаба, что все наши рассуждения предприняты для правильной обрисовки личности Конрада.

Нами столько отмечено отрицательных сторон «военного мандарина» канувшей в историю монархии Габсбургов, что можно вынести суровый приговор этому когда-то шедшему к боевой славе человеку, а ныне недавно кончившему свою жизнь с пером в руках.

Нет слов, что если бы потребовать от Конрада всех тех качеств, которыми должен был обладать полководец в понимании его Наполеоном, то безусловно наши заключения были бы отрицательны. Но мы старались показать, что полководца в целом, как индивидуума, в наши дни не найдешь, что его существо превратилось в «коллектив», что даже прославленный триумвират и тот оказался бессилен в современной войне.

Мы не склонны искать спасения в «гениях» и старались выявить, что «гений» также нуждается и в образовании, и в силе характера, как простой смертный. Поэтому правильнее всего рассматривать Конрада, как военного члена «коллектива», который только один управляет войной в целом, как военного деятеля высокой марки. Не думаем скрывать, что такому деятелю нужны многие из тех качеств, кои теория относила к полководцу.

Из числа их иных не хватало бывшему начальнику генерального штаба, и если он не может быть поэтому зачислен в «звезды первой величины», то все же он обладал и ценными качествами военного, будучи в состоянии «блистать» на высших командных должностях, а не только «во главе кавалерийского полка».

В наши намерения прежде всего не входит выискивание «героев», а потому мы не думаем, повторяя снова все достоинства и недостатки Конрада, возводить его в высокий ранг «современного полководца».

Да и сам Конрад после мировой войны познал всю тщетность, может быть, его сокровенных дум, быть сопричисленным к лику полководцев наших дней. После войны бывший начальник генерального штаба скромно заявляет: «*в основе эта (мировая) война... была более войной масс и материальных средств, чем войной полководцев*, и ее следует рассматривать главным образом с *этой* точки зрения».

«Массы» и «материальные средства», производные современного состояния экономики, придавили Конрада, признавшего в наши дни бессилие одного полководца повернуть колесо фортуны в свою пользу. Крепкий в своих монархических устоях, далекий от социалистического учения и даже враждебный ему, начальник австрийского генерального штаба ценою тяжелых жертв и крушений доходит до выводов, давным-давно возвещенных Энгельсом. «Первичное» в жизни прокладывает неизменно дорогу даже в косных мозгах бюрократов бывшей Австро-Венгрии.

«*Военный мандаринат*» окончательно сходит со сцены, сменяясь «*коллективной*» работой в управлении современной войной, и в наши дни здравомыслящий человек не поет «песен» и не рассказывает «сказок» про былых «полководцев-индивидуумов».

Не собирались и мы слагать хвалебных гимнов бывшему начальнику австрийского генерального штаба не потому, что он оказался в стане побежденных, а по нашему искреннему убеждению в праздности этого занятия в наше время.

Перед нами «обыкновенный» человек, знакомству с которым мы были очень рады и не думаем порывать его в последующих страницах нашего труда, целью которого является оценка военной системы Дунайской империи, а отнюдь не лирика об ее вождях.

Таковые сошли с жизненной арены, и, признаться, мы рады этому!..

ГЛАВА VII

АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ В ЛИЦАХ

Конрад о взаимоотношении начальника штаба с командованием. — Взгляды Конрада на важность работы штаба. — Что требуется от сотрудников штаба. — Отношения Конрада к его органам управления. — Внедрение начальником штаба своих взглядов. — Заботы Конрада о физической крепости подчиненных. — Интимный круг начальника генерального штаба. — Персонажи штаба. — Штаб-офицер для поручений при начальнике штаба — Путц и Кундман. — Заместитель Конрада — Хофер. — Начальник оперативного бюро — Мецгер. — Сотрудники оперативного бюро. — Разведывательное бюро и его сотрудники. — Начальник военных сообщений — Штрауб. — Начальники этапного и телеграфного бюро. — Начальник архива — Хоен. — Начальник Военной академии — Краусс.

Наше повествование с очевидностью говорит о том, что современная война, даже в рамках ее военной природы, давит полководца своей тяжестью, делая совершенно необходимым сотрудничество хорошо налаженного военного управления, и в первую очередь, штаба.

Ныне мы намерены познакомить читателя с личным составом австро-венгерского генерального штаба, отрекомендовав его отдельных представителей, и на этом знакомстве уяснить: каков должен быть штаб.

Прежде всего, считаем необходимым выслушать мнение самого начальника генерального штаба о том, что он ставил задачей штабу, как его подбирал и руководил им.

Знакомя нас с официальной редакцией положения о начальнике штаба, Конрад указывает, что *начальник штаба есть важнейший орган высшего командования*, что он подготовляет, предлагает и проводит в жизнь все решения командования, что он ответственен за проведение операций. Ненарушимая гармония между высшим командованием и начальником штаба есть залог успешного управления войсками. Если бы предложения начальника штаба *не были приняты* командованием, то все же начальник штаба *обязан проводить* указания командования со всей энергией и знанием.

Все это Конрад считал обязательным лично для себя во все дни своей работы на посту начальника генерального штаба. Сознание своей ответственности за подготовку к войне и ее ведение никогда не покидало Конрада. При успехе он видел в нем долю своего участия и гордился этим, при неудаче один взваливал на свои плечи ответственность перед страной.

Однако, как мы знаем, один полководец не в состоянии управлять ведением операций. Все его действия связаны хорошо разработанной и проведенной технической стороной операций. Управление на фронте большой войной принадлежит многочисленному, хорошо организованному аппарату, наладить работу которого и вести надлежащим темпом составляет одну из главных обязанностей начальника штаба.

Таким образом, должно быть обращено *особенное внимание на работу штаба*. Если для ведения войны от передовых бойцов требуется храбрость и иные качества высокого морального уровня, то органы управления должны отличаться самоотверженной, сознательной работой, далекой от карьеризма. Чем больше доверия своим органам управления, тем наиболее обеспечено руководство всем военным аппаратом. В современной войне, с участием в ней техники, это требование получает еще большее значение, чем прежде.

Начальник штаба и прочие начальники органов управления должны строго блюсти, чтобы работоспособность этих органов не понижалась. Мелочность и нервность вредят работе. Где только возможно, начальник должен сохранять спокойствие, чтобы обеспечить такую же спокойную работу в напряженное время у своих подчиненных.

«Прежде всего я не вносил никогда нервности», — говорит про себя Конрад.

Придавая такое значение работе подчиненных органов, бывший начальник австро-венгерского генерального штаба при персональном подборе их предпочитал *работоспособные, умные головы, с самостоятельным характером, при наличии самообладания*. Работоспособность этих органов должна соответствовать их кругу деятельности, и они отнюдь не должны являть собою простых подручных.

Работа высшего командования, по мнению Конрада, не сводится к детальному руководству отдельными органами управления, но должна давать лишь общее направление их работе. В остальном для упомянутых органов открывается широкий простор на путях самостоятельной деятельности. Высшее командование должно использовать свои силы в общем руководстве работой всего аппарата и в этом находить удовлетворение.

Говоря о *взаимоотношениях* со своими подчиненными органами, начальник генерального штаба считает необходимым отметить их работу именно в духе даваемых им основных указаний. Полученные от него задания в органах военного управления подвергались детальной проработке, в результате которой приходилось менять и самые основы задания. Это не огорчало Конрада, равно как считалось им своей обязанностью выслушивать все вносимые от подчиненных органов управления предложения. «Я никогда не имел в мыслях отклонять мнения моих органов только потому, что они исходили от них», — говорит Конрад. Нецелесообразные предложения им мягко отклонялись и, наоборот, заслуживающие внимания утверждались Конрадом и подлежали дальнейшей разработке и проведению в жизнь.

Бывший начальник генерального штаба не забывает отметить, что он никогда не позволял себе обращаться к низшим подчиненным, минуя начальников бюро, которым они были непосредственно подчинены.

Постоянный обмен мнений Конрада со своими подчиненными на военных играх, полевых поездках и маневрах как по принципиальным вопросам военного дела, так и по технике управления, способствовал *внедрению в подчиненных взглядов начальника генерального штаба* и установлению определенных методов работы. Все это, по словам Конрада, блестяще оправдало себя на войне, делая военный аппарат работоспособным.

Большое значение Конрадом придавалось *физической крепости и выносливости подчиненных*, что достигалось вовлечением сотрудников в различного рода спорт, особенно верховую езду и горные экскурсии.

Ежегодно Конрадом проводился большой конный пробег, продолжительностью в несколько дней, с минимальным ежедневным переходом в 60 верст. До начала, в течение всего года, занятий, обычно утром, сотрудники бюро должны были обязательно от'ездить определенное время верхом, для чего занятия начинались только с 10 часов утра.

По воскресным дням сотрудники, при нормальной работе, принимали участие в различных спортивных упражнениях и, кроме того, ежегодно составлялись партии для совершения горных экскурсий.

Укрепление духа и тела в своих подчиненных почиталось Конрадом одной из своих обязанностей.

Нами уже ранее отмечалось свидетельство Краусса, что вокруг начальника генерального штаба образовался *особый тесный круг* его сотрудников, использовавших свое положение часто в личных выгодах.

Существование такого *интимного круга* не отрицает и сам Конрад. В состав его входили: начальник оперативного бюро, его помощник и штаб-офицер для поручений при Конраде. С этим кругом лиц начальник штаба делился своими тайнами, они оказывались посвященными во все его оперативные замыслы и предположения, с ними обсуждались все идеи, зарождавшиеся в голове начальника штаба, с этим кружком лиц Конрад обменивался мыслями о качествах тех или иных начальников и подчиненных.

Одним словом, указанное трио пользовалось полным доверием Конрада и вместе с ним переживало радости и горести, которыми был богат путь начальника штаба.

Теперь мы позволим себе начать знакомство с сотрудниками австрийского генерального штаба и прежде всего с теми, которые образовывали тесный круг около Конрада.

Ближе всех из него стоял к начальнику генерального штаба штаб-офицер для поручений.

До 1910 года на этой должности находился Франц *Путц*, которого Конрад рекомендует, как человека сильного умом и духом, громадной работоспособности и отличного здоровья. Уже молодым офицером Путц обратил на себя внимание Конрада в Триесте, в бытность его командиром бригады, штаб-офицером которой состоял Путц. Это был верный молчаливый спутник Конрада, пользовавшийся его полным доверием.

С уходом Путца на службу военным агентом, его сменил Рудольф *Кундман*, бывший полковой ад'ютант того полка, которым командовал Конрад. Последний характеризует его человеком с ясным, быстро схватывающим умом, отличной работоспособностью, уменьем обращаться с окружающими, заслуживая у них симпатии. С 1910 года и по 1917 год Кундман был тенью своего начальника штаба, всюду следуя за ним по пятам, фиксируя отдаваемые им приказания и все переговоры с другими лицами, выполняя поручения по дипломатической части в сношениях с иностранными военными представителями. Кундман был самым доверенным человеком Конрада.

Известный уже нам немец Крамон обрисовывает Кундмана также умным, и даже остроумным, человеком с решительным характером и приятным в совместной работе.

Кроме Кундмана, при начальнике штаба состоял личный ад'ютант для выполнения второстепенных поручений, но не пользовавшийся таким служебным доверием, как Кундман.

Таким образом, как Путц, так и Кундман, действительно, были выбраны Конрадом по знакомству с прежней их службой, и, во всяком случае, Кундман в своей служебной деятельности заслуживал того места, которое занимал, да, повидимому, и доверием его Конрад дарил не без оснований.

Заместителем по должности начальника генерального штаба был сначала Лангер, а затем с 1911 года — *Хофер*. В сущности, заместитель начальника генерального штаба не имел определенных функций. Будучи ориентированным всецело в ходе всех дел, заместитель работал по отдельным заданиям начальника штаба, представлял его в различных комиссиях и только с отъездом Конрада в отпуск или командировку он вступал в исполнение обязанностей начальника штаба, да и то старался получать, если то было возможно, соответствующие инструкции по важным вопросам. До занятия должности заместителя начальника генерального штаба Хофер был начальником 5 отдела военного министерства. Современники характеризуют его, как рядового работника, через год после начала войны покинувшего свой пост и ушедшего снова в военное министерство.

Подлинным заместителем начальника генерального штаба был *начальник оперативного бюро* — второй член интимного кружка. С вступлением Конрада в 1906 году в должность начальника штаба, начальником оперативного бюро был полковник *Краусс-Элиссиаа*, отличный и способный работник, зарекомендовавший себя хорошо впоследствии во время войны. В 1910 году Краусс ушел командовать бригадой, а на его место, по предложению Конрада, был назначен *Мецгер*, занявший в 1915 году должность заместителя начальника генерального штаба и вместе с Конрадом ушедший в 1917 году из ставки.

Конрад до конца своих дней гордился сделанным удачным выбором начальника оперативного бюро в лице Мецгера. С ним начальник генерального штаба обсуждал не только все важнейшие оперативные и организационные вопросы, но все политические, равно как советовался и в подборе высшего командного состава.

Между этими двумя людьми царило полное согласие как в принципиальных, так и иных вопросах, и редко их мнения приходили в противоречие. Конрад, давая руководящие указания начальнику оперативного бюро, не считал их неопровержимыми прежде, нежели не подвергал их анализу Мецгера. С радостью Конрад всегда принимал предложения, шедшие от последнего, не видя в этом какого-либо умаления своего достоинства. Совместная работа начальника генерального штаба с его ближайшим подчиненным, по свидетельству первого, шла без трений. Оба вместе переживали радости и печали, надежды и колебания.

Конрад рекомендует нам Мецгера, как человека выдающегося ума, громадной работоспособности, строгого к себе и к другим на службе, порой даже резкого в сношениях с подчиненными. Но в то же время Мецгер был тактичен, умел всегда вести в контакте работу. Далекий от придворных ухищрений, особенно нужных в Вене, Мецгер всегда шел своей дорогой и на службе ценил дело, а не личности. В частной жизни общительный, веселый и жизнерадостный Мецгер привязывал к себе окружающих, возбуждая в них лишь одни симпатии.

Современники-немцы с берегов Шпрее также воздают должное этой личности. Как Крамон, так и Фрейтаг-фон-Лорингофен говорят о начальнике оперативного бюро, как о человеке с сильной волей, работоспособном и высоко военно-образованном. Во всех отраслях службы генерального штаба Мецгер оказывался очень опытным, прилежным, спокойным и молчаливым работником, несшим безропотно тяжелое бремя своей должности. «Это была правая рука Конрада», — заключает Крамон.

Весь остальной личный состав оперативного бюро, по свидетельству не только самого Конрада, но и Крамона, отличался работоспособностью, знанием и за долгие годы совместной работы известной сплоченностью.

Крамон указывает на отсутствие среди него критиканства, что отчасти объясняется известным подбором его самим Конрадом.

Из личного состава этого бюро мы остановимся лишь на помощнике Мецгера — *Сламечки*, который выделялся своим пером, кое в австро-венгерской армии должно было обладать особыми свойствами: внешним лоском, тонкостью и красотой стиля. Все это было дано Сламечке, и его дарования были использованы Конрадом в той области, которая больше всего этого и требовала, а именно — в политике. Быстро схватывающий суть даваемых ему указаний, умеющий развить их с подбавкой яда в соответствующие документы, Сламечка, как былой «войсковой писарь запорожцев», писал письма от Конрада к «турецкому султану», воплощавшемуся в министре иностранных дел или же германском главном командовании. Для «непрерывных» бумажных боев Конрада Сламечка оказывался незаменимым человеком, почему он и рекомендует его, как способного и неутомимого работника, правой рукой Мецгера. В виду таких дарований, Сламечка был допущен в интимный круг Конрада.

«Мецгер, Сламечка и Кундман образовывали около меня тесный круг», — сообщает нам начальник генерального штаба, отмечая, что такой «отменный» один из его членов, как Сламечка, нередко подвергался тенденциозным нападкам в парламенте, прессе и общественных кругах.

Давая личному составу оперативного бюро оценку, как высоко образованным и неутомимым в работе людям, отлично справлявшимся с оперативными вопросами, Конрад не проходит мимо *Флуга* — артиллериста, вносившего в работу штаба свои широкие технические знания по роду войск и способствовавшего своей инициативой усовершенствованию австрийской артиллерии, в частности тяжелой, ручному оружию, а равно и накоплению соответствующих боевых запасов.

Иосиф *Шнейдер*, в руках которого находились организационные вопросы, а во время войны дело пополнения армии, умело справлялся со своими обязанностями, столь важными как во время мира, так и во время войны.

Разведывательное бюро с вступлением в должность Конрада возглавлялось *Урбанским*, оставшимся бессменно до мая 1914 года, когда он был заменен *Гарниловичем*, бывшим военным агентом в Румынии. Начальник генерального штаба не дает нам личной характеристики Урбанского, равно как и очевидцы военного времени не свидетельствуют об этой личности. Замена Урбанского была произведена по приказанию Франца-Фердинанда, в связи с известным шпионством бывшего начальника штаба 8 корпуса Редля, оставившим горький осадок в душе Конрада, чем, повидимому, и можно об'яснить его замалчивание личности своего начальника разведывательного бюро. Однако, нужно отметить, что Урбанский пользовался большим доверием начальника генерального штаба и не раз с секретными поручениями по плану войны посылался им в Берлин к начальнику германского генерального штаба.

Из других сотрудников этого бюро Конрад рекомендует нам *Роше*, как заведывавшего контрразведкой и оказывавшегося весьма деятельным работником в этой области, а также *Покорного*, ведавшего службой перехвата радио, и своей инициативной работой на войне, позволившей дешифрировать все русские радиограммы, дававшего отличную ориентировку командованию.

Необходимо отметить, что, наряду с разведывательным бюро, учет сил и намерений противника по плану войны проводился и в соответствующих секторах оперативного бюро, о чем мы подробнее скажем ниже.

Бюро военных сообщений было в руках *Штрауба*, весьма деятельного, быстро выходившего из затруднений и знающего свое дело человека.

Вся тяжелая подготовка путей сообщений австро-венгерской монархии к войне, кои вообще были не в блестящем состоянии, разработка всевозможных планов перевозок по плану войны, выработка мер по улучшению путей сообщения государства — все это лежало на Штраубе, и со всем этим, по свидетельству Конрада, он отлично справлялся. При описании работы бюро по выполнению стратегического развертывания мы еще не раз остановимся на этом лице, ныне же должны засвидетельствовать, что оценка его Конрадом недалека от истины.

Этапное бюро, созданное Конрадом, было им поручено *Меценчеффи*, также отличному, обладающему большими знаниями, работнику, проведшему всю подготовку к войне этапной службы, а затем уже, по окончании мировой войны, павшему в должности начальника 6 дивизии Красной венгерской армии.

Рудольф *Шалшула* был начальником телеграфного бюро, и Конрад отмечает его работу во время войны, как полную инициативы и безупречную в смысле поддержания связи даже с отдаленными армиями, в особенности в отношении организации и службы радио.

Начальником военного архива был *Хоен*, дававший ценные исторические труды, и ныне, после мировой войны, снова состоящий в сущности в этой же должности, но только уже «государственного» архива, ибо «военный» архив подвергся гонению Антанты.

Начальником Военной академии был *Краусс*, автор труда «Причины наших поражений», к которому мы не раз обращались и будем обращаться впоследствии. Отлично образованный, с практическим укладом своей научной деятельности, далекий от придворных интриг, «пруссак» — как его расценивали в армии, Краусс во время войны выявил себя отличным практиком как в штабной службе, так и в командовании войсками.

На этом мы закончим знакомство с личным составом центрального аппарата австрийского генерального штаба. Мы не будем вдаваться здесь в изложение подготовки и воспитания вообще генерального штаба Дунайской империи, так как это сделаем ниже. Остановим внимание лишь на следующей мелочи. Нами всюду личный состав рекомендовался без указания чинов и числа лет службы, а потому для пояснения должны указать, что все отмеченные нами лица имели порядочное число лет, проведенное на военной службе, и были в штаб-офицерских должностях.

ГЛАВА VIII

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Дореволюционный генеральный штаб Франции. — Наполеон и его штаб. — Бертье. — Возникновение «дуумвирата».—Русский генеральный штаб начала XX века.—Германский генеральный штаб при Мольтке (старшем).—Борьба за власть.—Бои германского генерального штаба на политическом фронте.—Бисмарк о Вальдерзее.—Бисмарк и Каприви.—«Политика—не поле сражения».—«Шпион императора»—Верди-дю-Вернуа.—Борьба генерального штаба на военном фронте.—Подготовка Мольтке сотрудников генерального штаба.—Воздействие генерального штаба на строевое командование в принятии решений в бою.—Шлиффен и его невмешательство в политику.—Шлиффен — как воспитатель германского генерального штаба. — Мольтке (младший) и его работа по подготовке генерального штаба. — «Интимный» круг Мольтке. — Характеристика сотрудников штаба Мольтке. — Людендорф и Штейн. — Вальдерзее и Таппен.—«Величие и замкнутость оперативного отделения».—Людендорф о своем штабе.—Французский генеральный штаб после Наполеона.—Гувион-Сен-Сир и его проект о генеральном штабе.—Поражения 1870 года.—Генеральный штаб в начале XX столетия.—«Младотурки» генерального штаба и их атака.—Грандмезон и гибель Мишеля. – Жоффр—начальник генерального штаба и его «главная квартира». — Жоффр — в представлении Пьеррфе. — Сотрудники оперативного отделения и их начальник Гамелен. — Начальник первого отделения Бель. — «Гостеприимство» Жоффра.

Для того, чтобы сделать оценку личному составу штаба Конрада, считаем необходимым немного отвлечься в сторону и заглянуть как в историю, так и в другие штабы, существовавшие наряду с австрийским перед мировой войной.

Штаб был, конечно, у всякого полководца, как только армии начали развиваться в численности и, в особенности, когда техника властно вторгнулась в военное дело. Известно, что еще Макиавели определял функции штаба, кои и ныне вспоминаются теми, кто подходит к вопросу о генеральном штабе.

Не вдаваясь в седые времена военной истории, мы остановимся лишь кратко на Наполеоне, который, как нами отмечено было выше, являлся и полководцем, и начальником штаба. Зачатки генерального штаба во французской армии были еще в дореволюционное время. Созданный преимущественно из «разночинцев», т.-е. людей не дворянского и буржуазного происхождения, генеральный штаб проявлял кипучую деятельность по вопросам, близким к кругу ведения современного генерального штаба. Однако, эта работа изобличала во французском дореволюционном генеральном штабе узких техников-специалистов, конечно, не понявших природы вспыхнувшей революции.

Поэтому ясно без пояснений, что революция с первых шагов хотя и не уничтожила генеральный штаб, но последний в ее ходе не только не оказался мозгом армии, но постепенно сходил на-нет и исчез при Наполеоне. Отдельные представители старого генерального штаба, находясь или на штабных должностях, или же на командных, вписали свои

имена в историю революционной армии, но, как корпус, генеральный штаб прекратил свое существование.

Наполеон относился к генеральному штабу не особенно дружелюбно, хотя и любил своего начальника штаба *Бертье*, одного из представителей старого генерального штаба. Остановив наше внимание на Бертье, мы сможем уяснить, что требовалось Наполеоном от генерального штаба. Бертье был, в сущности, ничем иным, как хорошим начальником связи у Наполеона, но отнюдь не начальником штаба, ни даже начальником оперативного управления. Поддерживая постоянную связь с подчиненным командованием, полно передавая приказания Наполеона, продиктованные им лично или составленные по его указанию, Бертье являлся неутомим работником, но без идеи, представляя собой лишь хорошо налаженную машину. Когда Бертье становился перед принятием самостоятельных решений в своей работе, то, как известно, оказывался плохим помощником. Наполеону приходилось выправлять создавшееся положение, роясь и разбираясь в куче донесений, поступивших от маршалов и своей разведки. Мы были бы неправы, если бы не отметили, что Наполеон ценил службу генерального штаба лишь по отдельным поручениям, но, как аппарат управления, генеральный штаб при нем прекратил существование, и не было намеков на его возрождение.

Однако, с ростом армии, росло значение штабной службы, но до самой смерти маленького капрала оно не выкристаллизовалось еще в службу генерального штаба.

Причины уничтожения генерального штаба во французской революционной армии мы видим в следующем. Оказавшийся в общей своей массе с недостаточным политическим развитием, воспитанный в старой военной школе, французский генеральный штаб революцией мог быть использован лишь в работе по узкой своей специальности — технике штабной службы, каковая, конечно, нужна была и в то время. В последней от него требовалась точность, аккуратность, работоспособность и здоровое тело, могущее вынести тяжелую работу. Других качеств штабных работников, в нашем понимании, политикам-революционерам и таким мастерам военного дела, как Наполеон, в те времена не требовалось, особенно до 1810 г.

Мы сказали «*до 1810 года*», так как уже в последующие годы в противных армиях значение генерального штаба поднимается, и начальник штаба входит необходимым звеном в идейную область полководца, в то время близко соприкасавшуюся с политикой. Как было отмечено ранее, с этого времени во главе управления войной становится «*дуумвират*».

Русский генеральный штаб этой эпохи в основе не поднимался над общим уровнем и, например, «генерал-квартирмейстером» в 1812 году был некто Мухин, выделявшийся своей способностью ситуировать. Уже тогда ум Клаузевица был поражен таким выбором важнейшего сотрудника по оперативной части. Если же вспомнить, что «идея» была исключена из обихода генерального штаба и почиталась принадлежностью командования, то об'яснения такому явлению просты.

Зародившись с современными нам функциями в Германии, генеральный штаб начинает расцветать лишь в руках Мольтке. Захватывая с каждым годом все больше и больше власти, сначала в военном ведомстве, затем делая попытки в этом направлении и в политике, Мольтке встречает упорное сопротивление, с одной стороны, военного министра Роона, а с другой—решительный отпор в лице Бисмарка.

В предшествующей главе нами приведены взгляды Мольтке на значение *своей* должности, как начальника генерального штаба. Стремление

обеспечить за ней все прерогативы и не умалить ее авторитет у Мольтке шло не только в равной плоскости с остальными должностями государства, но спускалось и вниз, в самый генеральный штаб.

Мы знаем, что главнокомандующему, по мнению Мольтке, должно быть предложено только «*одно* мнение» и лишь «*одним* уполномоченным на это лицом», т.-е. начальником штаба. Никаких вторжений в это «*одно* мнение» Мольтке себе не мыслил, тем более снизу. «Проекты начальника генерального штаба предварительно обсуждались им совместно со штабными офицерами; затем король подвергал их весьма подробному рассмотрению», повествует Мольтке. Таким образом, у него после предварительного обсуждения в недрах штаба вырабатывалось «*одно* мнение», которое и докладывалось высшей военной власти.

Таково построение «авторского права», укоренившегося в германском генеральном штабе во времена Мольтке.

Вступая в борьбу за завоевание власти генеральным штабом, его начальник—Мольтке, конечно, был бы не в силах один вести непрерывные сражения, коих было не менее, чем у героя нашей повести—Конрада. Необходимы были помощники, насквозь проникнутые идеями своего начальника. И, действительно, около Мольтке образуется в 1857 году круг в 18 человек—«*Большой генеральный штаб*», увеличившийся через 10 лет до 48 человек. С этим кругом лиц Мольтке и проделывает свои походы, венчавшие славой прусское оружие.

Нет сомнения: чтобы попасть в этот замкнутый круг, необходимо было обладать соответствующими качествами, кои подходили бы для той деятельности генерального штаба, которую хотел развернуть его начальник.

Выше мы отметили, что генеральный штаб должен был еще завоевывать свои позиции как в чисто военной области, так и в политической. Борьба шла на два фронта, и к этой борьбе призывались люди прежде всего деятельные и энергичные.

Мы остановимся сначала на *политическом* фронте. Вступая в бой с Бисмарком сначала из-за надлежащей ориентировки во внешней политике, а затем из-за желания творить эту политику, Мольтке находил в своем штабе соответствующие для этого силы. Нам известно, что многие из тесного круга Мольтке задерживали данные для ориентировки Бисмарка и что последний вел борьбу не только с самим Мольтке, но и окружающими его «полубогами», самым злостным из которых был никто иной, как классик прикладного метода стратегии Верди-дю-Вернуа, будущий военный министр Германии.

Некоторые из современных историков германского генерального штаба (Гюнтер Вооллер) любовно отмечают, что сам Бисмарк ценил достоинства помощников Мольтке на политическом поприще и что преемником Бисмарка на канцлерском месте был никто иной, как Каприви, бывший офицер генерального штаба у Мольтке. Мы должны указать, что действительно многие из сотрудников Мольтке стремились и занимали руководящие места в политической жизни Германии. Мода на мундир генерального штаба в Берлине была большая, но что из этого вышло,—показала мировая война.

Что же касается политических дарований этих «полубогов», то Бисмарк в своих «Воспоминаниях» так характеризует некоторых из них. Говоря об известном «духовном» братстве некоего Штеккера, в дело пропаганды которого окунулись с головой сам Вильгельм и генерал-квартирмейстер, а впоследствии начальник генерального штаба Вальдерзее, Бисмарк пишет: «то обстоятельство, что инсценировка (одно из организационных собраний по братству Штеккера), происходившая в доме графа Вальдерзее, была осуждена мною, восстановило против меня этого влия-

тельного в кругу принца (Вильгельма) человека еще в большей степени, чем это было до тех пор. Мы были с ним долголетними друзьями, я сумел его узнать во время французской войны и как солдата, и как политического единомышленника; позже мне пришла даже мысль рекомендовать его государю на военный пост политического характера. При более близких служебных отношениях с графом я стал сомневаться насчет его пригодности к политической деятельности, и когда графу Мольтке, стоявшему во главе генерального штаба, потребовался заместитель, я счел себя обязанным запросить военные круги прежде, чем доложил государю свое мнение о Вальдерзее».

«В результате я обратил внимание его величества на Каприви, хотя последний, как я уже знал, не был обо мне такого же хорошего мнения, как я о нем. Моя мысль сделать Каприви преемником Мольтке в конечном счете потерпела неудачу, как я думаю, вследствие трудности установить необходимый при дуалистическом руководстве генерального штаба modus vivendi между двумя столь самостоятельными фигурами. Высшим кругам эта задача казалась легко разрешимой, если пост заместителя Мольтке будет предоставлен Вальдерзее: таким образом, последний приблизился к монарху и его преемнику».

Вальдерзее, конечно, не забыл этого инцидента Бисмарку и все время вел против него интригу, особенно во внешней политике канцлера, и наконец, в 1890 году доложил Вильгельму о скрытых, якобы, от него Бисмарком документах, которые были получены в генеральном штабе, а именно: о приготовлениях России к войне. Бисмарк описывает, как 18 марта 1890 года Вильгельм собрал всех командующих генералов, об'явил им об отставке Бисмарка, так как «к начальнику генерального штаба Вальдерзее поступили будто бы жалобы на мои (Бисмарка; *Б. Ш.*) самовластные и тайные сношения с Россией». Вальдерзее, по долгу службы, сделал его величеству доклад о донесении киевского консула и его значении». «Никто из генералов», продолжает Бисмарк, «не ответил на речь императора, промолчал и граф Мольтке (старший). Но, спускаясь по лестнице, последний сказал: «Прискорбное явление, молодой барин еще не раз позовет нас на такие советы».

Мы еще вернемся к этому вопросу, а теперь лишь отметим, что, говоря об утайке документов, Бисмарк пишет: «Если бы я хотел утаить что-нибудь от императора, я, пожалуй, не доверил бы бесчестную утайку документов генеральному штабу, не все руководители которого были моими друзьями, и, конечно, не военному министру Верди».

Что касается Каприви, то его достоинства, как политического и военного деятеля, Бисмарком рисуются так: «Как глубоко и долго сказывались еще разные неудовольствия военных чинов, вызванные со времен войны 1866 г. ведомственным самолюбием, и как влияли они на все возраставшее ко мне недоброжелательство моих сослуживцев и бывших партийных товарищей,—пишет Бисмарк,—я мог заключить, между прочим, из сообщения фельдмаршала фон-Манштейна; к нему совершенно неожиданно явился генерал Каприви, стал настойчиво указывать на опасность, которую будто бы я, ответственный министр, навлекаю своей враждой к армии, и просил маршала, чтобы он повлиял на короля. Этот и для маршала неожиданный и враждебный выпад против меня со стороны Каприви и его постоянное обращение с лицами, которые... вели против меня замкнутую борьбу, не мешали мне высказывать высокое мнение об его военных способностях, составленное на основании авторитетных отзывов».

«После назначения Каприви начальником флота,—продолжает канцлер,—вопреки моим советам состоявшемся в 1883 году, я рекомендовал импе-

ратору Вильгельму I не лишать армию, в виду сомнительных в то время перспектив на мир, генерала, пользовавшегося таким доверием войск, не прерывать того единения, которое создалось между ними, так как в случае войны ему пришлось бы эту связь наново создавать. Я предлагал привлечь Каприви к участию в руководстве генеральным штабом, как только графу Мольтке понадобится помощник. Последний, однако, не был склонен воспользоваться услугами Каприви и предпочитал в таком случае совсем уйти в отставку, чего император не хотел ни в каком случае допустить». Вторично Бисмарк выдвигал кандидатуру Каприви на должность заместителя Мольтке, когда Вальдерзее испортил себе репутацию с пропагандой идей Штеккера, и снова был получен решительный отпор от того же Мольтке (старшего). В 1890 году Бисмарк выдвигает Каприви кандидатом на министра юстиции, ибо «только военный глава может в нужную минуту возместить слабость гражданской части. В качестве подходящего генерала я указал на Каприви, который был, правда, чужд политике, но за то был надежным солдатом королю; от политики он мог бы в мирное время, как министр-президент без портфеля, в значительной степени воздерживаться. О том, чтобы Каприви стал моим преемником в иностранном ведомстве, в то время речи не было».

Бисмарк отмечает, что Каприви сомневался в своих силах на политическом поприще, но успокоенный Вильгельмом II, что «ответственность за дела» последний принимает на себя, согласился на занятие поста канцлера.

«Как разрешил Каприви свои сомнения насчет принятия поста имперского канцлера, об этом он поведал мне—к слову сказать, в единственной беседе, происходившей на пороге захваченной им в моем доме комнаты: «если бы я, находясь во главе своего 10 корпуса, получил во время боя приказ, который грозил бы гибелью корпусу, поражением и смертью мне и если бы мои деловые возражения против него не имели никакого успеха, мне ничего бы не оставалось, как исполнить этот приказ и погибнуть. Что дальше? Человек за бортом!» «В этом взгляде,—рассуждает Бисмарк,—заключается вся сущность офицерского духа, который составлял и в настоящем, и в прошлом столетии военную силу Пруссии, и будет жить в ней и впредь. Но если этот взгляд перенести в область законодательства, политики—внутренней и внешней,—то он, несмотря на всю свою удивительную силу в этом деле, здесь грозит опасностями. Современную политику в Германской империи с ее свободной прессой, парламентским направлением, находящейся в тисках европейских осложнений, нельзя вести посредством королевских приказов, послушно исполняемых генералами даже в том случае, если бы способности ныне царствующего германского императора и короля Пруссии превосходили таланты Фридриха II».

«На месте господина Каприви я не принял бы канцлерского поста,—продолжает Бисмарк,—для должности министерского секретаря или адъютанта на неведомом поприще почтенный прусский генерал, больше других пользующийся доверием нашего офицерства, слишком высокая особа; *а политика—не поле сражения: она требует специальных знаний для разрешения вопроса, необходима ли и когда именно война и как избежать ее с честью.* Военно-полевую теорию Каприви я мог бы признать лишь в тех случаях, когда судьба монархии и отечества поставлена на карту, когда, согласно историческим прецедентам, вступает в силу диктатура».

«Мой политический опыт накапливался в течение 40 лет,—говорит Бисмарк,—а мой преемник, вступая в новую должность, был знаком с политическим положением государства также хорошо, как во время командования 10 корпусом».

Какого мнения о Верди был канцлер, мы уже указывали выше. «Верди был назначен без моего ведома,—пишет Бисмарк,—между нами в 1870 г. была размолвка, и я относился к нему, как к muchard'y (шпиону) императора в совете министров. Его назначение было уже шахматным ходом императора против меня».

Мы просим извинения за выслушание показаний «железного канцлера», но считали это сделать необходимым, дабы: 1) узнать мнение о «полубогах» противной стороны; 2) познакомиться с тактикой генерального штаба в политике; 3) познать, насколько германский генеральный штаб стремился захватить власть в жизни страны.

С очевидностью явствует, что сам Мольтке (старший) в этом был превзойден своими помощниками.

Мы отнюдь не хотим сказать, что ответственные сотрудники генерального штаба должны стоять *вне* политики, наоборот, они должны быть все время *в курсе* политики, учитывать ее в полном об'еме при всех военных предначертаниях, но это далеко от творения *своей* политики, к чему, собственно говоря, и стремились «полубоги» Мольтке.

Если борьба на политическом фронте не требовала от начальника штаба особых трудов по подготовке к ней самих сотрудников, то для победы на *военном* фронте генеральный штаб Мольтке, как и сам Мольтке, должны были выдержать упорные бои.

В энергии и решительности германским строевым начальникам, в общей их массе, отказать было нельзя, им недоставало знаний «современного» военного дела и его перспектив на будущее. Необходимо было это восполнить.

Эту миссию и взял на себя Мольтке, привлекая к ней свой генеральный штаб, предварительно подготовив последний к такой работе. Начальник генерального штаба деятельно принимается за это. Путем вовлечения ближайших своих сотрудников в изучение современных войн, составления их историй с необходимыми выводами на будущее, путем полевых поездок, индивидуального решения сотрудниками тактических задач, даваемых начальником генерального штаба, разбором их,—Мольтке подготовлял и воспитывал свой генеральный штаб для широкой работы на военном поле и устанавливал единомыслие между собой и своими подчиненными по военным вопросам.

В практической деятельности Мольтке обычно давал лишь общие указания и директивы, а детальная работа выполнялась уже подчиненными ему начальниками отделений. Наконец, им же поручалась и специальная проработка тех или иных вопросов.

Таким образом, от сотрудников Большого генерального штаба Германии его начальником требовалось широкое военное образование, логичность мысли, уменье кратко и ясно и без шаблона выражать ее, уменье принимать соответствующие решения, и ко всему этому—отличная четкая исполнительная работа. На ряду с этим, помощники Мольтке должны были обладать соответствующими энергией и характером, чтобы быть «полубогами», на роль которых их готовил начальник генерального штаба.

В его понятиях и ко всему отмеченному выше, «полубог» должен отличаться скромностью, молчаливостью, отсутствием стремления выделиться как на службе, так и вне ее, но он обязан быть твердым в своих действиях при любой обстановке. Сам Мольтке показывал в этом пример, заслужив эпитет «молчальника». Однако, не все помощники отличались указанными достоинствами и иногда вступали в довольно страстный спор со своими противниками, будь то лица командного состава или политические деятели. Борьба выводила из равновесия этих представителей германского Олимпа. Всем известен случай из войны 1870 года, когда будущий германский канцлер, а тогда начальник штаба X корпуса, Каприви хлыстом создал

историческую славу командиру кавалерийской бригады Бредову, послав его этим веским аргументом в атаку. Правда, наши современники отмечают скромность Каприви, не афишировавшего свой поступок и предоставившего все лавры Бредову (А. Свечин «История воен. искусства» ч. III, стр. 129), но для нас этот случай довольно характерен, показывая, какие приемы применялись «молчальниками» германского генерального штаба в целях воздействия на командные инстанции.

По другим источникам, Каприви послал хлыстом в атаку не Бредова, а командира другой кавалерийской бригады Редерна. С Бредовым же, в смысле его понуждения к атаке, вел «крупный разговор» Фойгт-Ретц — начальник штаба III корпуса Альвенслебена. Говорим это лишь для установления факта, но сама суть его не меняется.

В 1870 году генеральный штаб уже чувствовал почву под ногами и мог пускать в дело хлыст для «скромного» и «молчаливого» управления войсками, выявляя тенденции, кои были заложены в него знаменитым Мольтке. Нам думается, что, испытав подобный образ управления генерального штаба, Бредов и Редерн жали сочувственно руку Бисмарку, которому не страшны были хлысты «полубогов». Если сам Мольтке отличался изящными манерами и танцами, столь необходимыми для салонов, то его сотрудники, во всяком случае, в поле этих качеств не выявляли, да и не только в поле.

Мы отнюдь не хотим обвинять «полубогов» в отсутствии у них «хорошего тона», наоборот, отмечаем в них сильный характер, энергию, но вместе с тем не можем и согласиться с подобными приемами воспитания к себе уважения и подчинения своей воли.

Так или иначе, мы должны отметить, что сотрудники Мольтке: 1) не чуждались политики; 2) отличались широким военным образованием; 3) были людьми с характером и 4) в своей деятельности проявляли большую работоспособность и технический навык.

Со смертью своего начальника штаба, его ближайшие помощники оказались у кормила власти не только военной, но и гражданской. Следуя заветам своего учителя, они продолжали держать на надлежащем уровне военную подготовку своих помощников, но в политических самостоятельных выступлениях начали терпеть крах (Вальдерзее, Каприви).

Политический крах не оказался без последствий на следующем поколении германского генерального штаба, начавшего свою деятельность до вступлением в должность начальника генерального штаба Шлиффена.

«Нашим учителем и воспитателем для «великой современной войны» был фельдмаршал фон-Шлиффен», — так свидетельствует наш современник Куль в своем труде «Германский генеральный штаб».

В предшествующей главе мы отчасти познакомились со взглядами Шлиффена на роль полководца. В наши рамки не входит давать облик самого Шлиффена, но к взглядам его мы будем не раз возвращаться. В данное время для нас интересны те требования, кои пред'являлись им к своим ближайшим сотрудникам. Многие из последних, находясь при Шлиффене уже на высоких должностях, а иные начав службу при нем, выявили себя так или иначе в мировой войне.

Прежде всего, мы должны отметить, что, плохо устанавливая связь с политикой, Шлиффен вел свою собственную политику, но, что называется, про себя, изредка выявляя ее перед своими сотрудниками. Поняв на судьбе своих предшественников, что активное вмешательство в политику чревато последствиями, начальник генерального штаба старался не выявлять своего лица, а тем более втягивать в это своих ближайших сотрудников. Поэтому вполне понятно приведенное нами заявление Людендорфа, что он политическими партиями не интересовался.

Как известно, после мировой войны на генеральный штаб не только Антанта, но даже и в Германии многие политические деятели возвели обвинения в мировой катастрофе, и он, как признанный виновник войны, оказался стертым с лица земли. Таким образом, наше заявление, что генеральный штаб в Берлине оказывался чуждым политике, как будто страдает неточностью. Охотно спешим исправить свою ошибку. Вернее, нужно сказать, что германский генеральный штаб вел свою военную политику, основанную на милитаризме, без учета «первичного» в ней, и в своих политических предпосылках был безусловно безграмотен. Политика генерального штаба была «казенного» образца была политикой специалистов своего дела, но не государственных людей. Мышление последних не было свойственно представителям германского генерального штаба, ибо оно и не развивалось их начальником Шлиффеном.

Главные устремления Шлиффена были направлены на надлежащую подготовку инструмента войны — армии, и ее мозга — генерального штаба.

В идейной части своей работы Шлиффен не нуждался в советниках и помощниках, оберегая в этом свой авторитет, но в то же время он стремился развить у них широкий военный кругозор, давая задачи, по своему оперативному замыслу далеко выходящие из круга их деятельности.

Требуя принятия самостоятельных решений при ясном понимании всей обстановки в совокупности, т.-е., иными словами, развивая военный кругозор своих сотрудников, Шлиффен пред'являл к ним суровые требования и в технической, детальной части работы.

Куль свидетельствует, что «от своих подчиненных он (Шлиффен) требовал очень многого, соответственно своей собственной необычайной работоспособности».

«В течение нескольких лет под Рождество в моей квартире раздавался звонок — продолжает Куль, — специальный курьер приносил мне рождественский подарок от графа Шлиффена — большой набросок военного положения (обстановка), с задачей составить проект операции. Он был бы очень удивлен, если бы оконченная работа не была вручена ему вечером в первый день праздника. На второй день праздника присылалось продолжение задачи. Воскресенье и праздничные дни, по его мнению, были предназначены для таких работ, которые можно исполнить, не отрываясь текущими делами».

«Его память была необычайна. Насколько он сам был в курсе всех отраслей работы, настолько же он требовал от начальников отделений точной осведомленности во всякое время. Противоречия с предыдущими докладами от него никогда не ускользали. В таких случаях даже через год он возражал: «Вы же мне говорили тогда-то то-то и то-то».

«Таким образом, каждый из нас приучился быть весьма и весьма на-чеку. Удовлетворить его было очень трудно: мало кого он находил прилежным. О многих он отзывался резко и саркастически. Тонкий наблюдатель и знаток людей, он был склонен относиться к массе отрицательно, но, кто заслужил его доверие, того он определенно ценил».

Отмечая молчаливость Шлиффена в жизни, Куль говорит, что «он сознательно старался поменьше быть на виду. Того же требовал и от офицеров генерального штаба: «офицер генерального штаба должен больше быть таковым, чем казаться».

Выше мы уже коснулись того, что даже по праздникам ближайшие сотрудники Шлиффена обязаны были совершенствоваться в военном деле, решая задачи. В остальное время начальник генерального штаба вел также интенсивную подготовку своих помощников. То же решение задач, военные игры, полевые поездки со строгим и саркастическим разбором — все это

вело к внедрению в помощников как своих идей, так и воспитанию в них воли к победе, развитию современных приемов управления и работы.

«Непогрешимы мы не были, но прилежны были. Поруганный милитаризм был в сущности только упорной работой генштаба», — так ныне говорит один из бывших помощников Шлиффена — Куль.

Преемник Шлиффена на посту начальника генерального штаба — *Мольтке* (младший), по свидетельству своих современников, был далек от своего предшественника, но все же, сам отличаясь требовавшимися от работника Большого генерального штаба качествами, к тому же вел и своих помощников, одним из которых на должности начальника оперативного отделения был известный Людендорф.

Цитированный нами выше Куль отмечает, что со стороны Мольтке «усовершенствование образования офицеров генерального штаба велось образцово». Хотя и были недочеты в подготовке генерального штаба, ясно сознаваемые, однако «Мольтке образцово руководил большими полевыми поездками генерального штаба и стратегическими военными играми». Одним словом, «во всех областях современной войны Мольтке оказывал свое дальновидное и благотворное влияние».

Однако, все современники согласно говорят, что твердой руки в управлении своими помощниками у Мольтке не было. Авторитетом, который был присущ дяде и Шлиффену, племянник Мольтке не обладал. Короче говоря, перед мировой войной начальник германского генерального штаба нуждался в соответствующих «интимных» советниках.

Бывший кронпринц в своих воспоминаниях, описывая характер Мольтке, отмечает: «в его характере была какая то застенчивость; он иногда как будто бы не чувствовал достаточного доверия к своим силам. Таким образом, он скоро оказался в полной зависимости от своих сотрудников. Личная мягкость и сердечная, человеческая доброжелательность, которой он обладал, мешали ему приобрести тот безусловный авторитет, который должен иметь начальник генерального штаба». «Во время моей службы в генеральном штабе, — продолжает кронпринц, — мне рассказывали, что в управление старого Шлиффена даже обер-квартирмейстеры являлись на доклад к этому гениальному, резкому и беспощадному начальнику не без некоторой робости, тогда как к генералу Мольтке каждый являлся с докладом охотно и часто».

Тесный «интимный» круг образовался в германском генеральном штабе уже до мировой войны, а затем непосредственно перешел и на поля сражений последней.

Генерал-квартирмейстер Штейн, а затем, с его уходом в строй, Вальдерзее, начальники оперативного отделения — Людендорф и сменивший его Таппен — были самыми приближенными к начальнику штаба людьми, с которыми он обдумывал как политическое положение, так и все проекты по усилению и улучшению армии и по использованию ее в будущей войне. Каково было их влияние и авторство в различных проектах, это можно видеть из тех докладов, кои представлялись начальником генерального штаба, но за которые фактически ответственны были их составители — начальники отделений. Так, известный доклад об усилении армии на 3 корпуса, составленный в 1912 году Людендорфом, потерпел крах в рейхстаге, и все громы за него пали не на голову Мольтке, а на автора — Людендорфа, удаленного из генерального штаба в строй, хотя и с наградой. Факт — очень интересный, показывающий, что, с одной стороны, племянник Мольтке был далек от своего дяди, чтобы одному взять всю ответственность за доклад, и пошел на выдачу с головой своего помощника, а с другой — из этого эпизода видим, как высоко стояло «авторство» подчиненных начальнику генерального штаба, если нужно было применять репрессии не к последнему, а, через его голову, к начальнику оперативного отделения.

Мы не будем сейчас останавливаться на характеристике самого начальника штаба Мольтке (младшего), ибо сделаем это ниже. Однако, позволим себе отвлечь еще внимание читателя и познакомить его кратко с тем *интимным* кругом, который был около Мольтке.

Давать полные характеристики всех персонажей этого круга, по понятным причинам, мы здесь также не можем, да они и без нас довольно полно набросаны в литературе и, наверное, известны всем. Одним из таких ближайших сотрудников Мольтке был Людендорф — фигура, настолько знакомая всем, что подробно представлять ее, конечно, не требуется.

Общей чертой, свойственной всем сотрудникам Мольтке, было однобокое их политическое развитие, которое не имело под собой какой-либо подготовительной работы в этой области, а вырабатывалось вращением их в определенном классовом кругу германского юнкерства.

В своем труде «Ведение войны и политики» Людендорф указывает, что, готовясь к борьбе на военном поле, армия и флот, в частности их командный состав, оказались на высоте положения, и ни в коем случае нельзя признать их воспитание ложным, в чем он убеждался во время своей службы. Бросаются порицания, что в остальных областях, а именно — в политике, в прессе и в экономике офицеры оказывались безграмотными. Однако, по мнению Людендерфа, политика и пресса есть дело гражданских чиновников, а не офицеров, и если получился провал в политике, то это вина первых, а отнюдь не доказательство ложного пути воспитания офицеров. Правда, в прежние времена командный состав более оказывался в курсе политической жизни страны, но это нужно об'яснить общим под'емом общественной жизни. В экономических же вопросах командный состав разбирался хорошо.

Мы выше приводили слова того же Людендорфа, что он никакими партиями не интересовался, а затем, когда почувствовал влечение к этому, то оказался почему-то в правых кругах. Той же дорогой шли и остальные помощники Мольтке — Штейн, Вальдерзее, Николаи и т. д. Одним словом, «полубоги» племянника, выпущенные на политическую арену, с меньшим рвением, чем таковые же у дяди (Мольтке-старшего), пустились в политическую борьбу, оказавшись под черным стягом. По злой иронии они имели еще меньший успех, чем их предки. Если последние доходили до канцлерских мест, то герои нашего времени оказались сметенными революцией, фактически распростившись не только с канцелерством, но и с военной своей карьерой. Правда, в таких натурах, как Людендорф, еще не угасли лучи надежды вернуться на канцлерское место, но едва ли жизнь даст дорогу этому зубру мрачной реакции.

Что касается военных качеств как Людендорфа, так и Штейна, бывшего с началом войны генерал-квартирмейстером ставки, а затем в средине войны военным министром, то таковых за ними отрицать нельзя. Это не были гении, но образованные, с сильным характером, штабные работники, умевшие твердой рукой вести подготовку к войне, а затем и самую войну.

Как ни заманчива фигура Людендорфа, чтобы на ней остановиться подробнее, мы сделать этого не можем, и вынуждены проститься с ним, как с помощником Мольтке, чтобы встретиться снова с его суждениями, как самостоятельного работника в германском генеральном штабе.

С уходом из последнего до мировой войны Штейна и Людендорфа, они были заменены Вальдерзее и Таппеном. С этими лицами нам еще не раз придется встречаться на протяжении нашего труда, а потому мы немного остановимся на их облике.

Известный Гофман, бывший начальник штаба Восточного фронта, характеризует нам Вальдерзее, как высокообразованного, отличного офицера генерального штаба, но не обладавшего сильным характером

и к тому же больного. Получив, с началом мировой войны, назначение начальником штаба 8 армии в Восточной Пруссии, Вальдерзее быстро закончил свою карьеру, будучи сменен Людендорфом на этом посту после Гумбиненского боя.

Начальник оперативного отделения Таппен, пробывший в этой должности до осени 1916 года и только с приходом Людендорфа замещенный на ней Ветцелем, является личностью, хорошо освещенной современной германской литературой. Его ближайший сотрудник Бауэр в своем труде «Мировая война в поле и на родине» дает ему в общем довольно верную характеристику, подтверждающуюся и остальными современниками.

Бауэр представляет нам Таппена, как человека с необыкновенной силой воли, хорошими нервами и способностью на быстрые решения. Чрезвычайно прилежный, строгий к себе, Таппен мог бы быть отличным начальником, если бы только его знания, умственные способности и душевные качества были на должной высоте. Большей частью дружески относящийся к своим подчиненным, Таппен, однако, был невозможен с теми, кто ему чем-либо не угодил. Все новое, выходящее за круг усвоенной им службы генерального штаба — его святыни, он не признавал.

В военной технике он видел лишь вспомогательное средство и довольно второстепенное, каковой взгляд, правда, соответствовал понятиям большинства офицеров германского генерального штаба. Злобность Таппена вызывала нежелательную и порой несправедливую с его стороны критику. Он всюду вносил с собой холодность и действовал как тормоз.

Другие современники подтверждают суждения Бауэра и все в один голос заявляют, что Таппен не мог быть правой рукой такого начальника штаба, как Мольтке. Действительно, при мягком характере последнего Таппен был безусловно отрицательной величиной, не говоря уже о том, что идейного помощника в нем Мольтке найти не мог. Но другие качества, свойственные Таппену, а именно — сила его воли, хорошие нервы и необычайное прилежание, повидимому, заставили Фалькенгайна удержать Таппена на посту начальника оперативного отделения до своего же ухода осенью 1916 года. Фалькенгайн не нуждался ни в правых, ни в левых руках, но не отрицал и значение работы стоящих близ него сотрудников. В своем труде «Верховное командование» он говорит: «Ответственность за действия верховного командования падала исключительно на начальника генерального штаба. Он мог нести это исключительное бремя, конечно, лишь потому, что его в качестве сотрудников окружала группа выдающихся людей, которых надо считать тоже принадлежащими к верховному командованию». Как видно, этот начальник германского генерального штаба имел свои собственные суждения по каждому вопросу, возникавшему при управлении, и поэтому Таппен мог быть полезен и ему. Что же касается «поверенных» в своих замыслах операций, то таковыми Фалькенгайн избрал Фрейтаг-фон-Лорингофена — генерал-квартирмейстера, и военного министра г. Вильда-фон-Гогенборн.

Но при Мольтке Таппен, затем пресловутый Хенч, личность которого также известна и без нас, а также начальник общего отделения, ведавший назначениями по генеральному штабу, составляли «интимный» круг начальника штаба. Говоря о наличии такового, Бауэр очень резко относится к начальнику общего отделения, который ранее был адъютантом и порученцем при Мольтке и, пользуясь его неограниченным доверием, был далеко нелицеприятен во всех назначениях, отличаясь в то же время довольно ничтожным знанием людей.

С горечью вспоминает Бауэр о существовании этого негласного, но всесильного военного совета при начальнике германского генерального штаба.

Мы не будем останавливаться на детальной характеристике германского генерально штаба, как она ни интересна сама по себе, а лишь отметим присущую всем генеральным штабам до мировой войны общность— это величие и замкнутость оперативного отделения. Если Шлиффен требовал от своих подчиненных «более быть, чем казаться», то оперативное отделение его наследника, а также, снова повторяем, и других штабов (австрийского, русского, французского), усвоило этот принцип с другого конца: «более казаться, чем быть». Оперативное отделение это было «святая святых» штаба, и его сотрудники являлись жрецами высшего ранга, недоступными для простых смертных. Замкнутые в себе, делающие вид людей, погруженных в особой важности работу, стремящиеся как можно меньше иметь общения с окружающими в штабе, не говоря уже о строе, сотрудники оперативного отделения обыкновенно даже обедали за отдельным столом и поближе к высоким персонам. Правда, такая напускная важность вызывала к себе критическое отношение от сотоварищей даже по штабу и, по личному воспоминанию автора сего труда, в штабе русского главнокомандующего северо-западным фронтом операторам была присвоена довольно нелестная кличка «сенаторов».

Чтобы покончить с германским генеральным штабом, мы должны снова вернуться к старому нашему знакомцу Людендорфу и выслушать его суждения о своих сотрудниках по штабу.

«При моей чудовищной перегруженности работой и моей тяжелой ответственности,—говорит бывший «сенатор» времен Мольтке (младшего),— я мог терпеть вокруг себя только самостоятельных, прямых людей, от которых я требовал, чтобы они откровенно высказывали мне свои мнения, что они, иногда очень основательно, и делали. С глубокой верой в собственные силы, стойко и прочно стояли около меня мои сотрудники. Они были самоотверженными и в то же время самостоятельными помощниками, проникнутые высочайшим сознанием долга. Право решений, разумеется, принадлежало мне, так как ответственность, которую я нес, не допускала колебаний. Война требовала быстрых действий. Но в моих решениях не было своеволия, и когда я уклонялся от предложений моих сотрудников, я никогда их не оскорблял. В этих случаях, а также, когда происходил обмен мнений, я старался, не впадая в неясность, признавать воззрения, не совпадавшие с моими. Я рад славе и хорошей репутации моих сотрудников. Всегда я придерживался взгляда и придерживаюсь его до сих пор, что война так грандиозна и дает такой широкий простор блестящему творчеству, что один человек не может выполнить всех предъявляемых ею требований. Первым моим сотрудником на Востоке был тогдашний подполковник, теперь генерал-майор Гофман, умный офицер, полный лучших стремлений».

Характеризуя в дальнейшем свой штаб по отдельным персонажам, Людендорф говорит: «В главной квартире я взял к себе подполковника Ветцеля для разработки операций. . . Это была прекрасная солдатская натура, с верным и сильным характером. Предприимчивый и бодрый, точный в работе, он был мне превосходным и милым помощником».

Давая в дальнейшем характеристики отдельным личностям, Людендорф отмечает у них, как положительные качества, огромную работоспособность, железное прилежание, дальновидность, талантливость, спокойную и ясную мысль, организаторские способности и т. д.

С приходом Людендорфа в германской ставке завелись и другие обычаи: «Особенно дружно протекало наше совместное столование в большом кругу, где генерал-фельдмаршал любил веселую и оживленную беседу. Я охотно принимал в ней участие, но говорили иногда и о служебных делах. Мы, разумеется, строго следили за тем, чтобы за общим столом

не обсуждались оперативные мероприятия *(очень хороший и полезный обычай; Б.Ш.)*. Прибывшие в штаб посетители часто приглашались вместе с нами к столу или только в рабочий кабинет».

«От приезжающих офицеров всех родов оружия и из всех дивизий фронта мы узнавали о том, что делается в армии, иногда лучше, чем через большие официальные сообщения».

«Я придавал величайшее значение тесной связи с фронтом и получал много сообщений, которые всегда умел использовать, почему эти военные посещения были мне особенно желательны и ценны».

Таким образом, как-будто все обстояло благополучно в германской ставке, но мы должны доставить некоторое разочарование «фиктивному» начальнику генерального штаба. «Первый его сотрудник на Востоке» Гофман свидетельствует нам, что, помимо непосредственных своих помощников, даже в оперативных вопросах, Людендорф любил выслушивать мнения и неофициальных советчиков из оперативного отделения, с которыми его связывала прежняя дружба. Бывший же кронпринц в своих воспоминаниях пишет: «На мой взгляд Людендорф не всегда умел выбирать своих ближайших сотрудников и не уделял также должного внимания указаниям на их ошибки и недостатки. Слишком часто также он игнорировал сообщения, несогласные или опровергавшие их доклады. Виной тому было опять-таки его благородное понимание долга верности по отношению к своим помощникам, которые, по мере своих сил, не всегда, однако, стоявших на высоте положения, несомненно наилучшим образом стремились исполнять свои задания. Этим и об'ясняется, что он терпел на неотвечающих их способностям постам многих лиц дольше, чем это было бы желательно в интересах дела».

На этом мы опускаем занавес над германским генеральным штабом, бегло просмотрев его от Мольтке (старшего) до Людендорфа. Останавливались на нем все же подробно потому, что этот штаб давал тон остальным штабам европейских армий и служил для них образцом.

Казалось бы, можно было этим ограничиться и снова вернуться к старым нашим знакомым с берегов Дуная, но мы позволим себе еще заглянуть в один из штабов противной стороны. Мы уже во введении отказались от исследования русского генерального штаба, а поэтому и здесь, не поднимая занавес над его жизнью, обратимся к французскому генеральному штабу.

Французский генеральный штаб, повергнув в прах и небытие своего противника — германский генеральный штаб, ныне идет по его стопам, являясь законодателем мод для армий своих вассалов.

Выше было отмечено, что революция отмахнулась от генерального штаба, как касты, и лишь с реакцией, с восстановлением Бурбонов, в 1818 году маршал Наполеона Гувион-Сен-Сир выдвигает снова идею — иметь в армии хорошо подготовленных специально штабных работников. Исключив при отборе последних протекционизм, Сен-Сир положил фундамент корпуса генерального штаба, комплектовавшегося из прикладной школы генерального штаба. Вместо протекционизма житейского на сцену был выдвинут протекционизм науки, знаний. Оторванность от армии, цеховый характер созданного вновь учреждения, отсутствие хорошей подготовки и работы в самом генеральном штабе не создали ему авторитета ни в войсках, ни у старших начальников. Поражения 1870 года нанесли окончательный удар престижу этого учреждения.

Уничтожив замкнутый характер генерального штаба, правительство III Республики, по образцу своих победителей, создавало при военном министерстве нечто вроде Большого германского генерального штаба с начальником штаба во главе.

Неустойчивость последнего в должности, боязнь вернуться к кастовому учреждению, наполеоновские принципы авторитетности старших войсковых начальников — ввели такую же неустойчивость во французском генеральном штабе—вернее в «службе генерального штаба», так как генеральный штаб, как особый корпус, восстановлен не был. «Служба генерального штаба» заполнялась офицерами, получившими высшее военное образование — «бревете».

Мы лишены возможности подробно останавливаться на французском генеральном штабе, как будем его для ясности называть. Наше знакомство с ним начнется с начала XX века.

Поставленный в положение технических работников, подобно своим предкам в эпоху Наполеона, французский генеральный штаб деятельно погрузился в изучение техники штабной службы, обгоняя в этом своих врагов-немцев. Приниженный в идейной и распорядительной части, этот генеральный штаб накапливал силы, чтобы вступить в борьбу за расширение своих прав.

Прежде всего необходимо было свергнуть своих богов в среде генерального штаба и дать дорогу молодым силам и веяниям. Как известно, после поражений 1870 года французская военная мысль воспитывалась на оборонительных тенденциях для будущей войны с соседом на Рейне. Видя в обороне возможность остановить натиск немцев, верхи армии и генерального штаба вели в этом направлении как разработку плана войны, так и подготовку армии.

Но уже в начале XX столетия во французской военной мысли появились признаки критики принятых взглядов на характер будущей войны на Рейне, и молодые силы генерального штаба выступили с проповедью наступления.

Начатая дискуссия в литературе вскоре была перенесена и в жизнь генерального штаба. Сотрудник генерального штаба известный *Грандмезон* об'явил войну вице-президенту Военного совета генералу *Мишелю*, обвинив его в пристрастии к «обороне». «Младотурецкое» движение генерального штаба в Париже закончилось отставкой *Мишеля* и выдвижением на должность начальника штаба *Жоффра* с его партией «полубогов» с «патентами» высшего военного образования.

«Младотурки» одержали победу, и отныне генеральный штаб начал углублять свои права не только в армии, но распространял их и на жизнь страны.

Мы остановились на этой краткой истории французского генерального штаба для того, чтобы сделать дальнейшее изложение более понятным.

В своем увлекательном труде «Главная квартира» Жан-де-Пьеррфе дает нам блестящую характеристику французского генерального штаба и сложившихся в нем отношений.

Указав на то, что «бревете» (в нашем понятии — офицер генерального штаба; *Б. Ш.*), т.-е. лица, имеющие «патент» высшего военного образования, отличались своей яркой обособленностью среди прочего командного состава армии, Жан-де-Пьеррфе отмечает, что почти все они являлись реакционерами с инстинктивным стремлением держаться подальше от прогресса и глубоким недоверием к передовым мнениям.

«Бревете» сохранял строгую преданность к нравам, крайнюю честность, слабость к сбережениям, традицию, отсутствие любопытства ко всему, что выходит из рамок его карьеры, полное невежество в области посторонних идей и, главным образом, умственную узость.

Французский офицер генерального штаба презирал все то, что не входило в его среду, будь то общество или даже та армия, плоть от плоти которой он являлся.

Таков был общий тип «мозга армии» по ту сторону Рейна. Обрисовав его, мы спешим вернуться к интересующему нас вопросу.

Прежде всего мы должны немного поближе познакомиться с самим *Жоффром*. Пьеррфе рисует его, как человека своенравного и несговорчивого, деспотично оберегавшего свой авторитет. В своем штабе он был самовластным господином, и весьма редки были люди, которые не трусили его.

Пунктуальный в распределении дня, Жоффр не выносил опозданий со стороны своих подчиненных. Поддавшийся первым впечатлениям, он их уже затем не менял. Предпочитая видеть около себя людей скромных, но не робких и застенчивых, Жоффр не выносил сотрудников, много говоривших, особенно в повышенном тоне и со смелостью, а равно докладчиков, которые пытались в чем-либо его убедить. В последнем случае болезненный авторитет сразу обрывал докладчика.

«Младотурки», выставляя кандидатуру Жоффра в начальники генерального штаба, немного не расчитали, думая видеть в нем послушный манекен на почетном месте. Однако, и при таком шефе для них открывалось все же широкое поле для выявления качеств, указанных выше.

Пьеррфе говорит, что несмотря на то, что офицеры генерального штаба вообще занимали привиллегированное место в армии, но и среди них еще выделялись «особо привиллегированные», составлявшие *третье* отделение штаба (оперативное).

Считалось особенным шиком служить в этом отделении, имевшем в течение первых трех лет войны все признаки замкнутого монашеского кружка. Самоуверенные и упивающиеся собственным достоинством, охваченные одним и тем же чувством неприязни к чужим лицам и мнениям, с одинаковым мышлением, жрецы этого отделения неумолимо охраняли свой авторитет и авторитет своего главнокомандующего, стараясь изолировать его от посторонних влияний.

Суровые и даже жестокие в суждении о действиях старшего командного состава армии, «бревете» оперативного отделения своими заключениями и личными осмотрами частей немало способствовали той частой смене старшего командного состава армии, которой отмечены первые периоды войны. Пьеррфе указывает, что, несмотря на те лучшие чувства, которые обуревали офицеров 3 отделения при об'езде ими частей, они все же приносили и немало вреда, так как: 1) были слепыми поклонниками официальной доктрины, 2) мало оказывались знакомыми с действительностью и 3) обыкновенно посещали только штабы, но не войска.

Тот же Пьеррфе даст нам яркий образец отношения сотрудников оперативного отделения не только к армии, но даже к *правительству* Франции. Говоря о том, что с победой на Марне Жоффр оказался почти властелином всей страны, автор обрисовывает первую поездку состоявшего при президенте республики полковника Пенелон в ставку Жоффра, с целью установить контакт и получать ориентировки о происходящих на фронте событиях. Прибыв в ставку, Пенелон обратился в оперативное отделение, где у него были личные связи, но был холодно принят. Когда же Пенелон посвятил операторов в цель своего приезда и начал доказывать необходимость ориентировки главы правительства, то подвергся жестокой атаке жрецов, отвергавших всякую власть во Франции, кроме власти Жоффра и... пожалуй, самого оперативного отделения.

«Но, однако же, что вы хотите сделать с правительством?» — с горечью спросил Пенелон.

«С правительством... пусть оно убирается в колонии!», — последовал довольно определенный и твердый ответ монахов ставки Жоффра.

Так начинался «парламентский контроль» во Франции!

Пьеррфе нам представляет и начальника оперативного отделения полковника Гамелена, вступившего в эту должность уже после Марны, видное участие в плане которой приписывают ему, как состоявшему в распоряжении Жоффра. Ныне, как известно, Гамелен командует войсками в Сирии против друзов.

Отличаясь моложавой внешностью, хотя ему было уже за 45 лет, щеголеватостью в одежде, хорошим здоровьем, Гамелен был прост в обращении и никогда не злоупотреблял тем доверием, которым он пользовался у Жоффра. Молчаливый, с мягким голосом, искусно владеющий своим языком, Гамелен умел горячо отстаивать свои мнения и убеждать выслушивающего их.

Одним из первых кончивший высшую военную школу, Гамелен имел за собою репутацию хорошего стратега и, если к этому учесть его манеру докладов у Жоффра, соответствовавшую характеру последнего, вполне становится об'яснимым то большое влияние, которым пользовался Гамелен у главнокомандующего, любившего своего начальника оперативного отделения.

Гамелен входил одним из членов в интимный кружок Жоффра, собиравшийся, обыкновенно, за обеденным столом у своего мандарина.

В более мрачных красках Пьеррфе набрасывает образ начальника первого отделения, ведавшего личным составом армии, подполковника *Бель*.

Маленький, черный, с жестким лицом, с холодным взглядом быстро моргающих глаз в пенсне, с походкой вкрадчивой и неровной, Бель сеял ужас при своем проходе по штабным коридорам, являя собой прокурора, возвращающегося с казни преступника. Бель обладал громадной памятью, зная почти весь состав французской армии. С напускной веселостью в короткие минуты отдыха от своей 12-часовой работы, Бель соединял жестокость в обращении с представителями армии, обращавшимся к нему по своим служебным делам. Он был повинен в отчислении от должности ста сорока семи генералов, которых не спасал и сам Жоффр, ибо Бель был неумолим в своих докладах и аттестациях. Ни начальник штаба, ни его помощники не смели возражать Белю.

Известный Жоффру до войны, Бель пользовался его неограниченным доверием, принадлежа к интимному кругу маршала Франции.

Если мы видели известное гостеприимство в ставке Гинденбурга, то у его противников строй в лице своих представителей встречал холодный прием. Никто, конечно, не думал не только распрашивать их о положении на фронте, но даже пригласить в столовую, и приезжавшим старшим войсковым начальникам, чтобы не умереть с голоду, приходилось обращаться в обычные рестораны.

Как бы ни было интересно дальнейшее углубление в жизнь французского генерального штаба, но мы вынуждены отказаться от этого, прося извинения и за то, что позволили себе более или мене подробно остановится на «главной квартире» Жоффра. Побуждало нас к этому, с одной стороны, желание не ограничиваться толкованием вопроса в чисто немецких рамках, ибо германский и австрийский генеральные штабы все же были до некоторой степени родственны, а с другой, и стремление приподнять завесу над «блистательным» французским генеральным штабом, занявшим ныне на мировой арене первое место среди «мозгов армии» различных стран.

Обычно победители всегда служат образцом и к ним приглядываются, изучают их в лучшем случае, а зачастую слепо копируют. Кое-какие из армий в наши дни занимаются этим, взяв за образец французский генеральный штаб. Кроме того, последний, водворяя велением «свободной

республики» военную гегемонию среди вассальных ей государств Европы, и сам стремится перенести уклад жизни и работы генерального штаба с французской почвы на иную, не думая о том, насколько этот иной грунт окажется восприимчивым для успешного произрастания подобных учреждений.

В виду этого, полагаем, что нам не будет брошен упрек в уклонении от описания наших героев с берегов Дуная, тем более, что их фигуры будут более понятны после знакомства с таковыми же на берегах Шпрее и Сены.

Проведенная параллель личного состава трех современных штабов (австрийского, германского и французского), полагаем, освобождает нас от оценки помощников Конрада, ибо читающий эту главу сам вынесет определенное суждение о персонажах австро-венгерского генерального штаба.

ГЛАВА IX

«ОТ НЕГО ВСЕ КАЧЕСТВА»

Коллективное управление войной в целом. — Современный «полководец» в управлении войной. — Необходимость и значение аппарата управления войной. — А. Свечин о генеральном штабе. — Главные обязанности полководца наших дней. — «Авторитет» начальника генерального штаба и «интимные» кружки при нем. — «Авторское право» в генеральном штабе, — Развитие инициативы в сотрудниках генерального штаба. — «Тулон» в работе генерального штаба. — Требования к штабным работникам, — Отношение начальника генерального штаба к подчиненным. — Воспитание начальником генерального штаба своих подчиненных. — Политический кругозор сотрудников генерального штаба. — Развитие волевых свойств у сотрудников генерального штаба. — Работоспособность их. — «Молчаливость» и «скромность» генерального штаба — Общительность. — Тактичность сотрудников генерального штаба. — Характер устных докладов. — Генеральный штаб и строй. — «Более быть, чем казаться».

Читающий наш труд посетил ряд зал с портретами сотрудников генерального штаба различных армий и даже разных эпох. Перед ним прошли «древние герои» — «полубоги», мы остановили его внимание и на живописи «новой» школы, близкой нам по времени. Со стен глядели лица мужественные, энергичные, упрямые, со складкой ума на челе и отпечатком характера в лице.

Мы не будем раз'яснять читателю индивидуальные особенности каждого из лиц, оставившего свой облик в портретной галлерее, а остановим его внимание на более общих выводах о личном составе генерального штаба, его значении, подготовке, воспитании и укладе жизни.

Думается, что без особых пояснений можно заметить общие черты у личного состава набросанных нами штабов, культивировавшихся в разных государствах, далеко не похожих одно на другое. Такое явление становится вполне понятным, если вспомним, что генеральный штаб армия различных европейских государств комплектовался и принадлежал по своему личному составу всецело одному и тому же буржуазному классу, имеющему общие черты, где бы оно ни жило — на Дунае, Шпрее или Сене. Если армии этих государств все же включали в себя представителей рабочего класса и крестьянства, то генеральный штаб изолировался от этого. «Мозг» капиталистической армии мог быть только буржуазным и никаким иным. Поэтому в какой штаб мы ни заглядывали, всюду находили одних и тех же ярких представителей буржуазии, ревниво охраняющих интересы последней.

Таким образом, с одной стороны, копирование самого консервативного из штабов — германского, а с другой, — самое главное, классовые интересы накладывали указанный выше отпечаток на генеральный штаб того или иного из перечисленных выше государств.

В предшествующих главах было отмечено, что руководство войной в целом в наши дни из рук полководца решительно и бесповоротно перешло к *коллективу*. Полководец в его рядах является одним из госу-

дарственных деятелей, ответственным за военную сторону войны, а в остальных областях ведения таковой вносит лишь свои требования, но отнюдь не руководит всей страной в целом. Нами было указано ложное понимание германским генеральным штабом этого принципа во времена Мольтке и в мировую войну, а потому особых доказательств положений, выдвинутых самой жизнью, полагаем, не требуется.

Остается «*военная сторона*» войны, которой должна бы управлять одна личность полководца, подобно Наполеону. Однако, если вспомним, то, по понятию Шлиффена, Наполеон мог выполнить это лишь, «похитив священный огонь с неба». В наши дни подобным сказкам уже не верят, а потому мы позволим себе вполне присоединиться к взглядам Конрада, что даже в военной области управление войной возможно только при хорошо организованном, правильно, четко и безотказно функционирующем военном аппарате управления, часть которого и составляет генеральный штаб. Ныне последний фактический начальник германского генерального штаба Людендорф свидетельствует, что один полководец не в состоянии единолично вести войну, а, следовательно, и подготовку к ней.

В своей «Стратегии» А. Свечин говорит: «Преимущества германской системы (военного управления; *Б. Ш.*) заключались в том, что, сохраняя видимость феодального местничества, они допускали возложение ответственной работы на талантливых специалистов, не считаясь ни с их возрастом, ни со служебным положением. Армия вверялась молодому генералу или даже полковнику, который официально значился лишь, как «шеф» (начальник штаба), и который имел при себе приличного представителя идеи феодального старшинства».

«Разумеется, — приходит к вполне здоровым выводам А. Свечин,—*выводы этой системы отпадают в армии, окончательно освободившейся от феодальных предрассудков и с удовольствием приемлющей командование молодых вождей, вне всякой линии старшинства*» (курсив наш; *Б. Ш.*).

«Отсюда, однако, еще не следует, что генеральный штаб является пережитком феодализма... командующий в современных условиях войны должен опираться на целый коллектив отборных помощников, годных на всякую ответственную работу, заслуживающих полного доверия».

«Такой коллектив требуется уже для упорядочения гигантской работы по подготовке к войне. Согласовать, гармонизировать подготовку... *может только генеральный штаб*, собрание лиц, выковавших и проверивших свои военные взгляды в одних и тех же условиях, под одним и тем же руководством, отобранных тщательнейшим образом, связавших себя круговой ответственностью, дружными выступлениями достигающих переломов в военном строительстве».

«Современные формы операции, в которую развилось сражение, не позволяют руководить ею одному человеку; нужны десятки и сотни доверенных агентов, каждый из которых был бы не бюрократом, а сознательным представителем высшего военного управления, чтобы можно было применять современные оперативные формы. Никакое количество телеграфных проводов не обеспечит связи при отсутствии генерального штаба: в телеграммы будет вкладываться одно понимание пишущим, а другое — читающим».

«Наличие сработавшегося генерального штаба, в числе других преимуществ, позволяет обходиться лаконическими распоряжениями,—говорит дальше А. Свечин. — Как два аппарата Юза, стоящие на двух концах проволоки, должны быть предварительно настроены механиком, чтобы быстро и толково печатать передаваемую депешу, точно так же и генеральный штаб обеих сговаривающихся инстанций должен быть предвари-

тельно настроен опытным в стратегии и оперативном искусстве мастером».

«Генеральный штаб, — заключает А. Свечин, — должен говорить на одном языке, и влагать одни и те же мысли в определенные выражения».

Мы считали необходимым осветить современные нам воззрения нашей литературы на генеральный штаб, чтобы затем перейти к обсуждению вынесенного впечатления из посещения музея генерального штаба.

Без колебания присоединяемся мы к мыслям бывшего начальника австрийского генерального штаба, сводящимся к тому, что полководцу в наши дни приходится удовольствоваться лишь *идейной стороной и общим направлением всей совокупности работы военного аппарата управления*, и в хорошей его деятельности находить удовлетворение. Иными словами, современный полководец подлежит дальнейшему расчленению, и все более и более вырисовывается необходимость хорошей коллективной работы, т.-е. повышается значение отдельных органов управления, даже в идейной части руководства, а не только в их технической работе. Полководец наших дней не в состоянии будет работать с таким штабом, какой был у Наполеона, даже при наличии Бертье.

Повторенные нами только что мысли бывшего начальника австрийского генерального штаба высказаны после мировой войны. Не знаем, насколько он был склонен руководствоваться ими в штабе до войны. Судя по его высокой оценке роли начальника штаба и тем непрерывным боям, кои он вел за это, можно было бы притти к выводам, что Конрад стремился воплотить в жизнь взгляды Мольтке (старшего) с его «одним» мнением и «одного» только лица. Однако, наличие при Конраде «интимного круга» штабных работников говорит об ином.

Существование таких кружков особо избранных лиц свойственно было всем трем штабам до и в начале мировой войны; в дальнейшем такой круг был около Фалькенгайна, да и Людендорф не брезговал побочными советами подчиненных, как нам об этом рассказывал Гофман. В то же время мы видели, как наружно каждым из полководцев оберегался его авторитет «единого» вершителя военных действий...

В виду изложенного, является необходимым немного пристальнее остановиться на «авторитете» современного полководца и необходимости наличия около него «тесного круга» советников.

Нет слов, что престиж полководцев наших дней следует понимать, как традицию единоначалия военных вождей. Как только что было указано, процесс расчленения полководца в военной области в наши дни является естественным, а поэтому говорить об «авторитете» его, в прежнем понимании такового, не приходится. Здесь следует лишь установить: в состоянии ли полководец в военное время, а начальник генерального штаба в мирное, сохранить за собой авторитетность в общем руководстве военным аппаратом управления или ему нужен подсобный орган в этой области управления. Говорим «подсобный», ибо только таковым и могли являться те интимные кружки, кои существовали при начальниках штабов.

Общее руководство войной, даже в ее военных рамках, ныне настолько сложно, что возложение его на одно лицо является большой тяжестью, посильной лишь людям выдающимся, которым впору, пожалуй, перед этим заняться кражей «священного огня». А так как полководцы перед мировой войной все же не считали возможным этим заниматься, то поэтому понятно, что они искали поддержку в близких людях, стараясь найти в них в лучшем случае поверку правильности своих суждений, а в худшем — негласный военный совет, о котором с горечью вспоминал немец Бауэр. Такие интимные круги, подобранные к тому же еще по

признакам свойства, родства или прежней службы, однако, не являлись надежными критериями правильности замыслов и предпринимаемых шагов полководца или начальника штаба. Их следует рассматривать, как болезненные наросты, как уступку «традиции», как явление, присущее буржуазному классу, и к ним справедливо можно отнести суждение Энгельса, что лучше совсем не иметь штаба, чем иметь вместо него тесный круг родственников, приятелей, знакомых и бывших сослуживцев, в качестве подсобного органа при полководце.

Как ни сложна подготовка к современной войне и ее ведение на театре военных действий, мы все же не мыслим полководца или начальника генерального штаба ограниченной в его идейной, творческой части каким-либо сохранением «шефов», которые «дружными выступлениями достигают переломов в военном строительстве», как говорит А. Свечин. Мы не хотим вступать ни в полемику, ни возражать автору отличного труда «Стратегия», но позволим лишь напомнить нашему читателю «младотурок» французского генерального штаба, «дружными выступлениями достигших переломов в доктрине» и пожавших первые неудачи в начале войны 1914 года. Если перевернуть несколько страниц назад и прочитать о французском генеральном штабе перед мировой войной, то мы не найдем разницы с высказанными А. Свечиным мыслями Мы не возводим «бревете» тех времен в образец для современного генерального штаба, ибо люди, «дружными выступлениями достигающие переломов в военном строительстве» и «связавшие себя круговой ответственностью», не всегда могут устанавливать правильные и верные прогнозы военного строительства и самой войны. В таком генеральном штабе мы видим прежних «полубогов» и «интимные кружки», но с более расширенным числом членов.

«Армии, окончательно освободившейся от феодальных предрассудков и с удовольствием приемлющей командование молодых вождей, вне всякой линии старшинства», такой генеральный штаб не нужен вообще, а в ином начальник штаба, весьма вероятно, тоже будет из «молодых вождей», для коего окажутся излишними лица, «связавшие себя круговой порукой» и буреломы. Современному полководцу нужен работоспособный аппарат управления и не больше.

Отвергнув, таким образом, необходимость наличия интимных кругов, советчиков при полководце или начальнике генерального штаба, мы подходим к другому вопросу, а именно: «*авторству*» в работе. Поскольку значение деятельности самостоятельных органов военного управления поднялось, вопрос об авторстве в работе становится злободневным. Мы видели, как «дядя» Мольтке признавал только «одно» мнение, которое составлялось у него после предварительного обсуждения с подчиненными, и только он «один» докладывал это мнение, неся за него и всю ответственность. На наших же глазах племянник Мольтке признал «авторство» Людендорфа в проекте об усилении армии, за который все беды посыпались не на начальника генерального штаба, а на «автора». Конрад нам говорит, что в этом случае он, следуя взглядам Мольтке-старшего, брал всю ответственность на себя, но зато «автор» оставался в тени. Иными словами, должен ли каждый из работников генерального штаба иметь свой «Тулон» или предоставлять все лавры и огорчения за него своему начальнику.

«Авторское право» в службе генерального штаба давно являлось темой обсуждения и практического разрешения. Можно сказать, что оно возникло с признанием дуумвирата, как системы управления, т.-е. в начале XIX столетия. Мы говорим о взаимоотношениях генерального штаба с их строевыми начальниками. Не вдаваясь в мотивы решения этого

вопроса в германской армии, бывшего долгое время спорным, мы ограничимся указанием, что «авторское право» было оставлено за командным составом. Как видно, Каприви не претендовал на «авторство» в атаке Бредова, отчасти, повидимому, потому, что «полубогу» не особенно было лестно оглашение тех методов, коими он насаждал это авторство. Но нельзя умолчать о том, что «авторство» скрывалось лишь наружно, внутри же генерального штаба знали этих авторов и заносили в соответствующие списки. В других генеральных штабах, по прусскому образцу или же в силу твердого признания принципа единоначалия, авторское право нашло такое же разрешение. Хотя нужно сказать, что после мировой войны представители генерального штаба с берегов Шпрее держатся другого, повидимому, взгляда и рядом с именами строевых начальников всегда упоминают об их начальниках штабов, что можно отчасти об'яснить стремлением увековечить память работников генерального штаба, ныне вычеркнутого рукой Антанты из списков живых.

В бывшей русской армии «авторское» право генерального штаба признавалось и даже награждалось, но лишь в том случае, если начальник засвидетельствует, что успех достигнут благодаря плану, разработанному его начальником штаба.

Таков был закон, но обычай во всех армиях ввел в употребление наряду с командной линией и так называемую *линию генерального штаба*. «Полубоги» имели свое «божественное» подчинение, и нередко играли им не только перед своими непосредственными строевыми начальниками, но и способствовали их смещению с должностей. «Линия генерального штаба» свято блюлась друидами сверху донизу. Едва ли, конечно, нужно доказывать весь вред такой «линии поведения» — ясно и без нас, особенно для «армии, окончательно освободившейся от феодальных предрассудков и с удовольствием приемлющей командование молодых вождей». Однако, к нашему глубокому сожалению, то же рекомендуется и для нее.

Мы слышали мнение А. Свечина, что *современный* генеральный штаб — «доверенные агенты», «сознательные представители высшего командования», что это «собрание людей» должно быть «предварительно настроено опытным в стратегии и в оперативном искусстве мастером», что «генеральный штаб должен говорить на одном языке».

Наконец, А. Свечин подчеркивает: «особенно важна роль генерального штаба по преодолению местных, колокольных интересов». Указывая, что эти колокольные интересы свойственны высшим начальникам, ибо «высший командный состав поддается дисциплинированию несравненно туже, чем красноармейцы», А. Свечин приходит к определенному выводу: «Генеральный штаб — это агенты одного целого, не связанные с местными интересами данной части, с данными традициями, а связанные с идеей победы на вооруженном фронте в целом. Его обязанность — выдвигать эти общие цели и бороться с колокольными уклонами».

Ну, чем не «божественная линия поведения», та — прежняя, неписанная линия генерального штаба, о которой мы только что говорили? Ну, а если высший командный состав сам вышел из недр генерального штаба? Повидимому, и он, помимо командной линии, должен быть «доверенным агентом целого», ибо он «предварительно настроен опытным в стратегии и в оперативном искусстве мастером». При всем нашем уважении к автору «Стратегии» мы решительно отказываемся присоединиться к его взглядам и скорее примкнем к Наполеону в его оценке генерального штаба. От «божественной линии поведения» генерального штаба недалеко и до «генерально-штабного чванства», и смеем заверить, что крепкий строевой командир не потерпит подобного «шефства» над собой, решительно положив предел власти «доверенного агента», или просто удалив его от себя.

Генеральный штаб не может быть толкователем или раз'яснителем приказов высшей инстанции для своего начальника, «настроенным аппаратом Юза», так как прежде всего единое понимание военных явлений должно быть установлено среди высшего командования, приказы должны быть написаны так, чтобы в них ясно выражали свою мысль не только для генерального штаба, но и для строевого командира. Не нужно забывать, что ответственным за успех или неудачу все же является начальник, а не его «шеф», и плох тот строевой командир, который, подобно Мольтке, будет искать виновников в своих подчиненных, а не в самом себе.

Отвергнув вмешательство «сознательных представителей высшего командования» в круг ведения строевых начальников, мы остановим внимание на «авторском праве» в среде самого генерального штаба, в виду наличия прецедентов его «фактического» признания. Выше отмечалось, что бывший начальник австрийского генерального штаба всегда считался с мнениями и докладами своих сотрудников, принимал целесообразные из них, требовал инициативной работы, даже менял свои основные предположения, но это, однако, не вело его к узаконению «авторского права» своих сотрудников и взваливанию вины на них в случае неудачи, как это сделал Мольтке (младший). Нет слов, каждому лестно иметь свой «Тулон», но не нужно забывать, что слава его должна принадлежать тому, кто несет ответственность. Обратимся к «Тулону» Людендорфа. Казалось бы, что прежде всего начальник генерального штаба ответственен за своевременное усиление армии, и от него должны исходить соответствующие проекты, так как более, чем кому-либо из его подчиненных, ему могла быть известна политическая и экономическая кон'юнктура настоящего и перспективы ее развития в будущем. Если начальник оперативного отделения первый поднял об этом вопрос и разработал проект, то это означает, что начальник штаба во-время не оценил обстановки, а лишь последовал за своим подчиненным. Но если бы это было и так, то санкция проекта для внесения его в высшие инстанции должна была исходить от высшего начальника, а, таким образом, и вся ответственность возлагалась на плечи начальника штаба. Кто знает — не встретила ли бы Германию лучшая судьба на полях сражений, если бы своевременно был удален из генерального штаба не Людендорф, а сам Мольтке, ибо в должности начальника оперативного отделения Людендорф, возможно, оказался бы более полезным, чем на самостоятельном месте первого генерал-квартирмейстера. Мольтке же, как известно, вторично потерпел неудачу, но уже не перед рейхстагом, а... перед французами. Злая ирония судьбы — «автором» этой неудачи был снова не Мольтке, а плачевной памяти Хенч, но только на этот раз и начальнику генерального штаба это «авторство» не сошло с рук так легко, как эпизод с Людендорфом.

Если мы отрицаем за генеральным штабом вообще, а в его среде за подчиненными в частности, «авторство», то совершенно далеки от того, чтобы угнетать их *инициативу* в работе или пригибать их *самолюбие*. Как первое, так и второе следует в своих подчиненных уважать, ценить и развивать, выделяя по заслугам их работу, когда это нужно, но не перекладывая всю ответственность за нее исключительно на них же. Мнение об этом Конрада нам по душе. Но «Тулон»!? Как же «Тулон»!? Каждый его носит в своем ранце! Указание справедливое, но в штабной работе неприменимое, ибо здесь нужно «более быть, чем казаться». Слава же об отличной деятельности «молчаливого» сотрудника и на этом поприще так же незаметно, но верно пройдет в толщу армии. Судьба Мецгера в этом порукой сомневающемуся. Конрад, вся армия, собственная страна и даже союзники немцы знали и ценили этого человека, называя его «правой рукой» Конрада, но сам Мецгер до конца дней своих не пред'-

являл «авторского права», что наглядно видно по его работе в V томе Шварте «Мировая война», написанной уже после таковой. Его «Тулон» от него не ушел!

Было бы ошибочным притти к выводам, что в эпоху Наполеона не пред'являлось *высоких требований* к штабным работникам. Они в то время главным образом сосредоточивались на технике этой службы.

Начиная с эпохи Мольтке от штабных работников требуется участие в идейной стороне подготовки войны и ее ведения, при чем с каждым годом это требование все более и более повышается настолько, что без хорошо налаженного, идейно работающего аппарата военного управления ныне нельзя ни подготовиться к войне, ни провести ее.

Поэтому ясно, что для руководства отдельными органами этого управления должны быть призваны люди, хорошо образованные, с энергией и инициативой, работоспособные, самостоятельные в своих суждениях и действиях, но в то же время тактичные и скромные в общежитии.

Мы видели, какие требования в этом пред'являлись Конрадом и другими начальниками штабов, и повторять их здесь не будем. О качествах сотрудников генерального штаба скажем несколько ниже, а ныне только снова отметим, что следует обращать особое внимание на их подбор, что, конечно, составляет одну из важнейших забот начальника штаба. Мы бы только предостерегли от одного — это от составления штаба по признакам родственным и приятельским, ибо в таком случае лучше совсем не иметь никакого штаба.

Остановимся сейчас на *взаимоотношениях* начальника штаба с его подчиненными. На примерах выше показано, что со стороны начальника штаба должно следовать лишь общее руководство работой своих подчиненных органов, не вмешиваясь в ее детали. Сказанное отнюдь не означает, что деталей работы начальнику штаба знать не нужно — нет, их следует порой просмотреть, но не браться самому за их осуществление, предоставив эту область своим подчиненным. Мелочность Шлиффена в напоминании прежних докладов при разногласии с позднейшими об'ясняется именно этим, и мы не рассматриваем «мелочность», как придирку со стороны начальника штаба, но как известный контроль. Затем не нужно забывать, что детальная проработка того или иного вопроса может повлечь за собой и изменение даже идейной его части.

Таким образом, давая общее направление работе своих подчиненных органов, начальник штаба не может считать преподанные им директивные указания незыблемыми и неподлежащими изменению. Мы видели, что Мольтке (старший) и Конрад подвергали их обычно предварительному анализу. Начальник австрийского генерального штаба и даже жесткий Людендорф признавали, что только *окончательное* решение остается за ними, но предварительные их указания всегда могут быть изменены. Позволим себе лишь снова повторить, что современное управление требует детального обдумывания принимаемого решения, а так как это не под силу одному начальнику штаба, то без предварительной детальной проработки проекта решения подчиненными органами нельзя поручиться за его целесообразность. Конрад указывает, что после такой проработки ему приходилось менять и основания принятого ранее решения.

Не приходится много говорить, что *инициатива* в работе *подчиненных* органов должна не только приветствоваться начальником штаба, но даже требоваться им. В этом случае необходимо проявить уменье и такт, чтобы, с одной стороны, ввести инициативную работу в постоянный обиход, а с другой — резким отклонением неудачных предложений подчиненных не оборвать их стремления к плодотворной деятельности. Бывший начальник австрийского генерального штаба справедливо счел нужным

это отметить в своих мемуарах, подчеркивая одновременно, что он никогда не вносил нервности в работу своих подчиненных. «Сарказмы» Шлиффена, может быть, и выявляли его ум, но, с другой стороны, могли вредно отразиться на работе подчиненных, почему мы не вводили бы их в повседневный обиход.

Говоря об отношениях со своими подчиненными, Конрад указывает, что он никогда не сносился с подчиненными через голову их непосредственных начальников. Думается, что против такого порядка работы возразить ничего нельзя, его нужно только приветствовать, но без сомнения будут и изъятия, когда сам подчиненный начальник будет докладывать в присутствии своего ближайшего помощника, непосредственно ведущего ту или иную отрасль работы. При точной и детальной работе, каковой должна быть ныне служба генерального штаба, приведенное исключение может превратиться в правило. Снова повторяем, что «Тулоны» в службе генерального штаба не находят себе места.

Известный *подбор* сотрудников генерального штаба, хотя бы произведенный самым тщательным образом, не является еще гарантией отличной работы штаба. Для последней потребуется: 1) идейная связь всех сотрудников в одинаковом понимании различных явлений военной деятельности; 2) совершенствование самих работников в военном деле, быстро идущем вперед; 3) воспитание их в смысле выработки характера; 4) совершенствование в технике штабной службы; 5) укрепление их физических качеств, так как штабная служба требует отличного здоровья и выносливости.

Из сказанного выше видно, что со стороны всех начальников штабов, коих мы представляли, на это обращалось особое внимание. Решение индивидуальных тактических задач, военные игры, полевые поездки с обменом на них мнениями начальника штаба со своими подчиненными и исторические работы служили средством к этому. К приведенному циклу занятий с сотрудниками генерального штаба мы должны ныне обязательно добавить политическую подготовку и соответствующее политическое воспитание штаба. Для физического укрепления сотрудники вовлекались в спортивные кружки, для них устраивались специальные конные пробеги, экскурсии и т. д. Позволим себе сейчас не вдаваться в подробности проведения подготовки сотрудников генерального штаба, так как сделаем это в главе о подготовке генерального штаба в целом.

Выше мы подчеркнули, что в чисто служебных отношениях сверху должны соблюдаться такт, терпимость к чужим мнениям и взглядам, отсутствовать дергание в работе и... поменьше «сарказмов». Нас не прельщает в обращении с подчиненными манера Жоффра. Нет слов, начальник штаба никогда не должен терять свой авторитет, но, как указано ранее, таковой создается не строгостью и неприступностью, а духовными и нравственными качествами. «Мандаринат» отжил свой век даже в Китае! Наоборот, чем больше простоты и сердечности будет проявлено с обеих сторон, когда установится полная гармония между начальником и подчиненными, тем больше шансов за то, что работа пойдет без трений. Даже при всех своих наклонностях к «сарказму», Шлиффен, по свидетельству его окружающих, был сердечный с подчиненными человек, выражая, правда, это иногда довольно оригинально. Конрад старается эти свойства приписать и себе, хотя современники говорят о том, что он всюду вносил с собой напряженную атмосферу. Людендорф также находит необходимым подчеркнуть свою и Гинденбурга общительность со штабом. Даже замкнутый начальник штаба, как Фалькенгайн, и тот, правда, в тесном кругу, был прост со своими подчиненными. Одним словом, как это ни странно, только в «свободной» Франции продолжал жить и процветать мандаринат,

не говоря уже о русском генеральном штабе, где шарики на голове «мандаринов» расценивались всегда гораздо выше, чем содержимое в их черепной коробке. «Более быть, чем казаться» обязательно как для подчиненных, так и для начальника.

Ныне обращаемся непосредственно к подчиненным. Несколько выше мы частично указали, какими качествами должны обладать сотрудники генерального штаба.

Мы далеки от того, чтобы писать десять заповедей для штабных работников и перечислять по пунктам все те достоинства, коими они должны обладать, так как вообще являемся противниками «пунктов» в своих выводах. Набросанные выше характеристики штабных работников с достаточной ясностью показывают, что не сухая, вбитая в пункты мораль должна быть заложена в умственных и моральных свойствах личного состава штаба.

Поэтому остановимся лишь на отдельных вопросах, которые составят тот или иной интерес для наших дней.

Выше было отмечено, что состав ответственных работников штаба *не должен быть чужд политики*, т.-е. 1) иметь соответствующую политическую подготовку и быть все время в курсе политической жизни не только своей страны, но и соседних государств, и 2) не создавать своей политики, чисто военной, ибо таковой в природе в отдельности вообще не существует. В предшествующем изложении показано, что политической подготовки и воспитания сотрудники генерального штаба вообще не получали, и их политические взгляды вырабатывались жизнью и вращением в определенной буржуазной среде. Нельзя, конечно, признать, положим, за Сламечкой политической эрудиции, если он имел только острое перо и мог с успехом переливать на бумагу мысли в этой области его патрона — начальника генерального штаба. Все современники, (немцы, французы и т. д.) ныне в один голос свидетельствуют о политической безграмотности их генеральных штабов, а поэтому мы выше в число обязанностей их начальников ввели новую, а именно — заботу о политической подготовке и воспитании своих сотрудников.

Что касается «авторства» генерального штаба в политике, то об этом подробнее мы коснемся ниже, а ныне считаем необходимым отметить, что такого авторства себе не мыслим, так как политика есть дело и обязанность других государственных органов, а не генерального штаба. Последний должен учитывать политическую жизнь, делать из нее выводы, вносить те или иные пожелания, кои необходимы в целях обороны страны, но кои отнюдь не превалируют над другими отраслями развития жизни государства. Никогда не следует забывать поучения Клаузевица, что «во всяком случае военное искусство политике не указ».

После первой мировой встряски ныне повторяется истина, высказанная сто лет назад философом войны.

В главе V приведено суждение Наполеона о том, что для полководца необходимо равновесие ума и характера, при чем маленький капрал наглядно пояснил это, прибегнув к геометрии. Так как ныне, по справедливому замечанию Людендорфа, каждый солдат становится полководцем, то такое же равновесие ума и характера должно быть свойственно и представителям генерального штаба. В этом австрийский генеральный штаб уклонился в сторону развития умственных способностей над характером, за что и получал упреки от своих союзников немцев. Правда, у последних отдельные персонажи генерального штаба, в роде Хенча, также не имели характера, свойственного вождю в критические минуты. Вообще, необходимо отметить, что самый уклад работы генерального штаба, с постоянным напряжением ума и с меньшей практикой в применении своих моральных

свойств, склонен нарушить это равновесие как раз в сторону умаления нравственных сил. В этих видах мы особо указывали на необходимость развития в подчиненных начальником штаба ответственности и инициативы в работе, а также и самостоятельности в последней. Со своей стороны, и персонажи генерального штаба должны помнить постоянно, что помимо знаний от них требуется и сила воли, а потому обязаны прилагать все усилия к развитию в себе волевых качеств.

Считаем необходимым отметить здесь ту *работоспособность*, которая должна быть присуща сотрудникам генерального штаба. Современное военное дело требует тщательной проработки всех вопросов и основательного их изучения. Если даже один какой-либо вопрос требует длительной и кропотливой работы над ним, то что же говорить, если взять их сумму, составляющую функции того или иного органа управления. Нет сомнения, что она потребует громадного напряжения от лиц, кои призваны для этого. Тяжелый подвиг являет собою путь штабного работника, и в этом должен отдать себе отчет каждый, вступающий на него. Не нужно забывать, что к чисто служебной деятельности обязательно присоединяется ежедневное собственное совершенствование в военном деле, т.-е. определенное поглощение литературы и участие в ней пером. Большая умственная деятельность требуется от сотрудников генерального штаба, а поэтому понятны стремления к укреплению их тела, что почиталось необходимым каждым из начальников штабов.

В предшествующем изложении нами приведено суждение Шлиффена о той «*молчаливости*» и *скромности*, кои должны быть уделом сотрудников генерального штаба. Нужно сказать, что эти качества туго прививались даже в германском генеральном штабе, не говоря уже о других штабах, для коих наследство немецкого генерального штаба было совсем не обязательным. Фактически во всех армиях генеральный штаб официально или неофициально (французский) выродился в особую касту, даже в среде военной, не говоря уже о жизни всей страны. Перед нашими глазами прошло несколько представителей «черного духовенства», скрывавших под своей монашеской рясой всю надменность к окружающим, свою «божественную» правоту в тех или иных взглядах и действиях, всю жестокость в произнесении различных приговоров, порой далеко не отвечавших действительности. Нам думается, что не нужно давать дополнительных иллюстраций к сказанному выше. В частности, в отношении австрийского штаба отмечалась его оторванность от армии. В 1913 году такое кастовое устройство генерального штаба, его навыки и привычки вызывали нарекания в печати как гражданской, так и чисто военной, советовавшей «черному духовенству» почаще заглядывать в книгу «хорошего тона».

Мы далеки от рекомендации «хорошего тона» в обычном его понимании, но считаем необходимым отметить обязательность для генерального штаба установления нормальных отношений как с гражданской средой, так и войсками и, наконец, в толще самого генерального штаба. Перед нами прошли «бревете» оперативного отделения французского штаба, мы показали типы того же отделения германского штаба, обрисовали их представителей и в австрийском. Всюду мы нашли только одних «сенаторов», для коих авторитет не только главнокомандующего, но даже... правительства был зачастую подвержен сомнению. Что такое явление было уродством в генеральном штабе, что оно должно быть искоренено, что оно свойственно только гнилому буржуазному строю — об этом говорить много не приходится. Нам думается, что перелистывающий эти страницы ранее нас отвернется от подобных персонажей и не они будут его героями.

Молчаливость и скромность не знаменуют еще собою принижения личности. Мы не отрицаем честолюбия в военном деятеле, но и не воз-

водим его на первое место среди стимулов, побуждающих к работе: выше есть долг.

Нет сомнения в том, что люди, призванные к хранению тайн подготовки и ведения операций, должны отличаться «молчаливостью», больше того, они обязаны быть «молчальниками», и это качество мы особенно рекомендуем каждому работнику генерального штаба. Однако, «молчаливость» не должна вести к отчуждению от окружающей среды, к изоляции от нее, к лишению себя наиболее ценного источника для накопления опыта. Отрыв от жизни связан с искажением понятий и нравов, с тем уродливым «сенаторством» и «мандаринством», о которых мы говорили выше, с теми справедливыми презрением и ненавистью, которые были заслужены генеральными штабами различных армий Европы.

Выше указывалось, насколько для дела полезна *тактичность* начальника штаба со своими подчиненными. Считаем, что проявленная со стороны последних — она также будет способствовать лишь успеху. Можно подумать, что нами рекомендуются в обращении какие-то «китайские церемонии». Отнюдь нет. Мы говорим, что подчиненные должны выявлять самостоятельность во взглядах, делать те или иные предложения, отстаивать их, но все же это не должно носить характера упорства, упрямства и навязывания своих мнений и суждений. Не нужно забывать, что в конечном счете решает все же начальник штаба, каковой мыслится нам «мозгом», достаточно сведущим в военном деле и имеющим свои определенные взгляды на вещи. Мы согласны с Жоффром, проявлявшим презрение к докладчикам, страдавшим словоизлиянием и адвокатскими наклонностями, ибо при всем нашем скептицизме к герою Марны, не можем отнять у него военного мышления и, пожалуй, неплохого. Совместная работа устанавливает взаимное понимание, а потому не требуется особых многоречивых докладов по тому или иному вопросу. Нами не приветствуется диктатура Беля в его докладах Жоффру и мы также не склонны принять манеру Гамелена вкрадчиво проводить свои мнения у маршала Франции. Спокойное, краткое и ясное, полное собственного достоинства изложение сути дела нами признается наиболее соответствующим способом доклада. Должны быть очерчены доводы «за» и «против», высказано собственное суждение, а в остальном — решение за начальником штаба. Нам понятна манера Мецгера в его обращении с Конрадом, о которой последний свидетельствует ныне, как о «корректном», но в то же время далеком от «прислужничества» характере бывшего начальника оперативного отделения. Однако, редко встречаются такие уравновешенные натуры, и во имя достоинства мысли мы склонны даже прощать и некоторые шероховатости в характере подчиненных. К каждому человеку должен быть определенный подход и соответствующее обращение.

Считаем необходимым остановиться на отношении генерального штаба *к строю*. Нами только-что был раз'яснен вопрос об «авторском праве» генерального штаба в нашем понимании. Картины из нашей галлереи, рисующие генеральный штаб и строй, говорят о том, что все штабы не могли установить надлежащих отношений с тем инструментом войны — армией, которая непосредственно потом и кровью добывала победы для своего командования или же искупала его ошибки. Высокомерное, в большинстве случаев суровое, суждение о боевой работе частей и их начальников, понуждение частей к работе «хлыстом», слабое знание действительного лица войны и даже нежелание окунуться в обстановку фронта, негостеприимство, — все это отличало верхи генерального штаба, создавая ту оторванность от войск, о которой говорили не раз. Старые истины начали бы мы изрекать, если бы развили свои суждения о необходимости более тесного контакта с «безмолвным фронтом», более внимательного

и тактичного отношения к нему, его нуждам и жизни. Здесь считаем лишь долгом обратить на это еще раз внимание и посоветовать никогда не забывать о «потребителе» тактики и стратегии.

Снова повторяем, что в наши намерения не входило давать десять заповедей для работников генерального штаба, и наш труд не претендует на скрижали Моисея. Мы ставили своей задачей в настоящей главе лишь развернуть картину жизни генерального штаба, сложившихся в нем взаимоотношений и дать типы этого высокого учреждения. Каждый, читающий эту главу, прежде всего вынесет свое собственное суждение и составит определенное мнение о тех качествах, кои должны быть свойственны сотрудникам центрального управления генерального штаба, того «мозга армии», в котором, в не так давно прошедшие времена, как в фокусе, сосредоточивалась вся жизнь инструмента войны и который претендовал притянуть направляющие нити к себе и от некоторых государственных органов.

«*Более быть, чем казаться*» — завет, оставленный Шлиффеном германскому генеральному штабу, должен быть начертан при входе в каждый генеральный штаб, и не только начертан, но и внедрен в личный его состав. Но одно дело начертать лозунг, а другое — его осуществить. Генеральные штабы, просмотренные нами в портретной галлерее, являясь плотью от плоти буржуазного общества, были далеки от этого. «Полубоги» наших дней не желали покидать Олимпа, пока не были сброшены с него новыми силами, двигающими человечество вперед. Так будет с каждым генеральным штабом, который захочет «*более казаться, чем быть*»!

ГЛАВА X

КОНРАД И ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ АВСТРО-ВЕНГРИИ

Клаузевиц о политике и войне. — Ленин о внутренней политике и войне. — Источники исторического воспитания Конрада. — Теория Конрада о государстве. — Отношения Конрада к внутренней политике — «принципиальное» невмешательство в нее. — Конрад о связи внутренней и внешней политики Австро-Венгрии. — Политика чувств и идей. — Внутренняя политика монархии в понятии Краусса. — Конрад о силе государства и силе армии. — Условия для создания сильной и боеспособной армии: численность армии, дух ее, организация. — Области внутренней политики, куда вторгался генеральный штаб: экономика, управление Боснией и Герцеговиной, печать и борьба с разведкой и пропагандой противника. — Усиление армии и меры в этом со стороны Конрада. — Разговор Конрада с военным министром 8 февраля 1908 года — «воз и ныне там». — Национальная политика монархии и ее влияние на усиление армии. — Письмо Конрада 30 марта 1911 года о мерах оздоровления правительства. — Дух народа и дух армии. — «Родной язык» и единый «служебный» язык. — Конрад и религиозный вопрос. — Генеральный штаб и классовая борьба в монархии. — Стремление Конрада поправить внутреннюю жизнь монархии войной — советы начальника германского генерального штаба. — Генеральный штаб и пресса. — Конрад в вопросе об управлении Боснией и Герцеговиной. — Дислокация войск и внутренняя политика. — Линии внутренней политики в «мемуаре» Конрада 1913 года. — Конрад в вопросах укрепления дисциплины в армии. — Командный состав и его положение в армии в понятии Конрада.

До сих пор мы знакомили читающего наш труд с организацией австро-венгерского генерального штаба, с его жизнью и отрекомендовали отдельных персонажей. Может быть, все сделано излишне подробно, но почитали это необходимым для ясности уразумения деятельности «мозга» армии с берегов Дуная.

В дальнейшем наше внимание будет главным образом приковано *к работе* генерального штаба, той обширной арене, на которой активно выступал штаб армии Габсбургов.

Ранее были очерчены функции генерального штаба, главнейшей из которых является *подготовка к войне*. Мы познакомили читающего наш труд со взглядами Конрада на обязанности генерального штаба и отметили, что бывший начальник генерального штаба всю военную деятельность в мирное время считал ни чем иным, как подготовкой к войне, покоящейся на тех направляющих линиях, кои указываются политикой.

«Политика проникает все дело войны»,— говорит Клаузевиц, определенно заявляя, что «война есть не только действие политическое, но она просто настоящее орудие политики... Она, следовательно, не управляется своими законами, но является частью другого целого, а это последнее и есть политика».

Правда, Конрадом неполностью усваивались идеи Клаузевица, о чем мы поговорим ниже, но, во всяком случае, без политики начальник генерального штаба не мыслил себе правильного направления своей военной деятельности.

Воздержимся пока от высказывания своего понимания политики, как таковой, т.-е. на чем она основывается и что составляет «первичное» в общественных отношениях. Послушаем сначала на этот счет мысли Конрада и приглядимся к его деятельности в области политики.

Обычно еще и до сих пор большинство людей, перо которых опускается в область стратегии, начинают рассмотрение влияния политики на войну областью внешних отношений, т.-е., иными словами, с внешней политики, а затем уже говорят о внутренней политике.

Не хотим считать себя новаторами, но предпочтем начать наше повествование с области внутренней политики, так как, по словам В. И. Ленина, «Наша двухлетняя гражданская война только подтвердила полностью давным давно историей сделанное наблюдение, что *характер войны и успех ее больше всего зависят от внутреннего порядка той страны, которая в войну вступает, что война есть отражение той внутренней политики, которую ведет данная страна* (курсив наш; *Б. Ш.*). Все это неизбежно отражается на войне» Собрание сочинений, том XVI, стр. 382.

Ниже мы дадим к этому обоснование, а ныне обращаемся к Конраду.

В предшествующих главах отчасти приведены политические взгляды бывшего начальника генерального штаба на соотношение внутренней политики и дела обороны страны. Приносим извинение, что будем здесь повторяться, но считаем это необходимым для полного исследования затронутого вопроса.

Конрад не имел какой-либо специальной политической подготовки. Его политическое кредо вырабатывалось самой жизнью. Восприятием взглядов родителей, учителей и воспитателей, а также чтением истории монархии Габсбургов и личной оценкой современного положения, начальник генерального штаба устанавливал определенную точку зрения на те или иные политические вопросы.

Проведенные в детском возрасте несколько лет в Чехии, где он и обучался в школах и где ему приходилось сталкиваться с мальчиками чешской национальности, а затем дальнейшая военная служба в кругу офицеров различных национальностей империи привели Конрада к убеждению, что *для единства государства* (главного принципа Конрада) *нет особой опасности в его разноплеменном составе*, а лишь таится некоторая *слабость*.

Разделяя государства на две категории: *государства с национальным единством*, в которых все граждане спаяны одной национальной идеей, и *государства с составом из различных национальностей*, кои удерживаются в рамках государственного об'единения лишь общностью жизненных интересов, Конрад относил Австро-Венгрию именно ко второй категории. В структуре подобных государств, по его мнению, крылась известная опасность внутренней борьбы отдельных национальностей и в них же больше всего должны были развиваться социальные противоречия, классовая борьба. Такое смешанное государство более подвержено опасности извне, нежели крепкое и единое по своему национальному составу государственное об'единение.

Перебрасываясь за долгие годы своей службы из одного угла монархии в другой, Конрад ясно видел, что в Австро-Венгрии не все обстоит благополучно, и уже в роли начальника дивизии на итальянской границе вынужден был глубоко войти во внутренние политические отношения, складывавшиеся в этой области империи.

Призванный в 1906 году на пост начальника генерального штаба, Конрад считает своим долгом и обязанностью глубже окунуться в политическую жизнь Австро-Венгрии. Его учителя в военном деле — немцы с берегов Шпрее, говорили, что начальник генерального штаба должен

поддерживать прежде всего контакт с внешней политикой. Конрад оказывается не в состоянии порвать с этим путем мышления, заявляя в своем письме к начальнику военной канцелярии Франц-Иосифа от 30 марта 1911 года, что он «*принципиально не вмешивается в вопросы внутренней политики*».

Однако, сама жизнь приводит начальника генерального штаба с первых же лет его деятельности к иному. Даже не вдаваясь пока в подробности работы Конрада в области внутренней политики, в указанном нами выше письме бывший начальник генерального штаба, считая *своей обязанностью* ориентировать Франц-Иосифа в оппозиционном настроении парламента к военным реформам, видит исход или в реконструкции кабинета, или же в применении ст. 14 конституции, дававшей право Франц-Иосифу единолично проводить закон.

Таким образом, слова о «принципиальном» невмешательстве во внутреннюю политику совершенно не вязались с делом.

В своих мемуарах Конрад проводит вполне определенный взгляд, что для уяснения внешней политики Австро-Венгрии необходимо обязательно рассмотреть внутреннюю политику этого государства. Видя в задачах последней достижение полного единства различных национальностей Австро-Венгрии, Конрад говорит, что отсюда шли и руководящие линии для внешней политики.

Считаем необходимым обратить внимание, что, как это было указано в первой главе нашего труда, такое тесное переплетение линий внутренней и внешней политики в Австро-Венгрии выступало очень ярко, и Конрад совершенно прав в своих выводах. Не раз упоминувшийся нами Краусс во внутренней политике Австро-Венгрии видит одну из главных причин падения этого государства.

Не будем повторяться и снова обрисовывать внутренние соотношения, существовавшие в монархии Габсбургов, и причины, их вызвавшие. Нами это сделано в первой главе нашего труда, а здесь лишь рассмотрим позицию генерального штаба в вопросах внутренней политики.

Прежде всего должны отметить, что вся *внутренняя политика*, в понимании как Конрада, так и вообще генерального штаба имела под собой базис в виде чувств, идей, ненависти и т. п. моральных проявлений, но отнюдь не экономическую силу. Не будем замалчивать, что некоторые экономические трения между различными национальностями, например, венгерская аграрная политика, останавливала на себе внимание Конрада, но базисом их, по его мнению, конечно, опять-таки была та ненависть, которую питали венгры к другим национальностям Дунайской империи. Только после падения Австро-Венгрии Краусс договаривается, что различие экономического развития народов государства создавало тот внутренний хаос, который был на берегах Дуная. Однако, и в понятии этого модернизованного генерала национальности с более высокой культурой должны были поглотить отставшие народы империи и тем уничтожить базис противоречий. Мы еще вернемся к суждениям этого автора «Причин наших поражений», но теперь уже можем фиксировать его неудачные попытки выдвинуться из круга остальных государственных деятелей бывшей монархии Габсбургов.

Выше были приведены слова Конрада о его принципиальном невмешательстве во внутреннюю политику и, наоборот, отмечено его вторжение в нее в действительности. Ныне постараемся это об'яснить.

Обрисовывая личность Конрада, мы приводили его суждения, что *успех или неудачи в войне кроются в самом народе, ведущем таковую. Никакой гений полководца, ни отлично подготовленная и вооруженная армия не в состоянии возместить слабость духа в народе и отсутствие в нем воли к победе. Сильным*

духом народом воодушевляется его армия, которая и пойдет уверенно к победе. Слабость государства определяется не отсутствием у него сильной армии, а именно — внутренней, следовательно, и внешней слабостью. Сильный Рим имел сильные победоносные легионы, и с падением Рима увяла военная слава его легионов.

Напомнили эти мысли начальника генерального штаба, как отправные данные для его суждений о внутренней жизни государства. С первого взгляда они кажутся здоровыми и для наших дней, а если скинуть лет 20, когда они возвещались Конрадом, то их следует признать чуть ли не откровением. *Победа зависит от государства в целом, а не от полководца, не от армии, которая является лишь слепком с самого государства.* Нельзя было бы против этого возражать, но в действительности первопричиной побед Конрад неизменно считал сильные и боеспособные легионы Австро-Венгрии, а не силу и мощь ее народов. Однако, связь народа с армией и важнейшая роль первого в успехах войны служили для начальника генерального штаба *основаниями,* по которым он считал «*своей обязанностью*» предлагать те или иные мероприятия во внутренней политике.

Ниже мы не раз встретимся с суждениями Конрада, что только та внешняя политика может расчитывать на успех, которая имеет за собой сильную по числу и по качеству армию. Создание этой армии должно являться первой обязанностью каждого государства и любого из его деятелей, а в особенности, конечно, начальника генерального штаба.

Являясь *первым* ответчиком за существование сильной и боеспособной армии, Конрад считал прямой обязанностью ставить известные *условия внутренней* жизни государства, которые способствовали бы созданию надлежащего инструмента войны.

1. Прежде всего, для наличия нужной для войны армии требовалось: Развитие ее *численности* в соответствии: а) с теми боевыми задачами, которые на нее могут лечь, и б) с тем числом народонаселения, каковое эту армию выставляет.

2. Затем, армия должна быть высокой по своим моральным качествам, т.-е. *дух армии* должен стоять на надлежащей высоте, что зависит от духа самого народа.

3. Далее, *организация армии* вполне находиться в соответствии с внутренней политикой государства. «Организация и боевая ценность вооруженных сил, равно как оперативная и иная подготовка к войне едва ли в каком-либо ином государстве, как в монархии (Австро-Венгрия), находятся в строгом соответствии с внешней и внутренней политикой» пишет Конрад в своем мемуаре от 31 декабря 1911 года.

К внутренней политике Конрад относил и вопросы *экономические,* считая, что в зависимости от разрешения их увеличивались как численность армии, так и боевая готовность государства вообще. Если придержаться пути исследования самого Конрада, мы обязаны здесь же рассмотреть его взгляды на экономику австро-венгерской монархии. Однако, в виду важности этого вопроса для нашего времени, мы позволим себе заняться им отдельно.

Следующим вопросом внутренней политики, очень важным для австрийского генерального штаба, был вопрос *управления Боснией и Герцеговиной,* где военная и гражданская власть об'единялись в одном лице, подчиненном по двум линиям: по военной — Конраду, по гражданской — общеимперскому министру финансов.

Наконец, остро ставились генеральным штабом вопросы ограничения свободы *печати* в целях сохранения военной тайны и *по мерам безопасности против разведки противника и его пропаганды.*

Вот те важнейшие пути, по которым шло влияние генерального штаба на внутреннюю политику Дунайской империи.

В дальнейшем переходим к более или менее детальному рассмотрению шагов генерального штаба в этих вопросах.

Как *усиление* армии, так и ее *дух* исходили из правильного разрешения той *национальной политики*, которая составляла краеугольный камень всей внутренней политики Австро-Венгрии.

Из предшествующих глав известно, что в развитии своих вооруженных сил Австро-Венгрия отставала не только от первоклассных государств Европы, но и от малых своих соседей.

Ставя в угол своей деятельности прежде всего надлежащее развитие и подготовку вооруженных сил государства, а затем заключение соответствующих военных союзов с соседями, начальник австрийского генерального штаба, с момента вступления в эту должность, сейчас же *поднял вопрос об усилении армии.*

Силу армии Конрад определял: 1) *ее* надлежащей *численностью* и 2) соответствующими *материальным* снабжением.

В компетенцию генерального штаба, собственно говоря, вопрос о численности армии входил только в общем целом, детальная же проработка его и проведение через соответствующие законодательные учреждения составляло прямую обязанность военного министра и двух министров народной обороны (австрийского и венгерского).

Нами приводился тот низкий штатный состав, который был в частях. Начиная с 1907 года Конрад заботится, прежде всего, об его усилении.

Затем, по мере ориентировки в обстановке, начальник генерального штаба поднимает вопрос вообще об усилении контингента, необходимого как для увеличения частей армии, так и образования тех технических войск, в первую голову тяжелой артиллерии, необходимость которых вызывалась условиями современной войны.

Приведенные нами в главе IV взгляды Конрада на развертывание в военное время миллионной армии намечают тот путь, по которому он должен был итти в своей практической работе. Не останавливая подробно внимания читающего наш труд, мы укажем, что начальник генерального штаба выдвинул проект введения *двухлетнего* срока службы, дабы как можно больше пропустить через ряды армии военнообязанных государства и на случай войны иметь необходимый запас получивших военную подготовку людей.

Мы намерены посвятить особую главу работам генерального штаба в области организационной, поэтому пока ограничимся сказанным.

Условия, в которых приходилось итти по пути строительства армии, лучше всего определяются разговором Конрада с военным министром Шонайхом 8 февраля 1908 года. Начальник генерального штаба указывал, что в течение 25 лет со времени последней войны как временные военные министры, так и начальник генерального штаба, непрерывно в течение 25 лет занимавший эту должность (Бек), не были в силах ослабить вредного влияния внутренней политики и воз оказался в настоящее время глубоко застрявшим в песке. Поэтому ныне первейшей обязанностью военного министра и начальника генерального штаба является необходимость проявить полное напряжение, чтобы вытащить воз и поставить его на твердый грунт.

В своих докладах Франц-Иосифу Конрад неустанно твердил о необходимости усиления контингента, предлагая те или иные мероприятия и, наконец, в начале 1911 года выступил с большой программой по усилению армии, связав выступление либо с принятием проекта, либо с увольнением своим от должности начальника штаба.

Все мероприятия Конрада в этом вопросе наталкивались: 1) на *бюджетные* условия и 2) на *национальную политику*, сложившуюся в государстве.

Считая себя ответственным за подготовку армии к войне, Конрад настойчиво пред'являл требования, но защита их выпадала не на его долю, а ложилась тяжелым бременем на министров, обязанных выступать ходатаями и ответчиками перед правительственными учреждениями монархии. Министрам, в том числе и военному, конечно, не особенно хотелось портить свою карьеру ради прекрасных замыслов Конрада, и на горячие доводы последнего в 1911 году в защиту необходимости усиления армии общеимперский военный министр Шонайх спокойно его уговаривал, что, дескать, Конрад выполнил свою обязанность, подняв этот вопрос, а остальное — дело Франц-Иосифа и представительных учреждений.

Франц-Иосиф откровенно заявил своему начальнику штаба, что не все делается так, как хочет он — император лоскутной монархии. Представительные же учреждения обоих половин последней упорно не соглашались на проведение предлагаемых им проектов.

Причины враждебности парламентов к вопросам обороны лежали в той *национальной вражде*, которая определяла собой всю политику Австро-Венгрии.

Добившись по конституции 1867 года самостоятельности, Венгрия получила и свою национальную армию, равно как был образован и австрийский ландвер. Но наряду с этими национальными частями продолжала существовать армия общеимперская — осколок лагеря Валленштейна. Развитие этой армии—верного оплота Габсбургов, совершенно не входило в интересы венгров, а поэтому всякие мероприятия, направленные к ее усилению, встречали с их стороны резкий отпор. Наоборот, в 1908 году неожиданно для правящих военных кругов в венгерских газетах была опубликована военная «новая программа», направленная к развитию венгерского ландвера.

Помимо того, всякие проекты об усилении армии были связаны с увеличением кредитов и ложились, следовательно, тяжелым бременем на население. Венгерская половина государства совершенно не желала увеличивать свою долю на развитие общеимперской армии, ссылаясь на тяготы военного налога.

Видя, однако, что правительство заинтересовано в проведении закона об усилении армии, венгерские парламентарии намерены были на этот раз получить компенсации в политических правах. Оппозиция венгерского парламента готова была пойти на уступки правительству в его военных программах, но связывала их с привилегиями в политических свободах, с новым избирательным законом.

Такая же борьба вокруг военных законопроектов шла и в австрийском парламенте, где чехи вели распрю с немцами.

Находясь в котле внутренней борьбы парламентов, ответственные министры пытались как-нибудь сохранить мир и спокойствие, принося в жертву проекты начальника генерального штаба.

Как неоднократно отмечалось, по конституции начальник генерального штаба не был ответственен перед парламентами и не приглашался на их заседания. Его попытки получить туда доступ встречали резкий отпор со стороны министров. Поэтому Конрад мог аппеллировать только к Франц-Иосифу, рекомендуя ему знаменитый § 14, или же к Франц-Фердинанду, который занимал враждебную позицию к венграм и стремился поддержать проект об усилении армии.

Встречая всюду противодействие и отпор своим планам, Конрад обращался за помощью даже к начальнику германского генерального штаба,

прося его повлиять через Вильгельма на проведение проектов об усилении армии.

В бессильных попытках осуществить свою большую программу, Конрад в упомянутом ранее письме в начальнику военной канцелярии Франц-Иосифа 30 марта 1911 года, пишет, что он *принципиально не вмешивается во внутреннюю политику*, но, однако, при современном положении вещей, с которыми ознакомился из бесед с очень здравомыслящими политиками, *считает своей прямой обязанностью ориентировать в происходящем.* Выдвинутые военные реформы, встречающие резкий отпор со стороны парламентов, рациональнее разрешить не роспуском таковых, а либо изменением состава кабинета министров, либо же проведением в порядке § 14. Роспуск же парламентов имел бы следствием: 1) победу оппозиционных радикальных партий, и поражение лойяльных, буржуазных партий, готовых пойти на жертвы; 2) новые выборы провели бы в парламенты в большинстве радикальные партии, которые выступят со *своими* военными программами; 3) выдвинутые правительством военные требования, особенно закон о двухлетней службе, потерпели бы новое поражение; 4) не было бы использовано современное благоприятное положение в Венгрии. Это письмо Конрад просит доложить Франц-Иосифу.

Приведенный документ характерен для генерального штаба, показывая, насколько он поступался своими «принципами», предлагая мероприятия чисто государственного порядка.

Конраду не пришлось на этот раз вкусить плоды от сделанных им предложений. Закон о двухлетней службе и увеличении контингента был проведен в 1912 году, когда Конрад оказался отстраненным от должности начальника генерального штаба. Реформа в венгерском парламенте прошла под сильным давлением Стефана Тиссы и вызвала большую обструкцию со стороны оппозиции.

Вернувшись в конце 1912 года снова на пост начальника генерального штаба, Конрад поднимает в 1913 году вопрос об образовании резервной армии на случай войны, что требовало также увеличения контингента, но мировая война не дала возможности осуществить этот проект.

Так протекала борьба за увеличение *бюджетной численности армии*, наличие которой, конечно, характерно было не для одной лишь Австро-Венгрии. Бои вокруг этого вопроса шли во всех государствах, принимая более ожесточенный характер на берегах Дуная.

Выше мы приводили взгляды начальника генерального штаба, что успех или неудача в войне кроются в самом народе, в слабости его духа и воли к победе, что определяется слабость государства не отсутствием у него сильной армии, а именно его внутренней и внешней слабостью.

В своем мемуаре от 6 апреля 1907 года, представленном Франц-Иосифу, Конрад развивает вышеприведенное положение. Говоря о том, что на развитие армии оказывают тлетворное влияние внутренние неурядицы в Австро-Венгрии, и перечисляя их, бывший начальник генерального штаба приходит к выводу, что *не только кажущаяся, но самая действительная связь существует между политической жизнью страны и жизнью армии. При современной структуре армии, как «вооруженного народа», связь покоится на основах политики. Здоровый дух армии при коротких сроках службы, которые имеют тенденцию и к дальнейшему сокращению, должен иметь основания вне армии. Хотя все это и относится к области внутренней политики, однако, имеет очень важное военное значение.* Исходя из этого, Конрад, по своей должности, считает себя обязанным обратить внимание на внутреннюю политику, так как каждая отсрочка в решительном оздоровлении внутренней жизни государства грозит армии, а затем, конечно, сказывается и на внешней политики, создавая для нее затруднения.

По мнению Конрада, значение духа велико вообще для всякой армии, а в особенности в таком государстве, как Австро-Венгрия, представляющем собою конгломерат различных национальностей.

Под *духом* армии бывший начальник генерального штаба разумеет: 1) *политическое настроение* армии и 2) *дисциплину* в армии, при чем как то, так и другое рассматривается им в отношении солдатской массы и специально командного состава армии.

Конрад подробно вдается в разбор всех своеобразных условий, которые создавались для армии внутренней жизнью страны. Сравнение Австрии с государствами, в коих преобладает определенная национальность, как, например, Германия, или же с такими странами, как Северная Америка, в коих культура все же развилась на одной английской базе, приводит бывшего начальника генерального штаба к выводам, что нельзя с такой же меркой подходить к монархии Габсбургов и к ее армии, включающей различные национальности.

В основание своих взглядов на внутреннюю политику Австрии и на армию, Конрад прежде всего кладет *единство монархии и единство армии*. Только *единое* государство, хотя бы состоящее из отдельных национальностей, может считаться жизненным.

Свои взгляды на внутреннюю политику страны начальник генерального штаба высказывал и приводил в многочисленных словесных докладах Франц-Иосифу, Франц-Фердинанду, в ежегодно представляемых им Франц-Иосифу *мемуарах* о состоянии армии и тех задачах, кои на нее могут лечь и о тех нуждах, которые необходимо устранить. Не раз события внутренней политики отмечались им в письмах и словесных объяснениях с министром иностранных дел. Конечно, по размерам нашего труда, мы не можем вдаваться в детальное исследование и разбор всех этих документов, приведенных в воспоминаниях Конрада, и ограничимся лишь обрисовкой общей линии его взглядов на те или иные отрасли внутренней политики.

Итак, по его мыслям, Австро-Венгрия должна все же быть *единым* государственным организмом, но с учетом племенного состава, находящегося на ее территории населения. 1867 год создал дуализм, и если с ним нужно считаться, то нельзя забывать, что другие народности, по мере своего культурного развития, могут пред'явить те же права, что и венгры. Таким образом, необходимо считаться с равноправием отдельных наций. Но оно не должно итти в ущерб единству государства и угрожать династии — этому цементу монархии. Развивая эти взгляды, начальник генерального штаба далек, конечно, от широкой автономии отдельных национальностей: в государстве должна быть общая твердая власть, руку которой чувствовала бы каждая нация, входящая в состав империи Габсбургов. В этих видах все, что направлено к разрушению власти, все, что не воспитывает послушного гражданина, должно быть пресечено самыми суровыми мерами.

Больше всего Конраду пришлось хлопотать над разрешением *венгерского* вопроса, в виду настойчивых атак венгров на общеимперскую армию, знаменовавшую собой то единство армий, в которое так верил Конрад. Наряду с венграми итальянцы, природные враги начальника генерального штаба, также были взяты под его исключительное внимание.

Как было указано, здоровый дух армии — ее крепкое политическое настроение, по мысли начальника генерального штаба, прежде всего должно зарождаться вне армии, в которой, однако, обстановка складывалась довольно неблагоприятно. Поэтому Конрад выступает с предложением взять твердую линию в национальной борьбе.

В докладах Франц-Иосифу, словесных и письменных, им указывается, что самая большая опасность грозит в том случае, если отдельные нацио-

нальности в этой борьбе возьмутся за оружие. В этих видах необходимы самые решительные репрессивные меры: так, 6 марта 1913 года, указывая на антиправительственные выступления в Далмации, он рекомендует принять строгие полицейские меры, а в Кроации советует заменить гражданского губернатора военным, который, с введением военного положения, установит «правовой» порядок. «Каждая национальность, поясняет Конрад, должна знать, что в монархии фактически есть «право», поэтому каждая национальность и должна стремиться прибегать под его защиту».

Нами приводятся эти примеры лишь как иллюстрация к взглядам начальника генерального штаба на гражданское управление, при чем считаем нужным напомнить, что он не останавливался вообще перед использованием пресловутого § 14, возбуждая даже в Франц-Иосифе недоверие в правильности и своевременности применения этого сурового закона.

Но предлагаемые мероприятия являлись лишь мерами текущего дня, главное же внимание должно быть направлено на *школы* различных ступеней, до университетов включительно, в которых население монархии воспитывалось бы в духе ее единства. Из года в год, со дня вступления на должность в генеральном штабе, Конрад во всех своих мемуарах подчеркивает это, а в мемуаре 1913 года добавляет, что, помимо школ, такая *работа должна вестись в печати, в литературе и что для этой цели должны быть отпущены крупные денежные суммы.* Начальник генерального штаба решительно восстает против всяких автономных школ, особенно высших, и в вопросе об открытии в Триесте итальянского университета занимает явно враждебную позицию, видя в этом стремлении жителей итальянских областей монархии лишь желание усилить свою ирреденту.

Таким образом, как видим, рука генерального штаба стремилась протянуться далеко во внутреннюю политику монархии, и это почиталось его начальником как прямая обязанность.

Теперь обратимся к *армии*, на защиту которой выступал генеральный штаб, оправдывая этим свой нажим на внутреннюю политику.

В мемуарах 1907, 1908 и 1913 годов и в письме к министру иностранных дел Эренталю от 7 января 1909 года Конрад наиболее ярко выявляет свои взгляды на единство армии и соответствующее ему политическое настроение.

На протяжении своей многовековой истории армия Габсбургов всегда, собственно говоря, была сложным организмом, о чем мы более или менее подробно говорили в главе II нашего труда. Однако, единство обеспечивалось сознанием принадлежности к армии Валленштейна, вхождением в общую «цесарскую» армию. Конрад отлично отдает себе отчет в том, что для поддержания единства современной ему армии Габсбургов, особенно с наличием конституции 1867 года, должны быть усвоены особые приемы, разнящиеся от тех, кои свойственны однородным по национальностям государствам и кои были в лагере Валленштейна. Германия состоит из мелких отдельных княжеств, но однородно населенных немцами, с одним общим языком, и лишь поляки составляют особую национальность в этом едином государственном организме. Таким образом, понятно, в таком государстве, как Германия, не ставится особенно остро вопрос об единстве армии, но и то познанское население чинит вечные заботы германскому генеральному штабу.

К австро-венгерской армии, включающей в себя многие национальности, необходимо подходить иначе. Как принцип — в армии должен быть единый дух, покоящийся на сознании принадлежности к единому государственному организму, об'единяющемуся династией. Но раз в госу-

дарстве признаны равноправными различные национальности, то таковое же их равноправие должно быть распространено и на армию. Внутри последней каждая национальность равноправна, но каждый член армии должен сознавать общность интересов армии, где бы он ни находился территориально и к какому бы корпусу войск ни принадлежал. Такое признание равноправия национальностей в армии ведет за собой, конечно, очень важный вопрос о «*родном языке*», от удачного разрешения которого зависит многое.

В борьбе за единство армии Конрада пугает не столько анархистская и социалистическая пропаганда, сколько горевшая в стране национальная вражда, особенно обострявшаяся венграми, требовавшими *введения венгерского языка, как командного*, для всех частей венгерского гонведа и венгерских частей общеимперской армии.

На такие стремления венгров Конрад отвечал заявлением, что *венгерские партии стремятся лишь к одному — это оставить генералов без армии.* Решительно восставая против таких попыток венгров, Конрад указывал, что единство армии требует единства командных и снабженческих органов для армии, смешения офицерского корпуса, соответствующей дислокации во всех областях монархии и т. д. Чувство единства армии особенно должно сказаться на боевых полях. Не нужно забывать, что в венгерский гонвед входят и другие национальности (кроаты, сербы, румыны), для которых венгерский язык будет чужд и ненавистен. Затем, конечно, возникли бы затруднения и с уставами, издаваемыми на различных языках. Наконец, уступки венграм побудят национальности, входящие в состав второй половины государства — Австрии, также пред'явить свои требования. Одним словом, начальник генерального штаба оказывается ярым противником «венгерской нации» и ее сепаратных стремлений.

Как же собирался начальник генерального штаба разрешать эти жгучие вопросы? Конституцией 1867 года был сделан шаг в области формирования особых национальных армий при оставлении общеимперской армии и, таким образом, как правило нужно было признать, что каждая национальность, в зависимости от ее численности, должна организовывать определенные войсковые соединения, но некоторые из последних были и смешанного состава.

Что касается «языка», то, как средство для достижения единения армии, должен быть оставлен *служебным языком «немецкий»*, знание которого необходимо для всех и особенно офицеров. Идя на уступки национальным требованиям, приходилось признать в обращении в частях «*родной язык*» той национальности, которая в данной войсковой части была превосходной по численности, при чем под «родным языком» разумелся тот, который был определен самим новобранцем при призыве его на службу. В роте и соответствующих ей подразделениях должен быть принят в обращение «родной язык», знание которого, однако, было обязательным для командного состава части; выше же роты, как было только что указано, «служебным языком» являлся только немецкий.

Таким подходом к разрешению национального вопроса Конрад полагал сохранить единство армии. Признавая по справедливости национальный вопрос очень и очень важным, он думал, что удачное его решение: 1) позволит сохранить боеспособность всей армии; 2) отдельные национальности, видя себя равноправными в армии, не будут проникаться стремлением отпасть от монархии; 3) их симпатии будут направлены в сторону сохранения Дунайской империи, а не ее врагов; 4) для них будет вполне понятна идея единства государства и армии.

Кроме национальной борьбы, в Австрии остро стоял вопрос о *веротерпимости*. Хотя по своему религиозному составу большинство насе-

ления являлось католиками, к которым принадлежал и сам Конрад, однако, другие культы оказывались представленными тоже в значительном числе. В то время, как Франц-Фердинанд, будучи ярым католиком, готов был ввести инквизицию, если бы таковая только приличествовала в XX столетии, начальник генерального штаба отличался известной долей веротерпимости, что и ставит себе в заслугу. На этой почве даже разгорелся один из конфликтов между Франц-Фердинандом и Конрадом.

Затем «носителю» идеи габсбургской монархии пришлось оказаться лицом к лицу с новой движущей силой — это с развивающейся *классовой борьбой*.

В социальном движении Конрад видел силу, которая разлагала «единую» монархию габсбургов, а с ней «единую» армию, подрывая в последней дух и даже ставя под знак вопроса самое существование вооруженной силы. По его мнению, анархистские и социал-демократические взгляды отражали идею интернационализма, идею отказа от вооруженной борьбы вообще и тем подрывали существовавшие устои Дунайской империи. В своих докладах Конрад раскрывает и тот путь, по которому шла агитация классовой борьбы. По его данным, центр всего движения находился в Вене, откуда исходили все руководящие указания. Для агитации насаждались в армии ячейки в 2 — 3 человека на роту из числа солдат или даже офицеров, которые и вели активную работу. Кроме того, агитация широко велась среди подростающего юношества.

В своих докладах Франц-Иосифу, Франц-Фердинанду, а также и в сообщениях военному министру Конрад высказывался решительно за ликвидацию как агитации, то и всего социал-демократического движения в целом. Советуя применять энергичные репрессии к демонстрантам, указывая военному министру на необходимость применения самых суровых статей за агитацию в армии, бывший начальник генерального штаба в этом находил путь к спасению духа его «единой» армии.

Конечно, мы не можем от «носителя» идеи габсбургской монархии требовать иного подхода к разрешению этого вопроса, но обязаны отметить всю узость его понимания будущего классового соотношения, складывавшегося в Австро-Венгрии, и той роли, которую фактически играла социал-демократическая партия в этой стране. В I главе нашего труда дана оценка устремлениям социал-демократов Дунайской монархии, отошедших от идей интернациональной революции и втянувшихся в развивающуюся национальную борьбу в стране.

Начальник генерального штаба: 1) не понимал классового движения и не пытался найти пути к правильному разрешению его в армии и 2) совершенно не уяснял себе того, что австрийская социал-демократия в решительный момент замены дипломатического пера мечом будет вотировать доверие этому мечу, который оказался впоследствии «парадной шпаженкой».

Взгляды Конрада на развивающееся классовое движение не изобличают в нем подлинного государственного мужа, а лишь выявляют обычную фигуру представителя буржуазного класса с монархическими тенденциями, с ненавистью смотрящую на происходившие уже тогда перегруппировки в классах. Но одному ли австрийскому начальнику генерального штаба были свойственны подобные взгляды? Они были таковыми же в генеральных штабах и на берегах Шпрее, Сены, а тем более на берегах Невы, где принимали ультрачерную окраску.

Какая-то новая, непонятная, но могучая сила, особенно после революции 1905 года в России, вырастала перед буржуазным миром, грозила ему схваткой не на живот, а на смерть. Поэтому вполне об'яснимы те

настойчивые доклады о вреде агитации классовой борьбы, которые непрерывно делались начальником австрийского генерального штаба, начиная со дня вступления его в эту должность.

Указывая не раз, что *линии внутренней и внешней политики Дунайской империи тесно переплетаются*, Конрад считал своей обязанностью подчеркнуть и итальянскую ирреденту, и русскую пропаганду в Галиции, и сербскую агитацию, которые шли из-за рубежа, находя плодотворную почву для роста в соседних областях Австро-Венгрии. Требуя решительных мер в борьбе с этой *зарубежной* агитацией, начальник генерального штаба в то же время отмечал, что неурядицы во внутренней политике монархии лишь осложняют внешнюю политику, придавая смелость врагам Австро-Венгрии, которых было немало. В этих видах, по мнению Конрада, радикальное лечение должно прежде всего коснуться внутреннего состояния страны.

Однако, хроническая внутренняя болезнь Дунайской империи заставила начальника генерального штаба изменить под конец этот взгляд, и 30 декабря 1912 года, после своего возвращения на пост начальника генерального штаба, Конрад, расценивая сложившуюся для монархии внешнюю обстановку, видит *единственное спасение в войне* с Сербией, в успешном исходе которой он не сомневается. Победоносная война, помимо улучшения внешней политики Австрии, повела бы к тому, что всяким зарубежным агитациям был бы положен предел, все внутренние силы монархии усилились бы и спаялись, в армию вернулся бы дух уверенности, экономическое положение Австро-Венгрии также окрепло бы и, наконец, могущество и авторитет династии как внутри, так и вне поднялся бы. Одним словом, все блага должны были последовать с разгромом Сербии, что и почитается первейшей необходимостью.

Нужно сказать, что это мышление начальника генерального штаба не являлось оригинальным, а было навеяно с берегов Шпрее. В своем частном письме от 14 сентября 1909 года Мольтке (младший), обсуждая политическое положение после боснийского кризиса 1908 года, писал: «Я твердо убежден, что если бы удалось ограничить войну только рамками войны Австрии против Сербии, то, при ее успешном завершении, монархия (Австро-Венгрия) окрепла бы внутренне, усилилась бы внешне и тогда было нелегко бы ей ставить препоны на Балканах». Изверившись во внутреннее исцеление государства, Конрад в 1912 году, вспомнив поучения своего друга с берегов Шпрее, с отчаяния пришел к убеждению в их справедливости и пустился в авантюру, рекомендуя вступить на путь войны.

В список «вредителей» духа армии Конрадом была зачислена и *пресса*. Разжигая огонь национальной вражды вообще, выступая с проектами расширения рамок национальных армий, подрывая авторитет командного состава, изобличая его недостатки и промахи, ведя партийную агитацию,— пресса, по мнению начальника генерального штаба, нуждалась и в обуздании и в надлежащем направлении со стороны гражданской власти. Докладывая об этом не раз Франц-Иосифу, Конрад просил оказать соответствующее давление на печать.

Кроме того, последняя вызывала нарекания в *широком разглашении сведений, составляющих военную тайну*. Вопросы новых программ устройства армии начальником генерального штаба и военным министром иногда узнавались ранее из газет, чем доходили в обычном порядке. Изменение в дислокации войск, связанное с оперативными намерениями, военные игры, проводимые старшими войсковыми начальниками, и маневры находили широкое освещение в прессе, вызывая справедливые нарекания со стороны военного ведомства. Даже об уходе в 1911 году Конрада

с должности начальника генерального штаба на должность армейского инспектора газеты опубликовали ранее, нежели это сделалось известно официальным путем.

Здесь мы должны остановиться еще на одном обстоятельстве. *Пресса широко использовалась не только «врагами» армии, но и самой армией.* По приказанию Франц-Фердинанда, время от времени появлялись тенденциозные статьи, наполненные милитаризмом и призывавшие к необходимости вооружения. Подозревался в этом и генеральный штаб. Однако, Конрад свидетельствует нам, что он был далек от этого, и генеральный штаб, как таковой, не имел своей газеты. С этим можно согласиться лишь условно, так как попытки влияния на прессу со стороны генеральных штабов других армий доказаны, и едва-ли австро-венгерский генеральный штаб был исключением.

Ведя борьбу за установление твердого политического *настроения* в армии, Конраду ближе всего приходилось сталкиваться с этим в *Боснии и Герцеговине, где командующий войсками одновременно являлся и высшим гражданским лицом.* Вплотную входя во внутреннюю политику этой области, особо чреватую всякими столкновениями на национальной почве, командующий войсками, подчиненный по гражданской линии общеимперскому министру финансов, по военной ставил обо всем в известность Конрада. Из донесений и личных докладов генерал-губернатора Боснии и Герцеговины начальник генерального штаба усматривал, наколько дух находящихся в этих областях войск подпадал под влияние жизни. В них начиналось разложение, и Конрад бил об этом тревогу. Затем и другие интересы обороны этих провинций гражданскими властями отодвигались на второй план, что не могло не беспокоить начальника австро-венгерского генерального штаба.

Выше мы уже отмечали, что барометр внутренней политики показывает те мероприятия, которые должны быть приняты *в дислоцировании* войск. Чисто военные требования обусловливали территориальный принцип дислоцирования, тогда как внутреннее состояние монархии говорило о другом. Конрад нам сообщает, что 29 ноября 1910 года при его докладе Франц-Фердинанду последний был очень озабочен внутренней борьбой в государстве и выдвинул принцип полной экстерриториальности в дислокации войск. Указав на революционные события в Португалии и на то, что армия является опорой династии, наследник предлагал перемешать полки: чехов поставить в Венгрии, венгров в немецких областях и т. д. Начальник генерального штаба согласился с этим, однако, только как с исключением и в ограниченных размерах, так как в противном случае мобилизация и сосредоточение армии были бы затруднены. На указание Франц-Фердинанда, что внешней войны не будет, Конрад счел своим долгом предупредить именно о тех опасностях, которые грозят стране извне со всех сторон. Не этим средством, по его мнению, нужно было оздоровлять внутреннее состояние государства.

Накануне мировой войны в своем мемуаре от 16 января 1914 года (мемуар за 1913 год) начальник генерального штаба, обрисовав тяжелое военное положение Австро-Венгрии в случае войны, намечал следующие линии для внутренней политики:

«а) создание лучших условий жизни для южных славян, румын и русин в составе монархии нежели те, кои существуют в соседних, родственных им государствах, с тем, чтобы

б) всеми строжайшими мерами пресечь всякий ирредентизм и

в) вести оживленную, работающую всеми средствами (школы, церкви, пресса, литература, обучение во время военной службы) и богато обеспеченную деньгами пропаганду в интересах монархии».

«*Только в полном согласовании всех этих устремлений лежит залог успеха*»,—говорил начальник генерального штаба, выявляя тем свой основной взгляд на внутреннюю политику страны.

Уже по этому одному, если бы мы так подробно не останавливались на взглядах и действиях Конрада в области внутренней политики, можно судить, что брошенная им фраза о «принципиальном невмешательстве» была красивой фразой, уступкой традиции, и осталась той же фразой, совершенно далекой от жизни, которая тянула начальника генерального штаба на путь активных действий.

Берем на себя смелость заявить, что Конрад готов был вмешаться даже без «принципиальных» оговорок во внутреннюю жизнь страны, если бы только его власть так широко распространялась. Не будучи ответственным лицом перед представительными учреждениями страны, не входя в состав правительства, начальник генерального штаба мог только своими докладами: 1) констатировать тот или иной факт внутренней политики, вредно отражающийся на армии, и 2) предлагать те или иные мероприятия по оздоровлению страны под флагом необходимости этого в интересах армии.

Как мы не раз отмечали, такие доклады делались Франц-Иосифу, наследнику Франц-Фердинанду, министру иностранных дел, и соответствующие представления поступали к военному министру, в руках которого была сосредоточена текущая жизнь армии. В этом отношении Конраду приходилось действовать через вторые руки, что, повидимому, и расценивалось им как «принципиальное» невмешательство во внутреннюю жизнь страны. Но за последней все же зорко наблюдало око начальника генерального штаба, фиксируя все, что грозило «единству» государства и «единству» армии.

Министр иностранных дел обвинял генеральный штаб в том, что из него пополняется так называемая «военная партия», ведущая свою собственную политику. Конрад решительно это отвергает, но, по всему сказанному выше, нет сомнения, что генеральный штаб далеко не был чужд внутренней политики страны и стремился оказывать на нее давление. Венгерские партии платили такой же монетой ненависти генеральному штабу, какой он расплачивался с венгерскими сепаратистами и стремлениями других отдельных национальностей к самоопределению. Пресса Дунайской монархии не упускала случая отметить все уродливые формы «мозга» габсбургской монархии, справедливо видя в нем оплот того средневековья, против которого и направлялась вся борьба на берегах Дуная.

До сих пор мы говорили о заботах, проявляемых генеральным штабом по созданию определенного политического настроения в армии. Попутно с этим им выявлялась необходимость *укрепления в армии дисциплины*, основанной на беспрекословном исполнении приказаний своего начальства солдатской массой армии. Однако, мы должны отметить, что Конрад был далек от так называемой «муштры», «дрилля», столь обычных в обиходе германской армии. Известный нам уже Крамон даже счел необходимым указать на этот «недостаток» начальника австро-венгерского генерального штаба, и с удовлетворением отмечает, что впоследствии бывший начальник генерального штаба изменил свое мнение, признав «муштру» необходимым атрибутом воспитания современного солдата, оценив в этом достоинства германских способов. Признавая необходимость строгой дисциплины в армии, Конрад исходил из других предпосылок: армия Габсбургов должна сохранить «единство», должна быть проникнута сознательным отношением к той великой задаче цементирования государства, к каковой она призвана, и важна не «муштра», а напряжение всех сил армии, необходимых

для выполнения задачи. Если вспомним личные по этому поводу взгляды Конрада, то действительно должны отметить отсутствие в армии Габсбургов тупой муштры, царившей на берегах Шпрее. Армия Дунайской монархии имела крепкую дисциплину, которая, правда, сдала под тяжестью ударов мировой войны. По справедливости, нужно сказать, что спасенье было не в принятии «дрилля», ибо в 1918 году сдал и «дрилль», а в осознании армейской массой целей войны, которые были сначала туманны для нее, *а затем просто враждебны ей.*

Если, с одной стороны для создания «духа» армии Конрад требовал обязательного воспитания граждан до поступления в армию, то в последней дальнейшая работа над духом солдатской массы и внедрение в нее нужной дисциплины ложилось *на командный состав.*

Ясно, что работа последнего могла быть плодотворной только тогда, когда дух самого командного состава находился бы на должной высоте. В главе о состоянии австро-венгерской армии мы давали облик австрийского офицерства, и поэтому здесь не будем повторяться. Внутренняя борьба, происходившая в монархии, проникала, к глубокому сожалению начальника генерального штаба, и в толщу командного состава, особенно в состав резервных офицеров проникнутых сепаратизмом отдельных национальностей. «Носители» идеи монархии Габсбургов, по мнению Конрада, уже находились в состоянии разложения, и нужны были твердые и решительные меры, чтобы остановить этот процесс.

В тех же своих ежегодных докладах, а также и в текущих, Конрад неустанно выдвигает вопрос *о командном составе.* Желая сохранить в нем былые традиции офицера лагеря Валленштейна, с его товариществом солдатской армии, начальник генерального штаба ставит в порядок дня вопрос о пересмотре командного состава, о его «чистке», предлагая удалить из его среды порочные элементы, основывающие свое благополучие на материальных предпосылках, на карьеризме, и обратить особое внимание на политически неблагонадежных, зараженных духом социал-демократического учения.

Авторитет командного состава должен быть высок и в армии, и в государстве, поэтому всякие нападки прессы, а их было немало, должны быть, по мнению Конрада, решительно прекращены.

Необходимо также обратить внимание и на материальное благосостояние командного состава. Здесь начальником генерального штаба отдается предпочтение строевому командному составу перед чинами административной службы, довольно многочисленными в армии и стране. Как принцип—жалованье офицера не должно отставать от содержания чиновников других ведомств монархии.

Одним словом, начальником генерального штаба повторялись азбучные истины, но они шли от жизни. Да и в наше время они еще не всюду урегулированы и разрешены.

На этом мы закончим знакомство с влиянием генерального штаба в области внутренней политики страны. Беря за основание армию, Конрад считал своей обязанностью теми или иными путями вторгаться во внутреннюю жизнь страны. Правильно это было или нет — покажет дальнейшее наше рассуждение, равно как попытка выяснить, в каких размерах должно итти влияние генерального штаба в этой области, если мы признаем его необходимым.

ГЛАВА XI

«ПОИСК» В ИСТОРИЮ

Характер армии Великой Французской Революции.—Связь армии с народом.—Отрыв армии. — «Солдатская» армия Бонапарта. — Прусский ландвер. — Кадровая армия. — Упрек Людендорфа Клаузевицу.—Клаузевиц о войне и внутренней политике.— Мысли Мольтке (старшего) об армии и ее значении в государственной жизни страны, о милиции, о значении воспитания в армии.—Энгельс о войне 1870—1871 г. и о прусской военной системе.—Людендорф о внутренней политике.—Мысли Людендорфа из «Воспоминаний» и труда «Ведение войны и политика».—Выводы Ферстера в книге «Шлиффен и мировая война».—Решительность старика Бернгарди.—Краусс о политике и войне.—Идеи Дюпюи.

Мы пока покинем австро-венгерский генеральный штаб и сделаем маленький *поиск* в область, именуемую *историей*. Правда, не всеми такой путь признается правильным и верным. Иные мыслители предпочитают ему собственные рассуждения, но мы более склонны почерпнуть знания из зеркала жизни, нежели из собственных переживаний.

Ранее наши поиски в историю не шли далее наполеоновской эпохи. На этот раз шагнем шире — в эпоху Великой Французской Революции, ибо, как справедливо говорит А. Свечин в своей «Стратегии»,— «уже с момента французской революции вопросы внутренней политики играют соответствующую роль в подготовке к войне». Конечно, не собираемся подробно останавливаться на этой эпохе военного искусства, а лишь затронем ее настолько, насколько нас интересует данный вопрос.

С падением старого режима постепенно пала его «солдатская» армия, и на сцену появились сначала добровольческие части, национальная гвардия, а затем и революционные армии Конвента. Последний покончил с обособленностью армии от народа и стремился воспитать ее в республиканско-демократическом духе, развив в ней широко политическую работу *ознакомлением* армии с важнейшими декретами, рассылкой прокламаций, газет, участием армии в общественных и военных клубах и т. д. Результатом этого было то, что «демократическая по своему составу и организации и воспитываемая в духе преданности делу революции армия сама становилась одной из надежнейших опор якобинского правительства. Конвент вышел победителем из гражданской войны именно потому, что *армия была за него*», пишет в «Новейшей истории Западной Европы» Н. Лукин, указывая далее, что «политическая работа в армии возлагалась на особых комиссаров, назначавшихся Конвентом из числа депутатов по три на армию».

Сравнивая армию Конвента с армиями союзников, Н. Лукин указывает: «французская армия рекрутировалась преимущественно из крестьян, ставших, благодаря революции, полными собственниками своей земли, увеличивших свое землевладение за счет национальных имуществ; затем—из рабочих и мелких ремесленников и отчасти буржуазии, не менее крестьян заинтересованной в сохранении завоеваний революции. Рево-

люционный дух армии и готовность принести все жертвы для спасения республики поддерживались всей социально-экономической политикой якобинцев, проводившейся в интересах городской и сельской демократии. Французский солдат жил и сражался бок-о-бок с офицером, им же избранным на командную должность, одинаково доступную для любого грамотного и способного рядового».

«Наконец,—заключает Н. Лукин,—только опиравшееся на народные массы революционное правительство могло мобилизовать для ведения войны огромные материальные ресурсы страны и организовать тыл для победы на фронте».

Но постепенно, с походами, армия отрывается от народа, в самой Франции к концу существования Конвента создалось неустойчивое равновесие общественных сил, и находившиеся во главе армии генералы начали играть крупную политическую роль. «В их руках была сила, которая становилась все более и более независимой от гражданского правительства. Этой силой—была *армия*»,—пишет тот же Н. Лукин.

«Со времени гибели Якобинской республики»,—продолжает он,—«настроение солдат резко изменилось. С победой контрреволюции в стране оборвалась связь между армией и демократическими организациями, прекратилась и революционно-демократическая пропаганда и агитация в войсках». В то время, как комиссары и генералы Конвента продолжали еще бороться с мародерством и всякого рода насилиями, Бонапарт, напротив, «всячески поощрял в солдатах самые грубые инстинкты, воспитывая армию в духе жажды славы и легкой добычи» ... «Вместе с тем солдаты привыкали смотреть на себя как на нечто отдельное от нации, имеющее свои особые интересы, и с презрением относились к «шляпам». Свое личное благополучие солдаты стали связывать не с торжеством и упрочением свободы и равенства в республике, а с личностью и судьбою того или иного победоносного генерала».

Таков был переход от революционной армии к армии Бонапарта, к армии «солдатского» типа. «Наполеон отнюдь не стремился к идеалу вооруженного народа»,—пишет А. Свечин в своей «Истории военного искусства». «Ему даже желательно было изолировать армию от нации, образовать из армии особое государство в государстве,—продолжает А. Свечин,—крестьянин, насильно оторванный от земли, враждебно относившийся к воинской повинности, был совершенно переработан. Лагерь, казарма стали его родиной, понятие отечества стало олицетворяться Бонапартом, патриотизм переродился в шовинизм, стремление к славе и отличиям заглушило идею свободы».

«Солдатская» армия нуждалась в «солдатском счастье», и Наполеон всеми мерами стремился его создавать в оторванной от народа армии. Этот отрыв с каждым годом углублялся все более и более, но приближался закат «солдатского счастья».

Моральные силы армии надламывались. На внешних фронтах начались неудачи, а «в самой Франции,—пишет Н. Лукин,—наблюдалось истощение людьми и материальными ресурсами и рост недовольства среди буржуазии, разочаровавшейся в императоре после провала континентальной блокады, и крестьянства, озлобленного бесконечными наборами... После непрерывной 22-летней войны население обескровленной и обескровленной Франции жаждало мира. Высшие классы, раздраженные полным застоем в промышленности и торговле, падением государственной ренты с 87 до 50½% и высоким учетным %, отказывали теперь правительству в своей поддержке. Истощились и материальные ресурсы: несмотря на удвоение налогов, в 1813 году поступления государственного казначейства составляли лишь 50% обычных».

Нам кажется, без особых пояснений видно, что одно «солдатское счастье» уже во времена Наполеона, при всем размахе его гения, не могло служить залогом победы. Отрыв армии от внутренней жизни страны, образование армии, как самостоятельного организма в государстве, не предвещало даже сто лет назад чего-либо хорошего.

Сама идея «солдатской» армии требовала ее изолирования от жизни страны и в этом, конечно, Наполеоном принимались все меры. Суровый вообще во внутренней политике и в своем отношении к прессе, маленький капрал стремился сам, требуя того же от всех начальников, к созданию культа солдата, которого бы усыпляли в блаженстве казарма и слава боевых подвигов, но до которого не доходили бы печальные вести, несшиеся с родины.

Идея «солдатской» армии была усвоена и противниками корсиканца, хотя нужно немедленно отметить, что на развалинах этой армии императора французов в рядах его противников зарождалась новая кадровая армия, вырисовывалась идея вооруженного народа. Мы говорим про *прусский ландвер*, который был призван на войну с Наполеоном.

По понятным причинам мы не можем вдаваться подробно в историю ландвера и отсылаем к труду А. Свечина «История военного искусства», часть III. Для нас важно сейчас указать, что призванный под ружье в минуту тяжелой необходимости прусский ландвер все же не отражал полностью идею вооруженного народа. Имея классовый командный состав, который являлся «цитаделью буржуазии», ландвер был формой милиции XIX века. Однако, даже при такой обеспеченной структуре для господствующих классов, ландвер—как система вооруженных сил, был взят под подозрение в своей политической благонадежности. «Прусский министр полиции Витгенштейн,—пишет А. Свечин,—находил, что вооружать народ это значит организовывать сопротивление авторитету власти, разорять финансы, даже наносить удар христианским принципам священного союза». Такое отношение к ландверу наблюдалось почти со всех сторон, и дальнейшими преобразованиями он был поставлен в такие рамки, что отнюдь не являл собою «народа».

Борьба с революционными вспышками в различных местах Европы в середине XIX столетия способствовала возрождению *постоянной армии* хотя кадровая ее система и почиталась необходимостью. Нет слов, что были приняты все меры, чтобы оградить армию от влияния «народа». Наполеоновские традиции и гром его побед были сильны в умах государственных людей Европы.

Таким образом, связь народа с армией, возникшая во времена Конвента, сошла со сцены во времена Наполеона, не получив поддержки и в прусском ландвере. Если слово «политика» еще имело смысл для большинства военных, то только во внешних своих очертаниях, но внутренняя жизнь страны была особой областью, которой мало интересовался военный ум. Для него страна должна быть спокойна, власть в ней крепка и государство обязано было давать все для армии.

Никто иной, как «сошедший с'ума кадет» — Людендорф, бросает ныне в своем труде «Ведение войны и политика» военному поэту наполеоновской эпохи Клаузевицу упрек в том, что он «в своей книге «О войне» говорит о политике и ведении войны. Однако, он при этом имеет в виду лишь внешнюю политику. Его мысли далеки от взаимодействия ведения войны с внутренней политикой или экономикой страны, хотя уже и в его, старые времена, такие вопросы возникали и говорили о себе».

Мы совсем не намерены в уста Клаузевица вкладывать современные идеи о внутренней политике и ведении войны, ибо он сын своего века. Но насколько справедливо замечание Людендорфа, что и во времена напо-

леоновской эпохи существовала связь между внутренней жизнью страны и войной, настолько же должны указать, что философ войны не прошел мимо этого фактора.

Именно, в своем труде «О войне» Клаузевиц говорит: «предполагается, конечно, что в политике согласованы и уравнены уже *все внутренние интересы* (курсив наш; *Б. Ш*), потому что политика, сама по себе, ничто иное как поверенный, обязанный представлять и охранять интересы перед лицом других государств. Не место тут принимать в расчет, что она может принять направление ложное, служить преимущественно честолюбию, тщеславию и частным интересам правителей». «Итак, — заключает Клаузевиц,—подразумеваем тут, что политика есть представитель всех жителей государства и что, следовательно, военное искусство политике во всяком случае не указ».

Таким образом, если Клаузевиц требует «уравнения» всех внутренних интересов граждан государства, почитая это необходимостью для ведения войны, то, по справедливости, должны сказать, что мозги современных германских «полубогов» не поняли или не хотят понять своего философа войны. Правда, как известно, только ныне Людендорф постигает старательным изучением тайны политики, а вместе с ней и высшей стороны военного искусства. Вместо упрека Клаузевицу в неучете им социальных условий в ведении войны, мы бы посоветовали незадачливому полководцу былой германской империи вдуматься в слова философа войны, что «не место тут принимать в расчет, что она (политика) может принять направление ложное, служить преимущественно честолюбию, тщеславию»... Не найдет ли в них Людендорф приговора над своей деятельностью — он был произнесен 90 лет тому назад, а ныне мы слышим и читаем о нем, как о крупном промахе бывшего первого генерал-квартирмейстера. Был ли когда-нибудь Людендорф в своей политике «представителем всех жителей государства», приходило ли это когда-нибудь ему в голову. Мы категорически отрицаем это, да и сам Людендорф, ныне сознавая это, отмахивается от участия во внутренней жизни страны, руководство которой лежало, по его мнению, на Вильгельме и канцлере, о чем поговорим несколько ниже.

Мы не затрагиваем личной жизни Клаузевица, которая отличалась активностью во внутренней политике современной ему Германии и воссозданием на ее основах прусской армии. Не следует забывать, что идея вооруженного народа при Клаузевице только что возрождалась, а он сам находился под влиянием опыта наполеоновских войн.

Из них же черпал основы для своего учения и другой кумир прусского генерального штаба *Мольтке* (старший). «Никогда еще не удавалось создать новую стратегию, — пишет Шлихтинг в своем труде «Основы современной тактики и стратегии»,—исключительно за письменным столом; поэтому и теория Мольтке берет свое начало в опыте недавнего прошлого (война за освобождение)», т.-е. из той войны, на арене которой выступал прусский ландвер. Считаем, что далеко небезынтересно будет ознакомиться со взглядами на внутреннюю политику и войну этого достославного начальника прусского генерального штаба, чтимого к тому же высоко и героем нашей повести Конрадом.

Великий «молчальник» прусского генерального штаба в своих «Военных поученнях» так наставлял последний:

«Современные войны призывают к оружию целые народы; едва ли найдется хотя бы одна семья, на которую война не ложилась бы бременем».

«В наше время, таким образом, не одни кабинеты решают вопрос о войне и мире и руководят делами народа, а, напротив, во многих стра-

нах сами народы руководят кабинетами. Таким образом, в политику введен элемент, не поддающийся учету. В настоящее время приобрела влияние также и биржа, могущая призывать вооруженную силу для защиты своих интересов».

Начальник генерального штаба проникнут глубоко пацифистскими идеями и возвещает: «могущественное государство наряду с решением социальных задач внутренне утверждает свою мощь, авторитет и перевес вне своих границ не для того, чтобы притеснять соседей, а чтобы обеспечить мир с ними и способствовать сохранению мира между соседями».

«Но такая политика, — по мнению Мольтке, — может быть проведена *при опоре на сильную армию, всегда готовую к войне. Если бы недоставало этого огромного махового колеса, то государственная машина остановилась бы, дипломатические ноты нашего министерства иностранных дел не имели бы надлежащего веса*».

«Армия наша (германская) составляла фундамент, на котором можно было построить подобную политику . . Конечно, печально, что суровая необходимость вынуждает народ приносить для содержания армии все большие и большие жертвы».

Доказав далее, что все затраты и жертвы на армию строго необходимы, Мольтке приходит к выводу, что «*быть готовым к войне — это самое лучшее обеспечение мира*. С слабыми силами и наемными армиями эта цель не достигается; только *на собственной силе зиждется судьба каждой нации*».

В таком случае, если «армия—самое важное учреждение в стране, так как только благодара ей могут существовать все остальные учреждения, всякая свобода — политическая и гражданская, все, что создано культурой, финансы и государство процветают и гибнут вместе с армией», то такая армия все же дает «вес и опору только до тех пор, пока она действительно в боевой готовности и способна вступить в бой, когда цель не может быть достигнута иначе».

Останавливаясь на *кадровой* армии, Мольтке продолжает: «мы не должны допустить *ослабления* внутренних достоинств армии, чтобы не превратить *ее в милицию*».

Доказывая на примерах банкротство милиции во время войны 1870 года, как системы вооруженных сил, начальник германского генерального штаба останавливается и на опыте французской революции, о котором мы говорили выше. «После революции, — пишет Мольтке, — принялись, конечно, сейчас же за роспуск ненавистной армии: сама нация должна была защищать свободу, и патриотизм должен был заменить дисциплину, а порыв и численность — военное образование». Указывая на всю необоснованность подобных надежд, Мольтке приходит к выводу, что «только после 30-летнего горького опыта французы пришли к сознанию, что не армию следует включить в милицию, а добровольцев в армию».

Переходя к войне 1870—71 г.г. Мольтке также видит превосходство «обученного и храброго отряда войск» (германских перед французской милицией) и заключает: «*вооруженная толпа еще не составляет армии, и вводить ее в бой является варварством*» кроме того, «*вооружая нацию, мы одновременно с хорошими элементами вооружаем и дурные; в каждой нации имеются те и другие*». «Легко раздать ружья, но не так легко получить их обратно» — резюмирует начальник генерального штаба.

Пугая Парижской Коммуной, Мольтке говорит: «*вероятно и у нас найдутся элементы, вроде тех, которые после войны захватили власть в Париже*... Сохрани бог, чтобы мы когда-либо дали им оружие в руки»-

«Итак, доблесть, которой проникнута наша армия, не должна быт. поколеблена. Ни одна нация до сих пор, во всем своем составе не полу-

чила такого воспитания, как наша, благодаря всеобщей воинской повинности. Нелегкая задача сделать из новобранца солдата, т.-е. человека, не только упражняющегося в маршировке и караульной службе, но который, основательно зная свое сложное оружие и будучи вполне уверен в нем, должен уметь самостоятельно действовать даже при самых тяжелых обстоятельствах, — приготовить солдата, умеющего повиноваться и повелевать, ибо последний рядовой становится начальником, когда он ставится на пост или ведет патруль. Все это не так легко, как это, может быть, представляется за письменным столом».

«*У нас,* — продолжает Мольтке, — *главная забота не о техническом образовании войск, а скорее о выработке и укреплении нравственных качеств,* — *о военном воспитании юноши. Этого нельзя достигнуть муштрою, это должно впитаться в плоть и кровь*».

«В самом деле, справедливость требует отметить, что военная служба не представляет ежедневной, видимой, продуктивной работы, — но она имеет целью безопасность государства, без которой всякая продуктивная работа становится невозможной, и этого она достигает. Она представляет собою школу для подрастающих поколений в смысле порядка, исполнительности, чистоплотности, повиновения и верности — качеств, не пропадающих даром для позднейшей продуктивной работы».

«Говорят, — пишет Мольтке, — что школьный учитель выиграл наши сражения. Одно знание, однако, не доводит еще человека до той высоты, когда он готов пожертвовать жизнью ради идеи, во имя выполнения своего долга, чести и родины; эта цель достигается — *его воспитанием*».

«*Не ученый* выиграл наши сражения, а *воспитатель*, т.-е. *военное сословие*, давшее нации физическую силу, духовную бодрость, любовь к родине и мужество. Итак, мы не можем обойтись без армии ни во внутренней политике — *в целях воспитания нации*, ни тем более во внешней — для защиты родины». (Курсив всюду наш; *Б. Ш.*).

«Армия, — заканчивает Мольтке, — не может быть временным учреждением, ее нельзя импровизировать в течение недель или месяцев; ее необходимо воспитывать в течение ряда лет и поколений, ибо военная организация должна покоиться на устойчивости и возможной ее продолжительности».

«Сила же Германии, — по мнению начальника генерального штаба, — заключается, по существу, в однородности обитателей».

Мы позволили себе так долго задержаться на изложении мыслей Мольтке, так как: 1) они дают нам представление о взглядах германского генерального штаба на внутреннюю политику и армию и 2) эти мысли считались заповедью и для начальников генеральных штабов иных армий Европы.

Злоупотребляя вниманием читающего эти страницы, мы продолжим наши рассуждения по поводу взглядов, изложенных начальником германского генерального штаба.

Итак, мы слышали, что начальник прусского генерального штаба полон идеей вооруженного народа, как того требует современный характер войны. Он же считает армию опорой для поддержания мира и необходимейшим и важнейшим учреждением в государстве. Более того, армия, — военное сословие, воспитательница нации и носительница побед, одержанных Пруссией в 1866 и 1870—71 г.г. Всякие сказки о школьном учителе, подготовившем эти победы, должны быть откинуты раз навсегда. Армия должна быть боеспособной, но прежде всего послушной власти и обеспечена от «худших» элементов, которым «сохрани бог» давать оружие в руки. Наконец, «мы не можем обойтись без армии... Во внутренней политике — в целях воспитания нации», — так возвещает нам Мольтке (старший).

Нами только что приводились суждения Клаузевица о внутренней политике, и мы должны указать, что они далеки от взглядов его соотечественника в мундире прусского генерального штаба. Насколько философ войны признавал, что внутренние интересы граждан должны быть уравнены и сама политика не что иное, как поверенный всех граждан, настолько Мольтке становится на противоположную точку зрения, и в армии видит лишь оружие «лучших» элементов в германской нации, т.-е., иными словами, ее буржуазных классов и благономеренных крестьян. В структуру армии вкладывается внутреннее соотношение классов страны, и армия должна выступить в роли *воспитательницы* нации. В критике армий Конвента и Парижской Коммуны Мольтке ярко выявил свое предпочтение армии, хотя и с кадровыми основами, но попрежнему долженствовавшей сохранить в себе черты «солдатской» армии Наполеона.

В наше намерение никогда не входило заниматься открытием «Америк», ибо они давно почитаются открытыми. Поэтому мы поступили бы нечестно, если бы занялись собственной критикой рассуждений Мольтке, когда за нас это выполнено неизмеримо более дельным пером Энгельса, к тому же современником начальника германского генерального штаба.

Будучи «величайшим знатоком той политики, которой военное дело, в последнем счете, подчинено», и в то же время «понимая глубоко самостоятельный характер военного дела—с его внутренними техникой, структурой, методами, традициями и предрассудками», Энгельс в своих «Статьях о войне 1870—71 г.г.» подверг критике суждения прусского генерального штаба, приведенные нами выше.

«Справедливую» политику Германии Энгельс определяет как продукт «нового немецкого шовинизма», а не стремление правительства Вильгельма к укреплению мира в Европе.

Указав на жесткую необходимость для Пруссии после разгрома в 1806—1807 г.г. принять короткие сроки службы в армии для накопления «больших батальонов», Энгельс говорит, что после 1813 года «этот же принцип краткосрочной действительной службы и долговременного пребывания в запасе был разработан полнее и помимо этого приведен в гармонию с необходимостью иметь абсолютную монархию. Людей оставляли на действительной военной службе от двух до трех лет не только для того, чтобы обучить военному делу, но и для того, чтобы приучить к безусловному повиновению».

«Вот в чем слабое место прусской системы. Она должна примирить две различных и, в конце концов, несовместимых цели. С одной стороны, она претендует на то, чтобы каждый физически здоровый человек был солдатом, на то, чтобы иметь настоящую армию, единственная цель которой стать школой, в которой граждане обучаются употреблению оружия, школой, являющейся ядром, вокруг которого они сосредоточиваются во время атаки извне. Эта система кажется чисто оборонительной, но, с другой стороны, та же армия представляет собою вооруженную опору, главную поддержку quasi - абсолютного правительства; для этой цели школа военного искусства для граждан должна быть изменена в школу абсолютного подчинения начальникам, в школу роялистских чувств. Этого можно достичь только посредством длительной службы. Вот тут несовместимость становится очевидной. Оборонительная иностранная политика требует обучения большого числа людей в течение небольшого периода времени, так, чтобы иметь большое число солдат в запасе на случай нападения извне; внутренняя же политика требует обучения ограниченного числа людей в течение более длительного периода времени, так, чтобы иметь надежную армию в случае внутреннего восстания. Quasi-абсолютная монархия избрала промежуточный путь. Она оставляла людей

целые три года на действительной военной службе и ограничивала число рекрутов согласно своим финансовым средствам. На самом деле *не существовало всеобщей воинской повинности* (курсив наш; *Б. Ш.*), она была заменена принудительным набором, единственным отличием которого от набора других стран является его большая суровость... и в то же время то, что первоначально было народом, вооруженным для самозащиты, превращается теперь в послушную армию, готовую для нападения, в орудие политики правительства».

Показывая, что война 1870—71 г.г. не захватила внутреннюю жизнь страны, Энгельс говорит, «что превращение граждан в солдат шло в таком размере, которого не знали никакие государства, кроме Германии, но если те же самые писатели посмотрят на Германию в настоящее время (во время войны; *Б. Ш.*) после того, как свыше миллиона человек было оторвано от гражданской жизни, они увидят, что фабрики работают, урожай убран, лавки и конторы открыты. Производство хоть и прекращено, но прекращено из-за отсутствия заказов, а не благодаря отсутствию рабочих рук, на улицах же видно очень много здоровых парней, столь же годных для ношения оружия, как и те солдаты, которые ушли воевать во Францию». Затем, на основании статистических данных, Энгельс доказывает, что прусское правительство не исчерпывало всего ежегодного контингента, годного в армию, и что хотя последняя, по словам генерального штаба, «ничто иное, как школа, в которой вся нация подготовляется к войне», «а все же только небольшой процент населения проходит через эту школу», заканчивает Энгельс.

Причину этого он видит в том, что «требования династии, с одной стороны, положение финансов — с другой, повлияли на ограничение числа рекрутов. *Армия оставалась послушным оружием для целей абсолютизма у себя на родине, для войн правительства за границей; но нельзя сказать, чтобы вся сила нации была использована для ее защиты*».

«*Вооруженная нация, таким образом, является просто блефом*, — говорит в другом месте Энгельс и об'ясняет: «до тех пор, пока держится наследственная политика, необходимо иметь армию, являющуюся послушным орудием прусской династии и правительства... и фраза «*вооруженная нация*» скрывает под собой создание большой армии для проведения политики *за границей* и для поддержания *реакции внутри страны*. «*Вооруженная нация*» *не была бы хорошим* орудием для работы Бисмарка».

Являясь сторонником действительного применения принципа всеобщей воинской повинности, Энгельс пишет, что «как прусский ландвер был шагом вперед по сравнению с французской кадровой системой, так как он уменьшал срок службы и увеличивал число людей, способных защищать свою родину, — так и новая система всеобщей воинской повинности будет прогрессом по отношению к прусской системе». Задаваясь вопросом, может ли Пруссия применить всецело идею вооруженного народа, Энгельс отвечает: «конечно, да, но тогда она перестанет быть теперешней Пруссией. Она выиграет в силе обороны и потеряет в силе нападения; у нее будет больше солдат, но они не будут так годны для нападения в начале войны; она должна будет отказаться от мысли о завоевании, что же касается ее теперешней внутренней политики, то она была бы подвергнута серьезной опасности».

Как известно, ради последней ни Бисмарк, ни Мольтке не могли пойти на вооружение всех элементов немецкой нации, начальник генерального штаба некоторые из них совершенно исключал из числа военнообязанных граждан.

Лучшего разбора суждений Мольтке, чем приведенный, вполне исчерпывающий анализ, сделанный Энгельсом, едва ли можно найти. Он

с полной очевидностью вскрывает завоевательные стремления начальника генерального штаба во внешней политике и стремление иметь армию-воспитательницу в интересах лишь господствующих классов с удалением «худших» элементов, т.-е. политически неблагонадежных слоев населения.

Начавшееся уже со времени Мольтке рабочее движение в Германии озабочивало его, но «военное сословие» обязано было воспитать для будущей войны прошедших через ряды армии граждан в духе повиновения династии и правительству.

Бисмарк крепко держал в своих руках дела внутренней политики, и поэтому начальник генерального штаба избегал особенно вторгаться в нее, да и сам «железный канцлер» не позволял туда протягивать рук.

Однако, как мы видели в предшествовавших главах, еще при жизни Мольтке (старшего) его помощники — «полубоги» из генерального штаба, при высоком покровительстве сначала принца, а потом императора Вильгельма II, перешли в наступление против внутренней и внешней политики канцлера. Мы не будем далее вдаваться в перипетии этой борьбы. Отметим лишь, что, свалив Бисмарка, по его следам последовали и они, ибо «политика — не поле сражения». Если на последнем они были мастера своего дела, то в политике оказались битыми развитием тех производительных сил, кои накоплялись и развивались в Германии, пугая так Мольтке (старшего).

«Полубоги» на официальных канцлерских местах и в качестве негласных руководителей внутренней жизни страны не хотели менять внутренней политики и, становясь во внешней на путь завоеваний, по анализу Энгельса, должны были требовать развития постоянной армии. Этот путь и был ими избран. Знакомый уже нам военный министр Верди был ходатаем по увеличению военных кредитов.

В своих «Воспоминаниях» Бисмарк приводит свой разговор с Вильгельмом об увеличении военных кредитов. «А военные кредиты вы еще проведете в рейхстаге?» — спросил его Вильгельм, когда канцлер в 1890 году поднимал вопрос о своей отставке. «Я ответил, — продолжает Бисмарк, — хотя и не знал испрашиваемой суммы, что буду охотно содействовать их проведению. Вопрос о социалистах был для меня важнее, чем военный, так как мы были достаточно сильны вплоть до артиллерии и офицеров... Я не считал своей обязанностью бороться в первую очередь за широкие планы, которые nomine короля или Верди провозглашались «не терпящими отлагательства». Испрашиваемые 117 миллионов вызывали прежде всего на бой министра финансов, затем союзные правительства и, наконец, рейхстаг. Для меня, ведущего арьергардный бой, вопрос о социалистах был важнее, чем проект, внесенный Верди, и даже по существу это было так».

Бисмарк с головой ушел в борьбу с социал-демократами, и для него «вопрос об армии не являлся достаточным основанием для разрыва с рейхстагом». Внутренняя политика канцлера выдерживала серьезные бои, требовала починок, что было совершенно непонятно «полубогам» генерального штаба, как не понимает это ныне сверженный «бог» Людендорф.

Под влиянием высказанных Краусом в его труде «Причины наших поражений» мыслей о связи внутренней политики и войны, Людендорф в 1922 году выпустил книгу «Ведение войны и политика». Мы уже отчасти говорили о ней, а теперь немного подробнее остановимся на ее разборе, учтя также откровение Людендорфа о внутренней политике, сделанное им в своих «Воспоминаниях».

С них мы и обязаны начать, так как его «Ведение войны и политика» появляется после изучения кое-каких политических трудов, правда подобранных однобоко.

Мы знакомы с политической подготовкой самого Людендорфа до войны, когда он политическими партиями не интересовался и политику считал делом лиц гражданских. Оказывается, он не был и царедворцем, и «наполеоновские планы всего мира меня не занимали» — ныне заявляет он нам.

Одним словом, бывший первый генерал-квартирмейстер оказывался вне политики, но только учитывал ее. «Как и всегда, — говорит он — я стоял... на той точке зрения, что *установление основ политики относится к компетенции имперского канцлера, лишь бы они не противоречили требованиям военной безопасности*», и... «во всех наших мероприятиях мы исходили исключительно из военных требований» (курсив наш; *Б. Ш.*).

Оказывается, что по делам внутренней политики ни император, ни канцлер даже не разговаривали с Гинденбургом-Людендорфом и: «я (Людендорф) и не стремился к подобным беседам, так как *был очень далек от внутренней политики*» (курсив наш; *Б. Ш.*).

Но вот: «моим убеждением всегда было, что народ и армия представляют одно тело и душу и, следовательно, армия не могла надолго оставаться здоровой, если была больна страна». В этих видах со стороны Людендорфа сначала окольными, а затем прямыми путями начинается вторжение во внутреннюю политику. «*Историческому руководству Германии не хватало сильной руки, которая властно правила бы страной*», — заявляет Людендорф и «чтобы победить на поле сражения, верховное командование нуждалось в сотрудничестве государственного человека, это становилось мне все яснее, по мере того, как я входил в свою должность и шире разбирался в обстановке» (курсив наш; *Б. Ш.*)

Началась атака против канцлера Бетмана и последний, в свое время в угоду внутренней политике свалivший Фалькенгайна и призвавший Гинденбурга — Людендорфа, пал по требованию последних.

Считаем излишним распространяться о вмешательстве Людендорфа во внутреннюю жизнь Германии, т. к., по своей наивности, он сам заявляет, что как-то нечаянно выходило, что все обращались к нему, а по мемуарам Эрцбергера Людендорф «*оставался почти неограниченным властителем Германии и частью сам решал политические вопросы, частью существенно влиял на их решение*» (курсив наш; *Б. Ш.*)

Мы можем согласиться с Людендорфом, что действительно в Германии не оказалось Бисмарка, который быстро покончил бы с «неограниченной властью» генерального штаба во время войны.

Оглянувшись на пройденный путь, Людендорф, вдохновляемый Краусcом, обогатил литературу целой книгой о ведении войны и политики.

Нами выше было отмечено, что, по его мнению, Клаузевиц оказался недальновидным человеком, не предусмотрев влияния внутренней политики на ведение войны. Людендорф спешит заполнить пробел и внести ясность в этот вопрос. Свое исследование он начинает со времен Фридриха II, используя его главным образом, как аргумент в защиту стратегии уничтожения, которая была догмой самого Людендорфа.

Переходя затем к временам Бисмарка и Мольтке, бывший «властитель» Германии приходит к заключению, что канцлер считал войну внешней политикой, но только другими средствами, а во внутренней жизни Германии направлял все силы на консолидацию нации и борьбу с развивающимся социальным движением. Людендорф приписывает успех внутренней политики Бисмарка тому, что он, опираясь на большинство рейхстага, вел его за собой.

Выше нами было показано, что действительно Бисмарк весь центр тяжести в последние годы своего канцлерства перенес на внутреннюю политику, но едва ли имел в этом успех. Германия стояла на пороге

ломки своей внутренней жизни, так как производительные силы переросли ее национальную оболочку.

Политика консолидации Бисмарка не могла побороть нарастающего возмущения рабочих Германии и, как писал 7 января 1888 года Энгельс Зорге, «толпами гнала в наши об'ятия рабочие и мещанские массы», почему для развития революции Энгельс считал нежелательным «всеобщую войну». Для Людендорфа, конечно, непонятна эта точка зрения, ибо во «всеобщей войне» он видел завершение всей мирной деятельности Германии.

С уходом Бисмарка, по мнению Людендорфа, началось распыление Германии: со стороны правительства видно заигрывание с левым крылом рейхстага, которое с каждым годом все более и более укреплялось. Ныне рейхстаг руководил правительством, а не наоборот, как это было при Бисмарке. В среде руководящих кругов и партийных вождей рейхстага преобладали интернациональные и пацифистские стремления, которыми оказался зараженным и канцлер Бетман-Гольвег, не веривший в политику «силы» и «лихорадку вооружений».

Одним словом, «*нация» разлагалась никем иным, как правительством, не желавшим увеличивать армию.*

«Сам» Людендорф был горячим сторонником усиления армии, автором доклада 1912 года и, наконец, страдательным лицом. Однако, мы должны указать, что плача над разложением нации, а за ней и армии, Людендорф для оздоровления последней избрал снова путь, который был предсказан Энгельсом, и армия, увеличиваясь в числе, отнюдь не являлась отражением народа, а политика не была «поверенным» «всех граждан Германии». «Отсутствие политического чутья и сильной воли у канцлера в области развития вооруженных сил является печальным событием в Германии перед мировой войной. Оно показывает слабость правительства во внутренней политике, благодаря чему, к сожалению, вопросы обороны не составили у нас главную часть внутренней политики. Оно есть не что иное, как печальное следствие интернационально-пацифистских настроений главы правительства канцлера Бетман-Гольвега» Одним словом, времена Бисмарка канули в вечность. «Немецкой народ шел по наклонной плоскости и опускался все ниже и ниже. Дух народа не был подготовлен к грядущим событиям». Таковы итоги Людендорфа о состоянии Германии перед войной.

«Внутренняя связь между политикой и ведением войны и, наоборот, во всех областях так глубока и всеоб'емлюща, что их проявление нужно рассматривать как общие действия» пишет Людендорф.

Исследовав далее эту связь на протяжение всей войны Людендорф дает следующий рецепт для германского народа. «Не «*неистовый милитарист*» говорит здесь, но человек, которому судьба, помимо его воли, ходом истории более, чем другим, дала урок и который, как строгую необходимость, видит в том, чтобы народ и его вождь ясно себе представляли взаимную связь политики и ведения войны и познали существо последней. Это познание куда полезней, чем вера в различные обещания. Работа неблагодарная. Короче говоря, «народ сам должен познать сущность войны». «Только тогда мы поможем сами себе, только в этом случае мы не последуем за фальшивыми вождями, как перед мировой войной, и не преклоним колена перед золотым тельцом, как это делается в последние годы». Народ выражает свою волю через *вождя*, который должен быть обязательно немцем, полным силы, любви к отечеству и это ставить выше собственного «я», должен нести только личную ответственность «перед богом, народом и собственной совестью».

Так думал Людендорф в 1921 году, а в следующем 1923, как всем известно, сделал попытку стать таким вождем, но потерпел неудачу.

Людендорф не одинок в своих выводах.

Ферстер в своем труде «Граф Шлиффен и мировая война», говоря об организации управления войной, указывает: «Нельзя сказать, чтобы в войнах Вильгельма I не обошлось дело без трений и столкновений между монархом, политическим и военным руководством. Они достаточно известны, но также известно, что они были счастливо ликвидированы и никогда не оказывали влияния на окончательный успех. Гений Бисмарка сумел, несмотря на случившееся сопротивление своего короля и начальника генерального штаба, отстоять и осуществить принцип, что при ведении войны соображения стратегического порядка должны подчиняться соображениям военной политики. «*Ибо политика родит войну, она является мозгом, война же только ее средство, а не наоборот*», как говорит Клаузевиц».

«Немцы пытались в мировую войну, — продолжает Ферстер, — с внешней стороны разрешить проблему полководчества по типу предложенного Шлиффеном триумвирата из монарха, главы правительства и начальника генерального штаба. Однако, в политическом и военном руководстве единство мысли и действия отсутствовало, его уже не было задолго до начала войны. Младший Мольтке делал серьезные попытки осуществить это единство еще в мирное время, но безрезультатно: по нашему, основанному на фактах убеждению, вина в этом в первую очередь лежала на главе правительства».

«Недостаток взаимодействия между ответственными политическими и военными руководителями Германии в годы, предшествующие войне, оказался чреват последствиями и особенно резко дал себя знать в мировую войну. Еще хуже то, что с самого начала войны делались все новые и новые ошибки в этом смысле. К тому же в немецком триумвирате 1914 — август 1916 г. ни один из членов «комитата, долженствовавшего ныне заменить полководца», «не получил ни капли елея Самуила».

«Положение изменилось, — продолжает Ферстер, — лишь после вступления в этот «комитет» Гинденбурга и Людендорфа. Не важно, что он стал четырехголовым — Гинденбург и Людендорф олицетворяли собой единство мысли, волю и единство цели. И все же на практике оказалось, что недостаточно, как это думал Шлиффен, если один из членов комитета одарен искрой божьей. *Не было главы правительства типа Бисмарка, способного руководить народом, ставить и проводить ясные цели внешней политики.* Не было государственного человека, согласного с верховным командованием в условиях необходимости победы».

«*Зависимость между политикой и стратегией*, — продолжает Ферстер, — *в мировую войну оказалось гораздо многостороннее, чем это было раньше. Решающую роль играли вопросы внутренней и экономической политики.* В этом отношении связь между политикой и стратегией иная, чем это было сказано в вышеприведенном определении Клаузевица. Глава правительства является уже помощником верховного командования, и на нем лежит обязанность оказывать верховному командованию самую широкую материальную, интеллектуальную и моральную помощь. И эту задачу политические руководители государства выполнили далеко не в полном об'еме. Методы, применявшиеся ими в некоторых вопросах внутренней политики, шли во вред стратегии, и, несмотря на все старания верховного командования, последнему не удалось изменить это».

Перевертывая Клаузевица наизнанку, затуманенные неудачами мозги германских «полубогов» наших дней ищут спасения в военной силе. Бернгарди в труде «О войне будущего» пишет: «*во внутренней политике точно также нельзя предаваться никаким иллюзиям.* Надо точно знать, *чего* вы можете ждать от своего народа и что превосходит его силы. Нужно сознавать совершенно отчетливо, что большая масса никогда не представляет благо целого во всех его последствиях, хотя и способна на временное

воодушевление во имя идеальных целей, но она никогда не в силах сохранить его с сознательным упорством; она еще может принести известную жертву, но вообще-то она имеет в виду только личные материальные выгоды. Тот государственный муж, который имеет в виду общее благо, не будет понят массой, и он должен поэтому при некоторых обстоятельствах прибегать к насильственным мерам, чтобы осуществить свою волю... *Политический руководитель обязан поэтому иметь мужество при известных обстоятельствах беспощадно выступить против собственного народа*». (Курсив наш; *Б. Ш.*).

Чтобы покончить с взглядами бывших корифеев генерального штаба на внутреннюю политику и войну, мы должны выслушать известного нам уже Краусса, вдохновителя Людендорфа.

«*Политика — война — одни и те же боевые действия, в которых война является крайностью, высшим напряжением сил*», — пишет Краусс в «Причинах наших поражений».

«*Война*, как высшая ступень напряжения сил единого боевого действия политики — войны *требует всеоб'емлющего использования всех* государственных сил и средств. Все: внешняя и внутренняя политика, финансы, земледелие, торговля, добывающая промышленность, индустрия, народное хозяйство — *все должно быть об'единено в управлении и подчинено ведению войны*».

«Эта совместная работа должна производиться не в последние минуты перед началом войны. Она должна быть подготовлена в долгое мирное время. Эта работа требует от всех людей, призванных на высокие посты, помимо сознания всей серьезности войны, также подчинения своей деятельности интересам войны».

«*Высокое понимание военных явлений и совместная работа с командованием является законом войны.* Неясность, разница во взглядах и расхождение в суждениях не должны иметь места».

«Наилучшим образом должна быть подготовлена война в области внутренней политики. Армия и флот, само собою разумеется, должны быть в постоянной готовности к войне; чем ближе война, тем более должно быть усиление вооруженной силы народа. Все внутренние недостатки должны быть устранены; только народ, об'единенный в стремлении к высшему, к достижению своего будущего, может вступить с полным напряжением сил в решительный бой. В виду этого политика должна своевременно устранить и вырвать с корнем все то, что мешает такой борьбе. *Внутренняя борьба,* не исключая и борьбы политических партий, только *ослабляет силу сопротивления* народа, самоуничтожает ее».

«Сильная политика проводится только полным сил государством. Сила и мощь государства основывается на его внутренних соотношениях. *Только то государство, которое организовано внутри себя и обладает твердо сложившимися соотношениями, может считаться сильным и вести такую же военную политику*». (Курсив наш; *Б. Ш.*).

На этом мы кончаем наш «поиск» в историю. Не будем возражать, что он может быть однобок, что мы захватили главным образом лишь германский генеральный штаб и не заглянули в остальные страны Европы, где, весьма вероятно, были иные взгляды и думы о связи стратегии с внутренней политикой. Мы сознательно этого не делали и потому озаглавили настоящую главу именно «поиском», а не длительным путешествием по анналам. Побуждениями к тому были: наиболее устойчивые взгляды германской военной мысли, родство ее с исследуемым нами австро-венгерским генеральным штабом и, наконец, в сущности и те обстоятельства, что в иных странах военная мысль направлялась тем же руслом, что и в реке Шпрее.

Бывали и исключения. Так, А. Свечин в своей «Стратегии» приводит нам мысли французского майора генерального штаба Дюпюи, который,

основываясь на истории Конвента и его армии, что нами изложено выше, предлагал уже в 1912 году «единоначалие» заменить «сотрудничеством» «лиц, делегированных политическою властью с тем,чтобы они жили в непосредственном контакте с начальниками и солдатами».

Мысли этого «выдающегося передового военного теоретика», конечно, не были признаны не только за границей, но и в самой Франции, и перед нами прошли «бреветe» республики, которые не только не собирались признавать подобное «сотрудничество», но полагали возможным сослать само правительство... в колонии!

А. Свечин, вспоминая Дюпюи, приходит к выводу, что «единоначалие, так уместное в низших и средних командных инстанциях, неосуществимо ныне в верхах руководства войной».

Находясь в «поиске», мы сосредоточили внимание лишь на общем влиянии внутренней политики на армию и военное дело и почти не касались таких вопросов как дисциплина, положение командного состава, отношение к прессе — вопросов бесспорно важных, но историческое освещение которых завело бы нас очень далеко и утомило бы читателя.

Мы и так злоупотребили его вниманием, заставив выслушивать поучения теней прошлого, избрали способ знакомства с историей, который ныне в нашей литературе почитается устарелыи. Но мы честно во введении предупреждали, что никогда не собирались открывать Америки и похищать у Колумба его славу.

Нас более волнует следующая наша глава, в которой мы повинны «размышлять» над идеями героя нашей повести — Конрада. Не скроем, что и мы, подобно начальнику австрийского генерального штаба, не получили законченного политического образования и также «учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Поэтому наши воззрения в области политики могут быть не только ошибочными, но и детскими... и здесь мы лишь пробуем свои силы...

ГЛАВА XII

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА И ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

Экономика и политика. — Учет генеральным штабом влияния экономики на политику. — Внешняя и внутренняя политика, их соотношение между собой и экономикой. — Война, — производное экономики. — Внутренняя политика определяет характер войны — мысли Ленина. — Война подытоживает внутреннюю политику. — Армия — отражение государственности. — Политическое лицо армии и внутренняя политика. — Мысли Конрада о политической подготовке военнообязанных до поступления в армию. — Национальный вопрос и армия. — Социальное движение и армия. — Пресса и генеральный штаб. — Политическая работа в армии. — Единая политика в армии и в стране. — Особые политические органы в армии. — Роль командного состава в политической работе в армии и требования, предъявляемые к командному составу. — Дисциплина. — Дислоцирование армии. — Роль генерального штаба во внутренней политике государства. — «Принципиальное невмешательство» генерального штаба во внутреннюю политику и его изнанка. — «Национальные советы обороны» и их роль в ведении войны. — Генеральный штаб получает ориентировку во внутренней политике от государственного органа, подготовляющего и ведущего войну. — Роль особого политического органа в армии. — Генеральный штаб и пресса. — П. П. Лебедев и А. Свечин о значении внутренней политики в подготовке к войне. — Пророчество Блиоха о причинах прекращения мировой войны.

В одной из глав мы бросили обвинение генеральному штабу в том, что им неясно понимался фундамент «политики» и таковым признавались чувства, идеи и т. п. данные, являвшиеся производными от чего-то «первичного», исчезавшего из круга понимания «полубогов».

«В зависимости от характера производительных средств изменяются и общественные отношения производителей друг к другу, изменяются отношения их совместной деятельности и их участия во всем ходе производства» говорит Маркс. «Общественные отношения производителей, — продолжает он, — меняются, следовательно, с изменением и развитием материальных средств производства, т.-е. производительных сил. Отношения производства в их совокупности образуют то, что называется общественными отношениями, обществом и при том обществом, находящимся на определенной исторической ступени развития, — обществом с определенным характером».

В другом месте Маркс указывает, что «в общественном производстве своей жизни люди наталкиваются на известные необходимые, от их воли независящие отношения — отношения производства, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих отношений производства составляет экономическую структуру общества, реальную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка».

«Правовые и политические учреждения складываются на почве фактических отношений людей в общественном процессе производства» — делает вывод Маркс.

Развивая его ученье, Плеханов дает нам следующую ориентировку. «Всякая данная ступень развития производительных сил, — говорит он, — необходимо ведет за собой *определенную группировку людей* в общественном производительном процессе, т.-е. *определенные отношения производства*, т.-е. *определенную структуру всего общества*. А раз дана структура общества, не трудно понять, что ее характер отразится вообще на всей *психологии* людей, на всех их привычках, нравах, чувствах, взглядах, стремлениях и идеалах. Привычки, нравы, взгляды, стремления и идеалы необходимо должны приспособиться к образу жизни людей, к их способу добывания себе пропитания. *Психология общества всегда целесообразна по отношению к экономии, всегда соответствует ей, всегда определяется ею*».

В другом месте Плеханов учит, что «данным состоянием производительных сил обусловливаются *внутренние* отношения данного общества. Но ведь этим же состоянием обусловливаются и *внешние* его отношения к другим обществам. На почве этих отношений у общества являются новые нужды, для удовлетворения которых вырастают *новые* органы. При поверхностном взгляде на дело взаимные отношения отдельных обществ представляются, как ряд «политических» действий, не имеющих прямого отношения к экономии. В действительности, в основе междуобщественных отношений лежит именно *экономия*, определяющая собою как действительные (а не внешние только) поводы к междуплеменным и международным отношениям, так и их результат. *Каждой ступени в развитии производительных сил*, — заключает Плеханов, — *соответствует своя система вооружения, своя военная тактика, своя дипломатия, свое международное право*».

Позволили себе напомнить это учение *об «экономии», как «первичном»* в отношении единичных личностей и целых обществ, дабы читающий наш труд сам сделал вывод, насколько генеральный штаб бросал *поверхностный* взгляд на дело и расценивал взаимные отношения сил в государстве, как ряд «политических» действий, не имеющих прямого отношения к «экономии». Если бегло просмотреть сказанное выше о внутренней политике, в расценке ее генеральным штабом, то все предлагавшиеся им меры сводились к прямому исправлению психологии общества или партий, но никак не затрагивали экономическую структуру, на основах которой складывались внутри их отношения. Для штабов был совершенно непонятен происходивший в Европе процесс развития производительных сил, а, вследствие этого, перелом в психологии населения государства. В Германии этот перелом более всего выявлялся в социальном движении, а в Австро-Венгрии на нем обострялась национальная вражда, идя нога в ногу с тем же развивающимся классовым движением. Правда, мы слышали, что Конрад говорил о постепенном росте национальностей монархии, но он отождествлял это с развивающейся у них культурой, образованием, но отнюдь не с экономическим бытом. В новой психологии общества — классовом расслоении его, бывший начальник генерального штаба видел лишь силу разрушающую, но не созидающую государство, оказываясь в этом в полном единомыслии с Бисмарком, с Мольтке, и, наконец, ныне с Людендорфом, да и не только с ними одними, а и с более широким кругом буржуазных политиков и генералов. Не знаем, ясно ли мы передали свою мысль, что для правильной ориентировки во внутренней политике, во внутренних отношениях в государстве необходимо глубоко вникнуть в те отношения производства, кои в данное время существуют, а равно уяснить и тот процесс их развития, которым они пойдут в будущем. Только на этом основании должна быть начертана так называемая «политическая программа», необходимая ныне для ведения войны.

В нашей современной литературе на этот вопрос уже установился вполне определенный и здоровый взгляд. А Свечин в «Стратегии» пишет,

что «поскольку в основе каждой программы (политической; *Б. Ш.*) лежат экономические интересы, и экономика является основой развития исторического наступления, мы можем видеть в политике «концентрированное выражение экономики». Мы не ссылаемся на остальные труды нашей военной литературы, ибо полагаем, что достаточно и сказанного из основной работы по стратегии.

Хотя о *внешней* политике мы обещали говорить несколько ниже, однако, здесь считаем нужным сказать несколько слов о соотношении ее с *внутренней* политикой государства. Выше было приведено учение, что данная ступень развития производительных сил ведет за собой определенную группировку людей, обществ, и она же определяет внешние отношения к другим государствам. Иными словами, из внутренних отношений в государстве должны происходить и внешние линии его общений с соседями. Одно тесно связано с другим, и нарушение этой связи обычно ведет к неудачам на том или ином фронте. Основание, база как для внутренней, так и для внешней политики одна и та же — данная ступень развития производительных сил общества.

В наши дни немыслима здоровая внешняя политика государства, которая бы не отвечала интересам движущих сил его населения. Если противоположное очень часто бывало в истории, то за такой политикой рано или поздно, но также закономерно следовало крушение внутренней политики. Можно было бы много привести этому примеров. Мы ограничимся затронутыми нами выше эпохами. Внешняя политика Наполеона потерпела крах, когда во Франции уже не было к ней сочувствия, когда она расходилась с интересами французской буржуазии и крестьянства, движущих сил государства. Наконец, империалистическая война на стороне срединных государств на четвертом году встречалась явно враждебно понявшими всю бессмысленность войны трудящимися массами Германии и Австро-Венгрии, в последней к тому же с обострением национальной борьбы. Захватнические стремления буржуазных классов в этих государствах разбились о новую психологию трудящихся масс, созданную экономическими условиями.

Философ войны Клаузевиц, подчиняя войну политике — *внешней*, вводил непременным условием, чтобы она (политика) была представительницей всех граждан, чтобы внутренние интересы последних были уравнены, т.-е., иными словами, считал войну возможной, когда внутри все спокойно.

Мы слышали, как бросивший ему несправедливый упрек Людендорф ныне с горячностью доказывает необходимость теснейшей связи внутренней и внешней политики, а его вдохновитель—Краусс, да и герой нашей повести Конрад, признают, что только здоровое внутри государство может вести сильную и активную внешнюю политику.

Мы понимаем бывшего начальника австрийского генерального штаба, когда он заявляет нам, что внутренняя и внешняя политика монархии тесно переплетались, ибо, по существу дела, особенно для Австрии, и не могло быть иначе.

Таким образом, считаем необходимым присоединиться к мыслям Краусса, что «сильная политика проводится только полным сил государством. Сила и мощь государства основываются на его внутренних соотношениях».

В наши дни всякому известно, что «война есть продолжение политики иными средствами», что «война есть не только действие политическое, но она просто настоящее орудие политики». Эти мысли Клаузевица ныне являются общепризнанными, а потому считаем излишним это доказывать. Для нас сейчас интереснее осветить мысль, что война также есть «надстройка» экономики, как и «политика». Хотя война в этом освещении не всюду еще признается, но происхождение ее от «политики» твердо

усвоено во всех странах, в особенности после первой мировой встряски.

Глубокий пацифист Нитти заявляет: «Война и сражение суть две разные вещи. Сражение — факт исключительно военного характера; война же — главным образом политический акт. Война не решается одними военными действиями».

Еще задолго до мировой войны военный писатель Пузыревский свидетельствовал, что «война не ведется для доказательства знания отвлеченных академических истин, а ради известных политических целей».

С Марксом «политика» из самодовлеющей области жизни человечества превратилась в «надстройку» экономики, а за ней последовала и война. Говорить о влиянии политики на войну и забывать при этом данную ступень развития производительных сил — нельзя. «Период чисто политической демократии кончается и его сменяет таковой социальный» писал Жорес в своей «Новой армии».

Ленин определял, что «*война не случайность*, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), *а неизбежная ступень капитализма, столь же знакомая форма капиталистической жизни, как и мир*».

Признавая «политику» надстройкой экономики, Ленин говорил: «*война есть не только продолжение политики, она есть суммирование политики*».

Не останавливаясь дальше над доказательством этого, мы вернемся к *внутренней* политике.

Признавая, что таковая должна быть «поверенным» всех граждан, «внутренние» интересы которых уравнены, философ войны Клаузевиц приходил к выводу, что характер войны определяется политикой, разумея под таковой внешнюю. «Весь план войны непосредственно вытекает из политического бытия обоих воюющих государств и из их отношений к другим державам», — писал он.

Этим принципом и руководствовались до мировой войны при определении ее характера в эпоху «органическую», как можно ее определить. В это время в Европе еще лишь накапливались силы для тех «критических» дней, кои не миновали и ныне.

После франко-прусской войны 1870—71 г.г. и Парижской Коммуны наступил «политический застой», завершивший эпоху образования европейских национальных государств. Однако, при наружном спокойствии, в капиталистическом обществе накапливался антагонизм, с одной стороны, а с другой, росли силы социального движения. Правящие классы европейских государств стремились сгладить образовывавшиеся трещины как в международных, так и внутренних отношениях. Революция 1905 года в России и русско-японская война всколыхнули не только государства Европы, но и всего мира. Всюду на Западе Европы социальное движение усилилось, но до открытой схватки с правительством, как это было в России, оно не дошло. Революция 1905 года в России была задушена, найдя все же отклик на Востоке — в Турции, Персии и Китае.

Мировая война усилила революционное движение и перевела нас из периода «политического застоя» в эпоху «критических дней».

Мы уже отметили, что во времена «политического застоя» война получала свой характер в зависимости от внешней политики, как о том и писал Клаузевиц, сводя внутреннюю политику борющихся государств именно к состоянию «застоя».

В наши дни картина резко меняется. Выше отмечено, что *внешняя политика нормально должна протекать из внутренних отношений, складывающихся в государстве*. Всем, конечно, известно, что государства совре-

менной политической карты переживают внутри себя «критические» дни и что говорить о внутреннем их «политическом застое» не приходится.

В этих видах мы отходим от формулировки Клаузевица и всецело останавливаемся на мыслях Ленина, которые были приведены в начале настоящей главы и кои мы ныне повторяем.

Ленин учит, что «*характер войны и успех ее больше всего* зависит от *внутреннего порядка* той страны, которая в войну вступает, что *война есть отражение той внутренней политики, которую ведет данная страна*» (курсив наш; *Б. Ш.*). «Все это неизбежно отражается на войне» — заключает Ленин.

Учтя вышесказанное о характере нашей эпохи, вполне понятны выводы Ленина. *Внутренняя политика как своей страны, так и противника прежде всего определит нам характер войны и покажет, насколько можно рассчитывать на успех.*

Для марксиста такое понимание соотношений внутренней политики и войны было всегда ясным, начиная с самого Маркса. Ныне, после пережитых бурь мировой войны, даже из уст таких людей, как Краусс, Людендорф, мы также слышим откровения о довлеющей роли внутренней политики во внешних отношениях государства и ведении войны. Поэтому, по справедливости, не можем отказать герою нашей повести Конраду в его правильных суждениях о необходимости для успеха на внешнем фронте прежде всего оздоровить внутреннюю политику Австро-Венгрии. Воспитанные в «органическую» эпоху, представители генерального штаба иных стран внутренний порядок в стране считали, как постоянную величину в ведении будущей войны, заявляя о своем «принципиальном» невмешательстве в дела внутренней политики, и связывали войну главным образом с внешними отношениями государства. Даже Конрад временами не был чужд установившейся традиции.

В нашей литературе А. Свечин в своем труде «Стратегия», указав, что «значение здоровой внутренней политики для ведения войны сознавалось уже в древности», приходит к выводу, что «значение тыла, а вместе с ним и внутренней политики в настоящее время, по сравнению с прошлым, сильно возросло; его влияние увеличилось и умножились испытываемые им во время войны напасти. Тыл теперь часто поддается первым разложению... Успех на войне ныне возможен лишь при высокой дисциплине тыла. Поддержание дисциплины в армии ложится в первую очередь, помимо сознательности солдат, на кадры армии — ее командный состав. Поддержание дисциплины тыла — дело кадров народа, органов его гражданской власти».

В другом месте А. Свечин указывает, что «внешняя политика представляет продолжение внутренней, и потому является далеко несвободной в своих комбинациях».

Полагаем, что после всего сказанного значение внутренней политики, как фактора, прежде всего определяющего характер войны, для нас станет ясным и неопровержимым.

Мы бросили обвинение генеральному штабу в его политической безграмотности, ибо, как видно было выше, уже двадцать лет спустя после начала «политического застоя» Бисмарк вел бои с развивающимся социальным движением, а в Австрии национальные конфликты нарастали с каждым днем. «Критические» дни стучались в двери до мировой войны и пора было выходить из «политического застоя», но для этого нужны были крупные шаги по внутренней политике, а не рекомендация пресловутого § 14.

Ленин учил нас, что «*вопрос о том, какой класс вел войну и войну продолжает, является важным вопросом*». Действительно, что же иное

могла посоветовать западно-европейская буржуазия и царизм, как не § 14 с его репрессиями. И с этой точки зрения необходимо расценивать взгляды руководящих военных кругов на внутреннюю политику.

Мы просим хорошо запомнить эти слова тов. Ленина, так как они будут служить отправными в наших странствованиях по канцеляриям буржуазного генерального штаба.

Расчитывая на «политический застой» внутри государства или обещая «реформы» во внутренней политике после «победы» на внешнем фронте, правительства государств эпохи империалистической войны оказались выбитыми из колеи, когда внутри их наступили «критические дни», когда внутренняя политика властно заявила о себе.

Началось искание новых путей, кончившееся в экономически потрясенных войной странах революционными вспышками. Считаем, что определенная политическая программа внутренней жизни государства должна быть всегда налицо, но она не может считаться твердо установленной заранее и в ходе войны неизбежно подвергнется изменению. Ленин говорил: «*война есть не только продолжение политики, она есть суммирование политики*». Так непосредственно одно явление влияет на другое. Политика руководит войной, но она же черпает из нее и те новые направляющие для себя линии, по которым необходимо следовать.

Такой связи не уловили ни признанные политики мировой войны, ни «полубоги» в мундире генерального штаба, ныне лишь постепенно доходящие до выводов, сделанных Лениным.

Если представители генерального штаба на словах пытались отгораживаться от внутренней политики государства, то в *вопросе об армии они считали своей первейшей и главнейшей обязанностью пред'являть к той же политике такие требования, которые бы способствовали усилению вооруженной силы страны.*

Перед нами прошло несколько начальников штабов и полководцев, и все они старались создать для войны нужный инструмент, что вполне понятно без дальнейших наших пояснений.

Мы намеренно проследили взгляды на армию со времен Великой Французской Революции и до наших дней. Перед нами прошла и «солдатская» армия Наполеона, и классовая армия кадровой системы, так именуемый «вооруженный народ», и, наконец, мы слышали современные взгляды на армию.

Тот или иной тип армии существовал при определенных внутренних отношениях в государстве и затем воспитывался внутри себя.

Едва ли нужно повторять и доказывать, что «армия — отображение с общества». Мы видим, как Наполеон стремился создать нечто обособленное и потерпел крушение в своих попытках. Нами подробно была приведена критика Энгельсом прусской военной системы или, в сущности, взглядов Мольтке (старшего), и критику эту можно смело распространить на германскую армию на пороге мировой войны. Нами была показана армия Конвента, и, наконец, мы подробно останавливались на австро-венгерской системе. Все эти армии отражали собой определенную государственность, и в этом отношении начальник австрийского генерального штаба был глубоко прав, говоря, что армия Габсбургов должна являть собой сколок с лоскутной монархии, а не строиться наподобие германской.

Если даже такой консервативный в мышлении полководец, как Людендорф, заявляет, что армия и народ — синонимы, то, следовательно, на возрождение в будущем типа «солдатских» армий расчитывать ни в коем случае нельзя.

На примере Конвента мы видели, что армия была с народом, ибо вся социально-экономическая политика Конвента шла по желанию народа.

Разбирая прусскую военную систему, Энгельс доказывал, что прусское правительство было далеко от осуществления идеи вооруженного народа, а создавало армию, послушную его внутренней политике и внешним завоеваниям. Наконец, Конрад хотел иметь также «единую» армию, которая ярко выражала бы идею габсбургской монархии. Мы слышали, как Мольтке был намерен даже в воспитательницы немецкой нации дать не кого иного, как армию, пропустить весь германский народ через казарму.

Если вспомним слова тов. Ленина, что «вопрос о том, какой класс вел войну... является важным вопросом», то для нас станет вполне понятным стремление прославленного начальника германского генерального штаба создать армию, соответствовавшую внутренней политике Пруссии, да он и сам не скрывает этого, заявляя, что «мы не можем обойтись без армии... во внутренней политике — в целях воспитания нации», а потому в армию не должны допускаться «худшие» элементы, которых Мольтке не хотел даже воспитывать, настолько они были опасны для режима «политического застоя» в Германии, поклонником которого был «молчальник» фельдмаршал.

Герой нашей повести, — Конрад, мыслил себе несколько иначе «вооруженный народ». Сильна своей моральной сплоченностью. Это свойство армии учитывалось всегда всеми полководцами, и на «моральные» качества армии все они обращали особое внимание, думая даже армией воспитать нацию. В противоположность таким взглядам начальник австрийского генерального штаба требует, чтобы общество поставляло ему в армию уже политически воспитанных граждан. На этом главным образом обосновываются его требования к внутренней политике государства.

Поклонник «вооруженного народа» — Конрад, как увидим ниже, задавался даже мыслью о переходе в Австро-Венгрии к милиционной системе строительства вооруженных сил, как наиболее отражающей «вооруженный народ». Однако, по тем же условиям внутренней политики, преследуя интересы династии и господствующих классов монархии, начальник генерального штаба вынужден был сдать милицию в архив, продолжая оставаться на кадровой системе армии, но с возможно большим пропуском через нее военнообязанных.

Учитывая особенности государственного устройства империи, Конрад справедливо замечал, что на нее не может быть надет военный прусский мундир, а необходимо сшить таковой по мерке Австро-Венгрии. Причину этого он видел в той внутренней политике, которая больше всего довлела в государстве на берегах Дуная.

Нами отмечалось, что для Австро-Венгрии наступили «критические» дни, на протяжении которых горела и все больше разгоралась национальная вражда, а затем с каждым днем углублялось и классовое расслоение.

Этими двумя факторами определялась внутренняя политика, следовательно, и политическое настроение армии Габсбургов. Мы снова отмечаем, что за всем этим Конрад, конечно, не видел экономической базы, а усматривал лишь ее надстройку — психологию борющихся национальностей и партий.

Лечить армию, которая была больна политически, по мнению Конрада, необходимо было извне, т.-е. соответствующим переломом психологии военнообязанных до поступления их в армию, а затем продолжать эту работу в самой армии. В этом видны противоположные и более правильные методы подхода к разрешению вопроса, нежели у Бонапарта или Мольтке (старшего), желавших сделать воспитательницей нации казарму.

Однако, австрийский начальник генерального штаба отнюдь не был склонен последовать за Энгельсом и не думал круто менять внутреннюю политику правящих классов, а во внешней вступал на путь завоеваний. Австрия должна остаться Австрией, с ее политикой абсолютизма, с ее захватническими планами на внешнем поле, а для этого необходима крепкая и единая армия. Наличие такой армии ставится Конрадом первейшей задачей для государства, и ради этой цели можно ввести и § 14, и разогнать кабинет министров, и принять самые репрессивные полицейские меры» и т. д., и т. п.

Если Конрад признавал «равноправие» отдельных национальностей как в армии, так и в государстве, то только как необходимую уступку требованиям жизни, выдвигая сейчас же предложения бороться с требованиями оппозиции отдельных национальностей по расширению прав.

Читающий эти строки знает, что социально-экономическая политика буржуазных правящих слоев монархии резко расходилась со стремлениями отдельных национальностей государства и трудящихся классов. Понятно без дальнейших пояснений, что армия была частично не с правительством, и отражала в себе те внутренние противоречия, которые существовали в монархии.

Таким образом, мы устанавливаем: 1) *современная армия не живет вне внутренней политики*; 2) *армия — слепок с государства*; 3) *политическое настроение армии требует особой над собой работы, идентичной с проводимой внутренней политикой в государстве;* 4) *не армия воспитательница общества, а, наоборот — общество воспитывает армию.*

Австро-венгерская армия является интересной попыткой разрешения рукой буржуазии принципа *самоопределения национальностей*. Если вспомним все рассуждения Конрада по этому вопросу, то увидим тот же путь противоречий, которым он вообще следовал, трактуя одновременно об «единстве» армии и «равноправии» национальностей в государстве и в армии. Истинного равноправия ни в стране, ни в системе вооруженных сил начальник австрийского генерального штаба не хотел. Нельзя, конечно, отрицать справедливости его доводов о необходимости единого «служебного языка», который должен приниматься национальностями в крупных войсковых очертаниях, а не проникать до наименьших соединений, сведя почти на нет значение «родного» языка. Затем чуждый национальной части командный состав, на чем настаивал Конрад, не будет способствовать соответствующему ее политическому настроению, так как всегда может допустить ошибки в отношении чутко настроенной национальности. При всем сказанном *главный залог успеха в образовании национальных частей лежит прежде всего, конечно, в отвечающей самоопределению национальностей внутренней политике, проводимой в государстве.* Политика Габсбургов была далека от этого и настолько к началу мировой войны безнадежна, что известный Чернин выражал сомнение, можно ли было вообще говорить о выздоровлении «больного человека», каким была Австро-Венгрия. Она уже давно вышла из «политического застоя» внутри себя, и не «старомодными» методами буржуазия могла спасти это разваливающееся государство, а с ним и армию. Переход в «небытие» как первого, так и второй был предопределен уже до мировой войны, и старания начальника генерального штаба задержать этот процесс можно было заранее считать бесплодными.

С середины XIX века в истории Европы *социальное движение* выступает выпукло на арене общественных отношений. Мы слышали, как Мольтке (старший) пугал ужасами Парижской Коммуны и рекомендовал спасать армию от «худших» элементов. Развивающееся с каждым годом социальное движение вносило беспокойство в умы буржуазных политиков

и начальников генеральных штабов, видевших, что движение захватывает и армию. 1905 год в России показал на примере, что вооруженная сила не является уже столь надежным орудием в руках буржуазии, как это было ранее. Поэтому начальник австро-венгерского генерального штаба неустанно твердит об опасностях революционной пропаганды, разлагающей армию. В социальном движении Конрад видел лишь силу, лишающую армию Габсбургов ее военных доблестей. Трудно, конечно, от начальника генерального штаба, представлявшего собою господствующий класс, требовать иного мышления. Для него непонятно было, что «рабочий социализм таит в себе громадный запас моральных сил», как это предрекал Жорес в своей «Новой армии». По мнению Конрада, социализм, как раз наоборот, разрушал моральные устои армии. Нам, пережившим героическую эпоху Красной армии во время ее революционной борьбы, незачем, конечно, доказывать и развивать мысли Жореса, они ясны и без доказательств.

Одним из средств борьбы как со стороны капиталистических правительств, так и оппозиционно настроенных к ним национальностей и различных партий служила *пресса*. Это могучее орудие во внутренней политике широко использовывалось обеими сторонами, и мы слышали, как Конрад рекомендовал его правительству Франц-Иосифа.

Оппозиционная печать старалась всеми мерами вскрыть язвы государственного режима, а затем его органов, к числу которых относилась и армия. Со стороны правительственных кругов такое направление печати встречало резкий отпор как в цензуре, так и в соответствующих органах печати. Думается, что не следует дальше развивать этот вопрос, ибо он ясен и без нас.

Мы отметим лишь одно общее явление для всех генеральных штабов— это наличие в их руках общегражданской печати со специальной задачей соответствующего направления общественной мысли о необходимости вооружения, открытая проповедь милитаризма. Одним словом, «мозг армии» пытался и этим путем оказывать влияние на внутреннюю политику, в то же время *цинично* заявляя о своем «принципиальном» невмешательстве в жизнь страны. Мы еще вернемся к этому вопросу, а здесь отметим, что не всюду линии мышления и поведения генерального штаба во внутренней политике государства совпадали с таковыми у правительства последнего. Отсюда мы слышим обвинения генерального штаба в вырождении в «касту», в образовании особой «военной партии». Герой нашей повести—Конрад, протестует против таких нападок на австро-венгерский генеральный штаб, и в частности на него лично, однако, слава лидера «военной партии» упорно держалась за границей за начальником генерального штаба Дунайской империи и, пожалуй, не без оснований.

Мы останавливались до сих пор на явлениях общественной жизни Австро-Венгрии, направление которых в желаниях буржуазного класса должно было составить обязанность всех политических его деятелей. Но, кроме этого, *в самой армии должна вестись работа по противодействию тем влияниям, кои подрывали власть буржуазных классов.*

Такая работа заключалась: 1) в политической работе в армии; 2) в особых мерах *по подбору* командного состава *армии*; 3) во внедрении в армию *воинской дисциплины;* 4) в соответствующем *дислоцировании* армии.

Политическая работа велась, собственно говоря, всегда в каждой армии. Мы видели ее в армиях Конвента, она же проводилась в армии Наполеона в смысле вытравливания из солдата всякого интереса к внутренней жизни страны. Под «воспитанием» в «послушании» не только солдатской массы, но через нее и всей нации Мольтке (старший) фактически старался провести известную политическую программу, что оставалось

принципом в прусской армии до порога мировой войны и, наконец, Конрад требовал этой работы не только в армии, но и во всем государстве в духе «единства» последнего.

Нет слов, что в «органическую» эпоху эта политическая работа была более легкой, но с приближением «критических» дней вопрос о надлежащем руководстве его становился все острее и острее.

В «солдатской» армии Наполеона и заступившей ее армии «псевдовооруженного народа» внутренняя политика находила себе отражение или в культе солдатских добродетелей, или же в «послушании» господствующему буржуазному классу, в каких направлениях и велась политическая работа.

Проводником последней должен был быть никто иной, как командный состав, принадлежавший целиком или к плеяде «героев», или же к господствующему классу. Связанный классовыми интересами с проводимой правительством программой внутренней политики в стране, командный состав безоговорочно внедрял ее в армию.

В революционную эпоху Конвент не обладал таким командным составом, и возложение на него политической работы в армии могло повести лишь к отрыву армии от революции и прямой угрозе последней. Проводя определенную социально-экономическую политику, передовая партия революции—якобинцы, стремилась к спайке армии с народом и постепенную работу в армии вела через особые органы.

Критические дни для Австро-Венгрии наступили ранее, чем для Германии, и в толще армии они отражались как в зеркале. Командный состав армии Габсбургов терял свой авторитет в толковании солдатской массе событий внутренней политики, ибо таковая шла далеко не в интересах отдельных национальностей страны. Да и сам командный состав оказался втянутым в борьбу, близко принимая к сердцу интересы той национальности или того трудящегося класса, из недр которых он вышел. Опираться на такой командный состав в политической работе в армии Конрад не признавал возможным и требовал: 1) его смешения, дабы уничтожить ультра-националистические тенденции в отдельных частях, 2) классового подбора и 3) повышения моральных качеств.

Таким образом, представители правительства Габсбургов уже не могли оставить в руках своего командного состава дело политического воспитания армии, и начальник генерального штаба искал выхода не только в вышеуказанных мерах, но *в политической работе вне армии,* считая это более важным. Он, может быть, инстинктивно сознавал, что проводить *особую* политическую пропаганду в армии от таковой же во всей стране нельзя. Отчаявшись в советах выправить внутреннее состояние монархии, Конрад оказывался готовым даже завязать войну на внешнем фронте, лишь бы спасти династию, «единое» государство и свое любимое детище—армию.

Осуществление идеи «вооруженного народа» возможно лишь при внутренней политике, опирающейся на трудящиеся массы. Последние являются воспитателем своих вооруженных кадров, а не наоборот. Иными словами, та задача, которую пытался разрешить буржуазный генеральный штаб, должна быть решена от обратного.

Принципиально нужно признать, что командный состав армии является проводником внутренней политики в армии. Однако, в этом нельзя придерживаться неуклонно голого принципа. Прежде всего, должна быть *гарантия единства* политической работы в армии и в стране. В направлениях политической работы в армиях Конвента мы видели один путь, который требовался обстановкой, но который не исключал работы командного состава, а лишь направлял ее. В армиях «солдатских» и «бур-

жуазных» перед нами прошел путь «воспитания» нации через армию при помощи командного состава, и мы видели, что в Австро-Венгрии, с приближением «критических дней», этот путь казался негодным начальнику генерального штаба.

Автор настоящего труда не намерен ставить читающего в положение богатыря на перекрестке дорог, раздумывающего о выборе пути к истине. Мы предлагаем *крепко держаться принципа единой политики в армии и в стране, тесной связи между последними, для чего считаем необходимым наличие особого органа, проводящего это единение, рука об руку с которым должен работать командный состав армии.*

Что для такой деятельности командного состава необходимы соответствующая его политическая подготовка, его моральный авторитет, основанный не только на «беспрекословном», но и на сознательном «послушании», об этом говорить много не придется, ибо ясно и без нас. «Людям, требующим себе полной политической и социальной свободы, нельзя навязывать послушание, дисциплину и даже патриотизм в их устарелых формах»—справедливо говорит Жорес. От командного состава современной армии требуются иные методы завоевания авторитета, чем в старых буржуазных армиях, генеральные штабы которых боялись отойти от традиционно установленных средств и искали выхода в строгости и безоговорочной дисциплине. Видя, что нападки имеют за собой основания и стремясь поддержать падавший авторитет командного состава, генеральный штаб пытался охранить его извне от нападок общества и прессы. Учитывая это, им вносились предложения соответствующего политического и морального подбора командного состава, но коренное излечение лежало не в этом.

По понятным причинам, мы не можем подробно останавливаться на вопросе *дисциплины*, так как это расширило бы рамки нашего труда. Нет сомнения, что укрепление дисциплины необходимо во всякой армии, но только в наши дни должны быть и соответствующие к этому методы.

Раньше высказывалось, что вопрос *дислоцирования* армии также тесно связан с внутренней политикой, и отмечалось, что ее требования сталкиваются с чисто военными требованиями быстрой боевой готовности армии. В сущности, такой вопрос остро дает себя чувствовать там, где, по мнению Мольтке, в наличии в населении «худшие» элемены, которых нельзя вооружать, где армия оторвана от страны и предназначена для защиты политики буржуазных слоев населения. В здоровом же государственном организме и здоровой, вследствие этого, армии должны превалировать интересы боевой готовности вооруженных сил, а не их ослабление. Только в таких странах возможно исчерпывающее осуществление идеи «вооруженного народа».

Нам вправе бросить упрек в том, что, увлекшись рассуждениями о значении внутренней политики, мы уклонились от прямой задачи освещения в ней роли генерального штаба. Да не подумают читающие эти страницы, что литературные лавры Людендорфа, Краусса и т. п. модернизованных остатков прошлого не дают нам спать. Нет... Мы не охвачены чувством зависти, но считали необходимым установить определенный взгляд на внутреннюю политику и войну, дабы легче разобраться в деяниях генерального штаба в этой области жизни.

Все сказанное выше говорит о том, что *внутренние отношения государства накладывают печать на его внешнюю политику и на военную деятельность или, иными словами, в последней отражается, как в зеркале, внутренняя политика страны.*

Таким образом, если внутренние отношеня государства, проистекающие в свою очередь из экономической его структуры, так широко распростра-

няют свое влияние в иные области деятельности страны, то едва ли допустимо отмежевание от них генерального штаба, того вещества, которое называется в общежитии «мозгом армии».

Если ныне можно считать твердо установленным, что «армия—слепок с общества», что «война—политический акт», а не одно военное действие, то излишне доказывать истину, что войну ведет государство в целом, а не одни его вооруженные силы, брошенные на фронт.

На приведенных выше примерах мы наблюдали и иное, когда, наоборот, вооруженные силы предназначались для побед на внешних фронтах, а тыл жил своей собственной жизнью. Но на этих же примерах мы видели как такое разделение усилий государства вело к поражениям, когда внутренние отношения выходили из рамок «политического застоя».

Если к концу XVIII века кабинетные войны отходили в область истории, и военные деятели средины XIX века возвещали нам о власти народа в делах войны и мира, то нельзя не отметить, что «народ» в их понимании отождествлялся сильным правительством, представленным обычно династией, проводившим волю господствующих буржуазных классов в стране. Одним словом, снова воевало не государство, а господствующие классы с их правительственной надстройкой.

Ныне опять слышим речи о «вооруженном народе», «вооруженной нации», «национальных армиях», о «стратегии государства» и т. п. определениях, столь же старых, как и вселенная.

Из них явствует одно, что *нельзя замкнуть войну в рамки одной стратегии — достояния военных людей, ибо война есть определенный вид общественных отношений, а не одна борьба с оружием в руках на истребление себе подобных.*

Между тем, уже в XIX веке начальники генеральных штабов заявляли о невмешательстве во внутреннюю политику, предоставляя бразды правления в этой области гражданской власти. Однако, в вопросах, касающихся непосредственно армии, «мозг» ее стремился распространить свое влияние и на внутренние отношения в государстве. Так как армия являлась тем «маховым колесом», без которого могла остановиться вся государственная машина, то влияние генерального штаба на внутреннюю политику заходило гораздо дальше, чем о том заявляли его представители.

Действительно, генеральный штаб не останавливался перед рекомендацией верховной власти не только таких мероприятий, которые в корне затрагивали конституцию государства, но и тех, кои должны были сказываться на подборе правительственных кабинетов и на установлении определенного режима в стране, который бы соответствовал взглядам генерального штаба.

Под лозунгом спасения армии от вредных влияний внутренних отношений, с желанием казармой воспитать нацию, «полубоги» генеральных штабов вели интриги против тех лиц, в дела которых они «принципиально» не хотели вмешиваться. Выше мы об'яснили такое, на словах, «принципиальное» отмежевание от внутренней политики генерального штаба тем, что генеральный штаб, будучи по закону устраненным от внутренних дел страны, фактически оказывался в них сильно заинтересованным.

Когда внутренняя политика государства направлялась путями, не совпадавшими с начертанными генеральным штабом, в недрах последнего оппозиционный дух креп все более и более, приводя генеральный штаб к активной кампании в прессе, к обработке в желательном направлении «общественного мнения», не говоря уже о тех закулисных

интригах, кои были свойственны «черному духовенству» армий различных стран.

Нам не хочется приводить доказательства сказанному, они изложены в настоящей и предыдущей главах, если читающий наш труд вспомнит только фигуры Мольтке (старшего), Вальдерзее, Каприви, Конрада, самого Людендорфа и иных деятелей генеральных штабов Германии и Австро-Венгрии, а равно и «бревете» французского генерального штаба, стремившихся отправить свое правительство... в колонии.

Читатель слышал также упования Людендорфа на особого вождя народа (повидимому, в мундире генерального штаба); он, конечно, вспомнит, что старик Бернгарди откровенно советует подобному вождю применить даже силу против масс, в виду несознательности последних.

Одним словом, и ныне, после поражений мировой войны, генеральный штаб отнюдь не хочет выпускать из своих рук внутренней политики, как не оставлял эту область жизни страны и ранее без своего влияния, лицемерно заявляя о своем нежелании вторгаться в нее.

Ход современной истории в Германии служит подтверждением сказанному, когда, во имя «спасения армии», оставленный без мундира генеральный штаб накладывает властную руку на внутренние отношения страны, действуя в духе поучений Мольтке (старшего). Да и в одной ли Германии такую позицию занимает генеральный штаб?! Она тождественна в остальных странах Западной Европы.

Если «воюет все государство в целом», как это признано всюду, то едва ли можно оправдывать наблюдавшееся ранее и ныне вторжение генерального штаба в область внутренней политики.

Мы отдали должное Конраду в его справедливых рассуждениях о том, что в конечном счете не армия выигрывает победы или терпит на войне поражение, а сам народ и с ним весь государственный аппарат, в руках которого ныне находится руководство войной.

В предыдущих главах показано, как полководец, единый и полновластный распорядитель во время войны в былые времена, в наши дни подвергся расчленению и превратился в коллектив.

Тяжелым и кровавым опытом империалистической войны государства Европы дошли до этой истины, воздав должное наравне с героями на фронте и героям труда в тылу, беззаветно отдавшим свой пот и руки для достижения победы.

Сказанное выше о внутренней политике и ее влиянии на внешние отношения государства и войну с достаточной убедительностью, по нашему мнению, позволет положить *предел власти* генерального штаба, тем более, что это сделано ныне уже и без нас.

Во всех почти государствах существуют в мирное время или будут созданы с началом войны *национальные советы обороны*, которые и берут в свои руки управление войной в целом, следовательно, и соответствующее направление внутренней политики государства.

Правда, мы отмечали, что генеральный штаб пытался, обратившись в сверхгенеральный, опять взять полностью в свои руки дело обороны государства, но так или иначе нужно считать, что прежняя его позиция поколеблена.

Нам скажут, что, таким образом, заявления старого генерального штаба о невмешательстве в дела внутренней политики были правильны, раз автор сам исключает его работу в этой области жизни государства. Мы далеки не только от резкого отмежевания генерального штаба от внутренних отношений государства, а, наоборот, ставим необходимым условием, чтобы *генеральный штаб, как орган военного управления, был всегда в курсе внутренней политики и учитывал ее при всех предположениях.*

При таком разрешении вопроса мы сохраняем признанный ныне принцип управления войной государством, оберегаем его от вторжения генерального штаба, приближаем армию мирного времени к тем трудящимся массам государства, которые должны фактически во время войны вынести всю ее тяжесть, отдать для достижения победы и труд, и жизнь, наконец, мы подойдем к тому, к чему стремился и Конрад, — это к полному осуществлению идеи «вооруженного народа».

Едва ли нужно повторять, что последний сам воспитывает свои кадры мирного времени, сам политически их подготовляет, получая от них в то же время техническое обучение военному делу.

Выше было сказано, что *руководство* политической работой в армии должно быть передано в руки *особого* органа, а не составлять прерогативы генерального штаба. Трудно последнему отказаться от такого могущественного влияния, и ныне в буржуазных государствах этот орган военного управления пытается попрежнему оказаться в роли воспитательницы нации, что рекомендовалось еще Мольтке (старшим). В современных генеральных штабах можно найти специальные отделы и отделения, на обязанности которых лежит руководство политической работой в армии. Правда, эти отделы и отделения слабы в своем составе, но само наличие их указывает на то, что генеральный штаб не склонен отречься от захваченных им прав в этой области.

Аналогичное можно сказать в отношении влияния генерального штаба на *прессу*. Мы не отвергаем его обязанности следить за сохранением военной тайны и оказывать в этом давление на печать. Но в то же время далеки от собственной агитации генерального штаба, от признания за ним права давать «нужную ориентировку» прессе, от наличия у генерального штаба особого печатного органа, отражающего его точку зрения на внутреннюю и внешнюю политику страны. В этом отношении печать получает директивные указания от правительственных органов наравне с генеральным штабом, а отнюдь не от него. Дабы быть ясно понятым, мы считаем долгом пояснить, что изложенное касается общей прессы, но не специально военной, трактующей чисто военные, технические вопросы. Здесь мы не намерены надевать узду на генеральный штаб, а, наоборот, находим необходимым его централизующее военную мысль влияние.

Генеральный штаб должен занять *соответствующее место в управлении войной и в подготовке к ней*, памятуя, что война есть общеисторическое явление, что она не решается одними сражениями, что, по словам Ленина, «война наших дней есть народная война» и *что руководить ею может только государственная власть, а не узко-специальный военный орган.*

Самодовлеющая роль, которую занимал генеральный штаб в подготовке к мировой войне и которую пытался сохранить — оказалась настолько дурно сыгранной, что уже в ходе самой войны были приняты меры к сокращению власти «полубогов» и решительного перехода ее в руки высших государственных органов.

Современная наша литература по учению о войне, признавая безапелляционно важное значение внутренней политики в подготовке и ведении войны, правда, не доходит еще до такой ясной и решительной формулировки, которую дал Ленин, указав, что характер войны определяется внутренней политикой, или подходит к ней осторожно. Так, П. П. Лебедев в своей брошюре «Государственная оборона» говорит: «влияние на войну внутреннего состояния народов так велико, что оно может предопределить характер войны. Оно может обратить ее в обычный для недавнего прошлого вид империалистической и национальной войны, и в чисто внутреннюю революционную борьбу». Указывая далее, что «внутреннее состояние государства не может быть поставлено в подчиненное,

служебное положение ни по отношению никакой другой стороны жизни народа и, в частности, задачам ее обороны», Лебедев приходит к выводу: «обратно, оно само должно быть руководящим началом для всего остального. Кто не осознает этого, тот будет наказан бесплодием в своих начинаниях, какие бы титанические усилия в них не вкладывались. Ярким примером к этому может послужить германское верховное командование в последнюю войну». Перечисляя задачи внутренней политики в деле обороны страны, в число которых «входит установление самого характера предстоящей борьбы в зависимости от этого (внутреннего; *Б. Ш.*) состояния», Лебедев находит, что «эти важнейшие задачи, естественно, найдут наиболее полное и обоснованное решение в том случае, если руководство им будет об'единено в том же органе, ведающим подготовкой к обороне, в котором сосредоточиваются все другие стороны этого многогранного дела». Таким органом П. П. Лебедев мыслит совет обороны — государственный орган, а отнюдь не генеральный штаб.

Выше нами приводилось мнение А. Свечина о значении внутренней политики и крепкого тыла, «поддержание дисциплины которого — дело кадров народа, органов его гражданской власти». «Будущие войны,— пишет А. Свечин, — будут происходить, несомненно, в атмосфере очень острой классовой борьбы, которая создаст во всех принимающих в борьбе государствах более или менее сильные пораженческие группировки. Значение внутренней политики отсюда вырастает в очень большой степени».

Не соглашаясь с П. П. Лебедевым в его структуре гражданского аппарата для войны: совет труда и обороны, секретариат обороны союза в целом, мобилизационный комитет и так далее, А. Свечин пишет: «нужно не подобие парламента ведомств, отражающих все центробежные стремления, каким намечается мобилизационный комитет, а *генеральный штаб*» (курсив наш; *Б. Ш.*).

Если вспомним, что А. Свечин на генеральный штаб возлагает: «согласование, гармонизирование подготовки, столь емкой, столь разнообразной, направляющейся по стольким отдельным линиям», что генеральный штаб агенты одного целого высшего командования, то мы, повидимому, не ошибемся в понимании А. Свечина, как снова передающего направление внутренней политики в руки генерального штаба. Между тем, по его же словам, «поддержание дисциплины тыла — дело кадров народа, органов его гражданской власти». Боимся, что мы не так поняли автора «Стратегии» и думаем, что он все же далек от того «принципиального невмешательства» во внутреннюю политику, какое проводил генеральный штаб перед мировой войной.

Мы скорее склоняемся к трактовке вопроса П. П. Лебедевым, но с более решительной постановкой его определения характера будущей войны. Без «парламента ведомств» не обойтись ныне и, во всяком случае, ни генеральный штаб», ни «доверенные агенты» не смогут его заменить и быть цементом всей подготовки страны к обороне. Цементирование ее может и должно быть производимо высшим советом государственной обороны и никаким иным органом.

Выше мы развертывали перед читателем попытки генерального штаба связать внутреннюю политику в целях обороны страны и показали, что из этого выходило.

Мы также слышали современные истины Людендорфа, Краусса и других модернизованных генералов о громадном влиянии внутренней политики и экономики на войну. Все ныне изрекают «поражающие ум» истины, между тем, коллективный труд «Будущая война», вышедший в 1898 году под вывеской Блиоха, предостерегал, что «будущая война, по всем вероятиям, прекратится не вследствие того, что большее или

меньшее число крупных побед над армиями будет одержано одной из сторон, но по причине разложения военного аппарата, вследствие именно влияний экономических и социалистических».

Но для того, чтобы дойти до таких выводов, генеральный штаб должен был бы перестать быть тем, чем он был — замкнутым и кастовым военным органом.

На такое превращение генеральный штаб был неспособен, да никто и не стремился его перевоспитывать.

Когда же государством в войне стал править «сошедший с'ума кадет» из рядов образцового генерального штаба, то плоды такого правления пожинает ныне Германия с различными военными оккупациями, планами Дауэса, Локарно... и еще неизвестными грядущими проектами «восстановления» германской республики капиталистическими руками, приводящими в ужас даже «самого» Людендорфа.

ГЛАВА XIII

КОНРАД В ВОПРОСАХ ВООРУЖЕНИЯ И СНАБЖЕНИЯ АРМИИ

Влияния экономики на войну.— Учение Энгельса о влиянии экономической силы на войну. — Основы успеха в войне по Конраду. — Конрад о значении для армии материального снабжения и техники. — Конрад и перевооружение армии. — Компетенция генерального штаба в вопросах вооружения. — Конрад о развитии артиллерии.— Программа развития артиллерии препятствия к ее осуществлению. — Хлопоты Конрада. — Бюрократизм военного министерства. —Беседа Конрада с директором завода Скода. — Увеличение числа пулеметов в пехоте и коннице. — Перевооружение пехоты новым образцом ружья. — Конрад в поисках автоматического ружья и его взгляды на перевооружение им пехоты. — Хлопоты Конрада о повышении продукции Штейеровского оружейного завода. — Генеральный штаб в вопросе о введении в армию усовершенствованных образцов других технических средств. — Развитие автомобильного дела. — Генеральный штаб и развитие воздушного флота Австрии. — Конрад в вопросе о питании армии во время войны ружейными патронами и снарядами. — Подготовка Франции, Германией и Россией питания патронами и снарядами во время войны. — Конрад в роли судьи виновников снарядного голода. — Конрад и тактика подвоза армии.

Война с незапамятных времен сочеталась с хозяйственной стороной жизни человечества. Однако, до мировой войны влияние экономики на войну, если и признавалось, то не в такой мере, как это было выявлено в действительности и что мы ныне считаем неопровержимым.

В наши дни произошел резкий перелом в понимании современной войны и роли в ней экономики, которой уже отводится одно из главных мест в ряде факторов, влияющих на войну. Однако, окончательно сказать, что *характер войны определяется известной ступенью производства* — на это военные писатели наших дней круто свернуть не могут.

Хотя, по справедливости, мы должны отметить, что А. Свечин в своей «Стратегии» говорит: «экономические цели войны подчиняют себе усилия на всех фронтах борьбы, представляемых войной». Отсюда недалеко и до определения характера войны состоянием экономики. Действительно, в другом месте А. Свечин уже с большей определенностью заявляет, что «экономика сумеет подчинить себе характер военных действий и наложить на них свою печать». Мы вполне присоединяемся к этому и решительно заявляем, что в наши дни, как и ранее, экономика будет накладывать «свою печать» на войну, определяя ее характер.

В предыдущей главе показано, что характер войны определяется внутренней политикой и там же упомянуто, что последняя есть не что иное, как «надстройка» экономики, что «каждой ступени в развитии производительных сил, по словам Плеханова, соответствует своя система вооружения, своя военная тактика, своя дипломатия, свое международное право».

На опыте Великой Французской Революции, которая, по мнению военных историков наших дней, своим *политическим* характером определила

особую эпоху военного искусства времен революции и Наполеона, Энгельс в 40 годах XIX столетия революционизирующую силу этой эпохи видел не в чем ином, как в «экономической силе», заявляя, что «предпосылкой наполеоновского ведения войны были выросшие производительные силы... и социальная и политическая эмансипация буржуазии и мелкого крестьянства».

«Война есть проявление насилия с целью исполнить нашу волю», поучает Клаузевиц. Объясняя что такое *насилие*, Энгельс в «Анти-Дюринге» говорит: «Самому младенческому аксиоматику должно быть понятно, что насилие не есть просто волевой акт, но требует весьма реальных предпосылок для своего совершения, а именно, некоторых орудий, что эти орудия должны быть произведены, что производитель более совершенных орудий насилия, или попросту оружия, побеждает производителя более несовершенного оружия; и что, таким образом, победа основывается на производстве оружия, а последнее в свою очередь на производстве вообще, следовательно, на «экономической силе», на «экономическом положении», на *материальных* средствах, которыми может располагать сила».

«В самом деле, — говорит Энгельс, — поставим вопрос, что является «первичным» в самом насилии?» — и отвечает: «экономическая мощь, возможность распоряжаться силами современной промышленности».

«Сила в настоящее время, — по словам Энгельса, это — армия и военный флот, а то и другое стоит «чертовски много денег», как все мы знаем, к нашему несчастью. Но сила сама по себе не в состоянии производить денег и в лучшем случае может лишь способствовать присвоению уже произведенных ценностей; деньги же, в свою очередь, тоже приносят мало пользы, как мы опять-таки, к нашему несчастью, знаем по опыту с французскими миллиардами. Следовательно, деньги должны быть, в конце концов, добыты посредством экономического производства; значит, и сила опять-таки определяется экономическим положением, доставляющим ей средства для вооружения и поддержания орудий борьбы. Но это не все. *Ничто так не зависит от экономических условий, как армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия прежде всего зависят от достигнутой в данный момент ступени развития производства и путей сообщения*». (Курсив наш; *Б. Ш.*).

Нужно сказать, что к таким выводам *ныне* пришли путем кровавого опыта империалистической войны.

Едва ли в наши дни найдется здравомыслящий военный и государственный деятель, который отрицал бы всю правоту высказанных в конце XIX века Энгельсом взглядов на значение экономической силы в военном деле.

Для нас интересно выявить как экономика учитывалась до мировой войны начальником австрийского генерального штаба.

Конрад признавал, что сила армии покоится не на одних только моральных данных, но и на *материальной* стороне, на обеспечении армии современной материальной частью, которую, конечно, с неба не схватишь, а можешь получить только от своей промышленности.

Как нам уже известно, начальник австрийского генерального штаба конечный успех в войне приписывал не особым качествам армии, а силе народа и его воле к победе. Армия является лишь выразительницей этих устремлений народа. Свои доводы Конрад подкреплял ссылкой на Рим, и нужно сказать, что более удачного примера для наших дней трудно подыскать, если бы только сам начальник генерального штаба давал себе отчетливое представление о том, в чем же именно заключалась сила этого государства времен седой истории. К сожалению, не

можем вдаваться в разъяснения этой параллели, но должны указать, что сила римской империи недооценивалась Конрадом именно с экономической стороны.

Из предыдущих глав известно, что начальник австрийского генерального штаба довольно тесно сочетал армию и внутреннюю политику государства и подробно нам указывал, в чем должна выражаться эта связь. Но там же было отмечено, что до полного осуществления идеи «вооруженного народа», в понимании ее Конрадом, было далеко и что армия Габсбургов должна была прежде всего служить династии, а затем интересам «единого» государства и буржуазным наростам на его теле. Таким образом, не могло быть речи о какой-либо тесной связи между армией и тылом.

Нам уже известно, что начальник генерального штаба всю *военную деятельность мирного времени признавал не чем иным, как подготовкой к войне.* Война, с ее будущим характером, являлась той исходной данной, которая должна быть положена в основу всей военной работы мирного времени. Эти глубокие мысли Конрада были бы весьма справедливы, если бы война понималась им так же проникновенно, как Клаузевицем, смотревшим на нее, как на один из видов общественных отношений, захватывающий все отрасли жизни государства. Но начальник генерального штаба видел в войне преимущественно лишь *военную* ее сторону, которой и расценивал как политику, так и экономическую жизнь монархии Габсбургов.

Не будем особенно строги к почтенному старику и выслушаем его доводы. Только что было приведено его суждение, что *сила* армии, кроме моральных ее качеств, заключается и в *материальной* стороне, т.-е. в соответствующем вооружении, обеспечении техническими средствами, продовольствием и иными запасами. Конрад не полагался на один только дух армии, который традиционно был еще высок в ней, но считал необходимым обратить внимание на материальное снабжение армии, в чем она заметно отстала от своих будущих врагов и вообще соседних армий. Он отдавал себе ясный отчет в значении развивающейся техники для военного дела, а исследования опыта англо-бурской и русско-японской войн лишь подтверждали его мысли. Считаем себя обязанными подчеркнуть эти мысли начальника генерального штаба, так как они изобличают в нем человека с широким кругозором в военных вопросах.

Более подробное изложение взглядов Конрада начнем с его суждений *об обеспечении армии необходимыми вооружением, техническими средствами и боевым снабжением.* Такой порядок изложения мы принимаем от самого Конрада, так как прежде всего в своей деятельности он старался подготовить необходимый инструмент войны — армию.

Затем считаем необходимым предупредить, что по размерам нашего труда мы не в состоянии детально исследовать и приводить документально все то, что сделано начальником австро-венгерского штаба по разбираемому нами вопросу, и вынуждены ограничиваться лишь общими выводами и ссылками на приводимые им в своих мемуарах документы.

Исследуя бои последних войн в начале XX столетия, Конрад пришел к убеждению, что современный бой требует обеспечения войск хорошим оружием и техникой вообще. Между тем, армия Габсбургов, вследствие внутренних боев в государстве, отстала в своем численном развитии и усилении новым оружием и техникой. Союзная германская армия в этом отношении далеко ушла вперед, равно как стремились сравняться с ней и армии других первоклассных государств Европы. Отставать было нельзя. Поэтому со вступлением в должность начальника генерального штаба в конце 1906 года Конрад тотчас же нашел необходимым поднять вопрос *о перевооружении* армии.

Обеспечение армии всеми видами вооружения, техники и снабжения входило в круг ведения общеимперского военного министра и министров обоих ландверов. Генеральный штаб не имел исполнительных функций в этих вопросах, но права инициативы его никто не лишал, а положение о генеральном штабе даже обязывало заботиться о надлежащей материальной подготовке армии к войне. В предшествующих главах мы говорили о той неприязни, которая наблюдалась особенно со стороны венгерского парламента к общеимперской армии, в результате чего оба ландвера оказывались с большими кредитами, могли лучше быть обеспеченными современными образцами оружия и технических средств, нежели общеимперская армия. К этому присоединился новый соперник — морской флот, развитие которого близко затрагивало интересы крупных промышленников, и ассигнования на флот проходили легче, чем на армию.

Прежде всего начальник генерального штаба счел нужным ознакомиться с имеющимися по бюджетным условиям и производительности промышленности возможностями для *развития артиллерии*. На поставленные им в начале февраля 1907 года вопросы военному министерству о перевооружении полевой артиллерии скорострельными орудиями, горной артиллерии орудиями с большой дальностью и вооружении ее 10,5 см. гаубицами на узком ходу, а равно о готовности тяжелой (осадной) артиллерии был получен довольно неутешительный ответ, а именно: 1) с сентября месяца этого года можно было ежемесячно перевооружать дивизию одного корпуса и закончить все перевооружение в начале 1909 года; 2) по бюджетным затруднениям, говорить о начале перевооружения горной артиллерии ранее весны 1908 года не приходилось, а для введения гаубичной горной артиллерии могли быть изготовлены только два орудия летом 1908 года и 50 орудий летом 1909 года; 3) тяжелая артиллерия появлялась в районе сосредоточения армии: 100 орудий между 10 и 12 днями мобилизации, а остальные 250 орудий на 24 день мобилизации.

Заручившись этими данными, Конрад на докладе 8 февраля 1907 года у Франц-Иосифа выдвигает предложение о необходимости перевооружения полевой артиллерии новыми скорострельными орудиями и образования в каждом корпусе для обучения при новых орудиях учебных взводов. Свой доклад начальник генерального штаба закончил *предложением перевести на автомобильную тягу 24 см. гаубичные батареи* и вообще *подготовить автомобильный транспорт для каждой дивизии* в целях подвоза ей снабжения.

В течение 1907 года Конрад выдвигает предложения об увеличении в армии горной артиллерии и 15 см. тяжелой гаубичной артиллерии, равным образом о реорганизации корпусной артиллерии путем составления ее исключительно из 15 см. тяжелых гаубичных батарей, легкие же орудия (9 см. пушки и 10,5 см. гаубицы) должны составить дивизионную артиллерию.

Выдвинутые начальником генерального штаба мероприятия по реорганизации артиллерии встретили препятствия: 1) в лице военного министра, который в деятельности начальника генерального штаба увидел вторжение в круг ведения его, военного министра, при чем сам Конрад расценивался им как *беспокойная* и требовательная натура; 2) для новой организации артиллерии необходимо было, помимо материальной части, наличие людей и лошадей.

Что касается отношений с военным министром, то они постепенно, с каждым новым предложением начальника генерального штаба, обострялись и, наконец, закончились уходом военного министра с должности, о чем скажем ниже. Необходимое же число людей для новых артиллерийских формирований приходилось изыскивать из общего мирного состава армии, так как расчитывать на увеличение контингента, в виду сопротивления парламентов, пока было нельзя. Обычно в этих случаях, даже в наши

дии, всегда обращаются к сокращению штатного состава пехоты и конницы. Конрад в принципе был противником таких мер, но важность предпринимаемой меры по улучшению артиллерии вынудила и его стать на этот же путь изыскания нужного количества людей и даже лошадей. Начальник генерального штаба выступает с предложением: путем сокращения излишних должностей в пехоте (уничтожение тамбур-мажоров) и сокращения рядов в коннице получить необходимое для развития артиллерии число людей и лошадей. Все это были полумеры, что ясно сознавалось Конрадом, но пока приходилось останавливаться на этом, лишь бы провести необходимейшую реформу.

Так или иначе, но в своем годовом мемуаре за 1907 год (от 31 декабря 1907 года) Конрад в числе необходимых мероприятий по поднятию боевой готовности армии выдвигает: «реорганизацию и перевооружение полевой артиллерии; улучшение тяжелых гаубичных дивизионов, перевооружение их орудиями с откатом; улучшение горной артиллерии (вьючной и на колесах); увеличение и реорганизацию крепостной артиллерии, в особенности «развитие артилерии атаки». На *тяжелую* артиллерию Конрад полагал возложить задачи не только по атаке долговременных укреплений, но и содействие армии в полевой войне при атаке временных укрепленных позиций.

Сделав эти предложения, начальник генерального штаба настойчиво ежегодно, вплоть до мировой войны, проводил их, и, нужно сказать, небезуспешно. Правда, много боев пришлось выдержать Конраду, но такова была бюрократическая атмосфера габсбургской монархии, в которой приходилось жить начальнику генерального штаба.

В 1908 году военный горизонт покрылся тучами, и вопрос о готовности армии к войне становился более актуальным, чем до сих пор, хотя дипломатия была уверена в бескровной победе. Наоборот, начальник генерального штаба призывал оружием разрешить возникающий конфликт на южной границе. В этих видах Конрадом подается Франц-Иосифу несколько докладов, в которых отмечается острая необходимость усиления и перевооружения артиллерии.

В докладе от 8 сентября 1908 года об усилении армии начальник генерального штаба указывает на необходимость увеличения контингента, так как всякие новые формирования требуют людей, отнимать же их у пехоты невозможно, в виду нежелательного ослабления и без того низкого штатного состава пехотных частей. Повторяя снова о необходимости перевооружения полевой артиллерии скорострельными орудиями, увеличения ее численно, а также усиления армии легкими гаубицами и средней тяжелой артиллерией, Конрад обращает особое внимание на развитие горной артиллерии для действий на Балканах и в Италии и на обновление материальной части тяжелой артиллерии. Последняя имеет на вооружении образцы 1880 года, которые устарели, не говоря уж о том, что во многих крепостях на вооружении состоит еще материальная часть 1861 года.

Наталкиваясь на сопротивление военного министра, тормозившего вопрос о реорганизации артиллерии по бюджетным условиям, Конрад 13 октября вынужден в письме к министру иностранных дел указать на необходимость отпуска средств для приведения в порядок *материальной* части армии, на что требуется известное время. Начальник генерального штаба отмечал, что нужно до мобилизации совершить перевозку запасов, так как в противном случае нарушится план мобилизационных перевозок. Предлагая учесть *это* в предложениях министерства иностранных дел, Конрад просил *заранее, до об'явления мобилизации*, когда война в принципе будет уже решена, *поставить в известность* военное министерство для выполнения перевозок по снабжению.

Помимо отсутствия необходимых средств, приходилось наталкиваться на обычную бюрократическую проволочку с выбором систем орудий. Конрад приводит данные об изготовлении материальной части для 30,5 см. гаубиц с автомобильной тягой, впоследствии во время мировой войны оправдавших себя и показавших высокое развитие крупной индустрии Австрии, в частности завода Скода. Эти орудия отлично работали под крепостями на всех фронтах серединных государств и по своим боевым качествам далеко превосходили 42 см. германские орудия. Так, начало конструирования 30,5 см. гаубиц относится к началу 1908 года, производство первой модели у Скода в Пильзене в июне 1909 года, 22 июня 1910 года первая гаубица была испробована стрельбой на артполигоне в Болеветце и испытана на походе. Тогда же было признано, что орудие отвечает поставленным задачам. Заводом подготовка к работам первой серии в 24 гаубицы началась лишь в ноябре 1911 года, т.-е. год спустя, тогда как заказ от военного министерства последовал только 11 декабря 1912 года. Из этой справки видно, как не торопились австрийские бюрократы с усилением мощи своей армии.

Вернувшись на пост начальника генерального штаба в конце 1912 года, Конрад застал безотрадную картину. Ничего не оставалось, как помимо военного министерства обратиться к самому директору завода Скода и от него получить нужные сведения об изготовлении орудий. 16 января и 10 апреля 1913 года Конрад имел разговор с директором о производстве всех предполагаемых на вооружение системах орудий. Оказалось, что вместо ожидавшихся Конрадом к изготовлению 48—30,5 см. гаубиц завод на отпущенные военным ведомством деньги мог изготовить только 24 орудия, так как стоимость каждого орудия, без автотяги и запаса снарядов, достигала 160—170.000 крон (около 50.000 рублей).

Не лучше обстояло дело с горной артиллерией и полевыми 10—10,4 и 10,5 сант. пушками, которые должны быть введены на вооружение — все это находилось в области опытных изысканий и бесконечных споров различных специалистов, а дорогое время уходило. Конрад тотчас же энергично принимается за дело: командирует своего помощника на артиллерийские испытательные полигоны и, наконец, сам в конце 1913 года присутствует на окончательном испытании выработанного образца горного орудия. В начале 1914 года, 27 апреля, Конрад снова беседует с директором завода Скода по вопросу о перевооружении полевой артиллерии новыми гаубицами. Директор указал производительность завода в 8 гаубиц в месяц, при чем на подготовительные работы нужно было 6 месяцев. По произведенному им подсчету на изготовление нужных для армии 1512 гаубиц потребовалось бы 20 месяцев или, за округлением, около 2 лет.

Известный нам Краусс в своем труде «Причины наших поражений» также останавливается на такой волоките с выполнением артиллерийской программы и рассказывает следующее. Для быстрого преодоления укрепленной итальянской границы уже в начале 1908 года выяснилась необходимость ввести в действие тяжелые орудия — 28 см., 30,5 см. или 35 см. гаубицы — «чем тяжелее, тем лучше». Вместе с тем опыты с приспособлением к 24 см. гаубицам автомобильной тяги были удачны еще летом 1908 года, и, таким образом, вопрос о переводе их можно было считать решенным. Когда Краусс, состоявший в это время председателем технического комитета, обратился к начальнику артиллерийской секции этого комитета с указанием на то, что теперь можно тяжелую артиллерию привлечь к действиям полевой армии, последний рассмеялся, так как не видел никакой необходимости в увеличении калибра. «Только позднее ухватились за эту идею, и не ранее 12 или 13 года я увидел на Штейнфельдском поле в Вене первые 30,5 см. гаубицы. В результате, — продолжает — Краусс, мы имели ограниченное число этого сильнейшего орудия».

Мы намеренно подробно останавливались на перевооружении и увеличении артиллерии в австро-венгерской армии, чтобы показать, с какими трудностями генеральному штабу приходилось создавать ту силу, которая в мировую войну явилась веским фактором, склоняющим победу на сторону не сильных батальонов, как это было во времена Наполеона, а многочисленной и хорошо подготовленной артиллерии. Наряду с недостатком бюджетных ассигнований Конрад в своих предложениях встречал враждебное отношение со стороны военного министра и подчиненных ему органов управления, преследовавших или узко эгоистические цели или же не дооценивавших все значение предлагаемых генеральным штабом мероприятий.

Прикладывая все старания к улучшению артиллерии, Конрад не забывал своего основного положения, что *пехота* и ныне остается главным родом войск. Между тем, *вооружение ее* сильно озабочивало начальника австро-венгерского генерального штаба. Считая необходимым усилить пехоту и конницу *пулеметами*, Конрад ежегодно стремился, путем новых формирований пулеметных отделений, пополнить этот пробел.

На вооружении пехотных частей состояли устарелые магазинные *винтовки* образца 1888 и 1890—91 г.г., и лишь частично была введена более усовершенствованная модель 1895 года. Таким образом, вставал с очевидностью громадный вопрос о перевооружении всей пехоты новой винтовкой, вопрос большой важности как в смысле обучения, боевого использования, так и по тем финансовым затратам, которыми перевооружение обычно сопровождается. Над такой мерой следовало подумать.

Начальник генерального штаба, отдавая себе ясный отчет в серьезности вопроса о *перевооружении пехоты*, исходил из следующих соображений. Назрела необходимость такого перевооружения, но если к нему приступать, то нужно выбирать такой образец ручного оружия, который мог бы прослужить долго, отвечая возрастающим требованиям к современному ружью. Уже с давних пор была брошена идея о вооружении пехоты *автоматическим* ружьем, т.-е. ружьем с автоматической подачей патрона и производством выстрела от руки. Таким образом, это не было автоматическое ружье, каким мы понимаем его ныне. Конраду необходимо было ружье, превосходящее по скорости огня обыкновенную магазинную винтовку, не увеличивающее расход патронов, сохраняющее стрелку силы при стрельбе и дающее возможность вести спокойный и уверенный огонь.

Опыты над таким ружьем производились во всех государствах Европы, равно как и в Австро-Венгрии имелось к 1908 году три образца автоматического ружья, но пригодность их для полевой войны была неудовлетворительна. В этих видах начальник генерального штаба поручает военным агентам следить за появлением автоматического ружья в соседних армиях и за попытками его введения на вооружение. Получив в январе 1908 года донесение от военного агента из Берлина, что в германской армии нет пригодного для военных целей автоматического ружья и не предполагается никакого перевооружения пехоты, Конрад на этом не успокаивается, и при личном свидании с Мольтке в 1913 году снова поднимает этот вопрос. В начале того же года военному агенту в Италии Шептицкому поручается, совместно с командированным из Вены представителем, испытать автоматическое ружье, изготовленное итальянской фирмой. На этот раз Конрада снова ожидало разочарование — ружье оказало непригодным.

В погоне за автоматическим ружьем начальник генерального штаба, однако, отдает себе отчет, что только такие государства, как Швейцария, не жалеющие денег для армии, могут перевооружать пехоту современными ружьями, в Австро-Венгрии же это так дорого будет стоить, что ввести автоматическое ружье придется лишь тогда, когда его введет кто-либо из

соседей. Поэтому пока нужно остановиться на улучшенной магазинной винтовке образца 1895 года, тем более, что оружейный завод Штейера, при наблюдающемся сокращении заказов на поставленные производством ружья (образца 1895 года), вынужден был бы сокращать самое производство и увольнять значительное число специалистов-рабочих, что, конечно, сильно отразилось бы во время войны на его производительности в сторону ее понижения.

Нужно отметить, что продукция основного Штейеровского оружейного завода в военное время сильно беспокоила Конрада. Сокращение заказов на винтовки военным министерством заводу вело к уменьшению производства, наладить которое едва ли можно было скоро. Поэтому, будучи в 1912 году армейским инспектором, а затем в конце года возвратясь на должность начальника генерального штаба, Конрад протестует против определенного на несколько лет военным министерством заказа ружей и пулеметов. Такой заказ военным министерством на 1912 год определялся лишь в 6000 карабинов и 100 пулеметов. Причины протеста, помимо сокращения заводом производства, лежали еще и в надежде Конрада, что бюджетные условия 1913—1914 г. позволят увеличить заказ и тем создать запас винтовок. Говоря в своих мемуарах об этом, Конрад указывает, в каком тяжелом положении находилась армия в отношении обеспечения винтовками и с каким трудом, с затратой громадных средств, с началом войны удалось изжить кризис в винтовках, путем постановки массового производства главным образом на том же Штейеровском заводе.

Выступая в 1911 году со своей большой бюджетной программой, о чем скажем ниже, начальник генерального штаба оценивал перевооружение пехоты по предварительным подсчетам в 200.000.000 крон (около 70.000.000 рублей), не представляя пока точных расчетов этой суммы.

Наконец, в своем мемуаре для 14 года (от 26 января 1914 года) Конрад поднимает вопрос о вооружении проектируемой им резервной армии, для чего потребовалось бы 450.000 пехотных винтовок. Заказывать устарелые винтовки образца 1888/90 г.г. Конрад находит нерациональным и в видах практичности и экономии предлагает вооружить резервную армию современным ружьем, понимая под таковым, очевидно, или автоматическое ружье, или же ружье улучшенного образца 1895 года.

В вопросе о вооружении пехоты приходится отметить интересную подробность. В то время, как на эти нужды для общеимперской армии кредиты представительными учреждениями монархии урезывались, для вооружения пехоты обоих ландверов кредиты проходили легко. В результате ландверная пехота оказывалась вооруженной более поздним образцом ружья, нежели пехота имперской армии.

Даже ограничиваясь вышесказанным, мы смело можем свидетельствовать, что генеральный штаб зорко следил за развитием военной техники, стремясь обеспечить ею армию Габсбургов. Не только в отношении оружия, но и в области иных *технических* средств им делались предложения о принятии совершенных образцов в армию. По размерам нашего труда мы не можем подробно излагать это, а остановим внимание на тех средствах, кои перед мировой войной лишь начинали развиваться, выявив все свое значение во время самой войны. Мы разумеем в данном случае *автомобильное дело и воздушный флот.*

Автомобиль, как средство подвоза, был сразу оценен начальником генерального штаба, и 27 мая 1907 года им делается доклад о необходимости введения в армии автомобильной тяги для перевозки тяжелой артиллерии, подвоза продовольственных запасов, а также и для нужд высшего командного состава. В виду отсутствия средств для покупки автомобилей военным ведомством, Конрадом было предложено образование добровольного

автомобильного корпуса. Сопротивление было встречено прежде всего в самом Франц-Иосифе, который не доверял новому виду сообщения и предпочитал пользоваться лошадью. Пришлось сначала убедить его доехать на автомобиле до вокзала, а затем и на маневры.

Так или иначе, но добровольный автомобильный корпус был учрежден, и в распоряжении армии оказалось к 1913 году довольно большое число машин, могущих быть взятыми по мобилизации. Кроме того, машины приобретались специально и для военного ведомства, при чем часть их оставалась в эксплоатации самого ведомства, а другая часть передавалась для эксплоатации частным лицам. В 1911 году в своей большой бюджетной программе Конрад предполагает израсходовать около $8^1/_2$ миллионов крон на приобретение автомобилей (для тяжелых гаубиц, грузовых и специальных автомобилей-мастерских).

В январе 1913 года армия располагала 87 тракторами-автомобилями, 9 автомобилями-мастерскими, 51 легким грузовым автомобилем при продовольственных магазинах, 600 грузовиками во всей стране и 12 частными грузовиками, субсидируемыми военным ведомством. Всего 663 автомобиля с полезной грузоподъемностью в 2000 тонн и электрический поезд системы Ландвера для подвоза запасов. Кроме того, в 1913 году предполагалось закупить 120 3-тонных «Фиатов», 14 автомобилей-мастерских (по одной на корпус), 3 автомобиля-мастерских для армейского тылового управления, 2 электрических поезда системы Ландвера и 180 грузовиков, которые должны быть розданы населению под субсидию. Всего было бы в распоряжении армии 1000 грузовиков.

Использование автомобилей для подвоза запасов продовольствия Конраду мыслилось по такой схеме: каждый корпус получает тяжелую и легкую автомобильную колонну, суточная дача продовольствия для дивизии считалась в 60 тонн; суточная дача продовольствия для бригады в 9 тонн; под личные машины шли частные автомобили, которых в монархии было *6000*, из них 1000 предназначалась для высшего командования и 1500 для подвоза продовольствия; для каждого автомобиля запасы горючего рассчитывались — при автомобиле на 14 дней, в районе сосредоточения армии 3-недельный запас, каждый корпус получал бензинную колонну с запасом на 4 дня и армейское тыловое управление имело склад с запасом на 10 дней. Был разработан детальный план мобилизации автомобильных колонн, которые заранее были распределены в соответствующих планах войны по войсковым соединениям.

В своем мемуаре для 1914 года начальник генерального штаба со всей справедливостью указывал, что снабжение продовольствием современных массовых армий требует, насколько только возможно, использования автомобилей. Если автомобильной повинностью обеспечена поставка этого вида повозок, то все же военному ведомству необходимо специально приобретать автомобили-трактора для тяжелой артиллерии.

Воздушный флот также обратил на себя внимание Конрада. Если в 1907 году, т.-е. в первый год своей службы на должности начальника генерального штаба, он заботился о расширении воздухоплавания, то в следующие годы его мысли направлены к образованию воздушного флота из самолетов. Нужно вспомнить, что Германия не сразу отдала преимущество аэропланам и долгое время колебалась в выборе между дирижаблем и самолетом. Это, конечно, сказалось и на Конраде. Начальник австрийского генерального штаба выступил решительным новатором в деле воссоздания воздушного флота, не смущаясь тем, что за это его называли фантазером. Для лучшего знакомства с новым боевым средством Конрад поднимается на учебном аэродроме в Вене на дирижабле и летает на аэроплане.

Осенью 1910 года Конрад настоятельно требует приобретения самолетов и подготовки летчиков, испрашивая на это на первое время 300.000 крон (около 100.000 рублей). Заботы о создании воздушного флота Францией, Германией, Италией и Россией вынуждали и Австро-Венгрию обратить на это особое внимание. В 1911 году Конрад предусматривает развертывание флота в количестве 240 самолетов и вносит в бюджет необходимые для этого 8.000.000 крон (около 2.700.000 рублей).

Указаное количество аэропланов начальником генерального штаба считалось минимальным, но и оно не было приобретено, встретив резкое сопротивление со всех сторон. В июле 1913 года армия имела всего лишь 55 боеспособных аэропланов, которые, с добавлением наиболее годных школьных аппаратов, были сведены в 10 воздушных рот (по 4 действующих и 2 запасных аппарата); кроме того, были в наличии два неособенно боеспособные дирижабля.

Между тем, соседи далеко обгоняли: в 1912 году Франция имела 23 дирижабля и 374 самолета, которые в 1913 году увеличивались до 454, Россия—190 аэропланов, 6 готовых дирижаблей и 3 в постройке, Италия к весне 1914 года должна была иметь 380 самолетов.

Конрад снова решительно требует развития воздушного флота и в 1913 году настаивает на доведении числа аппаратов до 240. Знакомство с полетами дирижаблей на германских маневрах убеждает его в полезности этого боевого средства, вследствие большого радиуса полета, что может иметь особое значение при начале операций.

В своих мемуарах Конрад с горечью говорит о том сопротивлении, которое ему приходилось встречать в развитии новых средств борьбы, в чем, конечно, ему можно только посочувствовать. Другой вопрос, была ли у государства экономическая возможность вооружить армию всеми современными техническими средствами, но в желании сделать это начальнику генерального штаба отказать нельзя.

Не лучше обстояло дело с обеспечением *питания ружейными патронами и снарядами* в случае войны. Конечно, австро-венгерская армия в этом не являлась исключением; причиной этого были ошибочные расчеты на продолжительность и характер войны.

С первых же дней ее выяснился недостаток в патронах и снарядах, взволновавший верховную власть государства. Результатом этого было составление 23 сентября 1914 года доклада этапным управлением армии, обрисовавшим злободневный вопрос как в мирное время, так и в начале войны, и роль в нем начальника генерального штаба. Этот доклад-справка вполне ориентирует нас в участии генерального штаба в подготовке в дни мира питания патронами и снарядами на время войны. Однако, считаем необходимым дополнить его некоторыми фактическими данными, приводимыми как самим Конрадом, так Краусом и Ауфенбергом.

Прежде всего мы должны остановится на установлении тех данных, из которых исходил генеральный штаб, определяя необходимые запасы патронов и снарядов, т.-е. с какой продолжительностью войны считался генеральный штаб и каким порядком он был намерен покрывать расход патронов и снарядов.

К сожалению, Конрад не высказывает нам определенного взгляда на продолжительность войны. В своем докладе от 12 июля 1909 года он указывает, что запасы снарядов и патронов должны быть заготовлены в мирное время «на продолжительный период войны», не определяя его размеров. Поэтому считаем возможным заключить, что начальник генерального штаба не думал быстро покончить войну, но в то же время, без сомнения, был далек от определения действительной ее продолжительности.

На второй, поставленный нами вопрос, ответ будет явствовать из нижеприводимых данных.

Указанный выше доклад-справка говорит, что начальник генерального штаба уже в 1906 и 1907 годах неоднократно и решительным образом обращал внимание на необходимость лучшего обеспечения питания *ружейными патронами.*

Действительно, в своем докладе от 6 апреля 1907 года о поднятии боевой готовности армии, Конрад, имея в виду возможную войну весной с Италией, признавал необходимым: озаботиться лучшим *обеспечением ружейными патронами к началу войны и вполне достаточным изготовлением их в течении операций.*

В докладе Конрад подробно приводит данные о состоянии запасов ружейных патронов и соображения об их пополнении. Признавая расчеты военного министерства преуменьшенными и не отвечающими будущим потребностям во время войны, начальник генерального штаба устанавливал, что для развертывания армии недоставало 100 миллионов патронов. Существующие патронные заводы могли ежедневно давать по 4 миллиона патронов (без пороха), в то время как пороховые заводы вырабатывали продукцию только для одного миллиона патронов в день, т.-е. примерно *один патрон в день на человека.* Такая неудовлетворительная продукция пороховых заводов обращает на себя особое внимание, и поэтому необходимо как можно скорее: 1) начать изготовление недостающих для развертывания армии 100 миллионов патронов; 2) начать усиленное производство пороха; 3) усилить оборудование пороховых заводов, дабы их производительность, по крайней мере, соответствовала продукции патронных заводов, т.-е. можно было бы получать в день по 4.000.000 готовых совершенно патронов. Учитывая, что до начала операций остается не более 70 дней, Конрад планирует за это время пополнение недостающих 100 миллионов патронов и, кроме того, надеется заготовить запас в 80 миллионов патронов. Во всяком случае, ежедневная производительность патронных и пороховых заводов в 4.000.000 патронов считается им неудовлетворительной и он настаивает на необходимости повысить их продукцию. Насколько может быть использован для этой работы заграничный рынок, начальнику генерального штаба неизвестно.

В 1908 году, по приказанию Конрада, производится повый подсчет необходимых запасов и требование направляется военному министерству, на обязанности которого лежало выполнить это требование и тем обеспечить армию на продолжительное время.

Известный нам Краусс свидетельствует, что его подсчеты во время военных игр расхода ружейных патронов и снарядов по опыту войны 1870—71 г.г. показали недостаточные нормы снабжения ими австрийской армии, а сделанное им по этому поводу представление начальнику генерального штаба осталось без внимания. Ныне приходится признать такое заявление модернизованного генерала голословным, ибо, как видно, генеральный штаб не останавливался на подсчетах военного министерства, а требовал повышения их уже в 1907 году.

В своих ежегодных докладах Франц-Иосифу Конрад неустанно отмечает неудовлетворительное положение с патронами и пороховыми заводами и в упомянутом уже нами докладе от 12 июня 1912 года предлагает увеличение их и расширение продукции.

В 1910 году после хлопот начальника генерального штаба, при неоднократном сопротивлении военного министерства, вопрос с продукцией патронов был более или менее урегулирован, и последняя была доведена до 4 миллионов в день, но вопрос с порохом не был разрешен, и являлась необходимость заготовить мобилизационный запас пороха в 350.000 килограмм.

В свою большую программу 1911 года начальник генерального штаба включил $15^1/_2$ миллионов крон на изготовление ружейных патронов, отметив необходимость ассигнования средств на повышение производительности пороховых заводов, но не указав суммы.

События 1912—1913 г.г. с очевидностью показали неудовлетворительную продукцию патронных заводов, а запас пороха был доведен только до 100.000 килограмм, что совершенно не было сообщено начальнику генерального штаба и сделалось известным только осенью 1913 года.

Открытие патронного завода в Воллерсдорфе помогло довести запасы патронов лишь до штатного количества мирного времени и создать очень незначительные запасы на период мобилизации. Результатом такой подготовки было то, что армия испытала патронный голод с первых же недель войны, предусмотренная производительность заводов в мирное время, даже минимальная, не была еще достигнута, и только к средине сентября 1914 года, по сообщению военного министерства, патронные заводы вырабатывали ежедневно $3^1/_2$—4 миллиона ружейных патронов, что опять-таки было недостаточно. Старания Конрада за долгий период мирного времени не достигли своей цели.

Еще более неблагоприятно шла подготовка к снабжению армии *снарядами* в случае войны.

В своем докладе от 6 апреля 1907 года Конрад находил необходимым обеспечить каждое орудие минимально 400 выстрелами и считал, что нужно принять все меры к повышению производства.

В ежегодных докладах он все время отмечает неудовлетворительное состояние запаса снарядов и предлагает расширить заводы. В большой программе 1911 года на артиллерийские снаряды им испрашивалось около 1.800.000 крон, при чем эта сумма предполагалась, собственно говоря, на приведение в порядок складов в районе сосредоточения армий.

Доклад-справка 1914 года в мрачных тонах рисует подготовку мирного времени питания снарядами. Несмотря на многочисленные и настойчивые просьбы генерального штаба к военному министерству дать сведения о действительном наличии запасов снарядов и производительности заводов, таковые данные до лета 1913 года в генеральный штаб не поступали. Только осенью 1913 года удалось получить от военного министерства все данные о питании снарядами, и тогда обнаружилась вся печальная действительность.

На основании этих данных были выработаны нормы снабжения снарядами, и в начале 1914 года сообщены в военное министерство. Одновременно с этим было внесено предложение о расширение заводов, вырабатывающих снаряды, с назначением для этой цели артиллерийского кредита в 3.000.000 крон.

Оба предложения генеральным штабом были сообщены не только в военное министерство, но и прочим, причастным к артиллерии, органам военного управления, при чем Конрад предлагал собрать комиссию для решения этого важного вопроса.

Военный министр не пошел навстречу генеральному штабу даже после вторичного и довольно резкого предложения в апреле 1914 года о созыве комиссии.

16 июня 1914 года генеральным штабом были снова разработаны предложения по питанию снарядами на 1914—15 мобилизационный год и препровождены в военное министерство.

Таким образом, на войну австро-венгерская артиллерия выступила с *500 снарядами на орудие*, тогда как все остальные армии вышли с большим запасом. С первыми же боями наступил *снарядный голод*, который не был изжит в течение всей войны, несмотря на усилия, которые при-

нимались по развитию производства и мобилизации гражданской промышленности.

Краусс, отмечая в своем труде «Причины наших поражений» указанный недостаток снарядов, приписывает его ограниченности мобилизационного плана, не предусмотревшего массового развертывания всей промышленности страны. Мы не имеем права после времени выносить такую суровую оценку и скажем об этом ниже, когда будем говорить о подготовке в этом вопросе других воюющих государств.

Ауффенберг, бывший военный министр, т.-е. лицо, прежде всего ответственное за снарядный голод, в своей книге «Из австро-венгерского участия в мировой войне», говорит, что о таком недостатке снарядов было известно всем, но что за урезкой кредитов трудно было выйти из положения, а кроме того: «о такой продолжительности (войны) и такой изолированной блокаде в начале (войны) не думал ни один человек».

Краусс в упомянутом выше труде отмечает, что при выборе снарядов было отдано преимущество шрапнели перед гранатой, за что пехоте приходилось расплачиваться кровью. Нет слов, это было ошибкой генерального штаба, но снова мы не можем строго осудить Конрада, так как такие же ошибки были допущены генеральными штабами и других армий.

Известный нам доклад-справка 1914 года делает такое заключение о *подготовке мирного времени питания ружейными патронами и снарядами:* «1) Начальнику генерального штаба было вполне ясно, что наша подготовка мирного времени в питании армии патронами и снарядами во время войны совершенно неудовлетворительна. Он неоднократно и настойчиво обращал на это внимание; улучшение этого самого важного для боеготовности армии вопроса всегда было предметом его особенного внимания и им делались неоднократно решительные и вполне конкретные по этому предложения. 2) Предостережения и предложения начальника генерального штаба большей частью не находили соответствующего отклика и поддержки у тех ответственных органов, на обязанности которых лежали заботы о мобилизационной и боевой готовности армии. Многие вопросы неимоверно долго затягивались разрешением или же совершенно не рассматривались. 3) Очень прискорбным следствием этой неудовлетворительной подготовки питания патронами и снарядами явилось то, что уже после тяжелых боев первой фазы войны сделался чувствительным недостаток в патронах и снарядах».

Высказывая это, доклад-справка *решительно снимает вину в недостатке патронов и снарядов с этапного управления армией и возлагает всецело на военное министерство.*

Для большей ясности мы позволим себе уклониться в сторону и кратко рассмотреть мобилизационные соображения Франции, Германии и России.

К началу войны Франция имела «мобилизационный запас» боевого снабжения: 1) незначительное количество орудий и винтовок; 2) 5.000.000 снарядов 75 и 155 *м/м* калибра; 3) 1.388.000.000 винтовочных патронов; 4) 729.000 килограмм порохов, расчитанных на 400 дней. Не предусматривая изготовления во время войны полевых орудий, винтовок, пулеметов и взрывчатых веществ, мобилизационный план намечал только изготовление средствами государственных военных заводов по нормам (ежедневно) 13.600 снарядов для 75 *м/м* пушки, 465 снарядов для 155 *м/м* калибра и 2.600.000 ружейных патронов, при чем к изготовлению снарядов предполагалось приступить со второго месяца войны. На 2—3 месяца войны мобилизационный план оказался несостоятельным.

В Германии также не было особых военных запасов, и производство как винтовок, пулеметов, орудий, так патронов и снарядов предусматривалось в незначительном количестве. Производство винтовок было настолько

незначительно, что пришлось сразу же воспользоваться взятыми под Танненбергом русскими винтовками и лишь после пяти месяцев войны изготовление винтовок (по 250.000 в месяц) вполне обеспечило потребность армии. Полевых орудий к концу 1914 года было вновь изготовлено только 100 штук. Тяжелые орудия пришлось почти заново ставить в производстве, изготовив в 1914 году лишь 20 орудий. Пулеметов в сентября 1914 года выпускалось по 200 в месяц. Продукция порохов рассчитывалась в мирное время в 200 тонн в месяц, осенью 1914 года поднялась до 1.000 тонн, тогда как потребность выражалась в 3.500 тонн, что было не только достигнуто, но и превзойдено в декабре того же года, когда вырабатывалось 4.500 тонн пороха. Острый недостаток снарядов сказался тотчас же после сражения на Марне.

Расчеты русского генерального штаба норм вооружения и запасов патронов и снарядов также оказались далеко неудовлетворительны. Имевшихся 4.652.000 винтовок хватило лишь для вооружения развернутой по мобилизации армии.

Потери в винтовках также превзошли ожидавшуюся месячную продукцию в 44.000 винтовки, которую государственные заводы могли дать только на 10 месяц войны. По штатам 1914 года вся наличность винтовочных патронов исчислялась в 2.746.000.000, и к июлю 1914 года до штатов не хватало 11%. Наличное же вооружение армии по штатному числу винтовок и пулеметов требовало до 4—5 миллиардов патронов. Государственные патронные заводы, рассчитанные на продукцию в 550 миллионов патронов в год, не могли при выработке тройной продукции удовлетворить потребности армии в патронах, которая достигла 3 миллиардов в год. К 20 июля запас военного времени в снарядах был: 6.432.605 выстрелов для 3-дюймовых пушек, 449.477 для 48 линейных гаубиц и 99.910 для 6-дюймовых орудий, тогда как за первые пять месяцев войны было израсходовано 2.720.000 3-дюймовых патронов и в дальнейшем ежемесячная потребность в них определялась в 1.500.000 патронов.

Таким образом, как ни плохо было положение австро-венгерской армии перед мировой войной с боевым снабжением, оно немногим уступало другим армиям, а в некоторых случаях даже было лучшим. Если вспомним, что Конрад ставил минимальным требованием выработку ежедневно 4 миллионов патронов, то французский генеральный штаб признавал таковую достаточной в 2.600.000 патронов, а русский генеральный штаб 1.700.000 патронов в день. В снарядах австро-венгерская артиллерия безусловно оказывалась в более тяжелом положении, чем остальные армии. В жалобах Конрада можно усмотреть лишь одно, что начальник генерального штаба не предвидел тех новых путей для удовлетворения боевых нужд современных армий, которые только одни и могли исправить положение, а именно: *мобилизация промышленности всей страны.* Но об этом речь впереди.

Сам же Конрад об'яснял это иначе. В своем письме от 22 сентября 1914 года к начальнику военной канцелярии Франц-Иосифа, препровождая приведенную нами выше доклад-справку этапного управления, он писал: «То, что, к сожалению, мы оказались с малым количеством снарядов, является деянием тех преступников, которые, начиная с 1906—1907 г.г., все мои направляемые непрерывные просьбы и предложения, клонящиеся к реализации этого вопроса, отбрасывали или же не желали знать».

«Придет время, — продолжает суровый начальник генерального штаба, — что после войны будет приказано произвести следствие по этому вопросу, установить, заклеймить и строжайше наказать тех людей, которые в этом виноваты, между прочим, также и всех тех, которые ради ребяческой игры в дредноуты лишили армию снарядов».

Так хотел расчитаться начальник генерального штаба со своими врагами, не подозревая, что ход войны осудит не только виновников снарядного голода, но сведет в небытие и всю монархию Габсбургов.

Мы не будем подробно останавливаться на работах генерального штаба в области подготовки *остальных видов снабжения.* Конраду и здесь приходилось проявлять то или иное участие, делая предложения о введении походной формы, о снабжении армии походными кухнями, и вырабатывать ту или иную систему организации подвоза.

Известный нам Краусс в отношении последней бросает обвинение генеральному штабу в косности и отсталости. Интендантская военная игра убедила Краусса, что система продовольствования армии, основанная на регулярном подвозе суточной дачи, не отличается гибкостью, не позволяя использовать местные средства или же, при обращении к ним, ведет к потере запасов. Все предложения Краусса об изменении принятой системы, о замене ее комбинированной системой подвоза и реквизицией наталкивались на сопротивление верхоглядов или же просто мало осведомленных в устройстве тыла сотрудников генерального штаба. Его личный доклад по этому же вопросу Конраду также был оставлен без внимания, но за то Краусс был назначен начальником Военной академии. На новом месте службы неугомонный генерал решил преподать слушателям академии новую систему продовольствования, но должен был прекратить это, получив строгое приказание начальника генерального штаба не вводить новшеств. Война доказала всю правоту делавшихся Краусом предложений: армия вынуждена была прибегать к реквизициям, при чем последние, в виду отсутствия подготовки к ним, принимали характер грабежа.

ГЛАВА XIV

ПОДГОТОВКА АВСТРО-ВЕНГРИИ К ВОЙНЕ

Конрад об использовании материальных средств страны для целей войны. — Мобилизация военных заводов.—Мобилизация гражданской промышленности.—Неосведомленность Конрада в заграничном военном рынке, состоянии экономики своей страны и финансовой ее мощи. — Действительная финансовая сила Австро-Венгрии. — Подготовка войны в продовольственном отношении.—Генеральный штаб в экономической подготовке войны.—Военный бюджет.—Заботы Конрада об увеличении бюджета.—Конрад о развитии морского флота. — Большая десятилетняя программа Конрада осени 1910 года.—Стремление быть готовым к войне к весне 1912 года.—Рост армий европейских государств и рост их военных бюджетов.—Разбор большой программы Конрада 1910 года. — Рассмотренне военного бюджета в делегациях в феврале 1911 года.—Изолированне Конрада от защиты военного бюджета.—Отношения его с военным министром.—Доклад Конрада у Франц-Иосифа.—Просьба Конрада об отставке.—Совет министров 5 марта и защита Конрадом своей программы.—Последние усилия Конрада провести свою бюджетную программу.—Отношения Франца Фердинанда к вопросу о военном бюджете и его борьба с «кликой» Эренталя—Уход в отставку военного министра.—Программа Конрада 1913 года, проект формирования резервной армии и проект реорганизации ландштурма.—Второй бой за военный бюджет.—Совет министров 3 октября 1913 года и урезка испрашиваемых кредитов.—Развитие контингента и военного бюджета европейских государств. — Агитация в прессе Австрии за дальнейшие вооружения.

Ранее нами было указано, что Конрад стремился провести возможно полнее идею «вооруженного народа» в отношении использования людского материала. Казалось бы, с его стороны логично было продолжить и далее стремления в использовании *материальных* средств страны для целей войны, т.-е. иными словами, мы вправе ожидать от начальника генерального штаба предложений об использовании всех ресурсов страны. Однако, в этом Конрад не превзошел своих коллег в других армиях и ограничился установившимся давным-давно взглядами на подготовку питания армии на прежних основаниях.

Нами подробно развиты были взгляды Конрада на подготовку в мирное время боевого снабжения армии, основывающегося на накоплении запасов на продолжительный период войны и на деятельности, правда, расширенной, но одних военных заводов. Иными словами, начальником генерального штаба предусматривалась *мобилизация заводов*, но только чисто военных, и о какой-либо мобилизации *гражданской* промышленности он не думал, а между тем индустрия Австро-Венгрии была не настолько слаба, чтобы не оказать нужной помощи армии.

Причины такого непонимания новых методов питания войны нужно искать в дошедшем до мировой войны ложном принципе, что для войны нужны деньги, деньги и деньги. Конрад хорошо усвоил его, но также косно, как и систему продовольствия. Начальник генерального штаба отлично сознавал, что для войны нужны деньги, постоянно твердил об этом и даже, перефразируя Клаузевица, сравнивал войну с финансовой операцией, указывая, что проиграть войну—это то же, что потерпеть не-

удачу в крупной финансовой сделке. Иные способы питания войны страной, кроме предоставления ею денежных знаков, Конраду, повидимому, не мыслились. Все помыслы его были направлены к получению нужных кредитов как в мирное время, так особенно при мобилизации, о чем он указывал в своем мемуаре 1911 года.

Мы слышали, что в 1907 году начальник генерального штаба оказался *не* ориентированным в возможности *заграничных заказов* ружейных патронов, что, конечно, нельзя одобрить.

К сожалению, Конрад был *мало* осведомленным не только в заграничной индустрии и рынках, но и в *экономическом* положении своей страны. Он, так жаждавший денег, в докладе от 8 сентября 1908 года заявлял, что «не присваивает себе права судить о финансовой мощи монархии», и необходимость ассигнования денежных средств на армию доказывал не финансовым благостоянием монархии, а ссылкой на жертвы, приносимые даже малыми государствами. Короче говоря, генеральный штаб оказывался неосведомленным в *финансовой* подготовке страны к войне. От министра иностранных дел, от общеимперского министра финансов и других Конрад постоянно слышал о финансовых затруднениях, служивших причиной урезки его денежных требований. Министр финансов говорил ему, что по состоянию финансов страна может выдержать не более двух месяцев войны.

Между тем, с началом таковой монархия показала свою устойчивость в этом. Ауффенберг, да и статс-секретарь Германии Гельферих, в своих воспоминаниях согласно говорят о том, что Австро-Венгрия в годы продолжительной войны выходила из финансовых затруднений путем внутренних займов, очень мало обращаясь к помощи Германии. Действительно, у правительства Габсбургов не было денег, и финансовое состояние страны вызывало опасения у ответственных и частных финансовых деятелей. Однако, никто не предполагал, что население монархии обладает такой финансовой платежеспособностью, которую оно показало во время войны, несмотря на то, что самые богатые национальности, как чехи, неохотно шли на жертвы для войны. Подобная финансовая устойчивость разлагающегося государства удивила всех, и если она отказала в конце-концов, то причиной этого явились: большая продолжительность войны, тесная блокада и война почти со всем миром, потребованное правительством чрезмерное напряжение, которое не посчиталось с создающимся положением и, наконец, внутренние распри национальностей. Иными словами, финансовой подготовки войны в стране не было, и только удачное использование внутренних займов помогло избежать до поры до времени финансового краха.

Не лучше обстояло дело подготовки и с *продовольствием*. Как было изложено в первой главе нашего труда, Австро-Венгрия имела внутри страны некоторые избытки запасов продовольствия, скота и других продуктов земледелия, которые, правда, были распределены неравномерно по территории страны и при внутренних осложнениях создавались затруднения в их использовании. Война с Россией и Сербией и натянутые сначала отношения с Румынией, перешедшие затем в вооруженный конфликт, лишили Австро-Венгрию внешних рынков продовольственных продуктов, предоставив ее своим силам и средствам. Однако, обстановка войны могла быть заранее предугадана, и поэтому, казалось, необходимо было заранее озаботиться созданием запасов продовольствия. Но война не была подготовлена в хозяйственном отношении, как о том свидетельствует нам Краусс. Особых запасов продовольствия не оказалось, а те, которые находились в стране и кои необходимо было расходовать с большим умением, дабы на более продолжительный срок обеспечить армию

и население жизненными продуктами, совершенно неумело и хищнически уничтожались. Всевозможные спекуляции, повышение цен и т. п. в скором времени привели страну к голоду. Только тогда был брошен лозунг: «на войне деньги не играют никакой роли» и установлена продовольственная диктатура. Краусс говорит, что им еще в 1908 году поднимался вопрос о введении в случае войны так называемых «военных денег», т.-е. установления определенной валюты для оккупированных областей и расплата этой валютой за реквизированные продукты, на которые устанавливались предельные высокие цены. На свое предложение, сделанное в военное министерство, Краусс ответа не получил, хотя, как узнал он позднее, было созвано особое совещание из представителей военного министерства и министерства финансов, но совещание пришло к отрицательному выводу. Краусс об'ясняет подобное решение косностью высших представителей генерального штаба и чиновников министерства финансов. Суровая действительность войны вынудила обратиться к «военным деньгам», и ныне Краусс торжествует. Ауффенберг в известном нам труде свидетельствует, что «монархия в своих старых границах была тем единственным континентальным государством, которое в случае войны имело все нужное ему сырье, и на своей собственной территории могло удовлетворить все свои потребности». Тот же Краусс приходит к определенному заключению, что при хорошей подготовке войны в хозяйственном отношении Австро-Венгрия могла продержаться до конца войны.

В своих воспоминаниях начальник генерального штаба ничего не говорит о подготовке страны в продовольственном отношении, повидимому, по тем основаниям, что нечего и сказать, так как этот вопрос в мирное время не останавливал его внимания. Конрад, вероятно, считал, что на кратковременную войну хватит тех запасов продовольствия, которые были в стране. Ныне известно, что и в остальных государствах, участвовавших в мировой войне, в этом отношении было сделано не больше, чем в Австро-Венгрии.

Мы пока не останавливаем внимания читающих наш труд на заботах генерального штаба о подготовке к войне путей сообщения монархии, равно как и на укреплении ее границ, так как эти вопросы будут нами рассмотрены отдельно.

Забегая вперед, позволим себе здесь указать, что в этих областях генеральный штаб стремился провести планомерную подготовку страны к обороне.

Все вышесказанное с очевидностью говорит о том, что в материальной подготовке войны Конрад и его сотрудники были далеки от осуществления идеи «вооруженного народа». «Вооруженный народ» понимался ими, как максимальное использование людских ресурсов страны. Что же касается вовлечения в войну всех материальных средств государства, использования всей его промышленности и иных видов хозяйственной деятельности населения в интересах войны, возможного тесного увязывания армии с тылом, то это ускользнуло из поля зрения австро-венгерского генерального штаба.

Однако, не можем скрыть, что им проделывалась большая работа, тратилось много сил, энергии и нервов для лучшего материального обеспечения армии как в мирное время, так и на время войны. Все современные ему технические средства, не только признанные всюду пригодными для боевых целей, но и те, которые еще только начинали развиваться или находились в стадии опытов, обещая в будущем оказать армии существенную услугу — все они учитывались генеральным штабом, стремившимся ввести их в армии.

Вся материальная подготовка армии к будущей войне фактически находилась в руках военного министерства, и генеральный штаб не имел на нее непосредственного влияния. Незачем, конечно, говорить, что подготовка и содержание армии требовали отпуска денежных средств, которые и составляли *военный бюджет* государства. В главе II нашего труда даны ориентировочные данные о военном бюджете, поэтому здесь нет необходимости повторять их. Наше исследование по бюджетным вопросам будет направлено к выяснению в них роли генерального штаба, к определению тех путей, по которым начальник генерального штаба считал необходимым итти на защиту выставляемых им денежных требований и, наконец, в правильности этих требований в основе, а не в бухгалтерском подсчете тех или иных сумм.

Военный бюджет австро-венгерской армии состоял из 4 частей: общеимперского, бюджетов обоих ландверов и бюджета на содержание войск в оккупированных Боснии и Герцеговине. Общеимперский бюджет и бюджет по оккупации составлялся в военном министерстве и вносился военным министром на заседание делегаций, бюджеты ландверов министрами народной обороны обоих половин монархии проводились в соответствующих парламентах. До внесения на заседание делегаций, бюджет предварительно обсуждался в совете министров, в котором, в соответствии с общегосударственным бюджетом, устанавливались общие ориентировочные цифры.

Таким образом, начальник генерального штаба юридически не был ответственен за те денежные требования, которые пред'являлись представительным учреждениям государства,—за них отвечали общеимперский военный министр и министры обоих ландверов.

Однако, начальник генерального штаба понимал свое участие в составлении и проведении бюджета иначе. Исходя из возлагаемой на него положением о начальнике генерального штаба ответственности за готовность вооруженных сил к войне, Конрад утверждал, что, хотя главнейший его обязанностью является разработка оперативных планов войны на различных театрах военных действий, но из них вытекает необходимость как соответствующей организации армии, так и обеспечения ее материальными данными. Как результат оперативных соображений, по мнению Конрада, выявляется необходимость того или иного вооружения и материального обеспечения армии и нормировка необходимых запасов того и другого. В этих видах Конрад считал свое участие в составлении бюджета обязательным и не признавал возможным ограничиться положением зрителя в происходящей за бюджет борьбе. Наоборот, начальник генерального штаба находил ненормальным его отстранение от работы по бюджету, и уже в 1909 году просил у Франц-Иосифа письменного подтверждения, чтобы военный министр, до внесения бюджета в совет министров, а тем более в заседание делегаций, ставил его предварительно в известность, дабы начальник генерального штаба мог обсудить складывающуюся обстановку. Натянутые отношения между военным министром и начальником генерального штаба, еще до этой просьбы последнего, 15 апреля 1909 года вынудили Франц-Иосифа отдать приказ министрам иностранных дел и военному, чтобы все мероприятия по усилению обороны государства решались в полном согласовании с начальником штаба и детально и точно обсуждались.

Со вступлением в должность в конце 1906 года, Конрад ясно видел отсталость Австро-Венгрии в численном развитии вооруженных сил и их материальном обеспечении, что и явилось первопричиной всех его денежных требований. Необходимо было дальнейшее развитие технических войск и лучшее обеспечение армии боевым снабжением; первое, кроме

денежных ассигнований, требовало и увеличения контингента. С 1907 года начальник генерального штаба выступает с предложением о введении 2-летнего срока службы, дабы пропустить через армию большее число военнообязанных; к тому же связанное с этим увеличение контингента давало возможность расширить формирования технических войск. Если бы двухлетний срок службы не был проведен, то тогда все же необходимо было увеличение контингента для указанных формирований, дабы не производить их за счет и без того слабого штатного состава пехоты.

В своих требованиях денежных ассигнований Конрад главным образом исходил из готовности армии и стремился не отстать в этом от вооружающихся соседних государств. Выше было отмечено, что финансовые возможности монархии Конрад не считал для себя обязанным подвергать обсуждению, но в то же время он не склонен был, однако, итти на уступки в денежных ассигнованиях на армию. Внешнее положение, по мнению Конрада, сулило чреватое будущее, враги монархии все более и более вооружались, и можно было уберечь государство от катастрофы не дипломатическими победами, а исключительно военными успехами, для чего нужна сильная и боеспособная армия. Если малые государства, как Сербия, Болгария и другие, вооружались, расходовали деньги для развития своей обороны, то Австро-Венгрия обязана была также напречь свои силы, хотя бы это напряжение и было тяжелым для ее населения.

Другую ошибку в развитии обороны государства Конрад видел в стремлении к *развитию морского флота* монархии в ущерб интересам армии. Австро-Венгрия являлась чисто континентальным государством, и участь войны решалась на суше, а не на море. Поэтому развитие морского флота, постройка дредноутов, любовь к флоту и забвение армии признавалось начальником генерального штаба ничем иным, как *детской забавой*. Полезнее было бы деньги, отпускаемые на флот, израсходовать на боевое снабжение армии. К тому же развивающийся флот требовал для себя увеличение контингента, которого и так не хватало для сухопутных вооруженных сил. Ранее мы уже об'яснили причины развития флота стремлением поддержать отечественную индустрию, но к этому нужно добавить соображения и чисто политические. Вершители судеб государств серединной Европы, раскуривая сигары на берегах Шпрее, в развитии австрийского морского флота видели возможность оттянуть часть морских сил своих будущих противников в Средиземное море и даже, как увидим ниже, натворить некоторые неприятности в Черном море, побудив Румынию к выступлению на стороне серединных государств.

Весной 1907 года, указывая на вооружения Италии, направленные против монархии, Конрад находил необходимым к июлю быть готовым к войне, а поэтому просил *об отпуске денежных средств для армии*. Во всех своих словесных и письменных докладах, особенно в ежегодных мемуарах, начальник генерального штаба считал необходимым просить об увеличении контингента и ассигновании кредитов на усиление армии, на обеспечение ее материальной частью и заготовление мобилизационных запасов. Более детальные требования направлялись им военному министру, равно как и министрам обоих ландверов. По размерам нашего труда мы не можем останавливаться подробно на разборе этих документов.

Аннексия Боснии и Герцеговины в период 1908—09 г.г., когда потребовалась готовность армии к войне и когда пришлось прибегать к различным мероприятиям, являющимся импровизацией, убедила Конрада в необходимости решительного выступления *с большой программой по усилению армии*, с доведением до сведения делегаций о тяжелом положении вооруженных сил. В своем докладе Франц-Иосифу от 12 июля 1909 года, доказывая необходимость увеличения боевой готовности вооруженных сил

и конкретизируя необходимые для этого мероприятия, Конрад говорит, что раз несостоявшаяся война с Сербией стоила бы 800 миллионов крон, то ныне, при ухудшающейся обстановке, необходимо отпустить эту сумму для увеличения боевой готовности армии. Ответственность за принятие или отклонение этого кредита, по мнению начальника генерального штаба, падает на представительные учреждения, но *доказать ее необходимость он считает своей прямой обязанностью.*

Правда, все же указанный кризис дал возможность получить 180 миллионов крон, из которых $41^1/_4$ миллиона крон были израсходованы на содержание призванных по мобилизации в Боснии и Герцеговине для усиления армии, а $138^1/_4$ миллиона крон реализованы на боевое снабжение армии, главным образом, на перевооружение артиллерии. Но всего этого было недостаточно, а потому *осенью 1910 года* Конрад пересылает в военное министерство *большую программу*, расчитанную на введение 2-летнего срока службы отпуск больших средств на материальное обеспечение армии и инженерную оборону страны с тем, что военный министр внесет ее весной 1911 года в делегации на утверждение. *Программа, расчитанная на свою реализацию в течение 10 лет, требовала ни много ни мало как ассигнования на армию и флот чрезвычайных кредитов в размере 1.100 миллионов крон и повышения обыкновенного бюджета с 370 миллионов крон к 1918 году до 500 миллионов крон.*

Как было указано, необходимость таких жертв мотивировалась сгущавшимися тучами на внешнем горизонте, лихорадочным вооружением соседей, особенно Италии, которая готовилась к войне с Австрией в 1912 году. Конрад в докладе 12 июля 1909 года указывал на необходимость монархии *быть готовой к войне к весне 1912 года*, в соответствии с чем главные ассигнования должны быть произведены в первые 5 лет.

В виду таких высоких требований об увеличении военного бюджета (в который не были включены еще заявки ландверов), когда в среднем на военные нужды требовалось в год не менее 300 миллионов крон, представляется необходимым рассмотреть, насколько действительно такие ассигнования были нужны и производились союзными государствами.

Рост контингента мирного времени виден из таблицы № 17.

ТАБЛИЦА № 17

ГОДА	Ежегодный контингент							
	Германия		Австро-Венгрия		Франция		Россия	
	Число	Увелич.	Число	Увелич.	Число	Увелич.	Число	Увелич.
1894—903 . . .	262.670	—	126.000	—	239.062	—	330.800	—
1904—907 . . .	265.097	2.427	130.650	3.350	272.910	3.848	463.050	32.250
1908—911 . . .	273.712	8.615	137.570	6.920	261.668	-11.242	455.100	- 7.950

Таким образом, все государства шли почти равномерно по пути увеличения контингента, и только Россия оказывалась впереди, но здесь нужно учесть: 1) двухлетний срок службы во Франции и Германии, благодаря чему запас военнообязанных скорее отрабатывался, и 2) несоответствие контингента габсбургской монархии численности населения. В то время, как в остальных государствах численность армии мирного времени отвечала 1% населения,—в Австро-Венгрии она была значительно ниже.

Что же касается *военного бюджета* на армию и флот, то последний, как видно из таблицы № 18, в миллионах германских марок достигал:

ТАБЛИЦА № 18.

Года	Германия			Франция.			Австро-Венгрия			Италия			Россия.		
	Размер.	На 1 душу	Увелич.	Размер.	На 1 душу	Увелич.	Размер.	На 1 душу	Увелич.	Размер.	На 1 душу	Увелич.	Размер.	На 1 душу	Увелич.
1908	1.164	18,40	—	933	23,68	—	429	8,77	—	360	10,59	—	1.106	7,49	—
1909	1.279	19,70	115	974	24,68	41	459	9,00	30	377	10,99	17	1.246	8,33	140
1910	1.241	19,13	-39	998	25,27	24	464	9,01	05	435	12,60	58	1.227	8,10	-19
1911	1.266	19,28	25	1.052	26,56	54	549	10,55	85	473	13,58	38	1.285	8,37	58

За приведенное четырехлетие военные бюджеты увеличились: в Италии на 7%, в Австро-Венгрии — 6,8%, в России — 3,3%, во Франции — 3%, в Германии — 2%.

Приведенные цифры показывают, что монархия Габсбургов вслед за Италией шла по пути увеличения своего военного бюджета, обгоняя, правда, только Россию по тяжести военного налога на 1 душу населения. Но если учесть платежеспособность граждан Австро-Венгрии, то, без сомнения, военный бюджет был гораздо тяжелее для ее населения, чем во Франции и Германии.

Пляски миллиардов на военные кредиты шли во всей Европе и с каждым годом государственные долги возрастали. Так в 1911 году они выражались (в миллиардах марок): Франция — 26.046, Германия — 20.600, Россия — 19.313, Австро-Венгрия — 15.713, Великобритания — 13.447, Италия — 11.590.

На 1 душу населения приходилось государственного долга в марках: Франция — 657, Италия — 334, Германия — 314, Австро-Венгрия — 305, Великобритания — 296, Россия — 117.

Таким образом, монархия Габсбургов по тяжести государственного долга превосходила Англию и почти сравнивалась с Германией, платежная способность населения которой была, конечно, во много раз выше. Нельзя сказать, чтобы Дунайская империя не могла пойти на новые жертвы для повышения своей обороноспособности, она могла заплатить и больше, но ценой подрыва своего экономического состояния. Если в мирное время это не было бы явно ощутительно, то, безусловно, сказалось бы во время войны. Ниже мы услышим доводы против увеличения военных кредитов со стороны ответственных лиц Дунайской империи.

Осенью 1910 года начальник генерального штаба составил общие предположения для бюджета на 1911 год, каковые были направлены для удовлетворения трех важнейших нужд: 1) увеличения контингента; 2) инженерной обороны государства; 3) боевого и технического снабжения армии.

Увеличение контингента разработано по двум вариантам: а) при введении двухлетнего срока службы и б) при трехлетнем сроке, но с повышенным контингентом. Стоимость этой реформы определялась: а) при двухлетнем сроке (на 10 лет) 120 миллионов крон чрезвычайных кредитов и 200 миллионов крон добавление к обыкновенному бюджету; б) при трехлетнем сроке — 90 миллионов чрезвычайных ассигнований и 90 миллионов крон добавка к обыкновенному бюджету.

На инженерную оборону (на 10 лет), как минимум, подлежало ассигнованию 155 миллионов крон.

Боевое и техническое снабжение, после разработки в военном министерстве и министерствах обоих ландверов, исчислено в 260 миллионов крон, из которых 36 миллионов на инженерную оборону и 124 миллиона для неотложных заготовок.

Кроме того, на предстоящее перевооружение пехоты предусматривалось ассигнование в 200 миллионов крон, при чем точного расчета не представлялось.

Наконец, на ближайшие 5 лет на нужды морского флота испрашивалось 312 миллионов крон.

Таким образом, *всего подлежало внесению сверх обыкновенного бюджета:*

добавления к обыкнов. бюджету	120 или 900 милл. крон
чрезвычайных ассигнований	1.217 или 1.017 милл. крон.

20 ноября 1910 года, за несколько дней до уточнения требования на боевое и техническое снабжение, состоялось заседание совета министров, на которое начальник генерального штаба приглашен не был, установившее следующие ориентировочные цифры:

Чрезвычайно кредита для флота	312	милл. крон
« « « армии	100	« «
добавление к обыкновен. бюджету	100	« «
Всего . .	512	милл. крон.

Начальник генерального штаба только 6 января был осведомлен о проработке его предложений и о результатах заседания 20 ноября совета министров.

Тотчас же Конрад обратился к военному министру с просьбой построить бюджет так, чтобы покрыть все нужды, а для этого требовалось:

для введения 2 летн. срока службы	100	милл. крон	добав. к бюджету
	100	« «	чрезвыч. кредитов
для инженерной обороны	119	« «	(155—36)
« материального обеспечения	260	« «	
« перевооружения пехоты	200	« «	
на морской флот	312	« «	
Всего . .	1.091 милл. крон или за округлением 1 миллиард 100 миллионов крон.		

По приказанию Франц-Иосифа, кредит на боевое снабжение армии был вычеркнут, что военным министром совершенно не было сообщено начальнику генерального штаба.

Делегации собрались к февралю в Будапеште, начались заседания, когда... 5 февраля 1911 года *из газет*, по речи военного министра на заседании 4 февраля, Конрад узнает о внесенном военном министром бюджете, далеко не отвечавшем требованиям Конрада. Такое довольно ненормальное ориентирование начальника генерального штаба об'ясняется тем, что военный министр запретил своим подчиненным говорить кому-либо из сотрудников генерального штаба о предварительной урезке военного бюджета в военном министерстве. Чаша терпения нашего героя была переполнена, и Конрад 13 февраля мчался в поезде в Будапешт с целью лично доложить Франц-Иосифу о случившемся.

Остановившись в той же гостинице, в которой жил и военный министр Шонайх, начальник генерального штаба утром 14 февраля уви-

дался с Шонайхом, сообщив ему, что он, Конрад, подает в отставку. На вопрос военного министра, почему это делается, Конрад об'яснил, что по бюджету требуется всего лишь половина необходимой суммы. На замечание Шонайха, что начальник генерального штаба исполнил свои обязанности и к тому же не является ответственным перед делегациями, Конрад указал, что *считает себя также ответственным за военный бюджет*, и если его требования необходимы, то при отказе от них он должен уйти с поста, или же, если они неосновательны, тогда начальник генерального штаба не соответствует своей должности. Отметив, что о такой постановке вопроса с военным бюджетом еще ничего неизвестно Франц-Фердинанду, который всецело стоял на точке зрения Конрада и был вообще недоволен Шонайхом, начальник генерального штаба пытался доказать военному министру ошибочность мирной политики Эренталя, которая в действительности может оказаться совершенно иной.

Видя, что военного министра убедить трудно, Конрад отправился с докладом к Франц-Иосифу. Начав с просьбы об отставке, Конрад детально изложил свои минимальные требования, указав на то, что не считает больше возможным оставаться на своей должности, ибо в армии все будут показывать на него пальцами. Успокоив своего разгорячившегося начальника генерального штаба, Франц-Иосиф чистосердечно сознался, что не все делается так, как хочет он и правительство, что страна не имеет денег и Италия богаче, поэтому и тратит больше денег на армию и флот. Конрад счел своей обязанностью подчеркнуть боязливое выступление министров перед делегациями и противозаконное связывание делегациями военного ведомства предложением в течение пяти лет не входить с новыми требованиями повышения бюджета. В конце доклада он просил приравнять его к начальнику морского флота, дабы также участвовать в заседаниях совета министров и делегаций, если уже не с правом решающего голоса, то по крайней мере, как эксперт. Указав на то, что все предположения генерального штаба подвергаются критике мелких служащих военного министерства и находя это ненормальным, Конрад просил снова об увольнении в отставку.

Вернувшись домой, он тотчас же письменно сообщил о своей просьбе об отставке Франц-Фердинанду и написал письмо начальнику военной канцелярии с просьбой посодействовать его уходу с должности.

17 февраля от Больфраса (начальника воен. канцелярии) пришел ответ, в котором он писал, что посылается резолюция Франц-Иосифа с *отказом принять отставку*, а от себя добавлял, что уход начальника генерального штаба повлек бы за собой дурное течение заседаний делегации и плохо был бы истолкован за границей, особенно в Берлине, где так высоко ценят Конрада.

Последний не успокоился и снова обратился к Больфрасу, доказывая ему всю невозможность оставаться на месте и обрисовывая всю отрицательную сторону поведения военного министра в бюджетном вопросе.

Результатом хлопот Конрада было приказание Франц-Иосифа собрать совет министров, чтобы на нем начальник генерального штаба подробно доложил свои соображения, при чем просьба последнего о приглашении на этот совет представителей от делегаций была отклонена.

5 марта состоялось заседание совета министров. На нем присутствовали: председатель — министр иностранных дел Эренталь, министры-президенты Австрии и Венгрии, общеимперский военный министр, министры обоих ландверов и начальник генерального штаба.

Эренталь, открыв заседание, об'яснил его цель и, предупредив об особой секретности, предоставил слово начальнику генерального штаба.

«Я знаю, что в общем и целом делаю удар по воде, так как мое выступление происходит после времени» (курсив наш; *Б. Ш.*), — начал начальник генерального штаба, но так как ему приказано подробно доложить его соображения по бюджету, то он это и выполняет. Начав с обрисовки обязанностей начальника генерального штаба по подготовке к *вероятной* войне и указав, что из этой подготовки вытекают и бюджетные требования, о чем мы говорили выше, Конрад отметил, что он лишен возможности даже, как эксперт, подобно начальнику морского флота, защищать свои предложения в совете министров или перед делегациями. В дальнейшем, подробно изложив историю с бюджетом, начиная с 1907 года и до приказания Франц-Иосифа собрать настоящее совещание, начальник генерального штаба, на основе оперативных соображений, детально разобрал все свои требования, доказывая их необходимость. Перейдя затем к обсуждению создающегося положения с урезкой кредитов, Конрад указал, что для боевого снабжения и инженерной обороны ныне отпускается только 47,9 мил. крон, тогда как им испрашивалось 379 мил. крон и, таким образом, недостает 331 мил. крон. Предполагаемое разассигнование по годам отпускаемых средств ведет к тому, что программа инженерной обороны растягивается на 26 лет, т.-е. до 1937 года, когда все это снова устареет, а вопрос с перевооружением пехоты может быть проведен только в 40 лет, т.-е. окончен к 1951 году. В то же время флот получает полностью испрашиваемые им 312 миллионов крон.

Конрад ищет выхода из создавшегося положения, усугубленного еще и тем, что в течение 5 лет военное ведомство не имеет права входить с новыми требованиями о повышении бюджета, и видит его в одном из следующих шести путей. Прежде всего бросается в глаза несоответствие ассигнований 200 милл. крон для армии и 312 милл. для флота. Нельзя не приветствовать наличие сильного флота, но не следует и забывать, говорит Конрад, что Австро-Венгрия — континентальная держава, и решение для нее будет на суше, а не на море. Самая блестящая морская победа не сможет сгладить поражения на суше. Поэтому начальник генерального штаба предлагает сократить ассигнования на флот и, по крайней мере, 60 мил. крон отдать на армию. Второй путь — это отказ от введения двухлетнего срока службы, но повышение контингента для усиления штатного состава и формирования технических войск. Затем можно произвести внутреннюю перегруппировку кредита, сосредоточив внимание на отпуск денег на наиболее важное. Четвертый путь — это откровенная и ясная обрисовка перед делегациями существующего положения и, наконец, пятый путь — поставить делегации перед совершившимся фактом, как это сделано с флотом. Нужно помнить, что Австрия кампанию 1859 года проиграла из-за плохих пушек, войну 1866 года из-за плохого ружья, а потому ныне следует заранее дать те средства, которые необходимы для достижения успеха. В заключение своего доклада начальник генерального штаба сослался на пример России, которая урезала военные кредиты перед русско-японской войной и проиграла последнюю, дорого заплатив за это.

После речи начальника генерального штаба Эренталь предложил присутствующим высказаться. Все военные министры поддержали необходимость удовлетворения требований Конрада. Министр-президент Австрии указал, что для правильной оценки военных требований необходимо выслушать: 1) сообщение министра иностранных дел о внешнем положении; 2) подтверждение военного министра о необходимости ассигнований; 3) заключение министра финансов о платежеспособности страны. К указанной Конрадом цифре в 1.100 мил. крон необходимо еще добавить требования обоих ландверов, из коих для австрийского нужно считать не

менее 100 миллионов (министр народной обороны Венгрии вставил, что для гонведа цифра будет еще более). В виду такой большой суммы, требуемой военным ведомством, может оказаться, что, при всем желании делегаций ассигновать эти суммы, страна не выдержит экономически.

Министр-президент Венгрии, отметив, что политическое и финансовое положение Венгрии иное, чем Австрии, остановил внимание присутствующих на том, что во всех государствах военные кредиты проходят с большим трудом. Представительные учреждения монархии должны быть уверены, что правительство, входя с такими большими требованиями, отдает себе отчет в платежеспособности населения. В Венгрии создается убеждение, что правительство это не учитывает. К тому же вносится снова проект о введении двухлетнего срока службы, что имеет за собой 10-летнюю историю борьбы. Он не сомневается *в правильности требований*, но просит учесть, что *их необходимо сочетать с политическим, финансовым и хозяйственным положением страны.* Эти требования военного ведомства могут быть удовлетворены после финансового и хозяйственного укрепления государства, так как современный бюджет совершенно не позволяет произвести эти ассигнования. Венгерское правительство считало бы *легкомыслием напрягать силы страны, не учитывая развития хозяйственной ее жизни.* Конечно, нельзя растягивать реформы на 20 или 40 лет, но также нужно в современных условиях удерживаться в границах возможного.

Министр иностранных дел Эренталь отмечает, что, по своему положению, он должен приветствовать усиление армии, но нужно учесть, что новое требование 260 миллионов крон на боевое снабжение произведет неблагоприятное впечатление в области внутренней политики, а за границей будет учтено, как признак агрессивности. Между тем, внешняя политика, по указанию Франц-Иосифа, должна быть сдержанной, стремящейся к разрешению вопросов мирным путем. В заключение, он, как председатель, должен выразить благодарность начальнику генерального штаба за сегодняшний доклад и заявить от имени всех присутствующих полное удовлетворение деятельностью Конрада, но в то же время отмечает, что правительство не может перешагнуть через *платежеспособность* государства.

Начальнику генерального штаба оставалось только указать, что разница в оценке положения происходит из-за различного подхода к нему: *в то время, как присутствующие оценивают его с точки зрения сегодняшнего мирного дня и выдвигают вперед мирные требования, он, Конрад, по своей должности, прежде всего должен считаться с войной и из нее исходить.*

Потерпев поражение, Конрад, однако, не терял еще надежды повернуть бюджетный вопрос в свою пользу. В виду возникших трений в австрийском парламенте, Конрад обратился с предложением сменить кабинет, как нам известно из предшествующих глав, а затем 23 апреля подал Франц-Иосифу письменный доклад, в котором, обрисовав складывающуюся внешнюю политическую ситуацию, грозящую конфликтами, указывает, что и военное положение монархии ухудшилось, вследствие усиленного вооружения соседей. В противоположность этому производится отпуск 312 милл. крон на флот, а на армию только 200 милл. крон. Причины отказа в ассигновании кроются в финансовых возможностях государства, но напряжение таковых далеко еще до предела. Как пример, начальник генерального штаба приводит Австрию, которая не находит возможным ассигновать 30 миллионов крон в год на армию, а на развитие местных железных дорог, не имеющих значения для общей сети путей (повидимому, с военной точки зрения), и даже вредных, отпускает в год 278 милл. крон. То же самое в Венгрии, которая охотно отпускает 125 милл. для

гонведа и скупится ассигновать 68 миллионов крон на общеимперскую армию. Мало того, на содержание колоссального чиновничьего аппарата тратятся громадные суммы; достаточно указать, что численность чиновников в обеих половинах монархии достигает 536.000 человек, превосходя, таким образом, армию мирного времени—415.300 человек. В заключение начальник генерального штаба вновь просит принять меры к поднятию боеспособности общеимперской армии за счет флота и обоих ландверов.

Борьба вокруг бюджета на этом не закончилась. У Франц-Фердинанда накопилось много против военного министра, вошедшего в «клику» Эренталя, ведшего закулисную борьбу против него — наследника, и Конрада и «ползавшего на коленях перед парламентом». Пора было кончить с этим, и летом 1911 года Шонайх получил отставку, замещенный Ауффенбергом. Но и последний, из-за личной к нему неприязни Франц-Иосифа, долго не удержался в новой должности и через год был сменен Корбатиным.

Так, в 1911 году закончилась война «алой» и «белой» розы, т.-е. военного министерства с генеральным штабом. Известный нам Краусс, равно как Новак в книге «Дорога к катастрофе», согласно свидетельствуют о враждебной позиции, занятой военным министром по отношению к начальнику генерального штаба, и не по причинам какого-либо расхождения в основных вопросах, но исключительно из-за личных отношений. Короче говоря, военный министр, убежденный Эренталем в возможности проводить мирную линию во внешних отношениях, не хотел обострять отношений и внутри государства, не желая к тому же портить свою репутацию у представительных учреждений монархии. Конрад приводит в своих мемуарах его разговор с политическим деятелем Венгрии и затем письмо последнего, в котором с очевидностью показано, как венгерская оппозиция стремилась использовать борьбу за бюджет для достижения уступок во внутренней политике. К сожалению, начальник генерального штаба не понимал, что его правительству не было доверия, и обе половины монархии с большей охотой шли на развитие ландверов, нежели общеимперской армии, видя в ней оплот режима Габсбургов.

Мысль как-нибудь изменить решение об ассигнованиях не оставляет начальника генерального штаба, и в своем мемуаре для 1912 года от 15 ноября 1911 года Конрад сомневается в том, что нет возможности отпустить для военного ведомства больше денег. Он сознает, что трудно проводить высокие военные кредиты, но если учесть траты на железные дороги местного значения, на содержание армии чиновников и т. д., то нет сомнения, что при сокращении подобных расходов найдутся деньги и для военного ведомства. Свои требования Конрад делит на две группы: а) подлежащие реализации до окончания 1913 года и б) те, которые необходимо выполнить в 1912 году.

Представление мемуара Франц-Иосифу совпало с окончанием конфликта начальника генерального штаба с Эренталем, когда уход Конрада был решен, и он, оставив свой мемуар, вернулся с докладом уже не начальником генерального штаба.

За год отсутствия Конрада был проведен закон о двухлетнем сроке службы, и получены кредиты на формирование тяжелой артиллерии. Правда, все это прошло при сильном сопротивлении парламентов, но дело было сделано.

С возвращением на пост начальника генерального штаба Конрад снова начал хлопоты по усилению армии и обеспечению ее боевым снабжением, но на этот раз в полном единении с военным министром и с министрами обоих ландверов, чем обрадовал Франц-Иосифа.

По размерам нашего труда мы не имеем права подробно останавливаться на программе *усиления* армии, предложенной в 1913 году, тем более, что она фактически не была выполнена. Но вместе с тем, в виду ее интереса и связанных с ней предварительных обсуждений, не можем пройти мимо нее.

Программа *1913 года* начала разрабатываться в январе этого года и была закончена в декабре. Она состояла: 1) в увеличении контингента для некоторых новых формирований в армии и ландверах и для увеличения штатного состава пограничных корпусов; 2) в развитии материального снабжения. Увеличение контингента предусматривалось в 36.000 человек.

Кроме того, в течение этого же года Конрадом разрабатывается проект формирования *резервной* армии, расчитанный выполнением на 10 лет. Проект предусматривал развертывание в военное время, кроме существующих частей, еще 22 пехотных дивизий и 14 пехотных горных бригад, общей численностью около 450.000 человек.

С выполнением этой программы в 1922—23 году начальник генерального штаба намечал с 1924 года провести *реорганизацию ландштурма*, закончив ее в 1929 году.

Проект резервной армии сильно заинтересовал как самого Конрада, так и прочих лиц, стоявших во главе военного управления, а также и Берлин. Проект давал значительный прирост сил во время войны армии Гасбсбургов.

Конечно, создание такой армии требовало денег, которые исчислялись в 400 милл. крон чрезвычайного кредита и добавления к обыкновенному бюджету 36,7 милл. крон ежегодно.

Какое значение придавал резервной армии Конрад, видно из того, что в январе 1914 года, беседуя с представителями военного министерства по этому вопросу, он сказал открыто, что ему известно, как его, Конрада, проекты в военном министерстве подвергаются критике, но на этот раз он не уступит. «Я настаиваю на создании резервной армии и с ней паду»,—закончил свой разговор начальник генерального штаба.

Встретив сочувствие созданию резервной армии у Франц-Иосифа, у министра иностранных дел, к которому обращался с просьбой поддержать военные требования, у военного министра, который, однако, не находил возможным вносить ее в бюджет ранее 1916/17 года, Конрад доказывал возможность осуществления проекта тем, что раз на флот могут быть отпущены 426 мил. крон, то выгоднее их ассигновать для резервной армии. В подкрепление этих соображений Конрад обращал внимание на то, что если бы даже флот и одержал морскую победу при защите берегов монархии, то с поражением на суше может случиться, что победоносному флоту не придется и вернуться к своим берегам, ибо они будут заняты противником с суши.

Стремясь наверняка обеспечить осуществление проекта резервной армии, и вообще военного бюджета на 1913/14 год, Конрад предложил военному агенту в Берлине передать Мольтке просьбу Конрада поддержать проекты начальника австрийского генерального штаба. Военный агент исполнил приказание и в письме от 20 мая 1913 года сообщил, что Мольтке охотно обещал поддержать требования Конрада и, повидимому, переговорит об этом с Вильгельмом и руководителями правительства с тем, чтобы Вильгельм повлиял на Франц-Фердинанда, а представители правительства соответственно на политические круги монархии.

Вообще, начальник генерального штаба решил снова дать *бой за военный бюджет*. На докладе у Франц-Иосифа 2 октября 1913 года, в виду имеющего быть 3 октября совета министров по рассмотрению бюджета,

Конрад горячо отстаивал необходимость принятия проекта увеличения бюджета и контингента, ссылаясь на идущие в этом впереди соседние государства. На замечание Франц-Иосифа, что, может быть, увеличение контингента и пройдет, но труднее провести повышение бюджета, так как нет денег, начальник генерального штаба снова указал, что раз на чиновников деньги находятся, то для армии они должны быть изысканы. Если в совете министров военный бюджет будет урезан и увеличение армии отклонено, то он, Конрад, ходатайствует о применении Франц-Иосифом исключительных мер, в виде прямого приказа провести все это, так как у министров немилость Франц-Иосифа значит гораздо больше, чем общественное мнение. В проведении же проекта постройки железных дорог Конрад советовал, если проект сорвется, применить к Австрии всесильный § 14 конституции. На все это Франц-Иосиф заметил, что в денежных делах он не согласен использовать указанный параграф.

Как бы то ни было, но начальник генерального штаба решил добиться осуществления намеченных мероприятий.

3 октября состоялся *совет министров*, на котором присутствовали: председатель — министр иностранных дел Берхтольд, оба министра-президента, три военных министра, три министра финансов, начальник генерального штаба и начальник морского флота.

Заседание открыл Берхтольд речью о внешнем положении, обрисовав его не исключающим в будущем вооруженного конфликта, и признав необходимым принятие мер к усилению вооруженных сил до границ экономической мощи и особенно по усилению южной и юго-восточной границ.

После обмена мнений о внешнем положении совет перешел к обсуждению военного бюджета. Военный министр Корбатин, ссылаясь на усиление соседями вооруженных сил, указал на необходимость усиления боевой готовности таковых и в монархии. Военные требования сводятся: 1) к усилению штатного состава пограничных корпусов; 2) новым формированиям в ограниченном числе; 3) к организационным мерам по повышению штатов некоторых частей, а главным образом к развитию артиллерии. В то же время он отметил, что *принято во внимание возможно меньшее обложение населения*.

Начальник генерального штаба указал на недостаточность сил в военное время.

Главным оппонентом выступил министр-президент Венгрии Стефан Тисса, который начал с того, что указал причины *отсталости* Австро-Венгрии в развитии вооруженных сил, борьба за что ведется с 1888 года, т.-е. в течение 25 лет. Причины эти кроются в недостаточных *финансовых и хозяйственных возможностях* страны, из которых всегда и следует исходить. Если бы таковые были перенапряжены, то это принесло бы один вред. Однако, он вполне согласен с тем, что усилить военную мощь страны необходимо, а потому переходит к детальному рассмотрению выдвинутых требований. Не возражая против развития артиллерии и технических войск, он признает необходимым усиление пограничных корпусов только в Галиции. Что же касается усиления штатного состава роты на 5 человек, то Тисса считает значение этого мероприятия преувеличенным, а, между тем, оно вызовет напряжение финансовых средств. Не нужно забывать, что *финансовое и экономическое* благополучие государства необходимо для войны так же, как *боевая готовность* вооруженных сил. Тисса подробно разбирает значение выдвинутой меры и доказывает, что оно выявится не ранее как через 10 лет, срок очень долгий. На замечание военного министра, что реформу можно растянуть на 5 лет, так что увеличение кредитов будет только на 40 милл. крон в год, министр-президент ответил, что при трехлетнем сроке службы такое увеличение

контингента было бы понятно, но теперь, когда установлен двухлетний срок лишь только в 1912 году, входить в 1913—14 году опять с новым проектом кажется нецелесообразным. Венгерское правительство стоит за усиление мощи армии, но, чтобы входить с дополнительным увеличением контингента при трудных условиях парламентской борьбы, необходимо вернее оценить будущий ход событий, экономическое развитие страны, а равным образом, и другие важные нужды, как, например, постройка железных дорог в Боснии. Заводить речь о новом увеличении контингента без ухудшения внешнего положения трудно, к тому же это только побудит Италию к новым вооружениям.

Берхтольд заметил, что нет оснований расчитывать на ухудшение отношений с Италией на ближайшие годы. С политической стороны военные меры не могут быть обоснованы.

На это Конрад возразил, что *военные мероприятия не должны зависеть от временной политической ситуации.* Мы должны убедить соседей в спокойном развитии своих вооружений.

Представители *финансов* указали, что принятие военных требований ложится тяжелым бременем на финансы, которые испытывают это с 1909 года. С этого времени и до 1914 года сверх нормального бюджета уже ассигновано 1.200 милл. крон, не считая ассигнований по экстренным случаям, вызывавшимся политическими кризисами. Между тем, финансовое положение страны не из блестящих. Обе половины монархии имеют фонд всего лишь в 900 миллионов крон. Не нужно забывать, что *военной готовности* должна соответствовать и *финансовая готовность*, и поэтому представители финансов настаивают на сокращении требований и растяжке их на пять лет, как предложил военный министр.

В результате дискуссии кредит на боевое снабжение был урезан, деньги на гаубицы перенесены в бюджет 1915/16 г.г., что касается увеличения контингента по 5 человек на роту, то об этом дополнительно военный министр должен был договориться с обоими правительствами.

В дальнейшем были рассмотрены заявки на флот, который также просил увеличить кредит. Кредит не был уменьшен, но растянут по годам.

В обычном порядке 16 января 1914 года Конрад представил Франц-Иосифу последний перед войной свой мемуар за 1913 год, в котором изложил свои требования.

Для полноты картины мы считаем необходимым сравнить развитие контингента и военного бюджета Австро-Венгрии с другими государствами Европы.

Таблица № 19 показывает увеличение *контингента:*

ТАБЛИЦА № 19

Года	Австро-Венгрия		Германия		Россия		Франция	
	Числен.	Увелич.	Числен.	Увел.	Числен.	Увел.	Числен.	Увелич.
1911	137.570	—	271.000	6.000	455.100	- 1.500	243.000	- 9.000
1912	175.870	38.300	284.000	13.000	455.100	—	256.000	13.000
1913	200.402	25.032	356.000	72.000	505.100	50.000	445.000	189.000

Резкое увеличение контингента Франции в 1913 году об'ясняется введением 3-летнего срока службы. Что же касается остальных государств, то нужно признать, что монархия Габсбургов не отставала в развитии

своей армии, но, правда, по отношению к численности населения она не проявляла того военного напряжения, какое делалось другими странами.

За это же время военный бюджет в миллионах франков, как указано в таблице № 20, составлял:

ТАБЛИЦА № 20

Года	Австро-Венгрия	Германия	Россия	Франция	Италия
1912	587	1.647	1.924	1.217	648
1913	661	1.623	1.938	1.343	638

Таким образом, в то время как Германия, Россия и Италия удержались в 1913 году от повышения бюджета, Франция и Австрия пошли по пути усиления его, но если француз по своей платежеспособности мог выдержать тяжесть военного налога сравнительно легко, то на гражданина двуединой монархии налоговый пресс давил довольно сильно. На 1914 год этот налог должен был, по проекту военного министра и начальника генерального штаба, увеличиться еще более.

Мы слышали, как ответственные лица Австро-Венгрии оценивали ее финансовую и экономическую мощь. Она не скрывалась и в прессе: «Вооружайтесь, вооружайтесь», — призывал военный писатель, под псевдонимом «Кассандры», граждан монархии в своей статье «Вооружение Европы и Австрия». «Вооружайтесь для решительного боя. Балканы мы должны приобрести. Нет другого средства для того, чтобы остаться великой державой. Для нас дело идет о существовании государства, об избежании экономического краха, который, несомненно, повлечет за собой распадение монархии. Для нас дело идет о том, быть или не быть. Наше тяжелое экономическое положение может быть улучшено только тогда, когда мы приобретем Балканы, как исключительно нам принадлежащую колонию, для сбыта нашего промышленного производства, вывоза излишка населения. Вооружайтесь, вооружайтесь!! Приносите деньги лопатами и шапками, отдавайте последний грош, сплавляйте кубки и серебро, отдавайте золото и драгоценные камни на железо. Предоставляйте ваши последние силы на вооружение неслыханное, какого еще свет не видел, ибо дело идет о последнем решительном бое великой монархии. Дайте ружье в руки отрока и вооружайте старца. Вооружайтесь беспрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днем и ночью, чтобы быть готовыми, когда настанет день решения. Иначе дни Австрии сочтены».

Пуанкаре в своей книге «Происхождение мировой войны» пишет: «Ко всем политическим мотивам, которые толкали Австрию на рискованный путь войны, нужно прибавить и те финансовые затруднения, которые возрастали с 1912 года, благодаря вооружениям и повторным мобилизациям».

«16 декабря 1913 года, — продолжает Пуанкаре, — Дюмен, наш посол В Вене, писал нам: «Австро-Венгрия находится в тупике, из которого она не знает, как выбраться. Таким образом, ощущение, что народы двинутся к полям сражений, толкаемые непреоборимой силой, возрастает день ото дня. . . Мне кажется существенным отметить, что здесь пытаются приучить к мысли о всеобщей войне, как к единственно возможному средству поправить финансы, которые пришли в полное расстройство после военных, правда, бесплодных, напряжений, которые делались за последний год».

Таково было экономическое положение монархии Габсбургов, когда она должна была, по мнению начальника генерального штаба, снова нести жертвы на удовлетворение кровожадного бога войны. «Вооружайтесь, вооружайтесь!!» вслед за «Кассандрой» призывал Конрад, но... призыв встречал противодействие даже со стороны буржуазных политиков страны, справедливо отмечавших, что для военной готовности должна быть и финансовая готовность. У правительства ее не было, а даст ли денег население, понесет ли оно их шапками—сказать вперед нельзя было, так как внутренняя политика государства переживала «критические дни». Если, как мы видели выше, во время войны население государства отдало свои сбережения в руки правительства, то это превзошло ожидания как руководителей государства, так и других граждан, имевших то или иное отношение к экономической жизни страны. Это было последнее и страшное напряжение сил монархии, за которым последовал политический и финансовый крах, тем более губительный, чем большее напряжение было проявлено во время войны.

Мы приносим извинение, что так подробно останавливались на бюджетном вопросе и участии в нем генерального штаба, но считали это необходимым, так как вполне разделяем взгляд Энгельса, что «ничто так не зависит от экономических условий, как армия и флот». Исследователи службы генерального штаба обычно или обходят этот вопрос, или же рассматривают его мимоходом, между тем как военный бюджет составляет одну из основных работ военного ведомства, ту реальную основу, на которой только и могут быть осуществлены положительные, а не фантастические мероприятия по усилению и развитию боевой готовности вооруженных сил. Перед нами прошла картина тяжелых боев, которые приходилось вести начальнику генерального штаба Дунайской империи за ассигнование необходимых, по его мнению, денежных средств. Такие же бои приходилось выдерживать остальным генеральным штабам на пороге мировой войны. Не прекратились они и в наши дни, особенно там, где генеральный штаб не сочетает свои требования с экономическим состоянием страны или где правительство идет по ложному пути в развитии своей военной мощи.

ГЛАВА XV

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Экономика в эпоху кабинетных войн. — Влияние экономической силы на войну в эпоху Французской революции и Наполеона. — Стратегия сокрушения и стратегия измора. — Энгельс о роли полководца. — Клаузевиц о влиянии экономики на войну. — Значение войны 1870—1871 г.г. — Мысли Мольтке (старшего) о характере будущей войны и ее продолжительности. — Приход стратегии измора. — Шлиффен о характере и продолжительности будущей войны. — Ошибки Шлиффена. — Взгляды германского генерального штаба и политических деятелей Германии после 1905 года на продолжительность войны. — «Пророчества» Блиоха о будущей войне. — Современные потуги официальных историков Германии.

После мировой войны экономическая сила признается главным фактором в военном деле.

Нас интересует сейчас вопрос: как же такой решающий фактор войны, как экономика, был просмотрен, и в мировой войне воюющие стороны его влиянием были захвачены врасплох.

В эпоху *кабинетных* войн экономика несомненно также оказывала влияние на характер войны, но не являлась решающей данной, ибо, во-первых, техника стояла на низкой ступени развития, а во-вторых, малочисленные армии тех времен мало затрагивали население враждебных стран, пополняясь вербовкой и питаясь из магазинов.

Однако, и в те времена война ложилась своей тяжестью на население, которое обязано было пополнять войсковые магазины и давать правительству деньги на ведение войны.

И в те дни лучшее оружие способствовало достижению победы.

С эпохой кабинетных войн ныне связано *деление стратегии на два* вида: стратегию *сокрушения* и стратегию *измора*.

Признавая естественным такое деление, мы не можем углубляться в подробный разбор эпохи кабинетных войн и ее яркого представителя — Фридриха Великого. Должны только отметить, что этот полководец доходил до стратегии изнурения, по мотивам, несколько отличным от тех, кои довели до нее германских стратегов наших дней в мировую войну. Полководец времен кабинетных войн не мог свободно рисковать своей армией в таких решительных средствах, как сраженье, а поэтому прибегал к последнему, как к «рвотному средству». Известный историк Дельбрюк пишет про Фридриха Великого: «он, безусловно, жил в атмосфере взглядов стратегии измора, но на кульминационном пункте своей военной карьеры он так приблизился к полюсу решительного сраженья, что могло получится представление, будто он был сторонником стратегии сокрушения и, как таковой, являлся предтечей Наполеона... Чтобы действовать по принципам стратегии сокрушения, необходимы предпосылки, которых недоставало фридриховскому пониманию государства и армии. Фридрих шаг за шагом неизбежно отставал от требований стратегии сокрушения... Если же Фридриха правильно поставить в рамки и на почву стратегии измора, то получится живой и чудовищно великий образ».

Французская революция, выдвинув в поле массы, подкрепила их экономическим развитием страны. Всем известна та широкая организационная деятельность Конвента по поднятию и развитию военной промышленности Франции, которая и составила материальный базис для будущих побед армий революции и Наполеона.

Как ни заманчиво углубиться в исследование влияния экономической силы на военное искусство во времена Французской революции и Наполеона, но мы вынуждены воздержаться от этого. За нас это мастерски сделано Энгельсом, который из изучения этой эпохи пришел к выводу, что «вооружение, состав, организация, тактика и стратегия прежде всего зависят от достигнутой в данный момент ступени развития производства и от путей сообщения».

Маркс говорил, что «с изобретением нового военного орудия — огнестрельного оружия, необходимым образом изменилась вся внутренняя организация армии, равно как и все те взаимные отношения, в которых стоят входящие в состав армии личности и благодаря которым она представляет собою организованное целое; наконец, изменились также и взаимные отношения целых армий».

Так основоположники марксизма выявляли соотношение экономической силы и военного дела. Мы не будем подробно разбирать влияние экономики на войну в указанную эпоху, а попросим только вспомнить, что в зависимости от нового оружия и нового материала появилась новая тактика французов, а вслед за ней и новая стратегия — стратегия *сокрушения* Наполеона. Если вникнуть в те основания, которые вынудили корсиканца прибегать к громовым ударам, в стремлении в возможно короткий срок покончить войну, то в них найдем или непосредственное влияние экономической силы, или же производное от него. Франция, хотя восприняла «промышленный переворот», однако, не могла соперничать в развитии промышленности с Англией, стоящей на более высокой ступени развития производства. Но в Европе в экономическом отношении Франция шла впереди других государств. Сила последних покоилась на армиях, составлявших принадлежность династий, а отнюдь не народа. С разгромом армий династии с трудом могли или же совсем оказывались не в состоянии восстановить свои вооруженные силы.

Такое положение в Европе было до 1812 года, когда сначала в Испании, а затем и в Пруссии появились зачатки народных армий. До этого года Наполеон с успехом использовал стратегию сокрушения: один—два хороших разгрома вооруженных сил противника открывали для него двери к миру. С 1812 года в испанских войнах и в походе в Россию маленькому капралу пришлось встать лицом к лицу со стратегией измора. Правда, в те времена таких ученых терминов не знали, но факт остается фактом — стратегия громовых ударов не достигала цели, перед армиями Наполеона вырастали новые силы его противников и, наконец, под Ватерлоо закончил свою славную военную карьеру бог войны, ибо экономически истощенная Франция уже не могла дать ему новых легионов.

К сказанному следует добавить, что во времена восхода звезды Наполеона на полях Италии французская республика переживала тяжелый экономический кризис, казна была пуста, и выдерживать длительную борьбу революционным армиям становилось все труднее и труднее. Нужны были победы, завоевания территорий, чтобы за их счет поправить экономическое положение. Бонапарт понял это, и его итальянские походы оказались тем источником, из которого начали переливаться финансы богатых областей в пустой денежный ящик республики, давая возможность продолжать и начинать новые войны.

Французская революция выкинула лозунг: «война кормит войну», т. е. армия живет на местные средства. Если поближе взглянуть на походы

армий революции, армий Наполеона, то в чистом виде этот принцип никогда не применялся, и французские армии не теряли связи со своей страной. Из нее они черпали, главным образом, пополнения в людском составе и в материальной части. Мы отнюдь не хотим Наполеону приписывать такую экономическую подготовку к войне, как ее понимаем ныне, но что маленький капрал никогда не упускал из виду экономического развития Франции и других занятых областей, видя в них основание своих побед,— это тоже является историческим фактом. Считают, что после 1807 года военный гений Наполеона пошел по нисходящей линии, но приблизительно с этого года началось и экономическое истощение Франции. В этом нужно искать причины дальнейших неудач Наполеона, гений которого оказался бессильным при ослаблении экономической силы республики и против нового солдатского материала, появившегося у противников.

Рассматривая роль полководцев в развитии военного искусства, Энгельс говорит так: «Каждый великий полководец, который посредством новых комбинаций создает эпоху в военной истории, или же находит сам новые материальные средства, или дает новое применение материальным средствам, имевшимся до него». Наполеон использовал развитие производительных сил времен Французской революции. «Делающая эпоху в военном деле заслуга Наполеона, — говорит Энгельс, — состоит в том, что для созданных уже колоссальных армий он нашел единственно правильное стратегическое и тактическое применение и сделал это настолько хорошо, что даже лучшие современные генералы в своих самых ловких и талантливых операциях стремятся только копировать его».

Если мы указали, что в эпоху кабинетных войн «армии старых монархий, по словам Дельбрюка, были слишком малы, тактически слишком беспомощны и по своему составу слишком неблагонадежны, чтобы иметь возможность проводить эти принципы (сокрушения; *Б. Ш.*) в своей стратегии», то «Наполеон увидел себя освобожденным от этих оков, он с самого начала возложил все свои упования на тактическое решение, которое должно вывести из игры действующие неприятельские войска, а затем развивал победу, пока противник не подчинялся его условиям».

Говоря о том, что «Наполеон доводил свои войны до конца не только победами, но и путем политики», — Дельбрюк приходит к выводу, что «в самых сокровенных глубинах своего существа, Наполеон представлял гораздо более *государственного человека, чем воина.* Ни в молодости, ни позднее он не посвящал свое внимание занятиям ни военной историей, ни военной теорией».

Иными словами, Наполеон был «мужем государственным», который хорошо учитывал рост производительных сил, отлично был ориентирован в экономическом развитии как Франции, так и соседних стран. Дельбрюк приписывает появление «новой стратегии» «гению Наполеона», но мы становимся на сторону Энгельса, видевшего в Наполеоне лишь человека, который «нашел единственно правильное стратегическое и тактическое применение» своим армиям. «Новая стратегия» была продуктом экономики Франции, которая давала основу победам Наполеона.

На этом кончаем с эпохой Французской революции и временами Наполеона.

Из приведенных выше взглядов Энгельса и Маркса видно, как глубоко влияние экономической силы на войну. «Организация и боевой метод армии, а вместе с тем успех и поражение последней оказываются зависящими от материальных, т.-е. экономических условий, от материала человеческого и от оружия, следовательно, — от качества и количества населения и от техники», — в другом месте поясняет Энгельс.

Поэтому некоторые с удивлением останавливаются перед фактом отсутствия указаний на взаимоотношения экономики и войны ни у кого иного,

как у поэта наполеоновской стратегии, у *философа войны* Клаузевица. В своем труде «Ведение войны и политики» Людендорф подмечает этот недостаток стратега германской школы, указывая, что и в его времена экономика имела большое значение. Если последний вывод Людендорфа верен, то первый подлежит корректированию. Мы не хотим философу войны прививать «монистического» взгляда на военное дело, но отрицать за «гегельянцем» правильный учет в войне экономической силы нельзя. Известно, что Клаузевиц относил войну к явлениям общественной жизни и настолько материализировал ее, что сравнивал с банкирским домом. «Война расплывается во все почти стороны, не находя себе определенных рубежей» — говорит Клаузевиц, понимая под этим проникновение войны во все области жизни воюющих сторон. Мы слышали ранее, в какой зависимости должны находиться война и внутренняя политика в понимании Клаузевица. Ничем иным определял он характер войны, как внешней политикой, и выдвигал два вида войны, что ныне мы называем стратегией сокрушения и стратегией измора. Современник Наполеона — Клаузевиц, был далек от безоговорочного признания одной стратегии сокрушения, как раз навсегда установленного метода действий.

«Никто не начинает войны (или, по меньшей мере, действуя разумно не должен бы начинать), не сказав себе: чего он желает достичь войной и чего в самой войне. Первое — это цель войны, а последнее — цель, поставленная войне. Эта основная мысль дает всему направление, указывает размер средств и меру энергии; влияние ее нисходит и до последних расчленений действий».

Указывая далее, что война может быть «абсолютной» (решительной, крайне напряженной) или же «удаленной от нее более или менее», Клаузевиц находит необходимым, чтобы «первое понимание, как коренное, клалось везде и всюду в основание, считая другое только видоизменением первого, оправдываемым особыми данными обстоятельствами».

Признав два вида войны, Клаузевиц говорит, что «теория требует, чтобы перед любой войной прежде всего, на основании вероятности, распознавать ее характер и общее в крупном очертании, принимая за основание величины политические и обстановку».

«Целью войны, согласно сути понятия о ней, должно быть низвержение противника, — учит Клаузевиц. — Это основное понятие, из которого мы исходим» и «все, что теория может тут сказать, будет следующее. Дело в том, чтобы зорким взглядом окинуть самые выдающиеся соотношения обоих государств. В них отыщется известный центр тяжести, центр силы и движения, от которого зависит все целое. На этот центр тяжести противника должен быть направлен совместный удар наших сил».

«Где бы ни находился центр могущества противника, на который мы должны действовать, — продолжает он, — во всяком случае, разгром его боевых сил будет хорошим началом и существенной частью дела».

Говоря о силах и средствах, необходимых для войны, Клаузевиц понимает под ними «собственно силы боевые, далее страна с ее простором и населением, наконец, союзники», добавляя, что «вся поверхность страны с ее населением служит источником боевых сил». Определение Клаузевицем сил на этом не останавливается, а идет далее. «Сила вооружается открытиями науки и изобретениями искусства для того, чтобы побороть другую, враждебную себе силу» — заключает он.

По мнению философа войны, силы и средства должны быть соразмерные с той целью, для достижения которой они назначены. «Итак, — говорит он, для того, — чтобы ознакомиться с размерами средств, которые нужно заготовить для войны, приходится определить политическую ее цель, как свою, так и цель противника; равно и обоюдные силы государств

и внутренние в них отношения; далее характер правительств, народов и способности обоих; наконец, политические связи с другими государствами и влияние на них предстоящей войны».

«Не трудно понять, что решительно невозможно одним лишь школьно правильным обсуждением взвесить и одолеть все эти различные и разнообразные взаимно переплетенные предметы».

«Итак, приходится признать прежде всего то, что определение возможной цели предстоящей войны, а равно и средств, потребных для ее достижения, может быть выведено общим взглядом на все соотношения, включая все самые частные черты в данное именно время. Такой вывод, как и все прочие на войне, никогда не может быть чисто об'ективен; он, напротив того, будет носить отпечаток душевных и умственных свойств, равно как и качеств правителей, мужей государственных и полководцев, независимо от того, будут ли звания эти разделены или соединены в одном лице».

Так поучает Клаузевиц. Мы не слышали от него слова «экономическая сила», а, наоборот, в угол всего им ставится «политика», ибо в те времена «промышленный переворот» еще не выявился во весь рост и «политические причины» были более заметны, нежели изменения в экономическом развитии.

Считаем, что суть не в этом, а в существе теории философа войны. Прежде всего он предлагает определить «центр тяжести», «центр силы и движения, от которого зависит все целое» и под таковым не всегда разумеет армию противника. Мы видели, что при Наполеоне она была им преимущественно, но с развитием техники этот центр тяжести перемещается в область экономической жизни противника. Для своего времени Клаузевиц советовал вникать во «все соотношения, включая все самые частные черты в данное именно время» и обязывал руководителей войной правильно уловить их и оценить, чтобы найти «центр могущества противника». Наконец, у того же Клаузевица мы находим и значение техники для силы армии, а как «источник боевых сил» — является «вся поверхность страны с ее населением».

Если Людендорф ждал от Клаузевица современного толкования влияния экономических условий на войну, то можем только отметить, что он, бывший военный диктатор Германии, не вышел и ныне из «школьно правильного» понимания теории философа войны.

В первой половине XIX века на полях Европы не происходило больших войн, а развитие промышленности шло крупным шагами вперед.

Разыгрались войны 1855—1859 года, 1866 года, которые уже передавали победу стороне, обладающей более совершенным оружием и развитой техникой. Так, ход истории привел к войне 1870—71 г.г., проведенной Мольтке по правилам стратегии сокрушения, как некогда в эпоху Наполеона.

Хотя на боевых полях появились массовые армии, организованные на основе всеобщей воинской повинности, выступил на борьбу «вооруженный народ», но связь его с тылом, со своей страной была слаба. Мы слышали суждения Энгельса, что в Германии еще много оставалось «здоровых парней» и что война мало затрагивала страну, которая жила обычной жизнью, и если где и сокращались промышленное производство и торговля, то отнюдь не по причине военных действий.

В своей книге «Ведение войны и политика» Людендорф указывает, что Франция, признав себя побежденной, не исчерпала всех своих сил и средств к сопротивлению, равно как и Германия не прибегала к особому напряжению страны, спокойно поддерживавшей связь с заграницей. Война была проведена и закончена теми силами и средствами, которые были

приготовлены в мирное время. Сражения были редки, потери в боевых запасах незначительны. Техника не играла никакой роли. О таком напряжении народа, какое потребовалось в мировую войну, не могло быть и речи. Промышленное ведение войны было неизвестно. Страна мало чувствовала на себе войну 1870—1871 г.г., которую армия вела своими силами и средствами.

Много правды в суждениях Людендорфа, но есть и ошибки. Война 1870—1871 г.г. для пытливого военного ума уже являлась источником, предостерегающим о новом характере войны. Под влиянием техники изменился боевой порядок и, таким образом, сказать, что техника не играла никакой роли, нельзя. Новое оружие требовало большого расхода патронов и снарядов, и известный нам Краусс сообщает, что та же война 1870—71 г.г. выявила недостаточную норму обеспечения боевыми запасами, установленную в германской армии.

Самое же главное, что война 70—71 г.г. предопределяла собой приход стратегии *измора*. По-«наполеоновски» разгромив регулярные армии Франции, Мольтке оказался лицом к лицу с вновь сформированными армиями французов, и не приходится скрывать, что для продолжения войны, если бы правительство республики не пошло на капитуляцию, германской армии не хватило бы ее резервов и мобилизационных запасов, заготовленных для войны. А. Свечин «армии Гамбетты» считает «вторым эшелоном», с которым «пришлось возиться четыре месяца». Франция не была уничтожена, она была еще сильна экономически, и для победы потребовалось бы большее напряжение самой Германии. Второй период войны был хорошим предостережением для германского фельдмаршала, что и было им учтено. А. Свечин справедливо считает, что «этот опыт, как нам кажется, и лег в основу взглядов Мольтке на будущую войну Германии на два фронта, как на борьбу на измор».

Что касается взглядов Мольтке на значение экономической силы в военном деле, то, как всем известно, Мольтке придавал огромное значение развитию железных дорог, указывая, что это новое средство предопределяет и новый способ ведения войны, сходясь в этом с Энгельсом.

Затем: «Для ведения войны, по сравнению с прошлым, понадобились теперь еще новые вспомогательные средства. Теперь не обойтись без помощи науки и техники во всех их видах. Все должны действовать сообща, чтобы выйти победителями в великой борьбе народов».

Так учит Мольтке. «Но этого еще недостаточно, чтобы все эти силы соединились. Как в политике, так и здесь, — продолжает фельдмаршал, — коалиция будет всегда слабее суммы отдельных абсолютных сил... Поэтому для успешного ведения войны техника и наука должны быть не союзниками, но вассалами военного управления».

Мы не будем приводить взглядов Мольтке на значение железных дорог. «Счастлив тот народ, который своевременно изучит эту силу и все сословия которого поддержат в этом друг друга», — заявляет старый фельдмаршал.

Империалистический характер грядущих войн не ускользнул от внимания Мольтке, отметившего, что «в настоящее время приобрела влияние также и *биржа*, могущая призывать вооруженную силу для защиты своих интересов».

Доказывая необходимость хорошо подготовленной армии для ведения войны, фельдмаршал предопределил *характер и продолжительность будущей войны*. «Если война, — говорил в 1890 году в рейхстаге старый фельдмаршал, — которая уже свыше десяти лет висит над нашими головами, как Дамоклов меч, если эта война, наконец, вспыхнет, то *никто не сможет предугадывать ее продолжительность и ее конец*. В борьбу друг с другом вступят величайшие европейские державы, вооруженные как

никогда. *Ни одна из них не может быть сокрушена в один или два похода так, чтобы она признала себя побежденной*, чтобы она была вынуждена заключить мир на суровых условиях, чтобы она не могла воспрянуть и возобновить борьбу... *Это, может быть, будет семилетняя, а может быть и тридцатилетняя война* и горе тому, кто воспламенит Европу, кто первый бросит фитиль в пороховую бочку» (курсив наш; *Б. Ш.*).

Таким образом, опыт войны 1870—71 г.г., а затем учет новейших факторов — биржа, как распорядитель войной, и влияние войны на государственное хозяйство, приводят Мольтке к выводам о грядущем характере войны *на измор и значительной продолжительности ее.*

В другом месте он указывает: «допустим, что не повторится ни тридцатилетняя, ни даже семилетняя война. Но тем не менее, когда целые миллионы людей станут друг против друга в ожесточенной борьбе, едва ли можно полагать, что дело решится несколькими победами».

Так ясный ум старого фельдмаршала предвидел приход стратегии измора в ведении войны, отказываясь от тех методов, кои дали ему неувядаемую славу.

Нам, кажется, что если быть последовательным, то позволительно спросить, как же в течение 7-летней или 30-летней напряженной войны Мольтке думал обеспечить боевое снабжение армии при помощи заранее заготовленных боевых запасов и сколько их понадобилось бы. Повидимому, без использования всей промышленности страны обойтись было бы нельзя. «Только на собственной силе зиждется судьба каждой нации», — говорит Мольтке. Как хотел использовать он эту силу — для нас неизвестно — старик унес с собой в могилу эту тайну.

Однако, в назидание своему генеральному штабу он оставил вполне определенное суждение о напряженном характере войны, продолжительности ее, о невозможности несколькими победами решить участь войны до тех пор, пока не будет сломлена экономическая сила противника.

Использовать это наследство, а не сдавать его в архив — являлось уже делом генерального штаба.

С началом 90 годов прошлого столетия Германия вступила на путь империалистической политики, ибо ее производительные силы росли с каждым днем, равно как быстро шагали по пути промышленного прогресса и другие государства Европы, будущие враги серединных держав.

Казалось бы, что следовало прислушаться к словам Мольтке о характере и продолжительности войны. Но «его гениальный наследник, генерал-фельдмаршал граф Шлиффен, — пишет Риттер в своей «Критике мировой войны», — стал на прямо противоположную точку зрения, говоря: «*долго длящиеся войны в настоящее время*, когда существование наций основано на непрерывном прогрессе торговли и промышленности, *невозможны*; быстрым решением остановленный ход должен быть вновь возобновлен» (курсив наш; *Б. Ш.*).

Делая далее натяжки в оправдании Шлиффена, что с военной точки зрения последним война учитывалась, как довольно продолжительная, Риттер не может скрыть, что «*возможность продолжительной европейской войны*, сама по себе находившаяся в абсолютной связи с чисто военными условиями, *начисто отрицалась начальником генерального штаба по причинам экономического характера*». Исходя из превосходства германской армии в первый период войны, Шлиффен выдвинул свои «Канны», как метод проведения стратегии сокрушения. «Однако, из того соображения, что для Германии нужно было закончить войну как можно скорее, не должна была вытекать склонность не придавать значения фактам, которые говорили за большую продолжительность войны, или, по крайней мере, не доискиваться таковых».

«В действительности же было именно так, — продолжает Риттер. — Германский генеральный штаб не готовился к длительной войне. Этим самым он поставил на карту все, на карту неудержимого стремления к победе германской армии во всем ее превосходстве духа, знаний, боевой подготовки и командования. Расчет был построен на зыбкой почве».

В ложной оценке влияния экономической силы на войну сказался весь «гений» Шлиффена как «мужа государственного». Современные нам немцы сожалеют, что Шлиффену не удалось провести мировую войну, — мы тоже скорбим об этом, ибо тогда «гений» расплатился бы за свою ограниченность, познав ее на собственной спине. Получив от Мольтке в наследство правильную ориентировку, новоявленный «гений» решил быть самостоятельным в суждениях, делая выводы из области, повидимому, довольно ему чуждой.

Однако, экономическое развитие производительных сил настолько шло вперед, что с 1905 года (год ухода в отставку Шлиффена) в том же германском генеральном штабе возникает мысль об экономической подготовке войны, а именно: о заготовке продовольственных средств для войны и образовании экономического совета при прусском военном министерстве, или учреждении особого «экономического генерального штаба».

В известном уже нам труде «Ведение войны и политика» Людендорф указывает, что предположение генерального штаба не было осуществлено, так как расчитывали сохранить всегда связь с Румынией и Америкой, откуда подвоз продовольственных средств обеспечил бы потребность в них. Если в финансовом отношении подготовка была проведена, то в экономическом отношении это осуществлено не было, и Людендорф находит, что генеральному штабу следовало быть более настойчивым.

В книге «Война и народное хозяйство» Артур Дикс пишет: «Только в последнее пятилетие перед войной появилась (в Германии; *Б. Ш.*) обширная экономическая литература, которая разрабатывала вопросы хозяйственной подготовки войны в целом». Говоря о своей книге в этой области, вышедшей в 1909 году, Дикс отмечает, что в ней он «указывал на необходимость учреждения постоянного экономического совещания при военном министерстве».

«Это предложение,—продолжает он,—впоследствии дополненное и развитое в других моих статьях, встретило благоприятный прием в Большом генеральном штабе, и в издаваемом им журнале в июле 1913 года была помещена моя статья об экономической подготовке к войне».

«В Большом генеральном штабе преобладало, к сожалению, мнение, что практическая работа по хозяйственной подготовке к войне должна находиться в ведении высшего органа военного управления—прусского военного министерства; последнее же, с своей стороны, считало, что это дело гражданских властей, в частности—имперского министерства внутренних дел. Министр же внутренних дел относился к этому вопросу отрицательно, и еще в мае 1914 года сделал заявление, что он не видит надобности в особых хозяйственых приготовлениях к войне».

«К действительной всесторонней хозяйственной подготовке Германии к войне не было приступлено и летом 1914 года... военно-хозяйственный совет для общей мобилизации народного хозяйства и рынка труда не только не был учрежден, но организация его, как уже было указано, в конце мая 1914 года была категорически отклонена имперским министерством внутренних дел».

Как выше было отмечено, Людендорф признает, что в германском генеральном штабе не было «настойчивости» в экономической подготовке к войне, в создании особого «экономического штаба». Причины отсутствия такой «настойчивости» мы прежде всего видим в том, что герман-

ский генеральный штаб расчитывал «сокрушением» выиграть войну, следовательно, окончить ее в короткий срок.

«Эта война,—говорил своим сотрудникам перед от'ездом на фронт военный министр Фалькенгайн—*продолжится самое меньшее* $1^1/_2$ *года*». Вот та продолжительность войны, которую намечал будущий адепт стратегии измора Фалькенгайн, оставивший еще до сих пор по себе у большинства немцев печальную память.

Нельзя, конечно, сказать, что значение промышленности для ведения войны не учитывалось генеральным штабом.

Как ни мало отвечал своему назначению Мольтке (младший), но, по словам того же Людендорфа, он проявлял особые заботы по защите промышленных областей Германии в случае войны и изменил даже план «гениального» Шлиффена, назначив больше сил для прикрытия Эльзаса и Лотарингии. Кое-кто из современников ныне ставит это в большую вину бывшему начальнику генерального штаба, но сам Людендорф смотрит на это иначе, полагая, что с захватом противником, хотя бы временно, промышленных областей Германия была бы не в состоянии выдержать войну в течение того времени, какое она фактически вела.

Бывший статс-секретарь Германии *Гельферих* в своих воспоминаниях отмечает хорошую финансовую подготовку к войне и полное отсутствие того же в экономической области. Отдавая должное германской промышленности и народу, показавшим в нужде высокое напряжение, Гельферих об'яснение этому находит в утвердившемся мнении как в военных, так промышленных и хозяйственных кругах, что будущая война по своему характеру будет непродолжительной и поэтому всякие разговоры об экономическом генеральном штабе так и остались одними разговорами. «Я думаю, никто в Германии не может сказать, что он считался при начале войны с такой ее продолжительностью и с такой тесной блокадой. Соображения, что современная война будет *кратковременной, были господствующми* в военных и экономических кругах», — говорит Гельферих и в подтверждение приводит свою беседу в ставке в ноябре 1914 года, в которой верховное командование высказывало определенную мысль закончить войну к концу 1915 года. Даже в апреле 1915 года верховное командование оставалось еще убежденным в окончании войны через несколько месяцев.

Сама мировая война лучше нас, конечно, опровергла все гадания германского генерального штаба о продолжительности войны и влиянии на нее экономической силы. Современная критика генерального штаба после времени была бы несправедливой. Мы слышали от Гельфериха, что в Германии даже экономисты не верили в продолжительный характер будущей войны. Вполне понятно, что для современных немцев являются «пророческим откровением» некоторые места из упоминавшегося нами коллективного труда Блиоха: «Будущая война», появившегося в 1898 году, т.-е. как раз в то время, когда «гений» Шлиффена тоже «пророчествовал» о характере и продолжительности будущей войны.

В одном из томов Блиоха написано: «прежде всего, нам пришлось отметить тот факт, что большинство военных писателей, как специалисты, обращают главное внимание на технические условия дела, смотрят на будущую войну и на планы действий лишь с точки *достижения целей войны средствами уничтожения армий противника оружием, экономические же и социальные потрясения, которые явятся с минуты мобилизации, а также и последствия войны, если ими и обсуждаются, то лишь как нечто второстепенное*».

«Между тем, взвешивание только одной военно-технической стороны хода и результатов операций совершенно недостаточно. В противопо-

ложность тому, что происходило в предшествующих войнах, *будущая война, по всем вероятиям, прекратится не вследствие того, что большее или меньшее число крупных побед над армиями будет одержано одной из сторон, но по причине разложения военного аппарата, вследствие именно влияний экономических и социальных*».

«Современные миллионные армии не могут уже, как было прежде, питаться и снабжаться всем необходимым преимущественно из местных средств. Армии будут в состоянии действовать лишь при том условии, что постоянно будут снабжаться из базисов, расположенных внутри самих их стран».

«Недостаток средств или хотя бы только невозможность своевременно доставлять их, вследствие перерыва сообщений или плохо устроенной администрации, вызвали бы в армии, при настоящей ее численности, голод и лишения, которые противника ее привели бы к цели с меньшей опасностью и скорее, чем действие оружием. В виду этого в будущей войне у одних наций после попыток к решению спора оружием, которые будут стоить слишком значительных жертв, у других—в силу их уверенности в каких-либо преимуществах организации, могут явиться расчеты решить участь войны посредством *истощения* средств своего противника, употребляя оружие уже только как *вспомогательное* средство».

Придя к таким выводам о продолжительности будущей войны, вследствие большого влияния, оказываемого экономической силой, анонимный автор «Будущей войны» невольно задавался вопросом: ведется ли в государствах промышленная и хозяйственная подготовка к войне.

«Общие планы операций для войны с тем или другим противником, несомненно, выработаны в главных штабах всех армий,—так значится в «Будущей войне». — В этих планах, по всей вероятности обозначено, по примерному расчету, и время, какое может потребоваться для достижения той или другой цели. Но позволительно сомневаться, чтобы в этих планах были достаточно приняты во внимание условия *экономические*».

«Нам случалось несколько раз говорить об этом предмете с бывшим французским морским министром (впоследствии президентом совета) Бюрдо, человеком выдающихся способностей. Он прямо признался, что во Франции в то время, когда военным министром был Фрейсинэ, предположено было предпринять составление расчета тех экономических условий, какие бы сопровождали войну, но что предположение это было оставлено, вследствие *оппозиции военных сфер*».

«К участию к такого рода исследованию пришлось бы пригласить и *экономистов, что не могло бы остаться тайной*. А между тем, ни о чем подобном не было слышно. Даже если бы официальное исследование и не было доводимо до каких-либо окончательных определений, то уже самое выяснение и сопоставление всех, связанных с войной экономических явлений и условий, могло бы побудить к более осторожному ведению международных переговоров по таким вопросам, из-за которых может возникнуть война; в крайнем случае, если бы она сделалась неизбежной, то стороны вели бы ее *с полным сознанием ее экономических последствий*, а не с закрытыми глазами, как то, в большинстве случаев, бывало доселе».

Германский генеральный штаб может утешаться, что и остальные «мозги армий» также отличались консервативностью во взглядах на характер будущей войны и не шли на сделанные им «штатскими» людьми предложения по причинам сохранения тайны. Последняя едва ли бережно хранилась французским генеральным штабом, а вред от отсутствия экономической подготовки войны был большой.

Мы не верим во всевозможные «пророчества», и приведенное выше суждение экономистов о характере и продолжительности будущей войны относим исключительно к продуманному учету экономической силы и ее влияния на войну.

Сказанное нами о двух видах стратегии, конечно, и до мировой войны не было секретом. Как известно, гражданский профессор Дельбрюк, выступивший с проповедью стратегии измора, был яростно атакован германским генеральным штабом еще задолго до мировой войны. Нельзя сказать, что эта атака кончилась еще и ныне.

«Изуверы» стратегии сокрушения были сильны не только на берегах Шпрее, но и в остальных государствах Европы, числя в своем лагере много выдающихся военных умов. В доказательство правоты своих положений они подводили под стратегию сокрушения тот же самый экономический базис, из которого исходил и Дельбрюк.

А. Свечин справедливо пишет, что «все генеральные штабы всех государств организовали всю подготовку к мировой войне, исходя из непоколебимой веры в стратегию сокрушения, испытали жесточайшее разочарование; в течение самой войны они не могли ориентировать свое мышление, искусственно односторонне воспитанное, в действительных условиях войны на измор».

Должны отметить, что и *после* войны, спустя 10 лет, составители истории мировой войны в Германии под маркой «Государственного архива» не хотят признать допущенной ошибки в определении характера прошедшей войны.

В первом томе «Истории рейхсархива», посвящая главу «продожительности войны и экономике», историки с берегов Шпрее доказывают, что Германия не могла долгое время существовать на свои средства как в продовольствии, так и в запасах сырья для промышленности. Нельзя было долго оставаться без связи с внешним миром, так как в противном случае был бы подорван дух народа. «В этих видах,—пишет «история»,—все ответственные государственные учреждения, равно как и хозяйственные, были одного мнения, что в случае войны необходимо добиваться решения как можно скорее. Также и по экономическим причинам нужно было скорее достигнуть победы».

Забыт был старик Мольтке с его пророчеством о характере и продолжительности мировой войны, не говоря уже о Клаузевице, имя которого, хотя и вспоминалось с почетом, но как традиция. Дух же учения этого философа войны в своей основе был чужд германскому генеральному штабу, вывернувшему наизнанку и самого Фридриха Великого.

«Может ли быть что-нибудь более удивительным,—писал Дельбрюк,—чем то, что через сто лет после Фридриха прусский генеральный штаб перестал понимать его стратегию... Но, как это ни удивительно, это все же остается фактом»...

Ныне мы снова стоим перед знаменательным фактом, когда сошедший со сцены германский генеральный штаб, в лице своих остатков — архивных людей, «перестал понимать стратегию» не только эпохи Фридриха, но и наших дней.

Так силен мираж «сокрушения»...

ГЛАВА XVI

ЭКОНОМИКА И ВОЙНА

«Первичное» в войне.—Характер войны.—Положение Клаузевица.—Ошибки в определении характера мировой войны.—Кто определяет характер войны и применение стратегии сокрушения или стратегии измора.—Характер войны и экономика.—Характер будущей войны.—Подготовка войны на экономическом фронте.—Экономический план войны.—Запасы сырья.—Финансовая подготовка.—Транспорт.—Мобилизация гражданской промышленности.—Экономическая мобилизация.—Руководство подготовкой войны на экономическом фронте.—«Экономический генеральный штаб».—«Интегральный генеральный штаб».—Органы государства, а не генерального штаба, руководят подготовкой к войне на фронтах экономическом и политическом.—Задачи генерального штаба в экономической подготовке к войне государства.—Военный план снабжения армии.—Участие в нем генерального штаба.—Деятельность Конрада в военном снабжении австро-венгерской армии.—«Реальный» план снабжения армии.—Военный бюджет.—Его определение до мировой войны и ныне.—Военный бюджет и численность армии.—Военный бюджет и стоимость войны.—Соответствие военного бюджета хозяйственной жизни государства.—Генеральный штаб—«ростовщик».—«Бюджетная численность» вооруженных сил.—Военный бюджет и режим экономии.—Соотношение основных элементов вооруженных сил и военный бюджет.—Рассрочка военного плана по годам.—Составление и утверждение военного бюджета.—Роль в этом генерального штаба.

Жестокие уроки мировой войны подтвердили полностью положение Маркса и Энгельса, что *«первичным» в общественных* отношениях, следовательно, и *в войне*, является *экономическая* сила.

Более исчерпывающе выявить влияние экономической силы на войну, чем это сделано Энгельсом, трудно. «Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия прежде всего зависят от достигнутой в данный момент ступени развития производства и от путей сообщения»,—говорит основоположник марксизма.

Как известно, все эти вопросы, в своей основе, составляли круг ведения генерального штаба, а потому при их решении правильный учет роста производительных сил почитаем необходимым.

Для разрешения всего этого сначала, как то советует Клаузевиц, должен быть определен *«характер будущей войны и общее в крупном очертании»*. От правильного прогноза в этом отношении во многом будет зависить успех или поражение. На примере германского генерального штаба мы проследили, как ошибка, сделанная Шлиффеном, привела к чрезмерному напряжению, которое стране пришлось вынести, не будучи к этому подготовленной, и закончить войну поражением. Точно также и в Австро-Венгрии не было сделано правильного учета характера будущей войны. Не можем с уверенностью сказать, на какую продолжительность войны расчитывал Конрад, но едва ли более длительную, чем предполагал его коллега по генеральному штабу в Берлине.

В своих рассуждениях мы сурово отнеслись к ошибочному определению характера мировой войны различными генеральными штабами. Причиной этого было неясное представление о достигнутой ступени

развития производительных сил, о накопленной враждебными государствами экономической силе и о степени влияния ее на войну. Трудно было и требовать от «полубогов» правильного решения вопроса о характере войны, ибо, как об'ясняет нам Риттер, «в мирное время генеральный (германский) штаб поддерживал только незначительные прямые сношения с гражданскими управлениями и должностями».

Такая замкнутость «черного духовенства» и была одной из причин его отсталости в вопросах современного состояния экономики.

Если Клаузевиц предупреждал, что война захватывает все области жизни, то после изменения характера войны уже во времена Мольтке (старшего) можно было бы притти к выводу, что руководство подготовкой и ведением самой войны не является уже делом одного генерального штаба. Ныне все согласно говорят, что это должно находится прежде всего в руках правительства. Только оно, взвесив все факторы экономического развития своей страны и стран вероятных противников, может правильно поставить *прогноз характера будущей войны*. Только одно правительство определяет применение стратегии *сокрушения* или стратегии *измора*.

Мы с удовлетворением прислушивались к поучениям гражданских участников совета министров Австро-Венгрии, которые предлагали начальнику генерального штаба в его денежных требованиях учитывать обстоятельства *внешней и внутренней политики* и ступени *экономического* развития монархии Габсбургов, справедливо отмечая, что для успеха одна военная готовность будет мало значить, если экономически страна не готова.

Ныне мы можем с полной определенностью сказать, что *характер* будущей войны определяется *экономикой*.

Кончилась мировая война, и мы снова на пороге грядущей войны, характер которой должен быть определен, дабы вести правильную к ней подготовку.

Читающему наш труд, конечно, известно, что немало страниц исписано по вопросу о характере будущей войны как в литературе, так и в официальных документах различных государств. Эта тема занимает умы всех, и сплошь да рядом стены различных аудиторий слышат доводы ораторов о том или ином характере будущей войны.

В виду критики нами бывшего генерального штаба, считаем себя обязанным внести и свое суждение по этому вопросу. Отнюдь не собираемся быть прорицателями и пророками, а отправной данной для наших рассуждений берем *экономическую силу*.

Ее развитие указывает нам: 1) на то, что будущая война неизбежно повлечет за собой экономическую борьбу, которой тыл будет захвачен не меньше, если не больше, чем фронт; 2) что экономическая борьба обострит происходящий процесс классового расслоения и может естественно войну перевести в революцию; 3) что развитие производительных сил даст в руки сражающихся новые средства борьбы, более смертоносные, чем применявшиеся в наши дни.

Нас вправе спросить, *к какому же виду стратегии* мы примыкаем. Не считаем нужным уклоняться от ответа.

Развитие экономической силы дает устойчивость стороне, вступающей в борьбу, обеспечивая ее и лучшим оружием.

Но то же развитие экономики заставляет нас вспомнить поучение Ленина, что очень *важно знать, какой класс ведет войну*, ибо разгорающаяся классовая борьба понизит обороноспособность государства, вступившего в войну.

Мы не собираемся быть «пророками» или «предсказателями», так как вполне согласны с А. Свечиным, что претендовать на это в области стратегии могут лишь «шарлатаны».

Своей обязанностью лишь считаем подчеркнуть, что вероятнее всего *будущая война примет характер борьбы на измор*, но в зависимости от размеров страны противника, от его внутреннего состояния, от развивающейся в нем классовой борьбы не исключена возможность и стратегии *сокрушения*. Давать рецептов отнюдь не собираемся, а «дело в том,—как говорит Клаузевиц, чтобы зорким взглядом окинуть самые выдающиеся соотношения обоих государств. В них отыщется известный центр тяжести, центр силы и движения, от которого зависит все целое. На этот центр тяжести противника должен быть направлен совместный удар наших сил».

Мы достаточно подробно развивали взгляды философа войны, повторять их здесь не будем, а предложим каждому, кто захочет подумать о характере будущей войны, поискать в каждом конкретном случае, где будет находиться «центр тяжести» противника, и на него направить «совместный удар наших сил», под коими нельзя ныне разуметь одни силы военные, но и политические, и экономические.

Слов нет, что разгром живой силы противника будет лучшим началом,—как о том говорит тот же Клаузевиц, но это «сокрушение» не знаменует в наши дни еще окончательной победы. Последняя может скрываться на иной «линии поведения». Для достижения успеха мы считаем необходимой полную гармонию «всех линий поведения», хорошую подготовку к войне на каждой из них.

Таким образом, не собираемся предсказывать ни «семилетнюю», ни «тридцатилетнюю» борьбу, а советуем быть готовым *к длительному и интенсивному* напряжению в будущей войне. Если для того, чтобы поколебать серединные государства в мировой войне по «причинам разложения военного аппарата, вследствие именно влияний экономических и социальных», как предсказывал Блиох, понадобилось 4 года, то в переживаемые нами дни этот срок может оказаться и меньше.

Экономическая сила и учет того, какой класс ведет войну—будут самыми верными путями в *определении характера будущей войны*, которыми мы и предлагаем следовать «стратегу»—«мужу государственному».

Выше нами показано, что перед мировой войной в Австро-Венгрии было сделано очень мало в смысле подготовки борьбы на экономическом фронте. Да и не в одной Австрии... То же было и в Германии, Франции и других странах. В Германии, правда, появилась даже литература и поднят был вопрос об «*экономическом* генеральном штабе». Во Франции на бумаге существовал «Национальный совет обороны», не функционировавший в действительности.

В наши дни, конечно, не приходится доказывать необходимость экономической подготовки войны, существования *экономического* плана войны. Это ныне осознано везде и всюду. Правда, нужно сказать, что от сознания до действительного осуществления — дистанция известного размера, которую перешагнуть еще не могут ни в одном государстве.

По размерам нашего труда не можем, конечно, развивать подробно теорию экономической подготовки войны.

Как было выше указано, определение характера будущей войны требует правильной оценки экономической мощи как своей страны, так и страны противника. Поэтому ясно, что в современных условиях органу, руководящему войной в целом, а равно и стратегу, необходимо быть в курсе всех этих вопросов. Иными словами, с одной стороны, в их распоряжении должны быть полные сведения о состоянии и развитии производительных сил своей страны, а с другой, приняты меры к широкой разведке того же у противника. Экономическая разведка ныне является столь же нужной и необходимой, как и сбор сведений об остальных элементах мощи и силы враждебного государства.

Нами указывалось, что начальник австро-венгерского генерального штаба был не в курсе экономики не только заграничных государств, но и монархии. Правда, мы также отметили, что и остальные политические деятели, вплоть до финансистов, ошиблись в определении платежеспособности Австрии, считая, что страна может выдержать войну только в течение 2 месяцев.

Экономический план войны должен предусматривать не только подготовку к войне армии и театра военных действий, не только содержать в себе «военную сторону», в смысле питания армии всем необходимым, но затрагивать вообще «экономическую линию поведения» государства во время войны. В плане должно быть предусмотрено развитие народного хозяйства страны, должны быть продуманы и подготовлены финансовая и экономическая мобилизация и транспорт.

Нами не раз указывалось, что *запасы сырья* в Австро-Венгрии были распределены неравномерно по территории государства, и развившаяся индустрия страны в этом встречала затруднения уже в мирное время. Конечно, органу, который бы ведал подготовкой к войне, над этим следовало подумать, но такового в монархии Габсбургов не было, а начальник генерального штаба так глубоко не вникал в развитие подготовки.

То же самое мы должны сказать и о *финансовой* стороне экономического плана, если бы он вообще существовал в те времена на берегах Дуная. Если в Германии в этом отношении были предприняты меры и начало войны дало устойчивость германской валюте гораздо бо́льшую, чем ее противникам, то в Австрии ничего подобного не было. Нами приводились показания Краусса об его предложениях «военных» денег, предложениях, кои не тронули косных мозгов генерального штаба и финансистов государства. Начальник генерального штаба даже заявил нам, что он не считает себя вправе и не компетентен оценивать финансовые возможности страны. Нельзя, конечно, признать правильным такое заявление «мужа государственного», получившего заслуженный упрек от других деятелей государства при обсуждении военного бюджета.

Мы не затрагивали вопроса подготовки *транспорта* к войне, так как осветим это в особой главе. Однако, здесь же нами были показаны мероприятия в этой области австро-венгерского генерального штаба. В этом мы обязаны отдать ему должное по заслугам. Транспорт, как важный фактор войны, учитывался всеми генеральными штабами, и в этом Конрад не был исключением.

Обращаясь к вопросу мобилизации *гражданской* промышленности для целей войны, ныне можно сказать, что ни одно государство перед мировой войной не учло всю важность такой подготовки страны. Пред'являть суровые в этом требования к начальнику австрийского генерального штаба нельзя.

Мы слышали, как он заботился о материальной подготовке армии к войне, как настойчиво указывал на необходимость накопления мобилизационных запасов, своевременного их сосредоточения и обеспечения производства на время войны.

Начальник генерального штаба, не получая данных о производительности военных заводов от военного министра, сам различными путями старался их иметь в своем распоряжении, устанавливал нормы продукции для военного времени, учитывал необходимость поддержки заводов заказами в мирное время, дабы сохранить на них нужную для войны квалифицированную силу.

Одним словом, мы не можем сказать, что со стороны Конрада не было заботы о подготовке *военной* промышленности на случай войны

обеспечения ее рабочей силой и даже сырьем для выработки нужной продукции.

Это упование на силы *одной военной* промышленности для питания войны обще всем генеральным штабам и военным управлениям перед мировой войной. Ныне, конечно, хорошо известно, что такой способ питания войны обеспечивает лишь на 10—15% ее нужды, а остальное должно быть перенесено на *гражданскую промышленность, мобилизующуюся с первых дней войны.*

Мы не вправе развертывать перед читателями полную картину всей подготовки и мобилизации гражданской промышленности, как она ныне нам мыслится. Алчущих этих познаний отсылаем к соответствующим трудам по этому вопросу, коих сейчас достаточно на всех языках.

Нам хотелось бы только отметить, что промышленная мобилизация должна быть тщательно подготовлена, увязана тесно с военными требованиями, т.-е. давать в нужных размерах то, что необходимо армии и что может быть ею использовано, а не с целью накопления запасов вообще. Отнюдь не должно быть «перепроизводства» «военного материала», как справедливо отмечает А. Свечин, ибо это ведет к перенапряжению промышленности, перенапряжению всей страны и ослаблению ее обороноспособности и сопротивляемости. «Большая программа Гинденбурга» в Германии во многом способствовала внутреннему кризису страны и капитуляции перед Антантой.

Мобилизация гражданской промышленности и подготовка к ней в наши дни является столь необходимой и столь важной работой, что изучение ее основных принципов, и даже деталей, должно быть хорошо известно каждому государственному деятелю и ответственному военному работнику, независимо от того является ли он частицей «мозга армии» или нет. Необходимо знать продолжительность промышленной мобилизации, способы ее проведения, обеспечение необходимыми чертежами, лекалами для постановки нового производства и обеспечение соответствующей рабочей силой вообще, а квалифицированной в частности, и т. д.

Те вопросы, которые возникали у начальника австрийского генерального штаба в отношении военных заводов, ныне должны быть отнесены ко всей промышленности страны.

Кроме мобилизации гражданской промышленности должна быть проведена вообще *экономическая мобилизация* во всей стране. Мы слышали от австрийских военных писателей, что этот вопрос совершенно не разрабатывался в Австро-Венгрии, да и не в ней одной. Ныне в теоретических трудах по стратегии мы читаем об «экономическом равновесии между городом и деревней», о необходимости продовольственной подготовки войны и т. д. 12 лет назад об этом не писали. Ценой тяжелого опыта доходят до истин, которые ныне являются откровением и кои в седые времена истории были хорошо известны деятелям страны, вступающей в войну.

На этом обрываем наше повествование о подготовке к войне экономики государства в целом, снова повторяя, что, несмотря на всю злободневность этого вопроса для наших дней, не можем пускаться в его детальную трактовку.

Мы остановим внимание читающего наш труд на том, *кто же должен руководить этой подготовкой страны.*

На протяжении нашего труда мы не раз выявляли свою точку зрения на руководство подготовкой к войне государства в целом и говорили, что ныне это составляет дело *«коллектива»*, дело правительства или же особо им созданного органа, что во всех странах или существуют раз-

личные «советы обороны», или же будут безусловно существовать с первых же дней войны.

Подобный орган, созданный до мировой войны во Франции, оказался «мертвым».

Как отмечалось выше, *до мировой войны ответственным за подготовку к войне, по военному законодательству, считался генеральный штаб и военное министерство.* Ни на какие другие государственные органы эта ответственность не распространялась, если не считать соответствующего обеспечения правильного хода мобилизации в смысле поставки людей, лошадей и повозок, за что было ответственно министерство внутренних дел с его органами, и соответствующего накопления денежных средств финансовыми органами государства. Экономическая подготовка сводилась к работе снабжающих органов военного ведомства, к усилению деятельности военных заводов и предприятий.

В этих рамках подготовка к войне и понималась генеральными штабами различных стран. Мы подробно ознакомили читающего наш труд с деятельностью в этом начальника австро-венгерского генерального штаба. Мы слышали, как Большой германский генеральный штаб, в принципе соглашаясь с необходимостью экономической подготовки к войне и существования для этого особого органа, не намерен был включать его в свои недра, сваливая на военное министерство; последнее, в свою очередь, находило нужным иметь его в составе министерства внутренних дел, которое окончательно отмахнулось от него. Такова «история» «экономического генерального штаба» до мировой войны.

Ныне в отношении значения экономической подготовки войны двух мнений нет,—всюду она признана важной и необходимой. Но что касается того, кому ей ведать,—существуют различные взгляды.

В главе о генеральном штабе и внутренней политике нами были приведены уже *две* точки зрения на руководство подготовкой к войне, имеющиеся в нашей литературе: П. П. Лебедева и А. Свечина. Если первый строит это на «*коллективном*» органе—«*мобилизационном комитете*», являющимся органом, цементирующим подготовку к войне, то А. Свечин возлагает подготовку к войне на «*генеральный штаб*».

В частности, в отношении экономической подготовки к войне в своем труде «Стратегия» А. Свечин говорит: «*Экономический* генеральный штаб» является отражением современного расширенного представления о руководстве войной. Если боевые задачи предстоят в течение войны не только на фронте вооруженной борьбы, но и на фронте классовом и экономическом, то необходимо заблаговременное создание *боевых органов*, ведающих подготовкой и подготовляющих себя к руководству соответствующим фронтом. Создание же боевого экономического штаба стоит в порядке ближайших мероприятий».

«Опыт прошлого показывает, что без особого боевого органа деятельность различных высоких вневедомственных органов по общей подготовке к войне может замереть»...

«Экономический генеральный штаб,—продолжает А. Свечин,—может быть немногочислен, но квалификация его должна стоять очень высоко. Мы полагаем, что частью он должен состоять из лиц, тесно связанных своей подготовкой и службой с Красной армией и получивших высшее военное образование, дополненное стажировкой в промышленности и отдельными работами военной экономики, а частью из выдающихся экономистов и техников с широким взглядом, специально разрабатывающих вопросы экономики, связанные с войной, и уделивших время для ознакомления с историей некоторых последних войн, стратегией и администрацией».

Может быть, читающему наш труд вспомнится Блиох с его советами до мировой войны о привлечении к работе в подготовке войны видных экономистов и социологов. Если в те времена «военные» не хотели допускать «штатских» к делу обороны страны из боязни разглашения военной тайны, то ныне, как видим, такое вхождение признается не только желательным, но даже и обязательным.

Для нас в данное время интересно определить место «экономического генерального штаба» в системе военного управления и государственного аппарата.

Ранее мы приводили мысли А. Свечина о генеральном штабе вообще, позволим ныне их напомнить.

А. Свечин говорит, что «для упорядочения гигантской работы по подготовке к войне требуется «коллектив». «Согласовать, гармонизировать подготовку, столь емкую, столь разнообразную, направляющуюся по стольким отдельным линиям, может только генеральный штаб»...

Таким образом, если мы правильно понимаем автора «Стратегии», то для подготовки к войне «*нужно не подобие парламента ведомств, отражающих все центробежные стремления, каким намечается мобилизационный комитет, а генеральный штаб*».

Иными словами, снова *руководство подготовкой к войне должно быть передано в генеральный штаб.*

Однако, генеральный штаб наших дней, как выяснено было ранее, не является полководцем былых времен, и если мы дошли до «интегрального полководца», то также подошли вплотную и к «*интегральному* генеральному штабу». Ныне наряду с «*оперативным*» генеральным штабом должен существовать «*экономический*» генеральный штаб, а так как война ведется и на политическом фронте, то, следовательно, появится и «*политический*» генеральный штаб. Но так как какой-нибудь орган должен будет увязать работу всех трех штабов, то необходимо существование «*сверхгенерального штаба*». Мы оговариваемся, что мысли эти наши, и отнюдь не хотим их приписать уважаемому автору «Стратегии».

Если «*оперативный*» генеральный штаб можно приравнять к прежнему «*мозгу армии*», то «*экономический*» и «*политический*» генеральные штабы должны составить, по нашему мнению, «*мозг страны*», а «*сверхгенеральным штабом*» *может быть только одно правительство.*

Мы не возражаем, что «агенты одного целого» — представители «оперативного» генерального штаба будут входить, и даже должны быть, в составе «экономического» и иных штабов для увязки работы, но присваивать «боевым органам», ведающим подготовкой к войне на фронтах «экономическом» и «политическом», наименования генеральных штабов мы бы воздержались.

Одним словом, мы считаем, что руководство подготовкой к войне на политическом и экономическом фронтах должно быть предоставлено *особым органам* государства, а не армии, и *отнюдь не генеральному штабу*, *хотя бы* и «*интегральному*». Генеральному штабу, как таковому, достаточно будет работы и в области оперативной подготовки.

Что должны собой представлять эти органы: «подобие ли парламента ведомств», как выдвигает это П. П. Лебедев, или же особые государственные органы, как это мыслится А. Свечину, — это вопрос другой. Мы считаем, что без «парламента ведомств» не обойтись, но наряду с ним должны быть и государственные аппараты, которые концентрировали бы в себе подготовку к войне на том или ином фронте, как делает это «мозг армии» на фронте военном.

Справедливо нам укажут, что если до мировой войны генеральный штаб был заинтересован в надлежащей подготовке войны в области снабжения

армии, то ныне он не меньше, если не больше, оказывается заинтересованным в подготовке к войне, в частности на фронте экономическом, всего государства в целом. Отнюдь не собираемся отрицать такую заинтересованность, ибо справедливо английский полевой устав возлагает на генеральный штаб «выбор такого образа действий, который с качеством подготовленной к войне вооруженной силы в кратчайший срок мог бы оказать на враждебный народ воздействие в желательном направлении». Но также справедливо тот же устав отмечает: «в виду того, что на план войны влияют различные соображения, касающиеся морских и сухопутных сил, воздушного флота и политики, ответственность за принятие, изменение или переработку этого плана падает на правительство, которое, одобрив план, в принципе берет на себя ответственность за обеспечение его выполнения необходимыми силами».

В общем и целом войну подготовляет, ведет ее и ответственно за успех или неудачу не генеральный штаб, а правительство государства, которое или само, или через особый орган (Совет обороны), цементирует подготовку на различных «линиях».

Что же касается генерального штаба, то он через своих представителей в «*боевых органах*», ведающих подготовкой к войне на различных фронтах, должен быть в курсе их работ, обязан вносить те или иные предложения в смысле наибольшего удовлетворения оперативных требований, но не диктаторствовать в них, памятуя, что окончательное утверждение *плана войны* — дело правительства, что перенапряжение экономической силы государства чревато угрозами проигрыша войны, как бы блестящи ни были победы на полях сражений.

Когда-то Бисмарк говаривал, что «политика — не поле сражения». Мы позволяем себе это изречение отнести ко всей войне в целом, ибо ныне война не концентрируется на одном только театре военных действий. Доказательств не приводим, так как это ясно и без них.

Итак, если Конрад не считал себя обязанным входить в обсуждение экономической мощи Австро-Венгрии, ее способности, как государства, к войне, но в то же время находил возможным предъявлять к ней высокие требования в тратах средств на армию, то ныне подобные действия со стороны начальника генерального штаба были бы резко и решительно осуждены.

Касаясь вопросов *экономического плана войны*, кои нами были набросаны выше, мы должны указать, что во всех них современный генеральный штаб будет заинтересован, каждый из них должен быть учтен им в полной мере и каждому из них генеральным штабом должна быть оказана поддержка. Общая же ориентировка в экономическом плане войны даст генеральному штабу, как вывод, представление об экономической мощи государства, которое в свою очередь даст данные правительству для определения характера войны и «выбора образа действий» «вооруженной силы» в общем и целом.

Таковы наши думы о генеральном штабе и экономике государства в подготовке к войне. Они не оригинальны, они могут быть и ошибочны — мы не претендуем на их непреложность, ибо «более могучие головы» их разрешают, чем наши.

Чтобы покончить с промышленной мобилизацией, мы остановим внимание на *ее оперативном прикрытии от ударов противника*. Должны быть приняты меры: 1) к отнесению вглубь территории страны фабрик и заводов, которые будут работать на оборону, не говоря уже о чисто военных заводах; 2) приняты особые меры по прикрытию индустрии и предприятий добывающей промышленности, если таковые находятся вблизи границы нами отмечалось, что Мольтке (младшему) пришлось пойти на изменение

идеи плана Шлиффена, учитывая возможность вторжения французов в промышленные районы Германии); 3) должны быть приняты меры к защите таких центров от воздушных налетов противника, меры химической обороны и меры внутреннего охранения. Все это должно быть продумано генеральным штабом, даны руководящие основания и необходимая постоянная ориентировка в действительном осуществлении принятых мер.

Сильный Рим имел сильные легионы, — так повествует нам начальник австрийского генерального штаба, но как он, так и полководцы германской школы для войны считали прежде всего необходимым *иготовить сильную и боеспособную армию.* В этом до мировой войны нигде двух мнений не было. *Всюду старались армию наилучшим образом вооружить, снабдить и подготовить необходимые для нее запасы.*

«Независимо от плана экономической мобилизации, плана, разрабатываемого в общегосударственном масштабе, военное ведомство должно иметь на случай войны свой план разрешения задач по снабжению вооруженных сил», — справедливо говорит в «Стратегии» А. Свечин.

Упрекнуть генеральный штаб в том, что он не принимал деятельного участия в составлении и проведении военного плана снабжения, безусловно нельзя. Каждый генеральный штаб отдавал себе отчет, что современная армия должна быть хорошо материально обеспечена на случай войны, и по своему вооружению и техническим средствам не только не отставать, но даже, по возможности, превосходить своих вероятных противников.

Перед нами прошла деятельность в этой области начальника австрийского генерального штаба, которая исчерпывающе подтверждает сказанное.

Во всех армиях непосредственные заботы о материальном обеспечении армии как в мирное время, так и во время войны сосредоточивались в *военном министерстве*, а в Австро-Венгрии даже в трех (общеимперском и двух ландверов).

Генеральный штаб, однако, решительно выступал с теми или иными предложениями как в области вооружения, так и вообще снабжения армии. Мы знаем, какие непрерывные бои на этом фронте приходилось выдерживать начальнику австро-венгерского генерального штаба.

Прав ли был генеральный штаб, затевая эти бои?

Прямой обязанностью генерального штаба является подготовка армии к победам на театре военных действий. Думаем, ныне ясно, что, как говорит Энгельс, победа в большинстве случаев останется за производителем лучшего, усовершенствованного оружия. Поэтому генеральный штаб не мог безучастно относиться к вопросам *вооружения армии.*

Стремления Конрада перевооружить пехоту более современным ружьем, его хлопоты о развитии артиллерии, о создании тяжелой артиллерии, могущей сразу дать успех в начале мировой войны армиям срединных государств, — говорят о правильном его подходе к разрешению столь важных вопросов вооружения. Правда, в развитии артиллерии начальник австрийского штаба шел по пути, указанному немцами, но в то же время и перегонял их. Ныне хорошо известно, что 30 с/м. австрийские гаубицы по своим боевым качествам оказались гораздо лучше чем 42 с/м. гаубицы германской армии.

В вопросе *перевооружения* пехоты Конрад правильно изыскивал новый, лучший образец винтовки, но наталкивался на громадную важность этого вопроса в каждой армии вообще, как требующего крупных затрат. Нами приводились те цифры, которые намечал для этой операции начальник австрийского генерального штаба, и они с очевидностью говорят о том, что Австро-Венгрия не могла осилить замыслы шефа генерального штаба. О целесообразности увеличения пулеметов в пехоте и коннице, о чем хлопотал Конрад, много говорить не приходится.

Мы слышали, как в *артиллерийской программе* Конрад натыкался на нежелание военного министерства ориентировать его в ходе ее выполнения, возможностях усиления программы, на косность взглядов бюрократов в артиллерийском мундире, на канцелярскую волокиту. Все это было свойственно не одной Австрии. То же было и в остальных странах. Начальнику генерального штаба Австрии приходилось беседовать непосредственно с самим директором завода Скода, всюду хлопотать, подталкивать вперед выполнение намеченной артиллерийской программы.

Заслужив кличку «фантазера», Конрад усиленно добивался *развития воздушного флота* Австро-Венгрии. Правда, отсутствие промышленной базы в стране делали его планы «прожектерскими», но в желании дать армии новое боевое техническое средство и в правильном учете его значения в будущем генеральному штабу монархии отказать нельзя.

Чтобы характеризовать препоны развитию в армии техники, достаточно вспомнить, как приходилось доказывать преимущества *автомобиля* самому Франц-Иосифу, приручая его к этому новому средству передвижения и тяги. Мы слышали, как Конраду все же удалось обеспечить армию как военными машинами, так и создать добровольный автомобильный корпус.

Не можем не отметить, что генеральный штаб в мирное время усиленно заботился о *бесперебойном питании армии, в случае войны, патронами и снарядами*. Мы не будем здесь снова повторять того, что было нами сказано об этом выше. Должны только отметить, что все генеральные штабы ошиблись в расчетах необходимых норм боевых запасов, но австро-венгерский генеральный штаб был ближе к действительности, чем другие.

Снарядный и патронный голод являет собою яркий пример того, как необходимо правильное определение характера будущей войны и, в зависимости от него, установление нормы нужных боевых запасов и порядка их пополнения. Мировая война с очевидностью показала, что удовлетворить потребности армии в патронах и снарядах одной военной промышленностью невозможно, необходима мобилизация гражданской промышленности. Что касается мобилизационных запасов, то они должны быть расчитаны в таком размере, чтобы обеспечить армию до того времени, когда мобилизованная гражданская и военная промышленность заработает полным ходом, давая армии регулярный приток боевых запасов.

Мы не вправе дальше останавливаться на этом вопросе.

Наш вывод прост: в деле материального обеспечения армии генеральный штаб должен проявлять инициативу, входить в установление общих основ этого обеспечения и вообще быть всегда в курсе военного снабжения, являясь попрежнему в этом «мозгом армии». Слов нет, что нельзя здесь строить «карточные домики», нельзя задаваться неосуществимыми идеями, — все они должны быть подчинены закону развития экономической силы страны, строго сообразны действительности и быть «реальными». Думается, что не нужно доказывать всю полезность создания «реальных» родов войск, «реальных» запасов и проведения в военном деле реформ, имеющих под собой материальную базу.

Бывший русский генеральный штаб особенно в этом грешил, да и не он один. Мы слышали проекты австрийского генерального штаба, — хорошие проекты, но неосуществимые по причинам экономической отсталости страны, а, между тем, Конрад считал возможным и необходимым пред'являть требования к денежным жертвам со стороны населения, исходя из довольно ложного положения: во всех государствах население несет деньги на алтарь бога войны, а поэтому Австрия отставать не может.

А. Свечин в «Стратегии» справедливо говорит: «Важность плана снабжения заставляет требовать составления его при участии руководящих составлением плана операций лиц; с его особенностями — возможностями

и необходимостями — должно быть хорошо ознакомлено высшее командование и его ответственные сотрудники. В составлении плана снабжения они должны играть не пассивную, а весьма активную роль».

Жизнь каждого государства должна протекать по известному плану и каждая из отраслей этой жизни также требует плановости, в особенности та из них, которая связана с хозяйственной стороной.

«Отображение в цифрах» жизнь государства находит в его *бюджете*, в котором представлена в таком же «виде» жизнь отдельных ведомств государственной машины управления, их *планы*.

Одним из таких планов является *военный*, имеющий «выражающийся» в *военном бюджете* государства.

Военный бюджет до мировой войны понимался, как план строительства государством военной системы, как известная подготовка к войне — как «финансовое выражение» плана войны государства, и те или иные его размеры в отношении к общему бюджету знаменовали собой степень интенсивности подготовки к войне государства.

Ныне в *один военный бюджет* мы не можем включить все представление о *плане войны* государства, так как план войны должен охватывать подготовку к ней всего государства в целом, и нам мыслится, что каждое из ведомств государственного аппарата в своем бюджете должно иметь известные параграфы и статьи, предназначенные для подготовки к войне.

В наши дни *военный бюджет* есть «выражает» лишь подготовку вооруженных сил к войне, и с этой точки зрения считаем необходимым ныне подходить к военному бюджету.

«Военный план» или «военный бюджет», являясь показателем *военного напряжения* страны, покоится на так называемой *бюджетной численности армии*, т.-е. той армии, которую государство содержит в мирное время. Известное соотношение между численностью вооруженных сил и стоимостью их содержания составляет определенную закономерность, и обычно по стоимости одного солдата определяют тяжесть налога крови. Конечно, здесь нельзя понимать именно только те расходы, кои падают непосредственно на содержание одного солдата, в смысле его пропитания и обмундирования. В *бюджетную* стоимость солдата, если так можно выразиться, включаются расходы на выполнение всей программы по подготовке армии к войне: содержание армии, накопление мобилизационных запасов и т. д.

Поскольку в мирное время вооруженные силы государства готовятся к войне, постольку военный бюджет должен содержать в себе часть расходов по самой войне, входить составной данной в «*стоимость войны*».

«Достоинство военного хозяйства заключается не в том, чтобы содержать войска, но в том, чтобы сообщить государству способность иметь в тяжелый момент все средства (материальные и финансовые) для войны», — говорил Штейн.

А. Свечин справедливо отмечает, что «военный бюджет должен являться не только средством подготовить могущественную армию, но и понизить издержки будущей войны».

Зависимость между военным бюджетом и стоимостью войны — большая. Чем богаче военный бюджет, тем дешевле будет стоить и война. Большой военный бюджет дает возможность накопить мобилизационные запасы, и А. Свечин предлагает даже «характеризовать» его «процентом, обращенным на заготовку мобилизационных запасов и на капитальное оборудование». Действительно, по тому проценту бюджета, который предназначается и реализуется на накоплении мобилизационных запасов и на подготовку театра войны, можно судить в какой мере и с какой напряженностью государство готовит свои вооруженные силы к войне. Бюджет, который идет только для того, чтобы содержать войска в мирное

время — непроизводительная трата государственных денег и народного достояния.

Таким образом, мы выставили требование крупного военного бюджета, в особенности если учесть, что современные войны, по широкому применению в них техники, стоят несравненно дороже. Нам смело могут сказать, что с такими же требованиями увеличения военного бюджета выступали до мировой войны все генеральные штабы, и государства задыхались под тяжестью тех налогов крови, которые взваливались на них взаимной конкуренцией генеральных штабов.

Мы вполне учитываем это и становимся на сторону тех министров и политиков Австро-Венгрии, которые указывали Конраду, что *военный бюджет*, помимо его удовлетворения военным данным, нужно всегда *сочетать с условиями экономической жизни страны и ее развитием*. Если войну проигрывают из-за перенапряжения экономической мощи страны, то такой проигрыш может начаться уже до начала войны с высокого военного бюджета, тяжесть которого не соответствует платежеспособности населения, и военный бюджет не идет нога в ногу с хозяйственным развитием государства.

Выше приведены доказательства сказанному, и мы цифрами показывали, что Австро-Венгрия была близка к пределу своей финансовой упругости, а поэтому взваливать на ее плечи те «большие программы», которые предлагал начальник генерального штаба, было нельзя. Об'яснения таким планам Конрада мы давали не раз и здесь только напомним их: начальник генерального штаба не знал, не желал знать и не считал себя обязанным входить в оценку экономического положения государства; мотивы его требований сводились, с одной стороны, к военной необходимости, а с другой, к примеру других государств, население которых несло тяжесть увеличивающихся военных бюджетов. Правы были политики Дунайской монархии, прав был старый Габсбург, которые в таких случаях указывали Конраду, что необходимо учитывать финансовую мощь монархии, что у других государств она более крепка, чем на берегах Дуная. *Режим соответствия военного бюджета хозяйственному развитию государства решительно необходим, и это должно быть хорошо усвоено современным генеральным штабом.* Нам приходилось слышать остроумное сравнение «оператора», т.-е. генерального штаба, с «ростовщиком» — человеком, который, блюдя свои выгоды, пред'являет тяжелые требования. Думается, что «разумный» ростовщик прежде, чем давать деньги взаймы, всегда наведет справки о кредитоспособности того, кому они даются и с кого впоследствии потребуются, а затем и самый % должен быть соразмерен с платежеспособностью получившего заем. В противном случае должник может оказаться несостоятельным, об'явить себя банкротом. Мы бы не рекомендовали современному генеральному штабу быть «ростовщиком-рвачем», пред'являющим своему государству требования сверх его экономической возможности. Если стратегия по Клаузевицу есть «банкирский дом», то в наши дни, чтобы быть хорошим банкиром, прежде всего нужно хорошо познать *экономику*.

Мы не приводим здесь каких-либо процентных отношений военного бюджета к общему, так как считаем их не совсем показательными. Высокий процент этого соотношения у сильного экономически государства не знаменует еще перенапряжение государства; чтобы судить об этом, необходимо всегда учитывать платежеспособность населения.

Выше было упомянуто о *бюджетной численности армии*. К ней мы должны добавить и *бюджетную численность флота* (морского), а также и *воздушного*, если он выделен из армии.

Как известно, до мировой войны бюджетная численность армии определялась в 1% от населения государства. Считалось, что государство

в состоянии содержать в мирное время по своей экономической мощи такой численности вооруженные силы. После мировой войны этот процент понижен, что, конечно, об'ясняется ничем иным как экономической разрухой государств. «Армия и военный флот... стоят «чертовских денег», как все мы знаем, к нашему несчастью» — справедливо говаривал Энгельс. Никакие пацифистские идеи буржуазных государств не являются силой, уменьшающей численность их вооруженных сил, а исключительно «чертовские деньги». Кроме экономического потрясения государств, даже победителей, после мировой войны на бюджетной численности вооруженных сил сказалось и удорожание содержания современной армии, вследствие широкого применения в ней техники. Поэтому ныне мы наблюдаем повсеместное сокращение бюджетной численности вооруженных сил, подкрепляемое всевозможными разговорами, проектами и конференциями о разоружениях.

Одним словом, в *военных бюджетах* наблюдается стремление к проведению *режима экономии*, что, по справедливости, нужно признать правильным. Здоровый режим экономии заключается в принятии правильной организации вооруженных сил и соответствующего их задачам соотношения основных элементов внутри их. Мы не можем здесь подробно останавливаться на этом вопросе, но должны отметить, что в современных вооруженных силах каждый человек должен быть взвешен с точки зрения его необходимости в мирное время, как кадра для армии военного времени. Не следует допускать лишних ртов ни в военное, ни тем более в мирное время. В этом отношении нами были показаны те меры, кои приходилось начальнику австро-венгерского генерального штаба принимать, чтобы изыскивать людей для новых формирований, и приведены его соображения об увеличении бюджетной численности армии. Равным образом оглашены возражения венгерского премьера Тиссы о нецелесообразности увеличения штатного состава роты *на 5 человек* в мирное время. Все это говорит о том, что современная организация армии должна быть очень и очень хорошо продумана, подсчитана, ибо она «стоит «чертовских денег», как все мы знаем, к нашему несчастью».

Одновременно встает вопрос о *соотношении между армией и флотом*, что проходило красной нитью в спорах о военном бюджете Австро-Венгрии, что было и в Германии, и в России, и в иных государствах перед мировой войной, что не потеряло значения и ныне.

Нельзя не отдать должного в правоте рассуждений начальнику австро-венгерского генерального штаба, указывавшему на чрезмерную трату денег на морской флот в то время, когда участь государства в войне должна решиться на суше. Мы не повторяем здесь всех доводов Конрада, ибо подробно их приводили выше. В современных условиях, с появлением еще и *воздушного* флота, нужно очень осторожно, взвесив все задачи, кои придется решать оружием, подойти к правильному соотношению основных элементов вооруженных сил, необходимо верно для будущего уловить соотношение между «патентатами», коих в петровские времена было два, а ныне мы учитываем пока что уже три. Если сравнивать стоимость этих «патентатов», то «к нашему несчастью» морской особо стоит «чертовских денег», а поэтому развитие его должно строго отвечать необходимости выполнения тех задач, кои могут выпасть на его долю. Роскоши допускать нельзя...

«Война не является внезапно, — говорит Клаузевиц, — подготовка ее не может быть делом мгновения». Война стоит денег, подготовка к ней не может быть осуществлена без сильного напряжения экономической силы государства в короткий срок. В этих видах все военные планы, те или иные программы расчитываются в своем выполнении на *годы*, и в военный

бюджет вносится лишь часть общего плана военного строительства. На сколько лет может быть последний растянут — это скажет только одно правительство, в полном об'еме учитывающее вероятность возникновения войны через тот или иной промежуток времени.

На этом кончаем с общими основами военного бюджета и переходим к порядку его *разработки и утверждения*.

Выше было указано, что утверждение бюджета и рассмотрение его составляло прерогативы представительных учреждений государства и верховной власти. Конечно, так было не в одной Австро-Венгрии.

Ныне двух мнений об этом быть не может, в особенности при провозглашенном всюду принципе, что войну ведет государство в целом.

«*Численность вооруженных сил*, которые необходимо держать в мирное время или мобилизовать для войны, *определяется политикой*, за *которую несет ответственность* имперское *правительство* или правительство соответствующей самоуправляющейся колонии». Так ныне об этом четко говорит английский полевой устав. Справедливость этого положения доказывать не требуется, ибо это понятно без нас всякому «аксиоматику».

Нами было указано, что военный бюджет есть «финансовое выражение военного плана». Придавать военному плану «финансовое выражение» составляло во всех армиях обязанность военного министерства, а в Австро-Венгрии даже трех военных министерств. На них же падала защита военных бюджетов перед представительными учреждениями, как органов, ответственных за это по конституции.

Однако, во всех армиях в составлении военного бюджета генеральный штаб претендовал на первенствующую роль, вступая в горячие бои на этом фронте с военным министерством. Мы видели эти схватки в австро-венгерской армии, слышали горячие речи Конрада в защиту «своих» больших и иных программ, его просьбы об отставке и иные решительные шаги. Перед нами прошли просьбы Конрада о допуске его к защите бюджета, в из'ятие из конституционных правил, если не с решающим голосом, то, по крайней мере, на правах эксперта, наравне с начальником морского отдела. Вспомним, что начальник генерального штаба, добившись приказания Франц-Иосифа совету министров выслушать программу Конрада, выступил с ней на этом совете. Одним словом, генеральный штаб доказывал необходимость своего самого близкого участия в составлении, обсуждении и защите военного бюджета. Как мы знаем, в Германии военный бюджет также составлялся и проводился военным министром, и начальник генерального штаба не всегда успевал в проведении своих предложений по военному строительству. Всем известна судьба доклада Людендорфа 1912 года о создании трех новых корпусов. Военный министр, как сообщает нам канцлер Бетманн, нашел возможным отказаться от предлагаемой начальником генерального штаба меры, и указанных трех корпусов потом не хватило под Марной.

В каждой армии можно было наблюдать бои за военный бюджет не только в правительственных органах, но прежде всего внутри военного ведомства. Всюду генеральный штаб выступал со «своей» программой военного строительства, даже придавая ей цифровое выражение — как мы это видели на примере австро-венгерского генерального штаба.

Отрицать какое-либо участие генерального штаба в составлении военного бюджета, конечно, нельзя и даже немыслимо. «Мозг армии» и должен оставаться таковым. Все основные предложения по военному плану не только могут, но и должны делаться генеральным штабом. Но не его обязанность подводить детальную экономическую базу под военный план, давать финансовую оболочку ему — это входит в круг ведения хозяй-

ственных органов военного ведомства, иными словами, прежнего военного министерства. Нам, конечно, могут сказать сейчас же, что такая работа генерального штаба сведется к прежнему «фантазированию», к постройке «карточных домиков», к игре «в разбойники или солдатики». Так оно было и будет, если генеральный штаб в своих основных предположениях не будет учитывать экономической мощи государства, не будет задаваться «реальными» программами, не будет себя считать обязанным входить в обсуждение хозяйственной жизни страны. Но мы и раньше предупреждали против таких уклонов, а ныне лишь снова укажем, что такой работы современного генерального штаба не признаем.

Считаем его обязанностью дать импульс военному бюджету, который в деталях будет проработан в хозяйственных органах, при чем в процессе этой проработки будут внесены, по согласовании с генеральным штабом, те или иные поправки, и в окончательном виде военный план поступает на обсуждение в правительственные органы от того органа или лица военного ведомства, которое ответственно передправительством по конституции.

Мы не видим необходимости участия начальника генерального штаба в защите военного бюджета в правительственных органах, как этого требовал для себя Конрад, ибо, при нормальном течении дел в недрах самого военного ведомства, лицо, защищающее военный бюджет, также должно его отстаивать, как и сам начальник генерального штаба. Конечно, если в самой машине военного управления будут скрипеть колеса, если между генеральным штабом и хозяйственным органом управления будут итти непрерывные бои, тогда генеральному штабу, может быть, и придется выступить на защиту своих отдельных положений, но, как принцип, выдвигать свою военную роспись расходов, свою «большую» или иную программу не следует.

Никогда не нужно забывать, что «военное искусство политике не указ», а военный бюджет есть дело не только чисто военное, но и политическое, и прежде всего экономическое. Мы слышали как министры Австро-Венгрии благодарили начальника генерального штаба за «его» программы, оставив за собой право их принятия и дав ему понять, что это прежде всего дело правительства, а не генерального штаба. «Мозг армии» не должен вылезать из своей черепной коробки.

На этом мы кончаем наше краткое повествование о влиянии экономической силы на войну. Не знаем, удалось ли нам ясно показать всю глубину этого влияния, но ее гораздо ранее нас уловил Энгельс.

«В какой степени ведение войны зависит... от производительных сил и средств сообщения собственного глубокого тыла, как театра военных действий, — поучает Энгельс, — на этот счет может просветить в наши дни .. всякий честолюбивый унтер-офицер».

«Одним словом, – продолжает он,—везде и всегда экономические условия и ресурсы помогали «силе» одержать победу, без которой она перестает быть силой, и кто хотел бы реформировать военное дело, руководствуясь противоположной точкой зрения... тот не мог бы получить ничего, кроме тумаков»..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Война расплывается во все стороны, не находя себе определенных рубежей», — учил Клаузевиц.

Если такое положение являлось неопровержимым для его эпохи, то тем более оно справедливо для наших дней. Доказательства этому мы не раз приводили на страницах нашего труда.

Тот, кто хотел бы начать писать о современной войне, подкрепляя свои суждения поисками в историю, тот едва ли может это изложить коротко.

Говорят, что краткость есть выражение ума. Сам философ войны, старик Клаузевиц, стремился, чтобы «дойти до сносного целого, в виде небольшого томика в восьмерку». «В нем, — продолжал он, — хотел оставить в стороне все обыденное, общеизвестное и принятое, сто раз высказанное».

Начиная повествование о генеральном штабе, о «мозге армии», который должен охватывать войну в целом, нам искренно также хотелось преподнести его читателю «в виде небольшого томика в восьмерку». Но мы заранее убедились в тщетности наших намерений. Не скроем, что и мы мечтали «оставить в стороне все обыденное, общеизвестное и принятое, сто раз высказанное»,—старались это делать, но, конечно, не преуспели. Желание показать читателю жизнь так, как она протекала в генеральном штабе, заставило свернуть нас с пути, начертанному сто лет назад более могучей головой, чем наша.

Сознаемся, что перед читающим наш труд проходит «все обыденное, общеизвестное и принятое, сто раз высказанное». Может быть, это нам будет поставлено в упрек, а может быть . . кто-нибудь и прочтет с интересом. В сущности, в жизни постоянно встречаем «все обыденное» и «общеизвестное», но это не мешает человечеству снова искать истину, когда она давно найдена. В этих видах считаем, что и наш труд окажется небесполезным военному, поставившему себе целью не только «блистать во главе кавалерийского полка», но итти и к более высшим должностям. Метод повторения — не плохой метод. . .

От нас ждут, что мы займемся подведением «итогов» сказанному в нашем труде или «размышлением» по поводу написанного.

Но, как известно, «итоги» в современной военной литературе не считаются криком моды, кроме того, мы и не довели наше повествование до конечной его главы.

Что же касается «размышления», то во введении мы сознались в отсутствии у нас склонности к «философическим» словоизлияниям и на всем протяжении нашего труда делились с читателем своими думами о том или ином жизненном факте.

Мы ввели его в здание, именуемое «генеральным штабом» или в обыденной жизни «мозгом армии», познакомили в общих чертах с организацией этого учреждения, побывали в кабинете у начальника штаба, отре-

комендовали некоторых персонажей из сего высокого учреждения и затем просмотрели лишь часть работы генерального штаба. Впереди еще предстоит познакомиться с бо́льшей частью функциональной деятельности «мозга армии»...

Нами приводилось суждение наших видных военных писателей, кои с недоверием смотрят на «гросс бухи». Может быть и перелиставший наш труд придет к таким же выводам, — тогда не будем занимать его внимание и постараемся не встретиться с ним на литературном пути.

Но с тем, кто решит пожертвовать временем и раскроет *вторую* книгу нашего труда, мы охотно готовы снова побеседовать..

«Я ставил свое честолюбие в том, — пишет Клаузевиц, — чтобы написать такую книгу, которую бы не забыли через два-три года, которую интересующийся делом мог бы взять в руки не один лишний раз».

Мы далеки от такого «честолюбия» и не расчитываем, что *нашу книгу* вспомнят даже через год. Мы были бы удовлетворены, если «интересующийся делом» прочитал бы ее один только раз, полагая, что и тогда она принесла бы ему кое-какую пользу.

В этом убеждении мы пока опускаем перо...

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ГР[illegible]ССУРЫ
Инв. №